

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук

История и поэзия

Переписка

И.М. Тревса и Вяч. Иванова

Издание текстов,
исследование и комментарии
Г.М. Бонгард-Левина,
Н.В. Котрелева,
Е.В. Ляпустиной

Москва
РОССПЭН
2006

ББК 63.3; 84(2 Рос-Рус)1, 6
И 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проекты № 03-06-87077 и 00-06-80295

Редактор В.П. Палыковская

И 90 История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комментарии Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 448 с., илл.

В настоящем издании публикуется полный свод обнаруженных в архивах писем, адресованных друг другу двумя выдающимися деятелями русской культуры — поэтом и мыслителем Вяч. Ивановым (1866—1949) и историком-медиевистом И.М. Гревсом (1860—1941). Переписка, длившаяся более тридцати лет, отличается исключительным разнообразием тем и сюжетов — от работы над диссертациями по истории древнего Рима до обсуждения общекультурных, политических и житейских проблем. Публикуемые материалы содержат ценные свидетельства о развитии антиковедения в России и Европе, особенностях профессиональной среды историков и филологов конца XIX — начала XX в.

Новые материалы, в том числе переписка И.М. Гревса с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и Д.М. Ивановой, воссоздают неизвестные страницы биографии Вяч. Иванова и И.М. Гревса.

В Приложении публикуются путевые очерки Вяч. Иванова начала 1890-х гг. об Италии. Все тексты снабжены развернутыми комментариями; книга завершается статьёй, посвященной интерпретации этого значительного эпистолярного памятника.

Книга рассчитана на специалистов историков и филологов и тех, кто интересуется русской культурой и европейской античностью.

© Г.М. Бонгард-Левин, Н.В. Котрелев, Е.В. Ляпустина
издание текстов, исследование и комментарии, 2006
© «Российская политическая энциклопедия», 2006

ISBN 5 - 8243 - 0650 - 8

Предисловие

Заглавие предлагаемой книги легко истолковать: перед нами переписка историка и поэта. Однако не все так просто. Дело не столько в том, что поэзия и история в гуманистической традиции, выученниками и наследниками которой создавали себя профессор-медиевист И.М. Гревс (1860–1941) и поэт и философ Вячеслав Иванов (1866–1949), не противопоставлены одна другой; более того, по сути они в глубине питаются общим корнем. Важнее — что поэзия, пусть малоприметно, оставаясь на втором плане, постоянно присутствует в переписке двух историков. Именно *историков*, так как Вячеслав Иванов в этом эпистолярном документе впервые предстает перед современным читателем именно в такой роли. Исследовательская литература, посвященная Иванову — поэту, прозаику, критику, философу культуры весьма обширна¹, интерес же к Вячеславу Иванову — историку, по существу, только зарождается². А между тем едва ли не каждый второй из современников, писавших об Иванове, вспоминал о его ученичестве у корифея немецкой науки о классической древности Теодора Моммзена и даже отмечал внешнее сходство с учителем³. И первые упоминания имени Иванова в печати имели в виду начинающего историка, а не поэта. По публикуемым письмам можно судить о серьезности исторической выучки, полученной Ивановым; можно видеть, как усвоенная в школе немецкого антиковедения метода применяется им к конкретному материалу при обсуждении работ Гревса о римском землевладении и в его собственной работе над диссертацией; наконец, из этих писем и в связи с ними проявится влияние Иванова на научное становление таких крупных историков, как сам Гревс, М.Н. Крашенинников, М.И. Ростов-

¹См. библиографию, включающую в себя около тысячи позиций за 1903–1993 гг.: Davidson P. Vincheslav Ivanov: A Reference Guide. New York, 1996 (ср. рец.: *Komarov H.B.* // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1998. № 5. С. 73–76); за последнее десятилетие появились в печати сотни новых публикаций, посвященных Иванову. Здесь мы ограничимся указанием только на коллективные сборники, полностью составленные из ивановедческих исследований.

Прежде всего нужно упомянуть труды ивановских конференций, регулярно проходящих начиная с 1981 г.: Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / Ed. by R.L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986; материалы второго, римского симпозиума 1983 г. отдельной книгой изданы не были; Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a V. Ivanov. Vol. 1–2. Firenze, 1988; Vjaceslav Ivanov: Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjaceslav Ivanov-Symposiums, Heidelberg, 4–10. September 1989 / Hrg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993; Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjaceslav Ivanov et son temps. [Cahiers du monde russe. XXXV. 1–2]. Paris, 1994; Шестой международный симпозиум, посвященный творчеству Вячеслава Иванова и культуре его времени. Буцапешт, 12–16 июня 1995 г. / Под ред. Л. Силард // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. T. 41. Budapest, 1996. P. 1–376; Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена, 1998 / Под ред. Сергея Аверинцева, Роземари Циглер. Frankfurt am Main; Berlin, 2002; VIII Международная конференция: Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией, Vol. 1–II. [Europa Orientalis. XXI. 1–2]. Salerno; Roma, 2002.

Укажем еще пять сборников, посвященных ивановскому наследию: Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. [НЛО. № 10. 1994. Историко-литературная серия. Вып. 1]. М., 1994; Вячеслав Иванов: Материалы и исследования / Ред. В.А. Келдыш, И.В. Корешкая. М., 1996; Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. Отв. ред. Л.А. Гоголишвили, А.Т. Казари. М., 1999; Вячеслав Иванов: Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи; отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М., 2002; Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; Москва, 2003. Кроме того, опубликованы содержательные труды однодневной ивановской конференции, прошедшей в Йельском университете в 1997 г., — см.: Russian Literature. XLIV–III. North-Holland, 1998. P. 277–388 [Special Issue: Vjaceslav Ivanov].

²См.: Wachtel M. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjaceslav Ivanov et son temps [Cahiers du monde russe. XXXV. 1–2]. Paris, 1994. P. 353–376; *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // ВДИ. 2001. № 3. С. 150–184; *Аверинцев С.С.* «Скворешини вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 33–37.

³См.: Wachtel M. Вячеслав Иванов — студент... P. 354; *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 182–184; ср.: *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. 1888–1889. С. 47.

цев. Если мы вспомним, что прямыми учениками Иванова по Бакинскому университету, преданными памяти учителя, были К.М. Колобова, М.С. Альтман, Е.А. Миллиор, то станет очевидным: поэт Вячеслав Иванов оставил заметный след в развитии русской исторической науки.

Публикуемая переписка позволяет проследить, как Иванов изыскал в своем становлении сначала призвание историка римских правовых институтов, затем историка греческой религии (пусть последней темы письма касаются только вскользь). К сожалению, становление Иванова-поэта в письмах едва затрагивается — упоминается о печатании в Петербурге первой поэтической книги Иванова «Кормилце звезды», в нескольких случаях материал того или иного письма позволяет в комментарии прояснить историю какого-либо стихотворения. Но отсутствие прямого разговора о поэзии — важная характеристика всего публикуемого комплекса: это переписка, повторим, друзей-историков, в которой господствуют интересы и злоба дня академического цеха, а не литературного. Тем не менее письма показывают, как «новая» поэзия завоевывает столь далекое, казалось бы, от нее наследника русской либеральной традиции, каким был молодой Гревс (см. его признания в п. 68 и 74; здесь и далее — нумерация писем по нашей публикации). (Собственно, из этой традиции, чуждой программного индивидуализма и мистицизма, вырос и сам Иванов.) Поэзия, в известном смысле, лежит и в основе исторических штудий Гревса: историю римского земледелия он исследует по произведениям Горация, его семинары по западноевропейскому средневековью основаны на изучении Данте. Несомненно, что работы Гревса о Тургеневе в истоке своем имеют все то же признание максимальной синтетичности художественного видения, на котором строилось и Гревсово странное и градоведение.

По своему содержанию публикуемые письма весьма разнообразны: от кратких сообщений до подробнейших изложений взглядов корреспондентов, включая конкретные отсылы академического филологического и исторического характера. В целом, можно говорить о том, что две яркие фигуры интеллектуального мира России предстают во многом в новом свете. «Нестройной и прерывчатой» назвал Гревс свою переписку с Ивановым (см. п. 68). Но все же несколько тем оказываются центральными: это прежде всего Италия, памятники ее древней культуры; учеба и подготовка диссертаций в Берлине, Риме, Париже; встреча Иванова с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и последовавшая за тем «дионисийская гроза», предопределившая окончательную победу поэта над ученым-историком; перипетии университетской жизни Гревса и т.д.

Как и всякая переписка, сколь угодно пространный и подробный, переписка Иванова с Гревсом не отражает в полном объеме содержание их взаимоотношений, но своим фактическим богатством она выявляет взаимосвязь этих двух видных деятелей русской культуры как весьма важный объект изучения для историка.

При этом необходимо учитывать, что имеющиеся в нашем распоряжении сведения о каждом из них крайне непропорциональны с точки зрения возможностей исторической контекстуализации образов корреспондентов. Фигура и наследие Иванова уже многократно и многоаспектно рассматривались в литературе, Гревс же, по сути дела, остается пока фигурой мало раскрытой. При том, что и биография Иванова прорисована пока не удовлетворительно¹, история жизни Гревса изучена еще более фрагментарно². Окружение Иванова-поэта

¹ Важнейшим источником остаются автобиографические материалы Вяч. Иванова, прежде всего «Автобиографическое письмо» к С.А. Венгерову (Автобиографическое письмо. С. 7–22). См. также: *Иванов Вяч. Curriculum vitae*. С. 189–191.

² См.: *Скрябинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 223–248; *Анциферов Н.П.* Иван Михайлович Гревс / Публ. Б.С. Кагановича // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. М., 1987. С. 59–69 (также в кн.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. С. 165–178); *Каганович Б.С.* И.М. Гревс историк средневековой городской культуры // *Городская культура: Средневековье и начало Нового времени*. Л., 1986. С. 216–235; *Он же.* Вокруг «Очерков»... С. 198–216.

просматривается хотя бы потому, что его жизнь, частная и публичная, была теснейшим образом связана с фигурами, которые привлекают внимание исследователей и сами по себе (Андрей Белый, Н.А. Бердяев, Александр Блок, Максимилиан Волошин, М.О. Гершензон, Алексей Ремизов и т.д.). Жизненная среда Гревса — историка почти не известна: единственный близкий ему человек, чья жизнь и научное и общественно-политическое творчество тщательно изучаются, В.И. Вернадский, но при публикации источников и в исследовательских работах оставалась практически без внимания полувековая дружба Вернадского с Гревсом (а ведь они пережили всех братьев-«приютинцев»¹ и ясно сознавали себя ответственными за наследие всех остальных Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбургов, А.А. Корнилова, Д.И. Шаховского). Иванов-корреспондент, каким он предстает в эпистолярном общении с Гревсом, может быть сравнен с Ивановым в переписке с В.Я. Брюсовым², с Е.К. Герцык³, с О.А. Шор⁴, с Ал. Н. Чеботаревской⁵ (мы отсылаем к комплексам, насчитывающим многие десятки и сотни писем, подчеркивая, что по сию пору неизданными остаются наиважнейшие эпистолярные корпуса: переписки Иванова с Д.М. Ивановой, с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, с М.М. Замятниной). Со всем этим богатством может быть сопоставлена публикация одной лишь крупной переписки Гревса с Л.П. Карсавиным⁶. Понятно, что это связано с общим неблагополучием в издании первоисточников по русской культурной истории рубежа XIX–XX вв. и первой трети XX в.: следует думать, однако, что в сложившейся ситуации повинна и наша историческая методология с той привилегией,

В архивном фонде Гревса хранится немало материалов биографического характера (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1), а также его воспоминания — незавершенные и лишь отчасти опубликованные (о них см. примеч. 6 к п. 81). В дальнейшем биографические данные И.М. Гревса, если не оговорено иное, приводятся по очерку Е.Ч. Скрижинской, основному как на записях И.М. Гревса, хранящихся в архиве, так и на рассказах, слышанных ею от самого учителя.

Отдельно укажем специальную монографию, вышедшую уже после завершения основной работы над настоящим томом: Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. В ней приводится основной массив автобиографических материалов Гревса, хотя принципы публикации заметно отличаются от принятых нами. Еще позже появилась книга: Вахромеева О.Б. Духовное единение: К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб., 2005 (впрочем, в этой книге Вяч. Иванова не упоминается вовсе).

¹О «приютинском» братстве см. примеч. 5 к п. 12. Ср. также: *Светицков А.В.* Иван Михайлович Гревс. С. 340.

²Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // ЛН. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 428–545. К сожалению, эта публикации неполна.

³Герцык А.К., Герцык Е.К. Письма // Сестры Герцык / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб., М., 2002. С. 569–612. — Письма Иванову к Е.К. Герцык не сохранились, но дошедшие до нас письма Герцык представляют собою важнейший эпистолярный источник к биографии обоих корреспондентов.

⁴Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / Предисл. А.А. Кондюриной; публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д.Риши и А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: новые материалы / Сост. Даниэла Риши и Андрей Шишкин. Салерно, 2001. С. 151–455. — К глубокому сожалению, полностью опубликованы только письма Иванова, из писем О.А. Шор напечатано, по-видимому, не более десятой части их объема.

⁵Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238–295. — К сожалению, как и в предыдущем случае, полностью опубликованы только письма Иванова.

Деление пишущих письма на «важных» и «второстепенных» и ориентация на «широкого» читателя лишает подобного рода публикации прежде всего исторической достоверности и определенности, превращая, между прочим, многоголосую историю в словозвержение одиночек.

⁶Российская историческая мысль: Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина: письма И.М. Гревсу (1906–1916) / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая; сост. А.К. Клементов, С.А. Клементова, М., 1994.

которой она наделяет биографию художника и политика (традиционных героев исторического повествования), но не ученого-естественника или, скажем, историка, как в нашем случае. Означенная диспропорция ограничивает наши аналитические возможности, делая неизбежным видимый крен в сторону ивановской проблематики. Однако само богатство содержания переписки Гревса и Иванова дает основания рассчитывать на то, что вводимое в научный оборот эпистолярное наследие займет достойное место в ряду памятников русской культуры конца XIX — начала XX в. в единстве ее научных, художественных и иных проявлений.

В настоящем томе публикуются все известные нам документы переписки Иванова и Гревса, а также Гревса с Дарьей Михайловной Ивановой, первой женой поэта, и (за несколькими исключениями, оговоренными ниже) с Лилией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, ставшей его второй женой¹.

Нам удалось выявить 31 письмо Гревса к Иванову (часть из них одновременно обращена к Д.М. Ивановой или к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал) и 40 писем Иванова к Гревсу (иногда это совместные послания Иванова и Д.М. Ивановой или Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал). Необходимой частью публикуемого документального корпуса являются письма Д.М. Ивановой к Гревсу, как относящиеся к 1892–1895 гг. (5 писем), так и 4 письма 1932 г., неразрывно привязанные к событиям первой половины 1890-х гг., по письмам Д.М. Ивановой к Гревсу видно, что некогда существовали его письма, адресованные лично ей — к сожалению, ни одного из них обнаружить не удалось. Неотъемлемой частью публикуемого нами эпистолярного памятника представят и переписка Гревса с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал за 1894–1903 гг. (3 письма Л.Д. Зиновьевой и 6 ответных); напротив, их корреспонденция за предшествующие годы, выявленная или неизвестная нам, остается за пределами нашей публикации, поскольку может рассматриваться как свидетельство только их общения, пусть и предопределившего встречу Л.Д. Зиновьевой-Аннибал с Вячеславом Ивановым.

Выявленные нами письма находятся в нескольких архивных собраниях.

Большая часть писем Иванова к Гревсу в Петербурге, в соответствующей единице хранения фонда И.М. Гревса: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Однако оказалось, что в этой единице хранятся не все интересующие нас документы. Письмо 6, написанное на письме М.Н. Крашенинникова к Гревсу, хранится среди писем этого корреспондента (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 160. Л. 4 об.). Письмо 9, дефектное (оно утратило свое окончание и, следовательно, подпись автора), хранится среди писем разных лиц к Гревсу (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 355. Л. 133–134).

Нам известны черновики двух ивановских писем к Гревсу (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 25), к сожалению, к таким письмам, которые сохранились и среди полученных адресатом посланий (см. п. 22 и 24).

Письма Д.М. Ивановой к Гревсу оказались в архивохранилище разделенными между тремя единицами хранения: ранние описаны как письма Д.М. Ивановой (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 129), три поздних — как письма Д. Дмитриевской (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 91), а еще одно (п. 87) опознано нами среди писем с неразборчивыми подписями (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 66–67).

¹ В комментариях к публикуемым письмам и в заключительной статье «Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова — памятник русской культуры» (далее — Переписка...) использована переписка Иванова с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. При этом мы сознательно отказались от использования его переписки с Д.М. Ивановой, поскольку даже поверхностное ее цитирование увеличило бы объем настоящей работы минимум в полтора раза.

Письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Гревсу (п. 56 и 65) хранятся в ПФА РАН (Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 130).

Известны неотправленное письмо к Гревсу Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (п. 57а — РГБ. Ф. 109. К. 23. Ед. хр. 5) и черновик письма к нему Д.М. Ивановой (п. 23 — РГБ. Ф. 109. К. 25. Ед. хр. 32).

Большая часть писем Гревса хранится в Отделе рукописей РГБ (к Иванову РГБ. Ф. 109. К. 17 Ед. хр. 10; к Зиновьевой-Аннибал РГБ. Ф. 109. К. 17 Ед. хр. 11).

Текст единственного письма Гревса к Иванову, хранящегося в Римском архиве Иванова (РАИ), получен нами от Д.В. Иванова (п. 84).

Одно письмо Гревса к Иванову (п. 25) написано на свободном полулисте письма В.Г. Васильевского к Гревсу, посланного для ознакомления Иванову, который позже возвратил его адресату; ныне оно хранится среди писем Васильевского к Гревсу (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 41 Л. 3—4). В архиве Гревса сохранился также черновик его письма к Иванову, возможно, незаконченного и не отправленного (п. 59 ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127 Л. 124—125) и п. 80, чистовое, но не посланное адресату или, не исключено, каким-то образом возвратившееся к автору (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1 Ед. хр. 4. Л. 83—84).

При письмах Гревса к Иванову в РГБ сохранились 10 конвертов. При обработке архива они были пронумерованы римскими цифрами, от I до X, но связь каждого из них с соответствующим письмом не была зафиксирована. К счастью, все они могут быть однозначно соотнесены с тем или другим письмом, что позволяет в некоторых случаях уточнить датировки посланий и соответствующие моменты места пребывания адресата.

Судя по публикуемым письмам, значительная часть интересующей нас переписки не сохранилась (хотелось бы сказать остается нам неизвестной, однако трудно надеяться на то, что обнаружится сколько-нибудь крупные массивы из текстов, которые на сегодня оказались не выявленными). В самом деле, из первых девятнадцати публикуемых писем только три принадлежат перу Гревса, прочие ивановские, при том, что корреспонденция и в это время, и на всем своем протяжении представляла собою диалог, лишь в крайних случаях реплика друга оставалась без ответа или кто-то отправлял новое письмо, не дожидаясь реакции на предыдущее. Напротив, если мы рассмотрим последовательность писем от 24 до 57, то увидим, что тут на восемнадцать писем Гревса к Иванову ивановских найдено всего девять (остальные письма Ивановой к Гревсу и Гревса к Зиновьевой-Аннибал).

Причины столь значимых утрат объяснить затруднительно никто не занимался пока историей архивов Гревса и Иванова в интересующем нас аспекте: с точки зрения культуры ведения архива владельцем, истории архива при жизни владельца (т.е. создания фонда личной памяти), оценки сохранности и упорядоченности после отчуждения архива¹. Можно предположить, что Гревс сохранял входящую корреспонденцию выборочно. Так, 13 июня 1895 г он писал жене из Парижа: «Посылаю тебе письмо Васильевского и маминю. Первое сохрани. Правда, оно милое? Бедную маму в глубине души жалю!» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 195). Даже тревожащее его письмо от матери не вызывает просьбы об особом попечении, тогда как послание от профессо-

¹ Архивное наследие Иванова подвергалось обследованию и описанию, однако не под интересующим нас сейчас углом зрения (см., в частности: *Обатини Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского дома // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год* / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб., 1994. С. 29—31, *Иванова Л.Н.* Об архивном наследии Вячеслава Иванова // *Русский литературоведческий журнал*. 2001. № 15. С. 287—292; *Иванов Д.В., Шишкин А.Б.* Об архиве Вячеслава Иванова в Риме // *Вячеслав Иванов — новые материалы* / Сост. Даниэла Риши и Андрей Шишкин. Салерно, 2001. С. 541—545).

ра-учителя должно быть безусловно сохранено¹. Следует думать, однако, что ивановские письма относились к разряду особо важных, в таком случае их плохая сохранность должна объясняться превратностями судьбы архива — утратами при переездах, возможно арестом и предохранительными чистками в советское время.

Только бытовые причины стоят за утратой части писем Гревса к Иванову и Зиновьевой-Аннибал. Письма его к Д.М. Ивановой исчезли вместе со всем ее архивом.

В приложении к публикуемой переписке печатаются наброски путевых очерков Вяч. Иванова <«Pont du Gard»>, «Мессина», «Таормина» и <«Этна»>, автографы которых хранятся, соответственно, в Петербурге (ИРЛИ. Ф. 607 № 221. Л. 2–3, 6) и Москве (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–11; Ед. хр. 8). Публикация этих материалов, вступительная статья и комментарии к ним выполнены Н.В. Котрелевым.

Указатели: имен; упомянутых опубликованных произведений Вяч. Иванова и И.М. Гревса; сочинений античных авторов, — составлены Е.В. Ляпустиной.

Несколько слов о принципах публикации.

Если письмо Д.М. Ивановой или Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Гревсу расположено на одном листе бумаги с письмом Иванова, но имеет отдельное обращение к адресату и подпись, оно публикуется как отдельный документ; в противном случае мы представляем его как приписку к письму Иванова, отговаривая ее авторство.

Фрагменты переписки Гревса с женами Иванова в нашу публикацию включены как самостоятельные документы. Первую из них в заголовках соответствующих документов, как и при упоминании ее имени в сопроводительных текстах, мы именуем — Д.М. Ивановой (хотя после того как Иванов оставил ее и был с нею разведен, Дарья Михайловна вернулась к своей девичьей фамилии). Вторую жену Зиновьеву в девичестве, в 1894 г., в момент встречи с Ивановым, и до развода с мужем, К.С. Шварсаломом, официально носившую фамилию мужа в заголовках писем мы именуем так, как она вошла в историю литературы: Л.Д. Зиновьева-Аннибал².

В редакторской датировке писем, данной курсивом, указывается сначала дата по старому стилю (юлианскому календарю), затем по новому (григорианскому); авторская датировка воспроизводится в том виде, в каком мы находим ее в подлиннике, с восполнением недописанных или сокращенных слов в редакторских скобках.

В тексте писем

воспроизводится непоследовательное от письма к письму и даже в пределах одного письма (что встречается особенно часто у Гревса) употребление за-

¹ Формулируя задачу восстановления истории личного архива Гревса, обратил внимание на то, с каким вниманием относился к нему В.И. Вернадский, четко сознававший конец той эпохи, к которой принадлежал он сам и ушедшие из жизни друзья, «приютинские» братья: «Мне кажется, наша первая обязанность собрать и сохранить для будущего то духовное наследство, которое оставил Иван, — писал Вернадский М.С. Гревс 17 мая 1941 г. Вероятно, никто из нас не сможет сделать из него выводов. Старое наше поколение состоит из немногих лиц и все мы немощны и слабы <...> В каком состоянии Иванов архив? Его нужно сохранить во что бы то ни стало». 18 мая 1941 г. Вернадский продолжал: «Нало так или иначе сохранить все отрывки прошлого, которые хранятся в записях у нас, у тебя...» И позже, уже во время войны снова возвращаясь к этой теме (письмо не датировано): «Сейчас на тебе с Катей <Е.И. Гревс. — Изд.> лежит вопрос о сохранении огромного духовного материального, фиксирующего мысль и сердце его, наследия. Так или иначе я страстно жажу, чтобы это было сделано и чтобы это не попало в чужие руки. Надо употребить все усилия, чтобы сочинения Ивана были изданы» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 464. Л. 40–43; машинопись-отпуск с авторской правкой).

² Ср. в письме Иванова к В.Я. Брюсову от 25 декабря 1903 г. / 7 января 1904 г.: «Женя просит известить вас, что своим литературным пом де гуете избирает «Л.Д. Зиновьева-Аннибал» Ганнибалы — ее предки с материнской стороны» (Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 445).

главной буквы в местоимениях второго лица множественного числа (Вы и вы, Ваш и ваш и т.п.);

сохраняется разноречивая транскрипция иностранных имен собственных (Моммзен и Моммсен и т.п.);

— при передаче иностранных имен воспроизводится форма, которая встречается в письмах, при этом «I» всегда передается как «И», даже если в некоторых случаях возможна была бы передача через «Й»: Иоллер а не Йолтер, Иеринг а не Йеринг;

не воспроизводится, как правило, текст адресов на конвертах и открытках, но в текстологических примечаниях при необходимости учитываются данные адресов и почтовых штемпелей.

Тексты публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации с сохранением в ряде случаев стилистических особенностей авторского употребления. Явные описки исправляются без оговорок.

Зачеркнутый текст воспроизводится в квадратных скобках. При этом мы передаем только те зачеркнутые фрагменты, чтение которых вносит в основной текст заметные смысловые обертоны.

Недописанные и сокращенные слова восполняются в ломаных скобках (с воспроизведением авторской точки или ее отсутствия, поскольку то и другое является стилистической характеристикой письма), мы не отказываемся, однако, от сохранения сокращений в стандартных случаях (т.е., т.о. и им подобных), в современной издательской практике обычно не восполняемых.

Курсивом передаются слова, подчеркнутые в оригинале одной чертой, курсивом с разрядкой (или, когда речь идет лишь о нескольких буквах, полужирным курсивом) подчеркнутые двумя чертами.

Цитаты из произведений античных писателей приводятся в том виде и с теми библиографическими отсылками, как они даны в подлиннике, за исключением описок (которые исправляются без оговорок) или значимых ошибок. Цитаты из произведений авторов Нового времени сверены, в необходимых случаях неточность цитирования оговаривается. Библиографические указания на произведения авторов Нового времени в примечаниях приводятся сообразно современному стандарту, если авторская отсылка недостаточно определена.

Авторские подстрочные примечания, встречающиеся в подлиннике, воспроизводятся постранично с соответствующей пометой; с основным текстом письма они связываются астериском. Текстологические примечания издателей помечаются буквой: ^a, ^b, ^c и т.д. и располагаются на нижнем поле постранично. Примечания реального комментария помечаются цифрой: ¹, ², ³ и т.д. и располагаются вслед за соответствующим письмом.

Перевод иноязычных текстов дается в общем порядке реального комментария. При отсылках в комментариях и заключительной статье к публикуемым в настоящей книге материалам архивные реквизиты не приводятся.

Приятным долгом считаем поблагодарить всех, кто оказал нам неоценимую помощь в подготовке данного издания: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Архив РАН и его Петербургский филиал, Российский государственный архив литературы и искусства, Институт русской литературы (Пушкинский дом), библиотеку Римского отделения Германского археологического института, Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки.

Глубокую признательность выражаем М.Д. Бухарину, Л.Н. Ивановой, Б.С. Кагановичу, Ю.Н. Литвиненко, М. Маша (Рим), П. Микелотто (Милан), А. Таддеи (Рим), И.В. Тункиной, А.Б. Шишкину (Рим).

Один из авторов — Г.М. Бонгард-Левин приносит сердечную благодарность Г.П. Снеговой за помощь в архивных поисках в Риме.

Большую помощь для нас оказался нелегкий труд В.П. Польшковской, взявшей на себя редактирование настоящего тома, и мы благодарны ей за тщательно исполненную работу. Разумеется, за все огрехи и недостатки, от которых несвободна любая книга, ответственность лежит только на нас.

На протяжении всех лет работы мы неизменно чувствовали дружескую поддержку и заинтересованное участие Дмитрия Вячеславовича Иванова (1912–2003), светлая память о котором навсегда останется с нами.

*Г.М. Бонгард-Левин
Н.В. Котрелев
Е.В. Ляпустина*

**И.М. ГРЕВС,
ВЯЧ. ИВАНОВ,
Д.М. ИВАНОВА,
Л.Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ**

**ПЕРЕПИСКА
(1892—1932)**

1. Иванов — Гревсу

29 июня / 11 июля 1892 г. Рим

Рим. 11 июля / 29 июня 1892.

Дорогой Иван Михайлович.

Все собираюсь написать Вам, да никак не выберу минуты. День мой распределен правильно, но весь сполна посвящен — выражаясь вычурно — черепашьему [ползанью] бегу по научному стадиону; так состязаюсь я с [научными] Ахиллесами науки¹. Дополз я таким образом почти до конца первой главы работы² — той первой главы, которая у меня уже существует в стольких различных редакциях, в скольких сохранился разве только лермонтовский Демон³. Думаю теперь начинать выработку следующей, новой редакции того же шедевра эрудиции, который, впрочем, все более теряет даже в моих собственных глазах [всякий интерес и в<слово не дописано>] с каждой новой теорией, победоносно мною же самым разбиваемой⁴. Вот Вам характеристика моих «ученых» работ.

Сегодня я получил от Вашего друга, г. Ольденбурга, письмо, которым он отвечает на обращенное мною к нему послание⁵. Вероятно, он уже написал Вам об этом. Я очень благодарен г. Ольденбургу за теплоту его письма и судьбе за то, что она нас, хотя заочно, познакомила. Считая нужным довести содержание письма до Вашего сведения, ниже выписываю его целиком; это точнее и целесообразнее, чем краткое изложение. Мою точку зрения на то, следует ли Вам хлопотать об отсрочке возвращения в Россию, я Вам развиваю не раз со всею возможною для меня полнотою и убедительностью. Поэтому [я теперь] позвольте мне, не впадая в адгортативное⁶ красноречие, [посоветовать Вам известить] ограничиться кратким увещанием, чтобы Вы известили г. Ольденбурга, что Вы уполномочиваете его начать нужные хлопоты. С некоторою решимостью еще возможно всего добиться, еще не поздно; а что Вы можете на ближайшее время потерять чрез это место на курсах или в гимназии, этого не нужно бояться — все это с избытком окупится и возвратится⁷.

Далее, имею сообщить Вам от имени лапидарного человека⁸ с поклоном две вещи:

1) М.Н. Крашенинников обращает Ваше внимание на статью *C. Calisse: Le condizioni della proprietà territoriale studiate sui documenti della provincia Romana dei secoli VIII, IX e X, in Archivio della R. <eale> Società Romana di Storia Patria*, VII (1884) pp. 309—352; VIII (1885) p. 60 sqq. (Roma);

2) М.Н. Крашенинников обращает Ваше внимание на то, что ученики проф. <ессора> Соколова собираются поднести ему том своих исследований: не представите ли и Вы, в течение года, маленькую статейку для *Commentationes in honorem Sokolovii*?—

Свое намерение зайти к Белоху, о котором я Вам писал¹⁰, я исполнил. Он принял меня со свойственною ему [несколько даже] вкрадчивою и вместе несколько коварною любезностью и мягкостью. Это было накануне его отъезда из Рима. Была речь о Вас. Я говорил, где Вы, и чем теперь занимаетесь, и когда едете в Россию, и какие курсы Вы там будете читать, и как у нас древнюю историю соединяют в университете со средней, и как много принуждены Вы работать, и что Вы в Риме весь день сидели в библиотеках: последнее сказано было потому, что Белох, извиняясь, что он не [сделал] отдал Вам визита, сослался на то, что Вы его [от визита] просили к Вам не заходить, так как Вас трудно застать дома. В заключение Белох просил Вас от nero vielmals grüssen¹¹.

*Цицерон в *Paradoxa Stoicorum* VI сравнивает свое состояние с состоянием людей, считающихся богатыми: «Мое состояние ты презираешь: est enim ad volgi opinionem mediocris, ad tuam nulla, ad meam modica...» (cap. 2 § 47 s. <ub> f. <ine>); и далее (cap. 3 § 49) дает цифры: «Capit ille ex suis praediis sescena sestertia, ego centena ex meis»¹². Итак, насколько я понимаю, средний землевла-

делец в эпоху Цицерона получает в год дохода 100.000 сестерций = 2343^{1/4} франка, крупный 600.000 сестерций = 14062^{1/2} франка. Проверьте мой перевод и расчет!¹³

Жена Вам кланяется. В 20-х числах собираемся ехать¹⁴ С того времени адрес: Napoli fetto posta. Палумбо 31 авг <уста> прекращает аренду отеля и выселяется!¹⁵ Говорит, что в последние годы имел убытку по 8–9 тысяч. Ежегодно платит он за [отель] помещение 19000 франков. Быть может, снимет другой отель в Риме. Несчастные форестьеры!¹⁶ Несчастные русские! Будьте здоровы и не работайте чрезмерно!

Ваш В.И.

Р. С. Кирпичниковы¹⁷ в неделю посетили Верону, Венецию и Флоренцию, и из Флоренции повернули домой. Сперанский в двух больших письмах живо изобразил Флоренцию. Нашел там самую главную пчелу¹⁸ Карлушка поехал дальше¹⁹ Вчера был Рейман: уезжает он только теперь; раньше имел работу²⁰ Жара страшная, [выше 30°] 34 градуса. А уезжать из Рима не хочется, чтобы не прерывать занятий.

Р. Р. С. Извините, что письмо испещрено помарками и исписано [поперек] на полях поперек. Не могу писать порядочно без черновой²¹; а Ваше запрещение писать черновые не решаюсь нарушить.

Копия.

М.<илостивый> Г <осударь> Позвольте Вас горячо поблагодарить за то истинно дружеское участие, которое Вы выражаете по отношению к нашему общему другу, Ивану Михайловичу. Я вполне разделяю Вашу точку зрения, что ему отлично было бы провести еще год за границей. Боюсь только, что теперь, среди лета, об этом уже поздно думать: во-первых, отказом в такое время, когда уже все устроено и распределено, он и Высшие Курсы и гимназию поставит в некоторое затруднение, а затем отказ теперь, по крайней мере на Высших Курсах, равносильен уже полному отказу, так как в этом году ради него было сделано некоторое изменение в программе: у него есть и конкуренты, которых можно было пока задержать, но которым теперь предоставят его место, раз он не вернется осенью. Это, конечно, только предположения, потому что переговорить я не мог теперь ни с кем, все в разъезде, и к тому же Иван мне не писал определенно о своих планах. Сознывая вполне верность того, что Вы пишете, я боюсь, поэтому, что теперь уже поздно и что надо будет Ивану хлопотать, чтобы весной, по крайней мере, уехать опять за границу пораньше и вернуться позднее. Жду от него писем в случае, если бы он решил хлопотать. Позвольте дружески пожать Вам руку и надеяться, что судьба сведет нас как-нибудь вместе от Москвы до Петербурга недалеко.

Преданный Вам С.О.²²

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 1–2 (Л. 3 — копия письма С.Ф. Ольденбурга к Иванову, подлинник этого письма обнаружить не удалось).

Ответ Гревса неизвестен.

¹ Иванов шуточно «переворачивает» апорию Зенона Элейского: быстроногий Ахиллес, догоняющий медлительную черепаху, настичь ее никогда не сможет — пока Ахиллес пробегает расстояние, первоначально отделяющее его от черепахи, та удаляется от исходной точки на некоторое расстояние, снова отделяющее ее от героя.

² Речь идет о работе Иванова над диссертацией о древнеримских обществах публиканов — откупщиков государственных доходов. В опубликованном в 1910 г. тексте этого исследования первая из 12 глав посвящена разбору наиболее ранних свидетельств источников о публиканах, а также вопросу о происхождении и времени возникновения в Риме института го-

²² Абзац отчеркнут Гревсом на поле письма красн. карандашом.

сударственных откупов (*Ivanov V De societatis vestigialium... Cap. I. De antiquissimis publicanorum vestigiis. P. 1–12*).

³ Известно по крайней мере восемь редакций поэмы «Демон», созданных Лермонтовым за десять лет работы над ней.

⁴ Никаких следов черновиков и предыдущих редакций диссертации о публиканях в архивах выявить до сих пор не удалось.

⁵ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — выдающийся ученый-востоковед, индолог, академик (1900). Преподавал в Петербургском университете (с 1889, профессор — с 1894). Непременный секретарь АН (1904–1929). Ближайший друг Гревса по «приютинскому братству» (ср. примеч. 5 к п. 12 и примеч. 3 к п. 14). Много позже Ольденбург оказал поддержку Иванову при его попытке выезда из советской России за границу (см. п. 82 и 83, а также: Незвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С. Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // НЛО. № 10. 1994. С. 253–256).

Состоянием работы Гревса были сильно озабочены все его друзья. В частности, А. В. Гольштейн (о ней см. примеч. 10 к п. 49) писала 14 мая 1892 г. «приютинке» Н. Е. Вернадской, жене В. И. Вернадского: «Для Ивана настал один из величайших моментов жизни, которым определяется, прежде всего, его научное будущее, а затем и личная жизнь. Из всего этого следует, по-моему, что надо, чтобы Сергей <Ольденбург — Изд.> или кто другой немедленно принялись за хлопоты о продлении его командировки и хлопотали бы всеми силами, не жалея времени и усилий» и т. д. (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ел. хр. 150. Л. 47 и об.). И несколько далее: «Мнение, что Ивану надо остаться еще на год, не только мое, но и тех товарищей-специалистов, которые знают, что он уже сделал, что ему остается и что все это может дать. Иванов, кот. <орого> знает Маша <М. С. Гревс. Изд.>, собирался, не зная Сергея, писать ему, чтобы он хлопотал за Ивана, а Погодин <см. примеч. 11 к п. 7 — Изд.> говорил недавно со мною наедине и просил, чтобы я уговорила Ивана остаться на год, говорил, что преступно бросить такую работу на полпути, что кончить ее в России немислимо, что прерывать ее теперь значит губить все дело» (Там же. Л. 50 и об.). — 16/28 июня 1892 г. Иванов обратился к Ольденбургу с письмом, текст которого мы воспроизводим в приложении к комментируемому письму; копию ответа Ольденбурга см. в конце письма Иванова.

⁶ От лат. *adhortor* — ободрять, убеждать, утешать.

⁷ Мы не знаем, предпринял ли Гревс какие-либо шаги для продления заграничной командировки. Как бы то ни было, с осени 1892 г. он приступил к преподаванию на Высших женских курсах и в женской гимназии Л. С. Таганцевой (*Гревс И. М. Педагогическое мое прошлое. Л. 52*). Ср.: «На женских курсах моя первая вступит. <сильная> лекция состоялась в самом конце сентября 1892 г.» (Он же. Моя первая вступительная лекция. Л. 39 об.).

⁸ Под этим произведением в письмах Иванова (к Гревсу и к другим, например, Сперанскому; см. ниже, примеч. 18) не раз упоминается исследование текстов античных и византийских авторов Михаил Никитич Крашенинников (1865 — после 1931), в то время много занимавшийся изучением латинских надписей, т. е. лапидарной эпиграфикой (см. о нем: *Алфертьева А. Н. М. Н. Крашенинников. С. 375–402*).

⁹ Федор Федорович Соколов (1844–1909) — один из зачинателей историко-филологического направления в изучении античной, в особенности греческой, истории (см.: *Филова Э. Д. Русская наука... С. 178–197*). В своем первом учебном курсе Гревс высоко оценил научные заслуги Ф. Ф. Соколова — см.: *Гревс И. М. История средних веков: Лекции, читанные на С. П. Б. Высших Женских Курсах в 1892–93 году / Сост. слушательницами III курса. СПб., 1892 (Литопр. Д. М. Руднева). С. 547*. Однако к такой оценке он пришел не сразу: 3 сентября 1879 г. свежеспеченный студент Петербургского университета Иван Гревс в письме своей двоюродной сестре Н. Д. Бекарюковой дал самый уничижительный отзыв о вступительной лекции доцента Соколова по римской истории (см.: *Человек с открытым сердцем. С. 122*). Ср. в воспоминаниях Гревса об университете, написанных в 1918 г.: «Ф. Ф. Соколов, профессор древней истории, доступен и ценен был для специалистов; начинающих он отталкивал бесформенным нагромождением фактов. Огромной его учености и часто выдающейся исследовательской *sagacité* <проницательности (франц.)> мы разобирать не могли и тяготились его преподаванием, как обузой» (Там же. С. 151).

В комментируемом письме речь идет о книге: *Στάθμος*. Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова, профессора С.-Петербургского университета, по поводу 30-летней годовщины его ученой деятельности / От учеников и слушателей. СПб., 1895. Крашенинников поместил в сборнике заметку «К вопросу о годе рождения Теренция» (С. 73–75); Гревс в нем участия не принимал. О замысле издания мы можем судить по письму В. К. Эрнштеда к Г. Э. Зенгеру от 6 февраля 1893 г..

Уважаемый Коллега, Несколько бывших слушателей Ф. Ф. Соколова возмели мысль преподнести ему ко дню 30-летнего служебного юбилея сборник статей, в роде тех, что так часто за последние годы издаются в Германии с легкой руки издателей Ричлевой *Symbola philologorum* Volpensiens. 30-летие Соколова минет в мае 1895 года. Кто знает Федора Федоровича только по его лекциям, тому подобная мысль может показаться странной; но Вы,

помнится, принимали участие в его пятницах, знакомы также с его (к сожалению, немногочисленными) печатными трудами. Ввиду этого Вы, вероятно, не откажетесь прикинуть к нам. Предполагается приступить к печатанию осенью будущего, 1894 года. Пособие для печатания получить неоткуда, просить у нашего или иного факультета неловко, в министерстве точно так же. Таким образом сборник должен быть напечатан на средства участвующих в нем, причем каждый будет платить за свою статью (вследствие чего он и в праве сам определять размер ее), остальные издержки на издание сборника будут распределены поровну между участвующими. Что касается содержания статей, то Вы конечно сами понимаете, что по меньшей мере желательно держаться в пределах древнего мира: истории, древностей, эпиграфики; впрочем, исключить литературу было бы нелепо уже ввиду «Гомеровского вопроса» юбилея. Из новой истории Ф. <едор> Ф. <едорович> всего более интересуется эпохой Наполеона I и Александра I; сюда относится одна его актовая речь, написанная с большим воодушевлением. Г.В. Форстен предлагает статью о классических шпудиях в Скандинавии, изученных им по архивным документам. Конечно, связь такой работы со специальностью Соколова довольно отдаленна, но к чему быть тут ригористом?

Участниками пока являются:

А.Н. Шукрев	
С.А. Жебелев	
А.И. Покровский	
В.Э. Регель	(Византия)
Х.М. Лопарев	
Б.А. Тураев	(древний восток)
Я.И. Смирнов	(искусство и археология)
Г.В. Форстен	
Р.Х. Лепер	(в Афинах)
М.Н. Крашенинников	(в Риме)
Ваш покорный слуга	

и, быть может, еще некоторые другие, с которыми «заговорщики» успели списаться. Первоначально предполагалось пригласить и институтских, но затем пришли к убеждению, что институтские (слушатели Соколова) в разных отношениях, и в хороших, и в дурных, составляют совсем особую группу, которая может действовать по своему усмотрению и на свой страх.

Вот Вам, многоуважаемый коллега, наш проект. Просим Вас: 1) прикинуть к нам, 2) оказать содействие делу совстами, если сочтете нужным, 3) пригласить к участию известных Вам слушателей Федора Федоровича (старшие выпуски мне мало известны, а тем более остальных), 4) посторонним лицам о сборнике лучше не говорить. Такое предприятие конечно *thut man nicht an die große Glocke hängen*.

(Архив РАН. Ф. 504. Оп. 4. Ед. хр. 92. Л. 2–3.) Григорий Эдуардович *Zenker* (1853–1919) — филолог-классик, профессор в Нежине и Варшаве, в 1902–1904 гг. министр народного просвещения; о нем см. *Фролов Э.Д.* Русская наука... С. 310–311. О других упомянутых лицах см. далее. — *Symbola philologorum Bonnensium* — сборник статей, подготовленный в 1864 г. учениками главы боннской школы классической филологии Ф. Ричля по случаю 25-летнего юбилея его профессорской деятельности в Бонне. ...участие в его пятницах — о домашних семинарах Соколова по пятницам см. *Жебелев С.А.* Столетие рождения Ф.Ф. Соколова // ВДИ. 1993. № 1. С. 193; *Фролов Э.Д.* Русская наука... С. 193 сл. — ...ввиду «Гомеровского вопроса» юбилея — о статье Соколова на эту тему (1868 г.) см. *Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 189. — ...пригласить и институтских — т.е. из С.-Петербургского Историко-филологического института, в котором Соколов преподавал с 1867 г. — Георгий Васильевич *Форстен* (1857–1910) историк-скандинавист, профессор Петербургского университета и Высших женских курсов. ...*thut...* *hängen* огласке предавать не надо (нем.).

Дальнейшие подробности осуществления этого предприятия в основном выполненного С.А. Жебелевым (1867–1941), тогда еще только магистрантом, и самим В.К. Эрнштедтом (о нем см. примеч. 32 к п. 6 и примеч. 18 к п. 75) можно найти в позднейших письмах Эрнштедта к Зенгеру (Там же. Л. 5–12). 27 февраля 1895 г. Крашенинников сообщил Иванову о том, что редактором подносного сборника выступил С.А. Жебелев, поскольку, как выражается Крашенинников, «Шукрев, по-видимому, детроизирован» (РГБ. Ф. 109. Оп. 27. Ед. хр. 103. Л. 36 об., о нем см. примеч. 22 к п. 7).

¹⁰ Это письмо Иванова к Гревсу неизвестно. Карл Юлиус *Белох* (Karl Julius Beloch; 1854–1929) — знаменитый немецкий историк античности, профессор Римского университета «Ла Сапыенца», где он преподавал с 1877 по 1912 г. В числе его многочисленных учеников были Гаттано Де Санктис и будущий папа Пий XII (см. *Momigliano A.* Julius Beloch (1966) // *Momigliano A.* Studies on Modern Scholarship / Ed. by G.W. Bowersock and T.J. Cornell. Berkeley; Los Angeles; London, 1994. P. 97–120; *Christ K.* Von Gibbon zu Rostovtzeff. S. 248–285; *Polverini L.* Di una traduzione russa della *Griechische Geschichte* del Beloch // *Critica storica*. Vol. XVI. 1979. P. 521–544; *Idem.* Il carteggio Beloch—Meyer // *L'Antichità nell'Ottocento in Italia e Germania*. Die Antike im 19.

Jahrhundert in Italien und Deutschland / A cura di Karl Christ, Arnaldo Momigliano. Bologna; Berlin, 1988. P. 199–219. Ср. упоминание о случайной встрече с Белохом на римском празднике в письме Иванова М.Н. Сперанскому от 16/28 июня 1892 г. (Переписка... I. С. 293, примеч. 3).

Судя по комментируемым словам, Гревс мог обсуждать с Белохом вопросы преподавания. Впрочем, и в своих исследованиях он широко использовал работы немецкого ученого, о чем свидетельствует библиографический аппарат «Очерков». Ср. его оценку известной книги Белохом о народонаселении античного мира (*Beloch J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*. Leipzig, 1886) как «солидного исследования... в области экономической истории Рима», из которого «историк земледелия может извлечь небесполезный материал и интересные выводы» (Гревс И.М. Очерки... С. 17).

¹¹ Много кланяться (нем.).

¹² Речь идет о шестом из «Парадоксов стоиков» («Только мудрец богат» — *Cic. Parad. VI. 47*): «Ты с презрением относишься к моему достоянию, и это правильно, ибо оно по общепринятым меркам весьма скромное, а на твой взгляд и вообще ничтожное, на мой же «достаточное». Ibid. 49: «Иной получает от своего поместья 600 тысяч сестерциев, а я — сто со своего» (Марк Туллий Цицерон О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000. С. 471, 472; пер. Н.А. Федорова).

¹³ Иванов стремится завершить письмо наблюдением, связанным с темой исследований Гревса (ср. концовки п. 5 и 6) — историей римского земледелия. Разбора именно этого текста в «Очерках» Гревса нет, хотя в связи с вопросом о развитии денежного хозяйства и торговли в Риме он цитирует строки, расположенные чуть выше (*Cic. Parad. VI. 46*; Гревс И.М. Очерки... С. 526, примеч. 2).

¹⁴ Речь идет о поездке Ивановых по Южной Италии и Сицилии — см. нижеследующие письма Ивановых к Гревсу и публикуемые нами далее дневниковые очерки Иванова.

¹⁵ Палумбо владелец гостиницы «Алиберт» (*Albergo Aliberti*), популярной среди русских путешественников (см. специальную выписку Гревса о происхождении названия *Vicolo d'Aliberti* в п. 29).

Когда Гревсы, приехав впервые в Рим осенью 1890 г., искали, где поселиться, художник Станкевич, которого рекомендовала Екатерина Канос (сестра М.С. Гревс), привел их «в трехэтапную гостиницу, albergo d'Aliberti, на улице (Via Margutta) около той же piazza di Spagna; и мы договорились в тот же день с ее толстым, сонным хозяином Signor Palumbo и взяли у него в верхнем этаже две хорошие комнаты на солнечной стороне и маленький кабинет мне для занятий за 150 франков в месяц» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 238; с уточнениями по автографу). Ивановы жили у Палумбо вместе с Гревсом при своем первом появлении в Риме весной 1892 г. (см. п. 5; ср. также: Гревс И.М. Путешествия мои в Италию. Л. 41. «1892 (весна) <...> с Ивановым в Alb.<ergo> Alib.<et>»). Там же в начале 1892 г. останавливался М.Н. Сперанский (см. письмо к нему А.В. Михайлова, жившего у Палумбо в конце 1891 — начале 1892 г., РГБ. Ф. 601. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 14–16). В письме к Сперанскому от 14/26 августа 1892 г. Иванов признавался, что ему «не казался особенно симпатичным» парижский «отель, куда наши, как к Палумбо в Риме, направляются по проторенной дорожке» и где поселился Сперанский (РГБ. Ф. 501. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 7 и об.).

¹⁶ Т.е. иностранцы (игровой варваризм шуточного диалекта ученых путешественников, транслитерация итальянского слова «forestieri»); ср. другие образования того же типа в языке Иванова «адгортативный» и т.п.

Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 16/28 июня 1892 г., «Палумбо замыслил страшное дело. Я не думаю, что у него такой демонический характер. Продаст отель и переселится через 2 месяца в Неаполь, где откроет гостиницу. Завидно ему, что все форестьеры едут в Неаполь. Наверное прогорит» (РГБ. Ф. 601. М.Н. Сперанский. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 3 об.). Планы владельца гостиницы быстро менялись, о чем Иванов сообщал тому же корреспонденту 2/14 июля 1892 г.: «Не все еще погибло: Палумбо в Неаполь не едет, а ищет себе другой отель в Риме» (Там же. Л. 4). См. ниже, п. 5.

¹⁷ Александр Иванович Кирпичников (1845–1903) — литературовед, специализировался в основном по средневековой европейской литературе; окончил Московский университет, в 1892 г. проф. Новороссийского университета, с 1894 г. чл.-корр. АН. В 1892 г. путешествовал с семьей по Европе и в Риме познакомился с Ивановыми и Гревсом.

¹⁸ Михаил Несторович Сперанский (1863–1938) — литературовед, археограф; окончил Московский университет; позднее проф. Нежинского историко-филологического института, затем — Московского университета, академик. В 1892 г. познакомился и подружился в Риме с Ивановыми. «Пчела» — один из самых популярных в русской, славянской и византийской литературе сборник мудрых изречений и назидательных исторических анекдотов. Сперанский установил, что русский перевод «Пчелы» был сделан со списка версии, которая представлена, в частности, греческой рукописью, хранящейся в Лаврентьевой библиотеке (*Bibliotheca Laurentiana*) во Флоренции (см.: Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. М., 1904. С. 199 сл., 258).

Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 2/14 июля 1892 г. «Очень рад за Вас, что нашли Вы такую крупную Пчелу. О Вашей находке рассказывал я все тому же неустрашимому Карлушке <Крумбахеру>. Изд. > Он, поразмыслив, рассудил, что Вы привезете в Россию целый Bienenkorb» (РГБ. Ф. 601. М. Н. Сперанский. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 5). — *Bienenkorb* — улей (нем.).

¹⁹ Карл Крумбахер (Karl Krumbacher; 1856–1909) — филолог, один из создателей современной византистики; проф. Мюнхенского университета. В 1892 г. путешествовал по Италии и близко сошелся с молодыми русскими учеными, в числе которых были Иванов и Гревс. Его переписка с Ивановым опубликована в *Wachtel M. Die Korrespondenz zwischen Vjaceslav Ivanov und Karl Krumbacher / Zeitschrift für Slavistik. Jhrg. 37 1992. Nr. 3. S. 330–342. — ...поехал дальше из Неаполя на Сицилию; в июле 1892 г. Крумбахер путешествовал по югу Италии. «На днях он <Крумбахер> пристал открытое письмо из античных Baiae. <...> В Неаполе он был... а в Сицилии ждет его не карантин, которого он так боялся, а землетрясение» (Иванов Сперанскому. 2/14 июля 1892 г. // РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 5).*

²⁰ Федор Петрович Рейман (1842–1920) — художник, «подвижник катакомб», по выражению Иванова (Автобиографическое письмо. С. 19). Сходно отзывался о Реймане и Гревс: в кратком обзоре истории обживания русскими Италии, особо упомянув, что «стали засиживаться там, а иногда оставались навсегда и итальянизировались художники», он говорит: «Ничего я помню почтенного труженика искусства, Ф. П. Реймана, который не смог расстаться с Римом до конца жизни. Он много лет работал в глубине катакомб, совершил подвиг, сняв точнейшие копии с их фресок для московского музея изящных искусств» (Гревс И. М. Тургенев и Италия. С. 19).

²¹ Письмо, действительно, изобилует исправлениями. Эпистолярная техника Вяч. Иванова предполагала работу с черновиком — ср., например, многочисленные черновики, при обработке его архива присоединенные к отправленным беловикам, письма к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в начальную, самую напряженную пору их взаимоотношений (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 36–38). Работа Иванова над литературными произведениями также предполагала, как правило, многократное «перебеливание» текста (ср., в частности, его рассказ в начале комментируемого письма об умножении последовательных редакций диссертации).

²² Подлинник этого письма выявить не удалось.

Приложение к п. 1

Иванов — С. Ф. Ольденбургу

16/28 июня 1892 г. Рим

Милостивый Государь,

Прошу Вас простить смелость, с которою я обращаюсь к Вам, не имея чести быть Вам знакомым. В свое оправдание скажу только, что мною руководят, с одной стороны, глубокая симпатия к Вашему другу, Ивану Михайловичу Гревсу, и сердечное ему сочувствие, с другой — уверенность в том, что будет нелишним в его интересах и потому извинительным в Ваших глазах, если я позволю себе обратит Ваше внимание на некоторые особенности его положения, как они представляются людям, только что имевшим случай наблюдать их в непосредственной близости. Я знаю, все, что я буду говорить Вам, давно Вами самими обдуманно и прочувствовано; но слова постороннего свидетеля, быть может, возместят, хотя бы и в малой степени, то, что Ваши отдаленные заботы неизбежно теряют в яркости и определенности представления, вследствие долгой разлуки. Я боюсь, что в этом отношении Вы принуждены многое лишь угадывать: я предполагаю, что письма самого Ивана Михайловича¹ тем менее касаются оценки условий, в которые он поставлен, чем более он чувствует себя примиренным с этими условиями силою обстоятельств, требованиями долга, заботами о благе своих. В этом письме я попытаюсь сформулировать, почему некоторым из людей, желающих Ивану Михайловичу всякого добра, такое примирение представляется совершенно несогласным с его существеннейшими интересами. Поверьте, что я сознаю в полной мере, насколько не деликатным может показаться такое вторжение мое в область чужих интересов и отношений; поверьте также, что это тяжелое сознание удержало бы меня от самой мысли о таком вмешательстве, если бы я не был убежден, что дело настолько важно и вместе с тем настолько просто и

прозрачно, что выходит за пределы интимной сферы в точном смысле этого слова и внутренне оправдывает смелость постороннего лица, когда последнее, на свой страх, не имея на то никакой внешней санкции и действуя лишь по указаниям своей совести, свободно высказывает свое непростительное мнение, хотя бы и под опасностью заслужить своему навязчивостю более или менее суровый приговор.

Живя в Риме с Ив.<аном> Мих.<айловичем> в непрерывном, благотворном для меня общении и интересах, и занятий, и всей внешней жизни, я имел случай проверить и углубить произведенное им еще в Париже на меня и на мою жену впечатление — уже там мы научились уважать и любить его, — имел случай оценить как его редкие личные достоинства, так и солидность его научных работ, позволяющих с полной уверенностью надеяться на богатые результаты и блестящий научный успех. Но чем больше привлекал он к себе наши симпатии, тем больше приходилось нам за него бояться и желать перемены условий его жизни. Его крайнее прилежание он с энергией работал часов 10—11 в сутки могло, боялись мы, вредно отразиться на его здоровье. Неблагоприятное в отношении здоровья влияние такого усиленного напряжения физических и душевных сил увеличивалось еще беспокойным, иногда мучительным состоянием духа², которое обнаруживалось тотчас, как только он отрывался от работы. Это тягостное душевное состояние, по-видимому, слагалось как из моментов интимного характера, так и из преувеличенных забот об ожидающей его в Петербурге деятельности, соединенных с неуверенностью в достаточности для нее наличных его сил, так, наконец, и из сознания, что его диссертация не может быть окончена в продолжение его настоящей заграничной командировки и должна быть возвращением в Россию прервана на неопределенное время, тогда как его долг пред семьей и пред людьми, которым он обещал свой труд, не позволяли ему, как ему казалось, и думать о спокойном продолжении его работы за границей. Мотивы интимного характера требуют постоянной благотворной близости людей, стоящих с Иваном Михайловичем в столь же интимных отношениях. Его заботы о предстоящей в Петербурге деятельности и его неуверенность в своих силах, конечно, лишены всякого объективного основания; но они заслуживают серьезного внимания, поскольку они показывают его отношение к принятым на себя в России задачам и предзнаменуют, что его работа над этими задачами будет преувеличенно ревностна и поглотит все его усилия. Что касается до его беспокойств относительно окончания диссертации, то они не только объективно вполне оправданы, но следует даже сожалеть, что требования, необходимо из них вытекающие, не формализовались, как кажется, в его сознании с достаточною настойчивостью. Все это делает далеко не нормальными и внешние условия жизни Ивана Михайловича, и его внутреннее состояние и требует усилий для устранения и той, и другой ненормальности.

Эта цель однако может быть достигнута только в том случае, если Иван Михайлович откажется от своего решения возвратиться осенью в Россию и останется за границей для продолжения и окончания своего труда. Необходимость такого исхода совершенно очевидна, а потому и возможность его осуществления не может не быть найдена. Необходимо Ивану Михайловичу остаться за границей по следующим причинам.

До сих пор он посвящал слишком много времени и сил учительской деятельности. Это были, конечно, далеко не потерянные труды и годы: ими принес он много добра. Но он стремился в университет, и школа служила препятствием этому стремлению. Теперь предстоит окончательно выбрать между обеими деятельностями; соединять обе, особенно в [настоящем году] ближайшие годы, для него невозможно без вреда для обеих. И раз решение принято в пользу академической карьеры, ему должно упорядочить свое положение в университете, что находится в тесной зависимости от окончания диссертации. С замедлением в ее приготовлении эта цель отодвигается в отдаленное будущее, и долгое время еще будет продолжаться неопределенное и вредное положение настоящего. В самом деле, учительские и доцентские занятия в Петербурге будут отнимать у Ивана Михайловича ежедневно, как он сам признает, не менее 8—9 часов и,

следовательно, не оставят ему возможности сколько-нибудь интенсивно работать над диссертацией. Следующая летняя вакация будет, как он сам знает, слишком коротка для окончания диссертации, в особенности после зимнего перерыва работ. Придется или отказаться от преподавательской деятельности на зиму 1893–94 г., чтобы защитить диссертацию в 1894 г. (тогда как такой отказ теперь позволил бы защитить ее годом раньше, не позже осени 1893 г.), или снова отложить работы до новой летней вакации и отсрочить окончание труда на неопределенное время. Все между тем требует скорейшего достижения магистерской степени, которая принесет Ивану Михайловичу профессорское место, увеличит его вес в университете, на курсах и т.д., прежде же всего, что особенно важно, выведет его на более гладкую и широкую дорогу для дальнейшей деятельности, тогда как теперь он принужден тратить дорогие силы на одоление ненужных препятствий, стоящих у него на пути. С другой стороны, необладание магистерской степенью может в той же мере повредить положению Ивана Михайловича, в какой обладание ею облегчит и упрочит. Нельзя также надеяться и на то, что на эту зиму для Ивана Михайловича достаточно будет некоторого облегчения взятых им на себе обязательств. Центр тяжести его занятий будет лежать в выработке лекций, а не в приготовлении к урокам, и потому уменьшение числа последних не может существенно увеличить количество времени, которое он будет употреблять на писание своей работы. Отказываться же от лекций, живя в Петербурге, нельзя и нет расчета. Но, и помимо обязательных трудов, пребывание в России будет соединено с нежелательною тратою сил и нервной энергии, хотя бы уже потому, что не будет той благотворной для углубления в специальный труд изолированности от посторонних впечатлений, какою мы пользуемся за границей.

Другая причина, настоячиво требующая продолжения заграничного пребывания Ивана Михайловича, заключается в том, что ожидающие его в России усиленный, непрерывный труд, нервное напряжение, возбужденное состояние духа могут вредно повлиять на его здоровье. И это тем более достойно быть принятым в расчет, что нельзя будет надеяться на отдых и восстановление физических сил во время летней вакации, которая будет снова посвящена усиленному труду.

Таковы условия, ставящие благосостояние Ивана Михайловича в зависимость от продолжения его заграничного пребывания. Осуществим ли однако этот план? Беседы об этом с Ив. <аном> М. <ихайловичем> внушили мне уверенность в его осуществимости. Я видел, что доводы *contra*, на которые И. <ван> М. <ихайлович> не был скуп, складываются в довольно внушительную массу; однако, ни один из них не казался мне достаточно убедительным сам по себе; взятые отдельно, эти доводы теряли свою неодолимую силу. Во всяком случае я, конечно, всегда был далек от желания и попытки проникнуть во все мотивы, могущие обусловить решения Ивана Михайловича и близких ему людей; и в этом письме я не могу коснуться обсуждения средств, способов и форм осуществления выраженных *desideria*¹. Скажу только, что при данных условиях я лично не колебался бы отягчить обязательствами будущее, чтобы облегчить настоящее, и при этом не подвергался бы, мнится мне, большому риску, потому что рассчитывал бы на будущее не гадательное, а более или менее верное. Время, как кажется, далеко еще не ушло, для того чтобы начать формальные хлопоты о продолжении командировки, которого во всяком случае должно было бы попытаться достигнуть. Чрезвычайно важен момент нравственный; но он не служит существенным препятствием. Обещания, данные Иваном Михайловичем, не настолько решительны и не настолько важны, чтобы нельзя было уклониться в настоящее время от их исполнения. Внешних неудобств для людей и учреждений, которым И. М. обещал свой преподавательский труд, от этого не будет, и заместители найдутся легко. Сожалеть об его отсутствии будут, конечно, немало, но охотно извинят его отказ, поняв, почему он не мог приехать. Всякий уважит причины его отсутствия. В самом деле, важность целей его заграничного пребывания настолько превосходит важность его преподавательских обязательств, что не может быть между ними сравнения, не может быть речи о том, что предпочесть и чем пожертвовать. Так,

преподавание на женских курсах — задача важная, благодарная, симпатичная; но она отступает на задний план перед задачей окончания диссертации, хотя бы потому, что последнее является условием возможности развития этой деятельности в более широких рамках при более благоприятных обстоятельствах. Что теперешним отказом И. <ван> М. <ихайлович> не теряет кафедры на курсах, что впоследствии его еще будут стараться привлечь на них, в этом нет никакого сомнения.

Милостивый Государь! Для моего личного успокоения мне необходимо сознавать, что Вы выслушали от меня, постороннего доброжелателя, эти соображения, Вам несколько не новые, что Вы снова передумали эти старые мысли, снова их обсудили и взвесили: было бы убеждение в справедливости этих взглядов — за усилиями к их практическому применению дело, я знаю, не станет. Поэтому я решился писать Вам и взять на себя вину не только в нескромности этого шага, но и в том, что, быть может, это письмо (чего я боюсь и что хотел бы, если бы мог, предотвратить) причинит Вам какое-либо волнение или беспокойство. Виновность моя увеличивается еще тем, что я обращаюсь к Вам помимо Ивана Михайловича, не испросив на то его разрешения. Моя цель послужит мне, я надеюсь, некоторым оправданием. Но едва ли возможно будет оправдаться в многоголосии, которого я не сумел избежать. Прошу Вас, Милостивый Государь, принять мое извинение в том, что я так долго занял Вас своим письмом, и вместе уверение в моем глубоком уважении.

Ваш покорный слуга

Вячеслав Иванов.

Рим (Albergo d'Alibert), 28/16 июня 1892 г

ИФА РАН. Ф. 887. С.Ф. Ольденбург. Оп. 2. Ед. хр. 68.

¹ Ср. в письме Гревса к С.Ф. Ольденбургу от 26 мая / 7 июня 1891 г., «Ты знаешь, Сергей, что ты для меня в научном отношении один из самых высоких авторитетов. <...> Мне именно тебе всегда очень хотелось рассказать о своих работах. Я это делал и в нескольких очень подробных письмах к тебе и к Васильевскому (которые также и тебе предназначались); я саслал это и в своем отчете, который я послал на твоё имя» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 250).

² Ср. в черновике отчета Гревса о занятиях за границей (часть II, август 1891 г.): «Относительно хода результатов своей работы в конце весны и лета 1891 г., я не могу быть доволен ими. Настрой был далеко не такой возбужденный и энергичный, как в Италии <в 1890 г. — Изд.>; чувствовалось умственное переутомление и нервная усталость; работа шла неровно, вяло и медленно. Кроме того, сложность вопросов, связанных с диссертацией, обнаруживавшаяся немедленно, как только удавалось прямо войти в них, подавляла и волновала. Подавляло то, что часто чувствовался недостаток подготовки для успешного продолжения все более выяснявшихся трудных задач. Волновало то, что являлась мысль, что такое бесконечное осложнение задачи не всегда вытекает из самой представленной задачи, а объясняется моим неумением ясно ставить вопрос и подходить к нему с надлежащими приемами, соблюдая меру, экономию и сосредоченность» (Там же. С. 252).

³ Желания (лат.).

2. В.И. и Д.М. Ивановы — Гревсу

3/15 августа 1892 г. Палермо

Палермо 15/3 авг <уста> 1892.

Дорогой Иван Михайлович! Вот я наконец и в Сицилии! Пишу Вам впрочем уже из конечного пункта нашего пути, потому что мы — всей семьею — начали путешествие с Мессины; посетили затем прелестную, восхитительную Таормину; достигнув Катании, немедленно отправились в Николоси и оттуда совершили две экскурсии на мулах — я более отдаленную, жена с Сашей¹ более близкую — к

месту извержения¹; из Катании [мы] поехали в Сиракузы, от которых остались в восторге², и пробыли там целых три дня; провели затем один день в чудном Джирдженти (откуда я хотел, но не смог написать Вам, помня о Вашей симпатии к этому месту)³; вчера, наконец, прибыли в Палермо, откуда завтра на рассвете я думаю пуститься один в Сегесту⁴ и Селинунт⁴. Одним словом, поездка в Сицилию оказалась восхитительной. Сегодня на почте нашел Вашу *carte-lettre*, получение которой меня очень обрадовало. Пожалуйста, отправляйтесь в Швейцарию. Вам *необходим* отдых физический и душевный, и хоть эта поездка не отдых, или отдых слишком краткий, но она даст хоть каплю нужного для Вас освежения. Пишите: Napoli, Pensione Poli, parco Regina Margherita (presso l'Hôtel Bristol)⁵. Это – на горе; вид чудесный⁶. Простите, что не могу писать больше. Жена горячо Вас приветствует. Будьте здоровы.

Д.Ив. В.И.

¹Поезжайте, И.<ван> М.<ихайлович>, в Швейцарию. Поклон М.Н. Сперанскому¹⁰

<Открытое письмо. Адрес:> Monsieur Greaves || 29 Avenue de Wagram || Paris || Francia.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 4.

Ответ Гревса неизвестен.

¹ Александра Вячеславовна *Иванова* (1887–1920) – дочь В.И. и Д.М. Ивановых. Ср. примеч. 13 к п. 9.

² В 1892 г. произошло сильное и продолжительное извержение вулкана Этна, у подножья которого расположен город *Катания*. *Николоси* (Nicolosi) – местечко в непосредственной близости от вулкана.

³ Хронология начальной фазы сицилийского путешествия Ивановых записана самим Ивановым в дневнике: «3 авг. 1892 по нов. ст. — выезд из Неаполя | 4 авг. Мессина | 5 авг. Таормина | 6 авг. Николоси и Этна | 7 авг. Приезд в Сиракузы» (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 21 об., к сожалению, этот дневник не получил продолжения – подробнее см. ниже: *Вячеслав Иванов*. <Вальшебная страна ITALIA>).

Ср. стихотворение Иванова из цикла «Итальянские сонеты» в сборнике «Кормчие звезды»:

СИРАКУЗЫ

Фиалкокудрые, близ мест, где, убелив,
Как пеной, яхонт волн, всплывают Сиракузы
Над морем греческим, изгнание разделив
Любовью стремною тонимой Арефузы,

Под сребродымным сном светлеющих олив
Родимый пели хор дорических Муз,
И мощь Афин алекла Обиды бранной узы,
Потупив горький взор на роковой залив...

Синест понт густой: ливийский день палит.
С тобой ли, Феокрит, возлечь на луг медвяный,
Где пряный фимиам в тени гробниц разлит?

Тебя ль, перун-Пиндар? Лизем обуянный
Эсхил, тебя ль воззвать, сошед на мрамор плит,
Где ты плясал, взяв тирс, вокруг фимелы рыаной?

(СС I. 622–623)

«Фиалкоудры» — эпитет Муз у Пиндара. — *Аретуза* — нимфа сиракузского источника бежала из Пелопоннеса под воды Ионического моря, преследуемая влюбленным в нее потоком Алфеем, миф, в новой литературе прославленный Шелли (примеч. Иванова, см. СС I, 861). Далее при цитировании стихов Иванова дается сокращенная отсылка на собрание сочинений (с указанием тома и странички, например: СС IV 82) или ссылка на стихотворный сборник и название цитируемой пьесы.

⁴ *Джирдженто* (*Agrigento*) — город на южном берегу Сицилии, всемирно известный памятниками древней архитектуры. — Нужно заметить, что Иванов в своем первом путешествии по Италии двигался по пути, естественному и даже неизбежному в силу вертикальной деиточности Аппенинского полуострова, но в то же время продолженному, проработанному и даже узаконенному поколениями европейских гуманистов: от Рима на Юг, где лучше сохранились античные памятники. Однако этот маршрут был, несомненно, освещен рассказами Гревса, совершившего реальное путешествие незадолго перед тем. Ср. в письме последнего к В.И. Вернадскому от 17 февраля / 1 марта 1891 г., «В Неаполе пробуем до 17 марта (по-здешнему). Не знаю еще, поедим ли в Сицилию или прямо в Париж. Неаполь в научном отн. <очень> не нравится мне: город мало интересный. Национальная Библиотека в высокой степени плохое и плохо устроенное учреждение. Университетская библиотека по нашим наукам ничего не имеет. От Помпей же я положительно в восторге. Но уж хочется в Париж, засесть за диссертацию» (Архив РАН. Ф. 518. В.И. Вернадский. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 10 об., адрес Гревса в Неаполе: Santa Lucia, 71, pensione di Roma). Из комментируемого письма Иванова следует, что в Сицилии Гревс побывал. — О полезных указаниях относительно путешествия в Сицилию, полученных от Крумбахера, см. ниже, примеч. 9.

⁵ *Сесеста* — древний город на юго-западе Сицилии с развалинами грандиозного античного храма.

⁶ *Селинунт* — греческий город на юго-западном побережье Сицилии, знаменитый руинами акрополя и древних храмов.

⁷ *Carte-lette* — закрытое письмо (франц.) — Гревса неизвестно. В нем, очевидно, говорилось о возможной поездке Гревса в Швейцарию, которая, однако, не состоялась — см. п. 3.

⁸ Неаполь, пансион Поли, парк Реджина Маргерита (подле отеля «Бристоль») (итал.).

⁹ Приехав в Неаполь из Рима 12/24 июля 1892 г., Ивановы сначала обосновались там же, где ранее останавливались Сперанский и Крумбахер — в pensione Freimann на S. Lucia: «Мы занимаем полукруглую комнату, находящуюся под переднюю частью террасы, с которой обитатели пансиона любят выло. У нас есть полукруглый балкон, обращенный к Везувию и к морю. Сзади от раннего утра до поздней ночи попит и беснуется S. Lucia» (Иванов Сперанскому, 15/27 июля 1892 г. // РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 6). Впрочем, Иванов был предупрежден заранее об опасностях жизни у живописного залива: «Крумбахер <...> горько жалуется на комаров занпади, которые его закусали чуть не до смерти и окончательно лишили сна, и застывает нас не останавливаться поблизости от набережной, чтобы не быть todigestochen <закусанным до смерти (нем.)> Бедный Карлушка! В Неаполе он был valde a culicibus vexatus <сильно мучим коцарами (лат.)>, как сообщают о себе собиратели корпуса Inscriptionum Latinarum <латинских надписей (лат.)>» (Иванов Сперанскому, 2/14 июля 1892 г. // Там же, Л. 5).

О переезде в другой пансион в Неаполе Иванов писал Сперанскому 14/26 августа 1892 г.: «От Фрейман мы уехали еще до поездки в Сидилию, между прочим, потому, что в полной мере подверглись участи неустрашимого Карлушки и были все, в особенности же бедная Шура, истерзаны ядовитыми морскими коцарами двандзарами. Таким образом мы принуждены были бежать соседства моря и переселились на горы, в местность около Corso Vittorio Emanuele и отеля Bristol, а пансион, рекомендованный тем же добродетельным баварцем. Наш адрес: Pensione Poli, Parco Regina Margherita. Это [очень] изысканный, спокойный, благоустроенный, закрытый и в настоящее время малотолдный пансион; в нем можно забыть о проклятых неаполитанках. Мы платим за комнату 3 франка и пользуемся столом лишь отчасти и по желанию. Наш дом красив, как игрушка, и стоит над крутым спуском. С белораморного балкона нашей комнаты открывается чудеснейший вид на весь Неаполь, Везувий, залива и Капри. Мало того, что Крумбахер рекомендовал нам это милое жилище; возвратившись из Палермо к Фрейман, когда мы стояли еще у нее, он стал убеждать нас ехать в Сидилию и дал полный план поездки с многими полезнейшими практическими указаниями» (Там же, Л. 8). Среди бумаг Иванова сохранилась эпиграмма Краппениникова:

Муки, о Муза, воспой мне Карла Карлова сына,
Гнусну животно явившу его благородное тело
Гидре подобно лернейской во мраке божественной ночи
В [мошних] сладких Морфея объятых, когда он покоился бедный

20 дек. <абря> 1892.
Рим.

¹⁰ См. примеч. 18 к п. 1. М.Н. Сперанский в это время был уже в Париже. Ср. письмо Гревса к нему от 10/22 июля 1892 г. (из Парижа в Венцию): «Только что получив Ваше письмо и спешу ответить, что Национальная Библиотека открыта бывает круглый год кроме двух недель на Пасху, а в августе я сам в прошлом году работал в ней от 1-го числа до последнего в отделении печатных книг. Кирпичников в отделении рукописей (Кроме того, я только что для уверенности справился и мне ответили то же самое. *Примеч. Гревса*), так что можете ехать без страха в Париж» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 1).

3. Иванов — Гревсу

14/26 августа 1892 г. Неаполь

Napoli, Pensione Poli,
Parco Regina Margherita. 26/14 авг <уста 18>92.

Дорогой Иван Михайлович!

Приветствую Вас на родной почве. Вы вернулись в наше отечество – и между тем, увы, не приблизились ко мне, а удалились! Расстояние, нас отделяющее, увеличилось. Вы стали от меня дальше... Когда-то случится нам увидеться? Ваше открытое письмо перед отъездом из Парижа, Ваши строки с дороги из Берлина были для меня невеселы¹. Я так хотел бы удержать Вас за границей! Не исполнилось мое желание относительно Вас. В Сицилии мы часто вспоминали о Вас и сожалели, что мы не вместе с Вами... Итак, Вы не проскакали и в Швейцарию?² Зачем Вы так спешили в Петербург? Ученые, кажется, повсюду в России отсрочено³. О, если бы хоть теперь начали исполняться мои желания относительно Вас! Я бы желал прежде всего, чтобы Вы сознали, как необходимо для Вас наблюдать меру в занятиях и чтобы Вы осуществили это требование рассудка. Я бы желал, чтобы Вы спокойно и без преувеличений отнеслись к преподавательскому делу... *Vox clamantis!*⁴ Пишу Вам лишь несколько строк: поздний час, и завтра утром еду в Помпеи. Мне дали разрешение, выдаваемое археологами⁵. Будьте здоровы, спокойны духом, благоразумны; не забывайте себя, своих интересов и целей.

Искренне Вас любящий В. Иванов.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 5 и об.

Вероятно, ответ на письмо Гревса с известием, что он возвратился в Петербург. Ответ Гревса неизвестен.

На том же л. почт. бум. письмо к Гревсу Д.М. Ивановой (п. 4).

¹ Упомянутые письма Гревса неизвестны. Гревс писал М.Н. Сперанскому 10/22 июля 1892 г. из Парижа (где жил по адресу: 29, Av. de Wagram, ср. п. 2): «Я пробуду здесь до 1 сент. <ября> (по европ. <ейскому> стилю)» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 1). Но на деле, как видно из комментируемого письма, Гревс возвратился домой раньше (см.: Гревс И.М. Мои поездки за границу. Л. 61. «вернулся один в Петербург в авг. <усте> 1892»). Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 14/26 августа 1892 г. «Как показались Вам Иван Михайлович? Вы позавидовали его возвращению в Россию, а я пожалел его; и кажется, что последнее более соответствовало его собственному настроению» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 7 об.).

² Ср. примеч. 7 к п. 2.

³ Официальных распоряжений об отсрочке занятий найти не удалось. В акте С.-Петербургского университета за 1892 г. упоминается обычное число лекций и прочих занятий.

⁴ Глас вопиющего <в пустыне> (лат.) Ин 1, 23; Мф 3, 3; Мк 1, 3; Лк 3, 4.

⁵ Ср. в письме Иванова Сперанскому, написанном в тот же день, 14/26 августа 1892 г. «Завтра ранним утром собираюсь пуститься в Помпеи (я добыл себе даровой билет)» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 8 об.).

4. Д.М. Иванова — Гревсу

14/26 августа 1892 г. Неаполь

14/26 ав.<густа 18>92.

Многоуважаемый Иван Михайлович!

Итак, Вы в Петербурге. Завидую и вместе не завидую Вам, но все-таки скорее завидую. Отчего Вы так рано поехали туда, по крайней мере на 2 недели раньше, чем следовало?¹ Напишите поскорее как Вы нашли своих, что нового и как Вы устроились на зиму

Вы летом как-то писали, что 8 и 10 часов не составляют разницы в занятиях² Я тогда же хотела возразить, но было некогда писать, напишу теперь. Отчего рабочие борются так ради 8-часового дня? Значит разница есть и даже разница огромная. п.<отому> ч.<то> усталому человеку 1 час вреднее, чем свежему 3 часа, а умственный труд ничуть не легче физического.

О нас Вы знаете. Мы отлично съездили в Сицилию. Мы очень жалели, что Вас не было с нами и что мы не могли делиться с Вами впечатлениями. Теперь мы все купаемся в море, и Саше это очень нравится. Как поживает Ваша Катенька?³ Поцелуйте ее за меня и поклонитесь от меня Марье Сергеевне, надеюсь, что мы со временем познакомимся⁴ Я все время с самого начала холеры беспокоюсь и мучаюсь в душе, жду ежедневно писем и газет с огромным нетерпением, читаю их еще внимательнее, чем в Риме, не пропуская ни слова и жду не дожусь октября, когда холод прогонит холеру. А время тянется медленно... Теперь, кажется, холера сюда подвигается. Вячеслав совершенно спокоен и о холере и думать не хочет, а Крашенинников прямо отрицал ее существование и только, когда я ему показала «официальное» сообщение, то поверил.

Саша Вам кланяется. Будьте здоровы и работайте меньше.

Искренне уважающая Вас

Д.Ив.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 6 и об.

Вероятно, ответ на письмо Гревса с известием, что он возвратился в Петербург. Ответ Гревса неизвестен.

На том же л. почт. бум. — письмо к Гревсу Иванова (п. 3).

¹ См. примеч. 1 к п. 3.

² Упоминаемое письмо Гревса неизвестно.

³ Екатерина Ивановна Гревс (1887—1942), дочь И.М. и М.С. Гревсов.

⁴ Мария Сергеевна Гревс (урожд. Зарудная; 1860—1941), жена И.М. Гревса (с 1885 г.).

5. Иванов — Гревсу

22 сентября / 4 октября 1892 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51, piano 2, porta 2
(presso Sig.<nore> Micheli).
4 окт.<ября> / 22 сент.<ября> 1892.

Дорогой Иван Михайлович!

Ваши упреки (но не подозрения!:) совершенно справедливы. Хотел писать Вам перед отъездом из Неаполя; собирался писать тотчас по приезде в Рим; начал, наконец, письмо на прошлой неделе, но был задержан нахлынувшими

делами. Надеюсь, что, ввиду этих добрых попыток, Вы меня извините. Надеюсь на это особенно потому, что от русских людей, кажется, нельзя и требовать ничего, кроме *bona voluntas*; а если они, в конце концов, все-таки осуществляют свои добрые намерения, то на это редкое и исключительное явление должно смотреть, как на особую, чрезвычайную и почти необязательную заслугу *Rax in hominibus bonae voluntatis*! Увы, я имею все основания причислить себя [как раз к таковым] к русским людям *bonae voluntatis*; но зато наслаждаюсь и обещанным для них миром и спокойствием¹. Этим миром я обязан преимущественно культурности римских нравов и римской флегме, столь вожденной после Неаполя, а также отдаленности от центра и [тишине] пустынности нашей городской окраины, которая, как я вижу из Вашего письма, Вам хорошо знакома. Окна наших обеих, просторных и очень мило меблированных комнат выходят на *via Gaeta*, которая в этом месте оживлена садами². Но не только своей тишиной понравился мне Рим по возвращении из Неаполя: несмотря на красоту и прелесть только что покинутых мест, возврат сюда был для меня сам по себе большою радостью, словно приезд в милый родной город³. Притом Рим так несравненно прекрасен! Подвижная и беспокойная вакация утомила своими переездами и впечатлениями, и немало удовольствия доставили мне, после полуторамесячного перерыва занятий, раслакованный Цицерон, и неизменный Йоллер⁴, и прочная оседлость с домашним письменным столом. Публиканы, правда, не доставили мне удовольствия, даже после полуторамесячной разлуки и столь же продолжительного забвения. Но я постарался быть внимательным и к ним, и разделил свои занятия на прозу и поэзию. Прозой послужило размышление над третьей и последней главой моей противной и по самому предмету своему постыдной работы⁵; а поэзией — чтение вещей, служащих дополнением к виденному (вроде Ист <орин> Сицилии Гольма)⁶, в особенности же углубление в сочинения Моммсена, гениального [старика] Моммсена, за которого я так боюсь всякий раз, когда слышу о смерти какого-нибудь славного старика: ведь умер Иеринг, умер и Ренан!⁷ Как только я обложился книгами, тотчас оказался обычный недочет в числе часов, составляющих сутки; утра, полдни, вечера начали пробегать и снова наступать с обидною быстротою; время опять стало похоже на железнодорожный поезд, а я, с своими трудами и усилиями, на идущего рядом пешехода. Вот почему, дорогой Иван Михайлович, я не писал еще из Рима Вам, да и никому, разве только матери⁸, да (однажды) брату жены⁹. Устроились мы прекрасно, и притом при помощи милого и доброго Крашенинникова (он Вам кланяется!). С большою самоотверженностью, с мелочною, чисто филологическою внимательностью и с античным презрением к усталости он, *vir summae doctrinae gravitatis constantiae*¹⁰, истинный римлянин, «эксперпировал» для нас (в сопровождении меня) все надписи, возвещающие на домах отлачу внаймы меблированных комнат, и, выбрав подходящие квартиры, составил им «index», из которого затем мы могли сделать окончательный выбор¹¹. На другой день по приезде в Рим мы уже переселились к нашим теперешним хозяевам, причем мой *fatum*¹² или же гениальный инстинкт нашего лапидарного друга¹³ и покровителя привели меня, осужденного вечно вращаться в обществе публиканов, к чистому римскому публикану с острова Эларии¹⁴. Синьор Микели, в давние годы, прежде чем дошел до своего теперешнего состояния человека, ищущего места, прежде даже чем сделался *negoziante in commestibili*¹⁵ и женился на прекрасной нашей хозяйке, брал на откуп *dazj* в *Casamicciola* на Искии¹⁶ и умеет рассказать о своей, буквально неусыпной, деятельности там такие вещи, которые живо переносят меня в общество моих античных друзей. О, если бы мой хозяин снимал на откуп Искию около двух тысяч лет тому назад! Впрочем, эти вещи с тех пор в Италии вовсе почти, как видно, не изменились. Чета наших хозяев, уроженцев и мелких землевладельцев Тосканы, имеет тринадцатилетнего сына, редко появляющегося, и держит служанку. Мы обедаем и ужинаем вместе с хозяевами и потому принуждены упражняться в необходимом употреблении *[della lingua Toscana]*¹⁷ итальянского языка, но до сих пор, за недостатком времени и энергии для занятий языком, говорим очень плохо.

Что касается экономической стороны нашего теперешнего режима, то живем мы очень дешево, за квартиру, напр. <имер>, платим 57 франков, и это обстоятельство утешает нас в разлуке с Палумбо¹⁸, который продолжает содержать отель, так как его мнимое намерение сложить с себя непосильное бремя управления отелем было только маневром, долженствовавшим заставить домовладельца уменьшить вносимую Палумбо наемную плату, чего последний и достиг¹⁹. «Арранжировав»²⁰ таким образом свои дела, искусный и решительный политик теперь, вероятно, спит, и только коварная измена русских [быть может.] тревожит его покой. Но почему бы стали мы теперь жить у него, когда Вас нет в Риме? Если бы Вы были здесь, о! тогда бы мы отлично воскресили то хорошее и памятное время, когда мы жили вместе в Albergo Alibert²¹. В самом деле, как жаль, что Вас нет теперь в Риме с нами! А сколько времени мы останемся здесь – и сам не знаю. Ах, Вы слишком правы, когда зовете меня скорее в Россию²²... но...

Как Вы однако поживаете, дорогой Иван Михайлович? Вы ничего не пишете о своих. Вернулась ли и здорова ли семья? Ваше письмо показывает, что Вы волнуетесь и еще не вошли в колею занятий. Теперь однако уже начались, конечно, лекции и уроки²³, и я уверен, что Вам стало легче. Труден, конечно, только первый шаг; уже первый приятно прошедший урок и в особенности первая лекция, в течение которой Вы успели уже увлечься, которую Вам жаль было кончать, которая и слушателям показалась слишком скоро окончившейся, которая оставила и в Вас, и в слушателях как бы легкое опьянение, такая первая лекция (а я знаю наверное, что она была у Вас именно такая) может сразу поднять дух на недостижимую высоту, и даже я с моим столь матым интересом к университетскому преподаванию, не говоря уже о Вас, лекторе и профессоре по призванию, так увлекся бы после такого начала, что ждал бы с нетерпением, как какого-то праздника, следующих дней, когда мне придется взойти на кафедру. Итак, мне кажется и я надеюсь, что теперь Ваше настроение совершенно изменилось, что Вы себя чувствуете хорошо и легко, что Вы относитесь к лекциям просто и правильно, без излишних кропотливых приготовлений, без детальных изучений, не поднимая туч книжной пыли. Во всяком случае поскорее напишите мне: мне так хочется знать побольше о Вашей жизни домашней и общественной, о Вашей доцентской деятельности. Что касается науки, то я не только не считаю, конечно, Вас для нее «пропавшим», но думаю, что перерыв в Ваших занятиях по диссертации послужит ей на пользу, заставит Вас взглянуть на дело свежее, увидеть вопрос как бы в новом освещении. Я говорю о перерыве занятий, потому что предполагаю, что теперь у Вас [почти] нет времени думать о диссертации, и я думаю, что если это действительно так, то в этом еще нет ничего особенно печального. Хлопочите только о командировке. Печальнее всего было бы, если бы Вы предавались непосильным занятиям. Вам должно работать как можно меньше, поверьте мне, и должно беречь силы на командировку. Молите богов послать Вам легкомыслия, апломба и уменьшить Вашу добросовестность. Но это все я уже Вам не раз высказывал. Очень понравилось мне Ваше намерение написать популярную статью о Помпеях²⁴. Я думаю, она Вас не особенно затруднит, если и на нее взглянуть попошле. Такая статья была бы очень интересна и полезна, и не для одной России. А у Вас есть, если не знания специалиста по изучению Помпей, то во всяком случае достаточная историко-археологическая и филологическая эрудиция, энтузиазм и любовь к предмету, как у немногих, впечатления очевидца и умение хорошо писать. Только не пропусайте случая *описывать*; больше, живее, нагляднее, художественнее описывайте. Это [предупреждение] увещание кажется мне потому уместным, что Вы увлекаетесь Буассье; а между тем следовать за ним Вам не должно. Между прочим, сообразно общему характеру его сочинения²⁵, форму которого можно назвать *sausage*²⁶, у него мало чисто описательного элемента. К тому же описывать Буассье вообще не умеет: не даром он француз классического французского типа. Его сильная сторона – изображение нравов и отношений между людьми; живы у него и характеристики людей, хотя несколько внешни и сделаны с точки зрения света и отношений

характеризуемой личности к другим. Так как эти стороны его таланта особенно блестящи, то я нахожу, что его «Цицерон» лучше его «Promenades»²⁷. Присланная Вам Фурхгеймова Bibliotheca Pompeiana содержит, по уверению самого Фурхгейма, все, что ему до сего дня известно по помпеянской литературе; со времени выхода в свет этого последнего издания «библиотеки» будто бы ничего еще не появлялось в печати. Он своей книгой весьма гордится, говорит, что работал над ней 12 лет²⁸, и берет за нее, сообразно с таким высоким мнением о ее значении, 6 франков, которые Вы, пожалуйста, не спешите мне выслать и подождите okazji. Я думал, что посланные мною книги не достигнут так скоро своего назначения и залежатся в цензуре. Тем лучше, что они уже давно в Ваших руках. Благодарю Вас за них, и жена также: они нам много дали и служили²⁹. Ради точности, замечу, что я выслал, кроме Фурхгейма, Овербека «Помпей»³⁰, Буассье «Promenades I» и Мейера «Unter-Italien», причем я должен признаться с чувством раскаяния, что потерял приложенный к Мейеру план Неаполя³¹. Не хотите ли, я куплю здесь отдельный план и вышлю Вам? – напишите; план может быть Вам нужен. Остальные Ваши книги я покамест удержал у себя, так как они мне очень полезны; если они Вам нужны, тотчас же, прошу Вас, напишите. Однажды, когда я был в Ufficio del Prestito библиотеки Vittorio Emanuele³² (à propos, я собрал уже давно библиотечные бланки, кот.<орые> Вы хотели иметь, и как-нибудь пришлю Вам³³), пришли ко мне библиотекари – несколько человек, с самим, если не ошибаюсь, Нюли (= ведь это он с седыми усами?)³⁴, и стали меня расспрашивать о русских журналах общего содержания, вроде Revue des deux mondes³⁵. Пришлось объяснять даже их политическое направление. Я назвал несколько толстых журналов и преимущественно указал на Вестник Европы³⁶. Они хотели написать более распространенный и дающий больше материала о России. Мне казалось, что Вы мне говорили, будто В.<естник> Евр.<опы> уже имеется в библиотеке V.<ittorio> E.<manuele>, и я пытался уверить библиотекарей, что есть шансы найти этот журнал в депо библиотеки; но они отрицали, что журнал уже получается. – Получил я, вскоре по приезде в Рим, письмо, на конверте которого значилось Cercle Saint Simon³⁷. Оказалось, что пишет Айналов³⁸, находившийся тогда вместе со Сперанским в Париже³⁹ – Опять Вы меня сконфузили, Иван Михайлович, и вместе опять обязали. Охота Вам была говорить обо мне и особенно о моей работе с Васильевским да еще заинтересовывать моей особой таких знаменитостей⁴⁰. Это значит увеличивать число (и без того слишком большое) [неоправданных мною надежд] людей, надежды которых я не оправдываю. И мой несчастный маленький опускул становится тем хуже и незначительней, чем больше о нем говорят. Право, впечатление, которое он мог бы произвести, было бы лучше, если бы Виноградов⁴¹, Вы и т.д. не ожидали от меня большего, чем сколько я могу дать; а потому напрасно Вы обо мне говорили! Простите меня за эти упреки, я горячо благодарю Вас за дружбу и доброжелательство. Но вперед уже обо мне, как об «ученом авторе», пожалуйста, ни с кем не говорите. Передо мной присланный Крашенинниковым СПб. Университетский отчет за 1891 г. На 62 стр. вижу Ваше имя⁴². Дивлюсь изобретательности Ваших студентов в отношении motto к сочинениям⁴³.

О семье [пишу так] упоминаю, кажется, слишком поздно, в самом конце письма. Какой плохой семьянин, думаете Вы и уже готовы прочесть мне мораль. Жена Вас сердечно приветствует. Она довольна Римом, хотя находит, что мы живем слишком уединенно и Крашенинников, который с избытком довлеет мне в смысле общества знакомых («Платон для меня заменяет тысячи!»⁴⁴), ей недостаточен. Флерова еще нет и нельзя поздравить его с рождением новой дочки, появившейся на свет на другой день по его возвращении из России⁴⁵. Жена учится дальше на мандолине и ходит в сквер к термам Диоклетиана с Сашей. Последняя растет и занимается рисованием и каллиграфией. У нее есть общество: дети в саду, иногда мальчик хозяев и принадлежащие нашему дому собачонка «Ида» и tartaruga⁴⁶. Будьте здоровы и счастливы. Но как жаль, что Вас нет с нами!

Ваш В. И.

<P. S.> Последний глоток вина древние посвящали «Доброму богу» и призывали затем унести столы. Чтобы Клио была к нам добра, посвятим ей последний глоток. До 23 года по Р.Х., говорит Тацит (Ann. 4, 7), были *rari per Italiam Caesaris agri*; после 23 г. это изменилось, следовательно, *agri Caesaris* стали multi. Впрочем, если это место Вас даже и интересует, оно Вами наверно замечено⁴. —

Ваш В.И.

Р. Р. С. Фотографию Оранжа⁴⁴ я выпишу как-нибудь сам вместе с [другими] нужными мне [парижскими] луврскими фотографиями б.<ыть> мо.<жет>, через Айналова.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 7–10.

Ответ на неразысканное письмо Гревса. Ответ Гревса неизвестен.

¹ Латинское выражение (*bona voluntas* — добрая воля, ниже: <Gloria in altissimis Deo et in terra> *Pax in hominibus bonae voluntatis*! — <Слава в вышних Богу и на земле> Мир в людях доброй воли!) восходит к Вульгате (Лк 2, 14), в греческом и славянском переводах Библии стих звучит иначе: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Этот евангельский стих играет важнейшую роль как в восточном, так и в западном богослужении.

² Улица Кастельфизардо, где жили Ивановы, и пересекающая ее улица Гаэта располагаются на периферии Рима 1890-х гг., в районе активной застройки второй половины XIX в. (как говорит Иванов в п. 8, это «местность ... несколько отдаленная от центра»). Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г. «Местность также отличная — зоровая, тихая, обильная элегантными виллами с садами. Не знаю, представляете ли Вы себе, где мы живем. Живем мы подле piazza Indipendenza, однаково близко от станции и от Министерства Финансов, близ [Аврелиановых стен] porta Pia и Casita Praetoria» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 11 об.).

³ «Зато в Риме так хорошо, мне он так нравится! ... Теперь я и узнал его лучше. До поездки в Неаполь я был здесь вполне форестьером. Итальянцев не видел, жил в гостинише и притом в квартале форестьеров» (Там же).

Ср. в стихах, написанных Ивановым в 1892 г. по возвращении в Рим:

Тихо по солнечным стогам; под золотом спят кипарисы;
Песню под рокот струны нинший заводит слепец.
Муза, сопутствуй: схоластика жжет Капиталий ученый!
Долог мне путь до кремля от преторьянских бойниц...
Вот и Траянов колосс, и колонн безглавых граниты!
Остов в открытом гробу — Форум лежит подо мной.
Мощи мраморной славы! Помост лицедейства кровавый!
Прах безглазых давно, велемечивых личин!
Вот путь Побед, и Свободы амвон, и святыня Согласья!
Вот Самовластья врата! Вот Раблепия столп!
Белые кости базилик... останки портиков стройных...
Три несравненных столпа Кастор с Поллуксом хранят!...
Там Палатин: там — Титов триумф; там свод Константина;
Мошь Колоссеума там: здесь — Табуларий, и всхол.
На Капиталий крутой я всхожу: вот и конь Антонина;
Веших меж свитков меня жмет молчаливый фисс...

(Кормчие звезды, Laeta, II)

...от преторьянских бойниц — улица Кастельфизардо, где поселился Иванов, вернувшись в Рим из поездки по югу Италии, находилась в непосредственной близости от окраинного тогда района современного Рима — Кастро Преторио, названного по располагавшемуся на этом месте в древности лагерю (castra) преторианской гвардии. Траянов колосс — колонна императора Траяна (113 г. н.э.). путь Побед — via Triumphalis, путь, по которому победоносный полководец, удостоенный триумфа, шествовал во главе своего войска, направляясь с Марсова поля по via Sacra через Форум — в храм Юпитера Капитолийского. Свободы амвон — ростры, украшенные носами кораблей возвышение, с которого выступали ораторы на форуме (в ходе переустройства форума, начатого при Цезаре и завершеного при Августе, были выстроены видные теперь императорские ростры — rostra Julia, 29 г. до н.э.). — святыня Согласья — храм Согласия (aedes Concordiae), строительство которого началось в 367 г. до н.э. в ознаменование окончания междоусобной борьбы патрициев и плебеев. — Самовластная врата — арка импера-

тора Септимия Севера, воздвигнутая в 203 г. н.э. рядом с рострами. *Раболения столп* — колонна византийского императора Фоки (608 г. н.э.), текст надписи на которой отражает предельную степень уничтожения подданных перед лицом императора. *Три несравненных стала* до сих пор высшие три коринфские колонны храма Диоскуров, основанного в 484 г. до н.э. и восстановленного после пожара в 12 г. до н.э., представляют собою наиболее зрелищный памятник римского форума. *Титов триумф* — арка императора Тита (после 81 г. н.э.). *свод Константина* — базилика Максенция, или Константина (начало IV в. н.э.). *Табуларий* *tabularium*, государственный архив древнего Рима. Фасад монументального здания, возведенного в 78 г. до н.э., по сей день господствует над форумом, замыкая его панораму. С использованием сохранившихся конструкций табулария построен Палаццо Сенаторио на Капитолии, неподалеку от которого размещался Германский археологический институт. *комь Антонина* — конная статуя императора-философа Марка Аврелия Антонина (161–180). *...меж свитков* — поэтизм: в библиотеке Германского археологического института Иванов работал, разумеется, с печатными книгами. *фиас* — от греч. *φάσος* — экстатическая свита Диониса, сонм вакхантов (ср. примеч. 26 к п. 7).

Перед нами скрупулезная в значимых деталях ежедневная картина римского быта Иванова, вернее описание (начинаемое, как в эпической поэме о великих странствиях, с обращения к музе и с образа сказителя, певца-лирика) его ежедневного путешествия сквозь современность через останки древнего Рима в вакхическое иступление анвременной встречи с несказанным. Поэт-схоластик (от лат. *scholasticus* — ученик, у этого слова есть очень важный для понимания ивановского самосознания смысловой вариант: учитель риторики, красноречия или ученик, обучающийся красноречию) отправляется на Капитолий, где в ту пору располагался Германский археологический институт, в библиотеке которого ежедневно занимался Иванов. Начиная с этой строки, Иванов описывает свой путь от дома до института: по современной виа Национале, не дающей пищи поэту и не удостойной слова, но в конце ее перед ним открывается панорама форумов, ближайший из которых — форум Траяна. Кратчайшим путем поэт-историк выходит к подножию Капитолийского холма со стороны Римского форума. В целом перечисление памятников в этой части послания выстраивает логику римской истории — от эпохи процветания гражданских доблестей и величия Рима к нравственной деградации и гибели государства. Структура следующего раздела определяется двояким взглядом поэта и его перемещением в пространстве. Обводя взглядом панораму с Колизеем в глубине, он поднимается по крутой лестнице на Капитолий, к подножию монумента Марка Аврелия.

Единственной приметой современного пространства (кроме пейзажно-погодной, бытовой красоты) его протяженности: «Долго мне путь до кремля от преторьянских бойниш»: перемещение в этом пространстве говорит одно многозначное умолчание. Реальная топография города для Иванова — древнеримская. Поэт последовательно разуплотняет, снимает временную и языковую отдаленность от созерцателя, обособленность видимого и описываемого исторических остатков: он обозначает римские реалии славянскими их соответствиями (римская крепость — ак на Капитолии — кремль), перемещает номенклатуру автохтонную со славянизированной (кремль — Табуларий), переводит римские названия на русский язык (путь Побед — *via Triumphalis*), сравнивает русское просторечие с классическим корнем (преторьянский), в результате древний мир безглавых колонн, мошей былой славы предстает неумиравшим, вечно живым и досягаемо-близким. Более чем вероятно сопряжение ивановского подъяма на Капитолий с восхождения жреца в «Памятнике» Горация (Satm. III. 30. 8–9: «*dum Capitolium scandit... pontifex*» — «в высь Капитолия || всходит жрец» — пер. Я.Э. Голосовскера). Но библиотека археологического института оказывается святилищем греческих вакхических радений, миру еще не объявляемых («малодливыя фиас») противопоставление Рима и Греции зафиксировано уже этим текстом.

⁴ Альфред Яллер (Alfred Joller) — секретарь библиотеки Германского археологического института в Риме в 1883–1926 гг. По происхождению швейцарец, служил в папской гвардии, а потом поступил на службу в Институт, где в конце концов сосредоточил в своих руках функции домоправителя, счетовода и, главное, хранителя (*custos*) библиотеки. Пользовался уважением и доверием коллег, хотя его и побаивались как властного педанта (см.: *Wickel I. Beiträge...* S. 63). Ср. в письме Иванова Сперанскому от 16/28 июня 1892 г. упоминание о встрече с Яллером на праздновании Иванова дня в Риме (см.: Переписка... I. С. 293, примеч. 3): «Нашего классического Иоллера я видел важно илущим под руку с какой-то немецкой красавицей и громко высказывающим ей свои соображения на тему: [обыч<аи>] Volksfest» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ел. хр. 30. Л. 3 об.). *Volksfest* — народный праздник (нем.).

⁵ См. примеч. 2 к п. 1. В книге, опубликованной в 1910 г., двенадцать небольших глав, так что определить, что имел в виду Иванов в 1892 г., говоря о третьей и последней главе, не представляется возможным.

⁶ В «дополнение к виденному» Иванов штудировал фундаментальный труд «История Сицилии в древности» (*Holm Adolf. Geschichte Siciliens im Alterthum*), первые два тома которого вышли несколькими изданиями в Лейпциге в 1870–1874 гг. (третий том появился значительно позже, в 1898 г.).

⁷ Теодор Моммсен (Theodor Mommsen; 1817–1903; более привычно: Моммзен) — общепризнанный глава немецкого антиковедения второй половины XIX в., внес огромный вклад в изучение классической филологии, эпиграфики, римского права и истории. Иванов у него учился в

Берлине (подробнее см. Переписка... II). Ср.: *Иванов Вяч.* О Моммзене. С. 46–48. Рудольф фон *Леринг* (Rudolf von Lhering; 1818–1892) — немецкий юрист-романист и философ права; умер 5/17 сентября. Жозеф Эрнест *Ренан* (Joseph Ernest Renan; 1823–1892) — французский филолог, историк религии; умер 20 сентября / 2 октября (ср. замечание Иванова о нем в конце п. 8).

Имена Моммзена и Ренана оказались, вероятно, прочно связанными в памяти Иванова; ср.: «Воспоминания, которым иногда В.И. предавался, переносили нас куда-то далеко в девятые годы, так далеко от надвигавшейся грозы, что Моммзен, Ренан, которого он видел еще в Париже, казались какими-то нереальными призраками, вызванными из канувшего в вечность прошлого» (*Ананьев Евг.* Вячеслав Иванов: (Встречи и воспоминания) // *Новое русское слово*. Нью-Йорк. 1952. 9 нояб. Полп. Евг. Ананьева; мемуарист вспоминает о разговорах с Ивановым в Риме в 1930-е гг.).

⁸ Письма Иванова к матери, Александре Дмитриевне *Ивановой* (1824–1896), неизвестны. — В письме от 10/22 декабря 1892 г. Иванов благодарил вернувшегося в Москву Сперанского за то, что тот навещал обеих матерей (его и Дарьи Михайловны), и просил: «напишите мне, и притом откровенно, как показалась Вам моя мать в отношении здоровья и крепости. Ей ведь уже скоро исполнится 69 лет. Я так давно не видел ее, и мне хотелось бы знать, до какой степени ее вид произвел на Вас впечатление дряхлости и слабости. Разлука моя с нею все не приходит к концу и временами это меня страшно беспокоит...» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 11).

⁹ Письма Иванова к шурину, Алексею Михайловичу *Дмитриевскому*, оказавшему на него в молодые годы огромное влияние, неизвестны. Ответные письма А.М. Дмитриевского (РГБ. Ф. 109. К. 18. Ед. хр. 1–7) представляют собою важнейший, но до сих пор не изданный и не основанный источник для понимания биографии и творчества Иванова.

¹⁰ Муж величайшей учености, серьезности и выдержки (*лат.*); эпитеты из арсенала Цицерона (ср.: *Cic. Tuscul. I. 1, Ad fam. II. 14*), у которого *gravitas* и *constantia* — типично римские «прирожденные» добродетели, а *doctrina* — ученость, по преимуществу греческая.

¹¹ Иванов рассказывает о поисках квартиры в Риме, играя с реалиями филологического труда: тематическое собрание экспонатов (от *лат. excerptum* — извлечение) распространенный жанр историко-филологических публикаций, к которым для удобства пользования положено составлять *index* — указатель (*лат.*).

¹² Рок, судьба (*лат.*).

¹³ Т.е. М.Н. Крашенинникова.

¹⁴ Древнее название Иским, острова в Неаполитанском заливе.

¹⁵ Торговец съестными припасами (*итал.*).

¹⁶ *Казамиччала* — населенный пункт на о. Иския, где квартирный хозяин Ивановых брал на откуп поштинны (*dazi*).

¹⁷ Тосканского языка (*итал.*); за этими словами стоит реальность, выражаемая распространенной поговоркой, согласно которой итальянский язык — это *la lingua toscana nella bocca romana* («тосканский язык в римских устах»: норма итальянского языка создана писателями из Тосканы — Данте, Петраркой, Боккаччо).

¹⁸ Ср. в письме Иванова Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г.: «Теперь мы живем одной семьей с нашими хозяевами — тосканцами, едим с ними и пьем, знакомы с их знакомыми. Комнаты у нас отличные, а жизнь гораздо дешевле, чем под кровом Палатубо, и притом гораздо естественнее» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 11–11 об.).

¹⁹ Ср. примеч. 16 к п. 1.

²⁰ Галлицизм от франц. *arranger une affaire* — устроить, уладить дело.

²¹ См. примеч. 15 к п. 1.

²² Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г.: «Вы описываете свою московскую жизнь без особенных восторгов, а отсюда кажется напротив, что жизнь Ваши в Москве должна быть в той же мере приятна, в какой она полна и содержательна. Вы живете, счастливее, с родными, с друзьями, и притом Вы деятель на родине...» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 12). Судя по этой фразе, Иванов обсуждал со Сперанским возможность своего более или менее скорого возвращения в Москву.

²³ Лекции на Высших женских курсах, уроки в гимназии Таганцевой. См. примеч. 7 к п. 1.

²⁴ Этот замысел Гревса остался неосуществленным. Стоит упомянуть, что Помпеем была посвящена первая печатная работа М.И. Ростовцева (О новейших раскопках в Помпеех // *ЖМНП*. 1894. Январь–февраль. Отд. V. С. 45–101, ср. ниже, в примеч. 43, о его медальном сочинении также на «помпейскую» тему). — Ростовцев познакомился с Ивановым в Италии в 1893 г., сохранился оттиск упомянутой статьи о Помпеех с дарственной надписью «Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову от автора» (см.: *Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю.* Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов: (Новые материалы) // *ВДИ*. 1993. № 4. С. 210–212; Скифский роман. С. 248).

²⁵ Гастон Буассье (Gaston Boissier, 1823–1908), французский историк. Речь идет о его многократно переиздававшемся труде «Археологические прогулки: Рим и Помпеи» (*Promenades archéologiques: Rome et Pompei*); первое издание вышло в 1880 г., а четвертое, которое, скорее всего, и имеется в виду, — в 1891 г.

²⁶ Болтовня, непринужденная беседа (франц.).

²⁷ Упоминант труда Г. Буассье «Цицерон и его друзья» (*Boissier G. Cicéron et ses amis: Etude sur la société romaine du temps de César*. Paris, 1865), в 1892 г. вышло его 9-е издание.

²⁸ Речь идет о труде немецкого библиографа и книгопродавца, работавшего в Неаполе: [Furchheim F.] *Bibliotheca pompeiana: Bibliografia di Pompei, Ercolano e Stabia* / Comp. da Friedrich Furchheim, libraio. 2^a ed. riv. e ... aum. Napoli, 1891. XXX, 118 p. Первое издание, действительно, вышло за двенадцать лет до второго, в год столетнего юбилея начала раскопок в Помпеях, в виде небольшой брошюры под заглавием «Помпейская библиотека» (*Furchheim F. Bibliotheca pompeiana: Catalogo ragionato di opere sopra Ercolano e Pompei pubblicate in Italia ed all'estero dalla scoperta delle due città fino ai tempi più recenti, con un appendice Opere sul Vesuvio*. Napoli, 1879).

²⁹ Речь идет о поименованных ниже книгах Гревса, как видно из комментируемого письма, оставленных Иванову для подготовки к путешествию по Южной Италии (только сочинение Фурхгейма было куплено Ивановым по заказу Гревса после его отъезда, возможно даже в Неаполе непосредственно у автора).

³⁰ Речь идет о книге историка античного искусства Иоганна Алольфа Овербека (1826–1895): *Overbeck J.A. Pompeji in seinen Gebäuden, Alterthümern und Kunstwerken*. Leipzig, 1856. В 1884 г. она вышла четвертым, расширенным и переработанным изданием, в подготовке которого с автором сотрудничал А. Май (о нем см. в примеч. 5 к п. 8).

³¹ Имеется в виду туристический путеводитель знаменитой серии «*Meiers Reisebücher*», все выпуски которой в т.ч. и упоминаемый путеводитель по Южной Италии и Сицилии (*Gsell Fels Th. Unteritalien und Sizilien*) многократно переиздавались. О другом путеводителе из той же серии («*Mittel-Italien*») Гревс писал в своих воспоминаниях: «меня привлекала (помимо обстоятельности описаний) необычная в подобных книгах теплота тона, ярко звучащая любовь к Италии, субъективный, даже лирический элемент, идущий навстречу к читателю» (*Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией*. С. 290).

³² Отдел абонементов библиотеки Виктора Эммануила (*итал.*), ныне — Национальной итальянской библиотеки в Риме.

³³ По-видимому, бланки были нужны Гревсу в связи с его интересом к организации библиотечного обслуживания; сведений о получении их Гревсом у нас нет.

³⁴ Доменико Гноли (*Domenico Gnoli*; 1836–1915) — знаменитый в свое время итальянский поэт, служивший в библиотеке Виктора Эммануила.

³⁵ Наиболее представительный в XIX в. французский «толстый журнал».

³⁶ «Вестник Европы» — журнал, выходивший в Петербурге с 1866 по 1918 г., по традиции — главный орган русского либерализма, сумевший собрать вокруг себя выдающихся публицистов и ученых.

³⁷ Ср. в письме А.И. Кирпичникова к Ф.И. Буслаеву из Парижа: «Сделался я членом *Cercle St Simon Société historique*: это очень дешево (всего 12 ¼ франков за 1/2 года), а между тем там все ученые журналы, масса газет и библиотека, открытая от 9 утра до 12 ночи» (РГБ. Ф. 42. К. 12. Ед. хр. 6. Л. 58 об.). В этот своего рода клуб исторического общества в 1894–1895 г. захаживал Гревс — см. Переписка... III. С. 318.

³⁸ Дмитрий Васильевич Айналов (1862–1939) — историк христианского, византийского и древнерусского искусства; о нем см. *Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество*. архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Мелведева. СПб., 1995. С. 259–312. В 1891–1893 гг. Айналов, получивший в 1890 г. назначение приват-доцентом Казанского университета, находился в заграничной командировке для подготовки магистерской диссертации и весной 1892 г. познакомился с Ивановым и Гревсом в Риме, откуда в мае отправился в путешествие по югу Италии вместе со своим старым другом (они вместе учились у Н.П. Кондакова в Новороссийском университете), историком искусства и археологом Егором Кузьмичом Рединым (1863–1908), и М.Н. Сперанским. См. *Иодко О.В. Е.К. Редин: жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов)* // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Мелведева. СПб., 2004. С. 311–345.

³⁹ 29 августа / 10 сентября 1892 г. Иванов писал Сперанскому в Париж: «Раз был узнать из Вашего письма, что Дмитрий Васильевич с Вами, я получил таким образом возможность написать ему; прошу Вас передать ему мое письмо...» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 9). — Ср. след. примеч.

⁴⁰ Это письмо Айналова к Иванову известно; см.: РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 10. Л. 1–3. Айналов писал 15 сентября 1892 г. из Парижа: «Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, третьего

дня, во время наших последних прогулок, Михаил Несторович <Сперанский. Изд.> передал мне Ваше письмо, прочтя которое я почувствовал утраченную совесть за свое поведение по отношению к Вам. Извиняюсь от всей души за свое молчание и за свою неаккуратность; далее Айналов рассказывает о поездке с Ретиним и Сперанским по Южной Италии (Неаполь, Салерно, Амальфи и т.д., ср. описание этой поездки в письме Айналова и Ретина к Гревсу и Иванову от 28 мая 1892 г. — см.: Переписка... I. С. 292—293), обещал Иванову прислать из Парижа свои пейзажные зарисовки палермитанских садов Маргериты.

⁴⁰ По всей видимости, в неизвестном нам письме Гревс передавал свой разговор с В.Г. Васильевским об Иванове и его работе (см. примеч. 1 к п. 25).

⁴¹ Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925) — крупнейший специалист по истории и праву западноевропейского средневековья, профессор (экстраординарный, 1884—1889, ординарный, 1889—1901) Московского университета по кафедре всеобщей истории. В 1901 г. уехал в Англию, где в 1903 г. возглавил кафедру сравнительного правоведения Оксфордского университета (см. примеч. 17 к п. 75). В предисловии к изданию своей диссертации Гревс благодарил Виноградова следом за выражением признательности своему непосредственному учителю В.Г. Васильевскому: «Исполняя долг дальнейшей благодарности, не могу не отметить, что получил много в высшей степени ценных советов от уважаемого профессора Московского Университета, нашего замечательнейшего знатока средневековой истории П.Г. Виноградова. Я с большою пользою применил к своей работе важные теоретические соображения, которые были высказаны им по поводу исследуемой мною темы во время наших встреч в Москве, Париже и Петербурге в тот период, когда первоначально сложился общий план моего труда; с искренним удовольствием вспоминаю я о беседах с ним, сожалел лишь, что они повторялись недостаточно часто для того, чтобы мне оказалось возможным в желательной мере воспользоваться его ученым влиянием» (Гревс И.М. Очерки... С. XVIII). Ср.: Переписка... II. С. 304, примеч. 3.

Иванов был знаком с Виноградовым со времени своей учебы в Московском университете, встречался с ним и следовал его советам в то время, когда учился в Берлине (подробнее см.: Переписка... II. С. 309), поддерживал отношения и позднее (ср., например, в письмах 1893 г. к Сперанскому в Москву просьбы передать «при удобном случае низкий поклон глубокоуважаемому Павлу Гавриловичу» РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 16 об.; ср.: РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 616). К сожалению, сохранились, по-видимому, только два письма П.Г. Виноградова к Иванову и одна визитная карточка (РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 61); наиболее содержательный из этих документов приводится в примеч. 5 к п. 47); письма Иванова к Виноградову, как кажется, утрачены вовсе. Во всяком случае, в фонде Виноградова, хранящемся в Law School Гарвардского университета, писем Иванова нет.

⁴² См.: Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1891 год, составленный экстраординарным профессором Д.П. Коноваловым и читанный на годовичном акте 8-го февраля 1892 года. СПб., 1892. Во включенном в этот отчет издечении из отчета о деятельности Исторического общества при С.-Петербургском университете за 1891 г. в числе сообщений, сделанных на заседаниях данного общества по вопросу о преподавании истории в среднесуточных заведениях, упомянуто и выступление Гревса на тему: «История, как наука и как предмет преподавания» (С. 62).

⁴³ К упомянутому в предыдущем примечании отчету прилагалась «Записка о наградах студентов С.-Петербургского университета медалями в 1892 году и о вновь предложенных темах для соискания наград медалями в 1893 г.» (С. 25—94 отдельной пагинации). *Motto* от итал. *molto* — девизы, под которыми студенческие работы подавались на рассмотрение комиссии. Среди удостоенных в тот год золотой медали был и «студент VIII семестра» М.И. Ростовцев, писавший сочинение на тему: «Исправить и дополнить помпейскую городскую хронику Ниссена на основании новейших раскопок и исследований» под довольно избитым девизом — парафразой формулы, которой римские консулы заключали свою отчетную речь, передавая полномочия преемнику «*Quod potui feci, faciant meliora potentes*» («Я сделал, что смог, пусть, кто может, сделают лучше». С. 25). А изобретательность, удивившую Иванова, скорее можно усмотреть в девизах иного рода, например: «Куда конь с копьем, туда и рак с клешней» (медальное сочинение студента IV семестра Александра Равевского на тему по русской истории «Род князей Шуйских в XV—XVII веках». С. 27). «Уж тут нечего толковать про русскую речь... речь известна такая: все святые говорили по-русски» (медальное сочинение студента VIII курса Николая Тупикова на тему: «Древнерусские личные собственные имена». С. 42).

⁴⁴ Ср. в диалоге Цицерона «Брут, или о знаменитых ораторах» (191): «Действительно, Демосфен не мог бы сказать того, что сказал, говорят, знаменитый поэт Антимах, читая перед слушателями свою большую поэму, всем хорошо известную. Когда все слушатели, кроме Платона, покинули его в самый разгар чтения, он сказал: «И все-таки читать я буду: один Платон стоит для меня сотни тысяч» *«Plato enim mihi unus insar est centum milium»*. Изд.» И он был прав. Ибо трудной поэме достаточно одобрения немногих, тогда как всенародная речь должна вызывать сочувствие целой толпы. И если бы один Платон остался слушать Демосфена, а все остальные покинули бы его, то Демосфен не смог бы сказать ни единого слова» (Марк Туллий

Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1994. С. 294; пер. И.П. Стрельниковой).

Теми же словами Иванов говорит о своем отношении к Крашенинникову в письме к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г. «Платон для меня заменяет тысячи, говорю я обыкновенно о нашем единственном друге — Крашенинникове. Он очень часто оставляет свою поэтическую пустыню близ Колизея и зеленого Целия, чтобы просидеть у нас вечер до позднего часа, потягивать, поспорить, обсудить текущие наши специально-филологические интересы как подобает *Fachgenossen* и обменяться за чашем с нашими хозяевами веселыми *scherzi*: которые он, часто в полном контрасте с их содержанием, произносит с солидной и серьезной медленностью и на очень правильном итальянском языке. Он, право, очень мил и добр и мы с ним хорошо сошлись» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 11 об.). Крашенинников жил на улице, спускавшейся с холма Целия к Колизею (*via Claudia*, 27 см. приложение к п. 6). *Fachgenossen* — коллеги (нем.). *Scherzi* — шутки (итал.).

⁴⁵ Христофор Александрович Флеров (1846–1927) командирован Св. Синодом в 1874 г. в сане диакона в посольскую церковь Св. Николая в Риме, в 1907 г. рукоположен там же в иереи, кавалер ордена Св. Анны 3-й степени, протоиерей, председатель строительной комиссии русского подворья в Бари, духовник княгини Марии Павловны Абамелек-Лазаревой (урожд. Демидовой, княжны Сан-Донато), которая поставила надгробие на его могиле на кладбище Тестаччо в Риме, где Флеров похоронен вместе с женою и двумя дочерьми (биографическими сведениями о Флерове мы обязаны любезности М.Г. Талалая). Флеров — не только священнослужитель, но и филолог, ученик В.К. Эрнштедта играл ключевую роль в жизни русских в Риме; см., в частности, письма А.В. Михайлова к М.М. Сперанскому конца 1891 — начала 1892 г. (РГБ. Ф. 601. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 14–16); именно Флеров помог найти Крашенинникову его первую квартиру в Риме, у подножья Яникула (см. письмо последнего к В.К. Эрнштедту от 12/24 марта 1892 г. // ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ед. хр. 107 Л. 8).

В письме Флерова к Эрнштедту от 28 марта 1892 г. мы находим интересное перечисление деятелей русской культуры, с которыми Иванов и Гревс могли встретиться в Риме: «С художниками выдаться нечасто; их здесь немало: братья Сведомские. Ришони, Рейман. Бронников, Александров, Гамбургер, Васильев, Блинов. Салтыков и Врубель; архитекторы: Грим, Бах и Бернгардт. Много ученых: И.В. Цветаев, А.И. Кирпичников, В.И. Модестов, Айялов, Редин, Гревс, Михайлов, Левитский, проф. Ярославского» — лица Сперанский. Со всеми знаком и спасибо не пишу: меня не ученого. Вчера провел вечер с дорогим Мих. <аилом> Никитичем <Крашенинниковым. Изд.>; он здоров и благодушствует, занимается очень ретиво» (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 3 и об.). Отметим, что весной 1892 г. Флеров жил на Пьяцца дель Пополо, недалеко от Ивановых.

⁴⁶ Черепаха (итал.).

⁴⁷ Иванов в заключение письма («посылая последний глоток Клио») обращается к проблематике академической работы Гревса к истории римского землевладения — и обращает внимание друга на свидетельство Тацита (Апп. 4. 6, а не 4. 7), сообщавшего, что до 23 г. по Р.Х. «в Италии императорские имена были редки», — после 23 г., заключает Иванов, таких имений стало много. В «Очерках» Гревс на этот пассаж не ссылается, что и естественно: он должен был бы фигурировать в разделе об истории императорского землевладения, который так и не был опубликован (подробнее см. Переписка... III).

⁴⁸ Оранж (Orange, античн. Arausio), город в Нарбонской Галлии, со времени Цезаря римская колония. Известен превосходными памятниками древности: театром, триумфальной аркой, храмом. По дороге в Италию Иванов в 1892 г. посетил Оранж (Автобиографическое письмо. С. 19). Однако мы не можем сказать, какие снимки памятников Оранжа (а равно и Лувра) ему были нужны, и получил ли он их.

6. Иванов — Гревсу

26 октября / 7 ноября 1892 г. Рим

По зрелом размышлении совместно с Михаилом Никитичем мы пришли к заключению, что работу Вашу, дорогой Иван Михайлович, предполагая здоровое и простое к ней отношение — вовсе нельзя считать особенно трудной; а принимая в расчет, что она должна служить прежде всего и непосредственно магистерской диссертацией¹, ясно, что достаточно только скицировать² ее или даже просто взять одну часть ее, чтобы она вполне удовлетворила своей цели. Поэтому совершенно присоединяюсь к мнению М. <ихаила> Н. <икитича>, что

Вам в случае, если у Вас остается от лекций некоторое свободное время должно прямо начать писать ее, на основании уже собранного материала. Приготовив т.о. очерк (преимущественно, конечно, первой части работы, касающейся землеустройства), Вы впоследствии можете его дополнить тем материалом, [который Вы отыщете] которого у Вас в настоящее время нет. Быть может, возможно будет ограничиться именно этой одной частью. Сенаторские надписи (в случае если Вы будете впоследствии писать вторую часть)³ достаточно будет, как говорит и М.<ихаил> Н.<икитич>, просмотреть и выбрать более характерные. Интенсивная обработка будет едва ли нужна⁴. В самом деле, поставьте себе задачей развить уже сложившийся у Вас в голове план с помощью наличного материала: Вы увидите, как Вам будет потом легко. Вы опять вспомнили о том, что я говорил о Моммсене по отн.<ошению> к Вашей работе. Это недоразумение только. Так как Ваша работа затрагивает многие социальные явления, то я хотел только выразить *desiderium*⁵, чтобы Моммсен взялся написать аграрную историю Рима.

Вскоре напишу больше. Будьте здоровы.

Ваш В.И.

<Приложение к п. 6>

М.Н. Крашенинников — Гревсу

26 октября / 7 ноября 1892 г. Рим

Рим 7 ноября (нов. ст.) 1892.

Многоуважаемый Иван Михайлович!

Вы, конечно, помните, что накануне Вашего отъезда из Рима я передал Вам корректурные листы «Пчелы» с копиями, которые Вы любезно взяли доставить П.В. Никитину⁶. Я думал, что листы эти уже давным-давно переданы Вами по назначению, а между тем на днях получаю от П.В. Никитина письмо, где он просит переслать ему эту «Пчелу», замечая, что «М.Н. Сперанского еще нет в Петербурге, а И.М. Гревс приехал, но ничего не говорил о Пчеле» (я еще весной писал ему⁷ вскоре после Вашего отъезда, что «Пчелу» передадите ему Вы, когда приедете в Питер).

Quae cum ita sint⁸, Вы, очевидно, очень рассеянный человек. Поройтесь в Ваших чемоданах и извлеките оттуда бедную Пчелу для ее водворения в законный улей. Кстати напомню Вам, что судьба Пчелы, очевидно, и притом роковым образом, связана с судьбой Мейеровской «*Rom und Campagna*», принадлежавшей В.И. Иванову⁹. Эту книгу я взял у Вячеслава Ивановича для просмотра и вместе с Пчелой в тот же день передал ее Вам, прося отдать Вячеславу Ивановичу. Между тем оказывается, что эта книга куда-то затерялась.

Напоминаю Вам все подробности кануна Вашего отъезда из Рима, чтобы Вы могли легче ориентироваться в вопросе об обеих книгах. Накануне отъезда мы встретились с Вами в библиотеке института¹⁰ утром и, узнав о предполагаемом Вами отъезде (что вышло для меня несколько неожиданным, так как Вы прежде думали прогостить в Риме несколькими неделями больше), я попросил Вас сvezти Пчелу П.В. Никитину. Для этого Вам пришлось зайти ко мне¹¹, и мы вышли из института так в половине 12^{то}. Перед этим Вы распрошались с Йоллером, который сидел в *Lesezimmer*¹² на конце стола у лестницы, ведущей к Гюльзену¹³. Я и теперь помню, как Вы повторили ему *Leben Sie wohl!*¹⁴

У меня Вы посидели так с полчаса, причем торопились не опоздать к Фиорелли¹⁵, чтобы обедать с Ивановыми. Тут я передал Вам «Пчелу», которую Вы и уложили в портфель. Затем кстати же я попросил Вас снести В.И. Иванову и его Мейера, причем переспросил еще Вас, не стеснит ли это поручение,

так как книжица эта довольно толстая, а портфель Ваш и до водворения туда Пчелы походил на даму в исходе интересного положения. Невзирая на это положение портфеля, Вы не отказались усугубить его вложением в его недра и злополучного Мейера. Затем, выпив за благополучное возвращение Ваше в отчизну Фалернского (последнее слово не примите за *genetivus possessivus*: это *genetivus materiae*!)¹⁶, Вы взяли свой портфель и направились к Фиорелли: я провожал Вас до виллы Альдобрандини¹⁷, где мы и распрошались (был уже час с хвостиком, и Вы выражали опасение, что В.И. Иванов уже отобедал и Вам придется обедать одному). Вечером однако нам еще пришлось свидеться в отеле Алиберт¹⁸. Дело в том, что возвратясь домой, я спохватился, что забыл Вам возвратить Вашего Г. Буассье: *Rome*, который лежал у меня на комодке под друти-ми книгами¹⁹. Поэтому я отправился вечером в отель и возвратил Вам Буассье. Почти весь вечер Вы тогда занимались укладкой Ваших вещей: без сомнения, уложили между прочим и Meyer'a В.И., и мою Пчелу, и с тех пор ни о том, ни о другой ни слуху, ни духу. Потерять их дорогой к Фиорелли Вы едва ли могли, так как они были в портфеле, а портфель, вероятно, благополучно прибыл в Питер. У Фиорелли тоже ничего не было оставлено Вами, как оказалось из распросов Вячеслава Ивановича там.

Естественнее всего обвинить в этом двойном инциденте Вашу рассеянность. Поэтому Вы меня очень обяжете, если произведете генеральные *Untersuchungen*²⁰ в области... Ваших дорожных вместилищ, обретете блудных сынов и возвратите их кийждо на свое лоно отче.

Кстати, насчет *Untersuchungen*: я только сравнительно недавно узнал от В.<ячеслава> Ивановича, что в своей диссертации Вы трактуете собственно о сенаторах, а не о происхождении колоната²¹; в таком случае рекомендую Вам следующий более простой способ эксперпировать²² *S.<orpus> I.<nscriptionum> Latinarum*²³: вместо того чтобы перечитывать эти фолианты от корки до корки, как делали и делаете до сих пор Вы, обратитесь к первому же *Index nominum*²⁴ в каждом томе и отметьте оттуда те имена, которые напечатаны заглавными буквами (напр.<имер> Q. MINICIUS NATALIS 1248. etc.), которыми почтены *viri ordinis senatorii*²⁵. При том чинопочитании, какое развито у немцев, можно быть вполне уверенным, что ни один сенатор не ускользнул от их внимания. Отметив эти имена, Вы и ограничьтесь просмотром лишь этих надписей. *Del resto*, Ваша тема совсем не так трудна, как я полагал о ней раньше, думая, что Вы трактуете о происхождении колоната. Только памятуйте *illud*²⁷ Кузьмы Прутоква: «Не обнимай необъятного!» и сдерживайте свои порывы «растекаться мышью (*al.<iter>*²⁸ мыслию) по древу» Ваших *Untersuchungen*, как Баян в Слове о Полку Игореве²⁹. Наконец, на Вашем бы месте я теперь просто напросто прекратил бы поиски и собиранье дальнейшего материала. Разрабатывайте тот, что у Вас уже собран (а его у Вас, кажется, и то целые горы), а остальное приложится при самом исследовании. А то есть серьезная опасность завязть именно в самом болоте матерьяла. Извините меня за эти советы, но они даются не вследствие желания поучать, а от искреннего сердца другом, желающим Вас видеть поскорее магистром, а затем и доктором (а, быть может, и сразу доктором!).

Поздравляю Вас с огромным успехом, который завоевали Вы на Женских Курсах. Дамы народ своенравный и, без сомнения, Вы на самом деле прожгли их сердца своим глаголом³⁰. Дай Вам бог всегда такого же успеха!³¹

А затем будьте здоровы и не забывайте преданного Вам

М. Крашенинникова.

P.S. Мой адрес тот же: *via Claudia*, 27 piano 2. Если найдется свободное время, то черкните и мне строчки две-три о Вашем житье-бытье. Если будете у В.К. Ернштедта, то кланяйтесь ему с супругой от меня, спросите, получил ли он мое письмо с колящей части Жития Константина В.<еликого>, и напомните, что библиотека Ватикана открылась и я к его услугам для сличения остальной

части Жития¹² Вячеслав Иванович и Дарья Михайловна, у которых я теперь бываю почти каждый день, Вам шлю поклоны. Я продолжаю наслаждаться природой Италии¹³ Еще раз жму Вашу руку

Ваш М.Кр.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 160. Л. 1—4 (приписка Иванова Л. 4 об.).

В последних строках своего письма Иванов упоминает неизвестное нам п. Гревса («Вы опять вспомнили о том, что я говорил о Моммсене по отн. <ошибению> к Вашей работе...»).

¹ С мая 1890 г по август 1892 г. Гревс находился в заграничной командировке для написания магистерской диссертации (см. Переписка... III). Ко времени его возвращения в Россию работа была еще далека от завершения, и даже тема ее не была определена окончательно: в своем первом отчете о занятиях за границей, отправленном из Неаполя в Петербург 21 февраля / 5 марта 1891 г., Гревс пишет: «Основной задачей моей будущей диссертации, которую неопределенно можно назвать «Очерком из истории общественного строя Римской империи в период падения» (т.е. в III—V вв. по Р.Х.), является исследование положения, роли и взаимного отношения главных классов римского общества того времени и объяснение падения империи, поскольку оно зависит от этого социального фактора» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 241). Ср. обоснование столь неохватной темы в письме Гревса к С.Ф. Ольденбургу от 26 мая / 7 июня 1891 г.: «Да и саму тему я вынужден ставить широко и сложно, так как нового вряд ли могу что изобразить, и ценность моей диссертации должна заключаться именно в богатстве синтеза фактов» (Там же. С. 250).

² От итал. *schizzo* — набросок (производный глагол *schizzare* — летать наброски); ср. примеч. 16 к п. 1.

³ Еще в августе 1891 г. в черновике второй части своего отчета о занятиях за границей Гревс так характеризовал упоминаемые Ивановым две части будущей диссертации: «Я работал по-прежнему над историей аристократических классов в Римской империи в последний ее период, остававшийся на двух основных пунктах (составе и способах пополнения сословия имперских сенаторов, и социально-экономическом положении в империи аристократии и ее отношении к земле). <...> Как главные результаты, которых удалось отчасти достигнуть, я могу указать на то, что мне более или менее выясняется процесс перерождения сената из учреждения в класс именно в том виде, каким я его предполагал раньше; и на то, что многое определяется почти ясно в историческом процессе взаимодействия, в котором происходит постепенное слияние старого нобилитета и всадничества в новый единый класс имперской аристократии последнего периода. По второму вопросу диссертации — социально-экономическое положение имперской аристократии и ее отношение к земле — я не могу похвастаться, что достиг многих окончательных результатов: изучение экономики является в истории древнего мира особенно трудным и утомительным делом, так как источники очень отрывочны, а явления сложны и плохо изучены. Но во всяком случае общее течение исторической земельной собственности в римском мире рисуется мне более или менее ясно. создается постепенно теория этой истории» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 252). Видимо, история землевладения вышла на первый план, потеснив историю сенаторской аристократии, именно в последний год командировки Гревса.

⁴ Ср. ниже и примеч. 23, 24.

⁵ Желание (лат.).

⁶ Петр Васильевич Никитин (1849—1916) — филолог-классик, византист, ректор (1890—1897) и декан историко-филологического факультета Петербургского университета (1897—1900), вице-президент АН (1900—1916). Речь идет о корректурных листах книги: Семанов В.А. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (Сб. отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LIV № 4. С. 1—LXVI, 1—444). Об участии П.В. Никитина в подготовке этого издания см. Нодко О.В. П.В. Никитин и его вклад в византистику: (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН) // РНПР. С. 152—153, 165 (№ 48).

Интерес — легко объяснимый (см. примеч. 18 к п. 1) — к корректурным листам этой книги, полученным Крашенинниковым для коллаций по итальянским кодексам (см. след. примеч.), проявился Сперанский: в письмах к нему Иванова дважды (2/14 июля 1892 г и 14/26 августа 1892 г.) заходила речь о попытке Михаила Несторовича раздобыть «последние листы Писем» через Крашенинникова, у которого их не оказалось, но он выражал готовность написать по этому поводу Никитину в Петербург (см.: РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 4 об., 7 об.). Действительно, при письме Крашенинникова к Сперанскому из Рима от 29 августа 1892 г.

сохранилась визитная карточка Крашенинникова, «кандидата С.П.Б. Университета», с запиской: «Многоуважаемый Петр Васильевич, рекомендую Вашему благосклонному вниманию перлопостепенного знатока "Пчелы" и всех "пчелиных" вопросов, Михаила Несторовича Сперанского, который, как я уже сообщал Вам в одном из писем, был бы не прочь принять на себя составление appendix'a к семеновскому изданию для исправления недостатков и проорех последнего» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 39. Л. 2).

Книга Семенова вышла без какого-либо участия Сперанского (в краткой заметке, предлагающей введение, автор благодарит только П.В. Никитина и А.Ф. Бычкова). Позднее в своей собственной книге Михаил Несторович дал строгий разбор этого издания. «Признавая массу труда, затраченную В. Семеновым на его работу, мы должны признать его труд далеко не столь производительным по результатам, как того мы бы могли ожидать. Греческий оригинал "Пчелы" им не найден: его должны мы искать, отправляясь от параллельного изучения греческих и славянских рукописей. <...> Остается только добавить, что во всем введении мы не находим ни слова о греческих редакциях "Пчел", а также об истории русской "Пчелы", и пожалеть о поспешности и неудаче первого полного издания "Пчелы"» (Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. М., 1904. С. 169, 171–172).

⁷ Письма Крашенинникова к Никитину из Рима и Венеции (ПОА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 4–19 об., 1892 г.) посвящены в основном работе по сверке греческого текста «Пчелы» с итальянскими кодексами для издававшейся при непосредственном участии Никитина книги В. Семенова. Там же (Л. 21–196 об.) сохранились корректурные листы «Пчелы» с правкой Крашенинникова по кодексам Venetus Nanius 300, Venetus Marcianus 507 и нескольким кодексам Ватиканской библиотеки (Анфертьева А.Н. М.Н. Крашенинников. С. 380).

⁸ Если дело обстоит так (*lat.*).

⁹ Речь идет о туристическом путеводителе по Риму и Кампании из серии «Meyers Reisebücher» (*Gesell. Fels Th. Rom und Campagna*). Ср. примеч. 31 к п. 5 и примеч. 20 к п. 24.

¹⁰ Имеется в виду Германский археологический институт, располагавшийся до своего временного закрытия в 1916 г. на Капитолии (см.: *Wickert L. Beiträge...* S. 76).

¹¹ Крашенинников жил на *via Claudia*, в «классической пустыне близ Колизея» — ср. примеч. 44 к п. 5, а также п. 9 и примеч. 15 к нему.

¹² Читальная (*нем.*).

¹³ О Пользене, втором секретаре Германского археологического института, см. примеч. 12 к п. 7.

¹⁴ Прощайте! (*нем.*).

¹⁵ Фиорели римский реставратор, у которого обыкновенно бывали Иванов, Гревс, их друзья и коллеги; ср. ниже п. 17 и приводимое в примеч. 2 к п. 18 письмо Гревса к жене от 30 июня / 12 июля 1894 г.

¹⁶ Вместо исправления Крашенинников обыгрывает случайно сложившийся на бумаге порядок слов: *genetivus possessivus* — родительный принадлежности («отчизна Фалерского»); *genetivus materiae* — родительный вешества, вернее, родительный разделительный, или родительный рода («выпив Фалерского»).

¹⁷ Т.е. друзья расстались примерно на полпути от Колизея до площади Испании. — *Вилла Альдобрандини* построена на Квиринальском холме в начале XVII в., носит имя кардинала Альдобрандини, получившего ее в подарок от своего дяди, папы Климента VIII. После 1876 г. по ее территории была проложена Виа Национале, ведущая от площади Республики к площади Венеции. В настоящее время принадлежит итальянскому государству, в ней расположен Международный институт унификации частного права.

¹⁸ В гостинице Алиберт, расположенной в переулке неподалеку от площади Испании, весной 1892 г. жили и Гревс, и Ивановы. См. примеч. 15 к п. 1.

¹⁹ См. примеч. 25 к п. 5.

²⁰ Разыскания (*нем.*).

²¹ См. выше примеч. 1 и 3. Заблуждение Крашенинникова могло объясняться тем, что во время заграничной командировки Гревс занимался многими темами, непосредственно не связанными с его магистерской диссертацией (подробнее см.: Переписка... III), в том числе, видимо, и колонатам, которому была посвящена опубликованная им ранее пространная рецензия на труд Фюстель де Куланжа (*Гревс И.М. Новое исследование о колонате // ЖМНП. 1886. Ноябрь. С. 118–165; Декабрь. С. 307–354*).

²² См. примеч. 11 к п. 5.

²³ «Свод латинских надписей» (*lat.*) — одно из многочисленных великих начинаний Моммзена. Это претендующее на полноту издание латинских надписей было начато в 1863 г. в

Берлине, работа над ним силами ученых из разных стран продолжается по сей день. Большинство томов (построенных в основном по географическому принципу) вышло в 1870–1890 гг. Общее количество опубликованных в СЛ надписей давно перевалило за 160 000 (Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 27).

²⁴ Указатель имен (лат.). — В каждом томе СЛ имеется «целый ряд указателей, без которых этот материал остался бы малодоступным ввиду своей дробности и чрезвычайного разнообразия. Указатели разработаны по особой системе, которая облегчает пользование этим материалом для различных целей: истории, хронологии, географии, грамматики» (Кулаковский Ю. А. Памяти Моммзена. С. 44). Всего выделено 19 категорий: имена императоров и членов их семей, консулов, чужеземных царей, наименования должностей, географические названия и т. д. Первый раздел указателя «*Nomina virorum et mulierum*» содержит родовые имена мужчин и женщин, в то время как их *cognomina* (имена, закрепившиеся за ветвями рода) сведены во второй раздел.

²⁵ Мужей сенаторского сословия (лат.).

²⁶ Впрочем (итал.).

²⁷ <Вот> это <высказывание> (лат.).

²⁸ Иначе (лат.).

²⁹ Обигрывается цитата из начала «Слова»: «Боян бо вещий, аще кому хотяше песьнь творити, то растекается мыслию по древу» и т. д.; некоторыми учеными предлагалось конъектурное чтение «мыслю» (т. е. белкой).

³⁰ Ср. в стихотворении Пушкина «Пророк»:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

³¹ По всей видимости, о том, что курсистки были покорены преподавательским талантом Гревса, Крашенинников знал из каких-то остающихся нам неизвестными петербургских писем к нему (или к Иванову — что менее вероятно, так как в это время круг знакомств у москвича Иванова в Петербурге был весьма ограничен); ср. в письме Крашенинникова к Сперанскому от 29 августа 1892 г.: «С петербургскими корреспондентами я часто переписываюсь и потому рука настолько привыкла к этому *A Petroburgo*, что адресу первое письмо к В. И. Иванову (в Неаполь) чуть было тоже не написал *A Petroburgo*» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ел. кр. 39. Л. 1).

³² Виктор Карлович Эрнштедт (1854–1902) — филолог, палеограф, профессор греческой словесности в С.-Петербургском университете, академик. С 1891 г. до конца жизни заведовал Отделом классической филологии Журнала Министерства народного просвещения. В его архивном фонде хранятся выписки из ватиканского кодекса с житием императора Константина (cod. Vat. Gr. 974: *Vita imp. Constantini Magni*; см.: Куклина И. В. В. К. Эрнштедт: обзор научного рукописного наследия // РНБ. С. 109). Однако специальных работ, выполненных на этом материале, ни у Эрнштедта, ни у Крашенинникова не было.

³³ Крашенинников впервые попал в Италию весной 1892 г. В письме к Эрнштедту от 22 февраля / 5 марта 1892 г. из Венеции он сообщал, что в Рим «намерен отправиться 5/17 марта» (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ел. кр. 107. Л. 7). Первые письма молодого ученого полны восторгов перед Италией.

7 Иванов — Гревсу

27 декабря 1892 г. / 8 января 1893 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51, piano 2, porta 2 (presso Sig. <nore> Micheli).
8 янв. <яря 18>93. / 27 дек. <абря> 1892.

Дорогой Иван Михайлович! Что же Вы забыли меня? Пишу это потому, что мы условились не считаться письмами. Знаю сам, что черед писать за мной. На Ваше письмо, писанное три месяца (легко ли сказать?) тому назад¹, я еще не отвечал, если не считать приписки к письму М. Н. Крашенинникова². Простите эту

неаккуратность. Единственное и исчерпывающее объяснение факта моего столь долгого молчания заключается в том, что я все собирался и никак раньше не собрался написать Вам. Вы знаете, что я в вечной вражде со временем. Я игнорирую его ход; а оно игнорирует мои намерения. Поэтому, когда, исполнив дело, которое я собирался окончить в три дня, я подвожу всегда неприятные для меня хронологические счета, оказывается, что я употребил на это дело три месяца. Да впрочем к чему обнажать свои душевные раны³, когда Вы и без того меня знаете? Все узнать, значит все простить. Обвиняйте не меня; а будем вместе обвинять Луну, «celerem pronos volvere menses»⁴, и Гору –

... alium

Quae rapit hora diem⁵

Она похищает у нас в настоящее время целый год: с каждым часом все более догорает тот год, которому я обязан Италией и Вашей дружбой⁶. Будем же надеяться, что в наступающем году Вы увидите опять Италию, а я – Вас. Пусть новый год будет для Вас счастливым – счастливее протекшего! Ясно сти и спокойствия духа, бодрого и радостного подъема душевных сил, физического здоровья и окончания [Вашей работы] Вашего исследования – вот чего желаю я Вам на новый год, и вот на что для Вас надеюсь! Вот Вам мое поздравление: жена присоединяется к нему и шлет Вам столь же горячие пожелания счастья и успеха. Но надежды, только что мною выраженные, принимают в моем воображении определенные очертания, и мне кажется, что все это должно совершиться вот как. По возможности рано уедете Вы, получив командировку, из Петербурга за границу, и в мае или июне месяце мы съедемся в Берлине. Мы приедем туда с Михаилом Никитичем⁷, я буду держать экзамен, Вы и Крашенинников будете моими оппонентами. Вы и он сдружитесь с Моммсенем и Гиршфельдом⁸. Вырвавшись из Петербурга, Вы прямо начнете писать свою работу; написав ее, Вы займетесь специальными дополнениями и исправлениями. В эту заграничную поездку Вы окончите диссертацию. Вы не верите этим надеждам? Они заслуживают исполнения и должны быть исполнены хотя бы уже потому, что они так скромны⁹... Напишите же мне, в каком положении находится дело о Вашей летней заграничной командировке? Работаете ли Вы уже и теперь над диссертацией (что впрочем едва ли возможно)? Что думаете Вы о совете приняться непосредственно за писание диссертации, оставив дополнение собранных материалов до времени окончательной обработки сочинения? Ваше долгое молчание было мне, я думаю, неприятнее, чем мое молчание Вам. Обо мне Вы все знаете; а что с Вами теперь, мне неизвестно. Здоровы ли вы и все Ваши? Ужели все это время Вы работали с тем же страшным напряжением душевных и телесных сил? Как Вы справляетесь с уроками и лекциями? В последнем отношении впрочем я за Вас спокоен. Я знаю, что здесь Вы имеете большой успех, и если бы не были так трудны приготовления к лекциям, сами по себе они доставляли бы Вам только энергию и одушевление. Тем не менее сообщите побольше о содержании Ваших курсов, об отношении к ним слушателей, об их внешних условиях. Это меня в крайней мере интересует, как по отношению к Вам лично, так и по отношению к самому делу. Мне хочется видеть, как может действовать и каких результатов достигать в деле высшего научного преподавания человек, имеющий, подобно Вам, резко выраженные призвание и талант к этой сфере деятельности и проникнутый идеальными стремлениями. Написана ли уже статья о Помпеях?¹⁰ Вы пишете: «посылаю статью о Сорбонне»¹¹. Этой статьи я не получил. Жаль, если она пропала на почте. За это время я принимал участие в *giri* Гюльзена. Его топографическое прогулки и лекции были для меня очень интересны и поучительны¹². Что касается моих собственных занятий, то все время до Рождества я посвящал последней части моей работы, многое прежде смутное выяснил, но успел обработать по-латыни только (начало) около четверти ее, и так как дело могло затянуться еще на продолжительное время, послушался совета Крашенинникова (который вообще принимает сердечное участие в моих делах и всячески торопит меня, за что я ему очень обязан) и принялся опять за первую часть, уже изложенную по-латыни до

поездки в Неаполь, чтобы употребить главным образом эту часть в качестве берлинской диссертации¹. С неделю тому назад пришлось мне наконец нарушить то таинственное молчание, которое я сохранял до сих пор перед Берлином, и написать Гиршфельду² отчет о своих занятиях со времени отъезда в Париж³. Для моих целей писать было несколько рано, следовало подождать месяца полтора, но Крашенинникову необходимо было иметь факсимиле Нарбонского закона⁴ для статьи, приготавливаемой для помещения в каком-нибудь немецком журнале⁵ (в [последней] ближайшей книжке *Philologus* есть также его статья⁶), а сведения о том, откуда можно было бы получить это факсимиле, едва ли мог бы дать кто-нибудь, кроме Гиршфельда да разве еще знакомых ни мне, ни Краш. <енинникову> парижан⁷. Ответа от Гиршфельда я еще не получал⁸. Осенью познакомился с нами бывший здесь проездом из Греции Селиванов, кандидат Вашего филол.<огического> института, напечатавший работу по топографии Родоса⁹. Шукарев, узнавший о моем пребывании в Риме от Краш. <енинникова>, прислал мне свою диссертацию об архонтах 3-го века; я благодарил его письмом¹⁰. – Что касается семьи, то жена утешает себя, бедняжка, музыкой, берет уроки игры на мандолине и гитаре и учит читать и писать Сашу; последняя теперь поправляется после горловой болезни, схваченной ею незадолго до русских Святков, но оказавшейся, к счастью, не дифтеритом. Палумбо мы посетили в октябре; он был очень любезен. Жена его тогда еще не разрешилась от бремени. Отель его изменил свой вид: желая привести его в более непосредственную связь с *via Babuino* и предпочитая *vicolo Alibert* вульгарной Маргутте, неуспынный в своих попечениях о процветании гостиницы, Палумбо заделал вход с *via Margutta* и усовершенствовал вход с *vicolo*¹¹. – С Белохом однажды встретился в Институте, на Винкельмановском празднике¹². Библиотека Института украсилась мраморным бюстом де Росси, открытым в присутствии последнего и поставленным на шкапу над гермою Генуена¹³. Другое новое украшение библиотеки – бронзовый гриф на ионической пилястре серого мрамора. Он был поднесен в 1865 г. пятьюдесятью учеными Герарду (Gerhard) (есть и вытравированная дедикация в греческих стихах¹⁴) и пожертвован теперь Институту вдовую Герарда¹⁵ – Сперанский писал из Москвы: он, кажется, еще не был в Петербурге¹⁶. Жена Вам кланяется. Также и Михаил Никитич¹⁷ шлет Вам поклон. Будьте здоровы и пишите.

Горячо Вам преданный В.И.

См. на об.<ороте>

P. S. В *Bullettino dell'Istituto di diritto romano* есть статья Segre, *Sulle istituzioni alimentari imperiali, nota ad una monografia di Brinz* (1889, anno II, p. 78–107) и статья об известной Вам надписи *colonus a hortorum olitoriorum – Scialoja, Libello di Geminio Eutichete* (1888, anno I, fasc. 1, p. 21–29)¹⁸.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 11–13.

Ответ на неизвестное письмо Гревса. Ответ Гревса неизвестен.

¹ Это письмо (как и другие письма Гревса к Иванову за 1892 и 1893 гг.) неизвестно. Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г.: «Гревс писал, что он страшно занят, бедный, что ему некогда и думать о продолжении работ по диссертации при стольких лекциях и уроках» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 12).

² См. п. 6.

³ Ср. в стихотворении Лермонтова «Не верь себе»: «Стыдися... || ...гной душевных ран надменно выставлять || На диво черни простодушной».

⁴ «Пойте той, что... || ...движеньем быстрым || Месяцев правит» (*Hor. Sat. 4. 6. 38–40*; пер. Н. Гинзбурга).

⁵ «Час, что уносит благодатный день» (*Hor. Sat. 4. 7. 7–8*). Латинское *hora*, стоящее в приведенном стихе Горация, означает собственно «время, час», а также «время года». *Гора* (*Hora*), которую призывает винить Иванов, одна из трех Гор (*лат.* Ногае, *греч.* Ώραι), богинь олицетворений времен года и погоды.

⁶ Весной 1892 г. Иванов впервые приехал в Италию, куда ему «властно указал» ехать как раз Гревс, с которым он познакомился в Париже в 1891 г. (*Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 19; см. также ниже, в наст. томе: *Вячеслав Иванов*. <Волшебная страна ITALIA>).

⁷ М.Н. Крашенинников.

⁸ Отто Гиршфельд (Otto Hirschfeld; 1843—1922) крупнейший германский антиковед, историк и эпиграфист, профессор древней истории в Берлинском университете (с 1876 г.), в зимнем семестре 1892—1893 гг. — декан философского факультета (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 374, пт. 1, 375, пт. 18). Гиршфельд был научным руководителем Иванова, и ему, как учителю, посвятил Иванов свою диссертацию о публикациях («*Ottoni Hirschfeldio magistro s.<acut>um*»).

⁹ Предсказания-пожелания Иванова осуществились лишь в малой части: Гревс в 1893 г. работал за границей, но диссертацию не окончил и в Берлин не выезжал. Подробнее см. Переписка... III.

¹⁰ См. примеч. 24 к п. 5.

¹¹ Речь идет о статье: *Гревс И.М., Погодин П.Д.* Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа // Историческое обозрение / Под ред. Н.И. Кареева. Т. IV СПб., 1892. С. 177—244. Гревсом были составлены введение и первый из двух очерков — «Парижский Историко-филологический факультет в Сорбонне» (*Faculté des Lettres*). Очерк Погодина был посвящен Вольной школе политических наук (*École libre des sciences politiques*). Петр Дмитриевич *Погодин* (1867—?) — ученик В.Г. Васильевского и Н.И. Кареева в Петербургском университете, в 1894—1897 гг. — ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе, впоследствии служил по ведомству народного просвещения (см. *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт... С. 91—92).

¹² *Giri* — прогулки, экскурсии (*итал.*); ср. *Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме. С. 362—364; см. также: Переписка... IV С. 343, примеч. 6. — Христиан *Гильзен* (*Christian Hülsen*; 1858—1935) — специалист по топографии древнего Рима, с 1887 по 1908 г. был вторым секретарем Германского археологического института в Риме (см. *Wickert L.* Beiträge... S. 61—74).

¹³ Вероятнее всего, здесь под последней частью Иванов разумет раздел, посвященный откупам в эпоху Империи, а под первой — в эпоху Республики.

¹⁴ Переписка Иванова с Гиршфельдом (по-немецки) опубликована: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 367—374. По-русски значительные выдержки из нее впервые: *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 150, 155—160, 171 (в пер. С.А. Степанова). Мы сочли целесообразным в комментариях к издаваемой переписке с Гревсом и в посвященной ей статье привести перекликающиеся с ней по содержанию письма Иванова и Гиршфельда в русском переводе полностью.

¹⁵ Имеется в виду письмо Иванова к Гиршфельду от 30 декабря 1892 г. (н. ст.):

Rom
Via Castelfidardo 51, piano 2
porta 2 (у г-на Микелли,
30 декабря 1892).

Многоуважаемый господин профессор!

Будущей весной истечет целых два года с тех пор, как я простился с Вами на гораздо более короткий, как я тогда полагал, срок. Пожалуйста, простите меня великодушно за отсутствие писем в течение столь долгого времени! Я вполне признаю за собой вину этого молчания, как ввиду доброты, с коей Вы призывали меня писать, так и принимая во внимание, что я тем самым, возможно, оставил Вас в неизвестности относительно судьбы Вашей, разрабатываемой мною под Вашим руководством темы. Но удерживало меня от того, чтобы написать Вам, именно желание сообщить нечто определенное о ходе как раз этой работы, которую я не прекращал двигать вперед. Должен сразу же сознаться, что она и теперь еще не продвинулась так далеко, как мне самому хотелось бы ее видеть, и еще не готова в той форме, в которой я надеюсь ее Вам представить. Однако я не хочу больше медлить со своим отчетом. К тому же я могу уже оценить результаты моих занятий этим предметом постольку, поскольку та часть моего исследования о *societates vestigalium*, которую я по Вашему совету собираюсь представить Вам в качестве диссертации, нуждается лишь в окончательном редактировании для подготовки к печати. Наконец, у меня душа болит о том, чтобы уже теперь этим письмом опять напомнить Вам о Вашем не неверном и не неблагодарном ученике и иметь возможность, пользуясь наступлением Нового года, поздравить Вас также и с получением почетной должности декана. Так что позвольте мне, многоуважаемый господин профессор, принести Вам оба этих поздравления вместе! Пусть исполнится мое великое желание (оно же и надежда) получить свой докторский диплом из Ваших рук.

В Париже я оставался до начала февраля 1892 г., работал в Национальной библиотеке, знакомился с парижскими сокровищами искусства, много занимался французским

языком, а отчасти и английским (в это время я совершил также и короткую поездку в Лондон), однако от систематического слушания лекций и участия в университетских семинарах держался вдалеке. Во время пребывания в Париже я черне перепел свою работу на латинский язык, но этот черновой вариант вскоре перестал удовлетворять меня самого, ибо я пришел к убеждению, что необходимы некоторые специальные изменения и дополнения: да и в латыни я понекому достиг некоторых успехов, так что и с формальной точки зрения этот набросок перевода стал казаться также недостаточным. Поэтому я не захотел ехать в Берлин и решил, воспользовавшись благоприятными внешними обстоятельствами, сперва предпринять давно желанное паломничество в Италию. Я выбрал путь через *Viam provinciam* — имею в виду Южную Францию — и посетил, правда, наскоро Лион, Вьенну, Оранж. Ним вместе с *Pont du Gard*, Арль, Марсель. В первый раз (если не считать более ранней поездки в Трир) стоял я на земле классической древности, посреди остатков римской культуры; в первый раз увидел я и благословенный юг. Вдоль Ривьеры я поехал в Геную и оттуда поспешил прямо в горячо желанный Рим. Естественно, первое время здесь было посвящено памятникам города; затем мною овладело желание увязать свои антикварные штудии с систематическим использованием памятников искусства, и таким образом я налег на сбор материалов к истории трабей — вопрос, исследовать который когда-то рекомендовал господин проф. Моммзен. Я даже поговорил об этом с господином проф. Петерсеном, но вскоре должен был признать в непоследовательности понял, что это новое исследование тормозит прежнее, еще не оконченное, и потому вернулся к оставленным мною на время обществу публиканов. Я снова переработал первую часть работы по-латыни, развил при этом несколько прежде мною не учтенных точек зрения. Потом (в конце июля) мои занятия оказались прерваны поездкой в Неаполь и на Сицилию. Своё пребывание в Неаполе я употребил преимущественно на осмотр музея и неоднократное посещение Помпей. Капую я не видел, зато посмотрел ближайшие окрестности Неаполя, а также Пестум. Из сицилийских памятников древности я познакомился с Таорминой, Катанией, Сиракузами, Джордженти, Сегестой, а также с музеем Палермо. Вернувшись в Рим, я занялся последней частью своей работы, в которой также исправил и дополнил многие прежние положения. В последнее время я систематически изучал топографию древнего Рима благодаря в высшей степени увлекательным и познавательным топографическим *gips* и лекциям господина профессора Гольцена. Излишне говорить, сколь многим я обязан возможности пользоваться превосходной библиотекой Германского археологического института. Сейчас я как раз приступил к окончательной редакции той части моей работы, которая должна быть представлена Вам в качестве диссертации: Вы увидите, что моя прежняя работа существенно изменилась. В области литературы по рассматриваемой мною теме со времени отъезда из Берлина я не узнал ничего нового, кроме некоторых французских диссертаций, работы Эмбера и, кажется, не очень удачной книги Делума о финансистах в Риме. Таким образом, многоуважаемый господин профессор, полагаю, я сделаю Вам полный доклад о нынешнем состоянии своих штудий.

В заключение смею обратиться к Вам с просьбой, однако не по своему зелью, а по зелью моего соотечественника и друга Михаила Краппениникова, магистра словесности Петербургского университета, диссертация которого о римских муниципальных жрецах, вышедшая на русском языке в С.-Петербурге в 1891 г. (рецензированная в Германии в *Lit. Zentralblatt* 1892, № 2), вероятно, скоро будет опубликована им в латинском изложении, а его статью «*de sacro munipalium notione observationes epigraphicae*» Вы найдете напечатанной в ближайшей книжке «*Philologus*». Здесь он сейчас занимается историей введения императорского культа в западных провинциях и, в связи с этим, вопросом о датировке нарбонского закона, который он (как было показано уже в его диссертации) относит самое раннее ко времени Веспасиана. С целью более тщательной проверки как этой точки зрения, так и дополнений к чтению отдельных мест этого закона, он считает необходимым не ограничиваться использованием имеющегося напечатанного текста, но изучить еще и факсимиле бронзовой таблицы. Но поскольку ему совершенно неизвестно, где бы найти такое факсимиле, он предложил мне презанно попросить у Вас в этом письме каких-нибудь сведений на этот счет, на случай если бы Вы могли их предоставить. Своей благосклонной помощью в этом деле Вы, многоуважаемый господин профессор, премного обяжете и меня, и моего друга. Он сам намеревается, вероятно, этим летом, приехать в Берлин и искать личного знакомства с Вами как знакомым в области римской древности. Наконец, я прошу Вас поблагодарить извинить меня за то, что я вынужден был беспокоить Вас по этому поводу.

Остаюсь, многоуважаемый господин профессор, с глубочайшим чувством почтения и благодарности за Ваше полезное научное руководство и неизменно проявляемую Вами ко мне доброту

Ваш преданный ученик

Вячеслав Иванов.

(Wachtel M. Вячеслав Иванов студент... Р 367–369.) ...путь через *Viam provinciam* — Гиршфельд много занимался историей и особенно эпиграфикой Нарбонской Галлии, в частности, издал соответствующий том свода латинских надписей — *CIL XII* (1888). Ср. отзыв В.И. Модестова о

Ж. Тутэн: «Африка, с ее обильною археологическою почвой, делается сиециальностью этого даровитого молодого ученого. *«C'est ma province <Это моя провинция (франц.) — Ид. >»*, как он выражается в древнем стиле» (Ученая жизнь в Риме. С. 109). ...к истории *трабеи* *trabea* (лат.), белый плащ с пурпурными полосами (в эпоху Империи — пурпурный), парадное облачение римских царей, впоследствии — консулов и жрецов, а также, в особые торжественных случаях, всадников. ...с проф. Петерсеном — первым секретарем Германского археологического института в Риме; см. примеч. 5 к п. 8. ...кроме... работы Эмбера — *Humbert G. Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains*. 2 vol. Paris, 1886. ...и... книги Делума *Deloume A. Les maitres d'argent à Rome jusqu'à l'Empire*. 2e éd. Paris, 1892. ...диссертация Крашенинникова М.Н. Римские муниципальные жрецы и жрицы: Эпиграфическое исследование. СПб., 1891 (в латинском изложении не выходила). ...статья... в ближайшей книжке «*Philologus*» см. ниже, примеч. 17 ...вопросам о датировке нарбонского закона см. ниже, примеч. 16, 17.

¹⁶ Речь идет о надписи на бронзовой табличке, содержащей статут должности фламина, жреца императорского культа (lex de flaminio Provinciae Narbonensis // CIL XII. 6038 = ILS. 6964). Сама эта табличка (сохранившаяся не полностью) была найдена в январе 1888 г., в следующем году была продана и поступила в музей Лувра, где и хранится поныне. Гиришфельд не только издал эту надпись в CIL, но и посвятил ей ряд специальных статей, например: *Hirschfeld O. Zu der lex Narbonensis über Provinzialflaminat // Zeitschrift für Rechtsgeschichte*. Bd. I. 1888. S. 403 ff., *Idem. Zur Geschichte des römischen Kaiserkultus // Sitzungsberichte der königl. preussisch. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Phil. Hist. Classe. XXXV 1888*. S. 833–862 (обе эти статьи воспроизведены в «*Kleine Schriften*» немецкого ученого в 1912 г.).

¹⁷ *Krascheninnikoff M. Über die Einführung des provincialen Kaiserkultus in römischen Westen // Philologus: Zeitschrift für das classische Alterthum*. Bd. 53. 1894. S. 147–189. Заслуга Крашенинникова в уточнении хронологии (в данной статье он первым обосновал датировку закона временем Веспасиана, тогда как Моммзен, Гиришфельд и другие прежде относили его к эпохе Августа), получила признание в работах современных ученых см., например: *Gayraud M. Narbonne antique des origines à la fin du IIIe siècle*. (Revue archéologique Narbonnaise. Suppl. 8). Paris, 1981. P. 389.

Гиришфельд переслал Иванову просимую копию (см. в примеч. 5 и 10 к п. 8); Крашенинников в самом начале вышеупомянутой статьи (S. 147) отметил, что исследование его было бы невозможно, не будь у него под рукой факсимиле бронзовой таблички, предоставленной ему Гиришфельдом через друга (разумеется, Иванова). Позже Иванов еще раз выступил посредником между Крашенинниковым и немецким профессором, доставив последнему незадолго до того зашифрованную диссертацию Крашенинникова (Августалы и сакральное магистерство: Исследование в области римского муниципального права и древностей. СПб., 1895), о чем можно заключить по его письму к Иванову от 17 декабря 1895 г. «Спасибо также Вам за передачу книги Гиришфельду. От него я получил визитную карточку с надписью (pour) (remercier)» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 19). Позднее Гиришфельд «высказывал мнение (на основании отзыва покойного Мендельсона из Дерпта и своего впечатления от книги об Августалах), что Крашенинников «*scheint ein geschickter Mensch zu sein*» (Иванов Зинovieвой-Аннибал. 20 декабря 1896 г. // РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 58).

...*(pour) (remercier)* — с благодарностью (франц.). — Людвиг Мендельсон — филолог-классик, издатель «Истории» Геродиана (1883), профессор Дерптского (Юрьевского) университета, экстраординарным профессором которого в январе 1896 г. был назначен Крашенинников (ср. их общую работу: *Aristaeae quae fertur ad Philocratem epistolae initium* / Ed. L. Mendelsohn et M. Krascheninnikov. Dorpat, 1897). — ...«*scheint... sein*» — «кажется, толковый человек» (нем.).

¹⁸ *Krascheninnikoff M. De sacrorum municipalium notione observationes epigraphicae // Philologus*. Bd. 51. 1892. P. 692–703.

¹⁹ Имеются в виду французские ученые, сообщавшие в разных изданиях о находке Нарбонского закона в 1888 г. (Héron de Villefosse, A. Allmer, P. Guiraud) и занимавшиеся затем его изучением: *Mispoullet J.B. La plaque de bronze trouvée à Narbonne // Nouvelle Revue historique de droit français et étranger*. XII. Paris, 1888. P. 354 suiv., *Beurlier E. Essai sur le culte rendu aux empereurs romains*. Paris, 1890 и др. (см.: *Gayraud M. Op. cit.* P. 385).

²⁰ Гиришфельд отвечал 8 января 1893 г. Копию этого ответа Иванов включил в следующее письмо к Гресу (см. п. 8).

²¹ Сергей Андреевич Селиванов (1864–1908); речь идет о его книге: *Очерк древней топографии острова Родоса*. Казань, 1892. Академическая карьера Селиванова складывалась непросто, в какой-то момент римский кружок молодых историков перестал получать достоверные сведения о нем. 2/14 февраля 1895 г. возвратившийся в Петербург Крашенинников писал Иванову: «Виделся вчера я с Шукаревским, он просил кланяться Вам и Д. <арье> М. <ихайловне> Хотел он и сам писать Вам, для чего спросил Ваш адрес. Он же сообщил мне историю Селиванова, которая не так романтична, как казалось прежде на основании слухов: он не умирает где-то на юге от чахотки, как гласил один слух, но учителствует в Одессе, где намерен держать и маг <истерский> экзамен» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 10; см. также Л. 37 об.).

²² Александр Николаевич Шукарев (1861–1900) — антиковед, эпиграфист, историк искусства; приват-доцент Петербургского университета по кафедре всеобщей истории; его диссертация:

Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р.Х. СПб., 1889. Иванов познакомился со Шукаревым в Берлине, сохранилось письмо последнего к Иванову от 28 января 1889 г., в котором автор сожалеет, что из-за болезни не может провести «последний вечер в дружеской компании», а завтра уезжает (РГБ. Ф. 109. К. 39. Ед. хр. 51). Упоминаемое письмо Иванова к Шукареву неизвестно.

²³ О Палуμπο и его гостинице см. примеч. 15 и 16 к п. 1. — *via Babuino* — одна из парадных римских улиц, соединяет две площади, пьяцца дель Пополо и пьяцца ди Spagna. *Маргутта* — боковая улица, параллельная улице Бабуина, от которой к Маргутте и ведет как раз *vicolo Aliberti* (переулок Алиберти).

²⁴ По существующей до сих пор традиции, в германских археологических учреждениях (институтах, соответствующих факультетах университетов и т.д.) в начале декабря устраиваются торжественные заседания (как правило, в форме публичных лекций крупных ученых) в память об основоположнике науки о классических древностях Иоганне Иохиме Винкельмане (1717–1768), родившемся 9 декабря. Ср. *Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме. С. 341, 344, 353; *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 154.

²⁵ Джованни Баттиста Де Росси (*Giovanni Battista De Rossi*; 1822–1894) — крупнейший представитель христианской археологии XIX в. Вильгельм Генцен (*Wilhelm Henzen*; 1816–1887) — филолог и эпиграфист, почти 50 лет своей жизни отдавший Институту археологической корреспонденции в Риме, в 1873 г. преобразованному в Императорский немецкий археологический институт. Генцен не просто первый секретарь, а поистине патриарх Института на Капитолии, много сделал для его превращения в важнейший центр наук об античности (см. *Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме. С. 351, 354–355; *Wickert L.* Beiträge... S. 33–38).

Мраморный бюст Генцена работы скульптора Йозефа Конфа был установлен в зале Института во время торжеств по случаю его семидесятилетия 24 января 1886 г. См.: *Wickert L.* Op. cit. S. 36. Бюст Де Росси был установлен при таких же обстоятельствах в 1892 г., когда международное ученое сообщество чествовало, в связи с его семидесятилетием, «славного Дж. Б. Де Росси» (*Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 19).

²⁶ «Слугу Артемиды и Аполлона-Ликурга — грифа, священный символ эфирного огня, — (мы), сыны мужей — служителей таинств, посвящаем нашему тиферфанту ради сокровенной премудрости. Вот, просиял полных 50 лет факелonosный таинник божественной природы» (пер. С.А. Степаннова; цит. по: *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 155).

²⁷ Эдуард Герхард (*Eduard Gerhard*; 1795–1867) — немецкий археолог, профессор Берлинского университета, тесно сотрудничал с римским Институтом. Его вдова Эмилия Герхард (1818–1892) передала упомянутую скульптуру в дар Институту незадолго до своей смерти (в памятной надписи, укрепленной на пьестале под грифом, говорится, что это сделали наследники Эмилии Герхард по ее воле). И бюст Де Росси, и герма Генцена, и гриф, подаренный Герхарду, по сей день украшают здание (уже новое, на *via Sardegna*) Института (см. *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 154–157).

²⁸ Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г. «Собираетесь ли наконец в Петербург?» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 12).

²⁹ М.Н. Крашенинников.

³⁰ Иванов снова завершает письмо (ср. «последний глоток, посвящаемый Клио», в п. 5) сообщением о статьях, связанных с темой изысканий Гревса по истории земледелия. В надписи 227 г. из Рима (CIL VI. 33840; ее перевод см.). Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи / Подбор, пер. и коммент. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1955. № 2. С. 258–259. № 103) речь шла о прошении Геминия Евтихета, колона-арендатора огоролов, находящихся на Остийской дороге, по поводу возведения им для себя надгробного памятника. В «Очерках» Гревса указанные Ивановым две статьи из итальянского юридического журнала не упоминаются.

8. Иванов — Гревсу

4/16 апреля 1893 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51.

16/4 апр. <еля 18>93.

Дорогой Иван Михайлович! Вчера я испытал большую радость. Перспектива ближайшего будущего осветилась для меня надеждой на свидание с Вами. Вчера можно было мечтать о возможности снова воскресить те римские дни, которые

год тому назад так светло протекли для меня в общении с Вами. Спешу ответить на Ваши запросы; но прежде всего обращу Ваше внимание на следующее совпадение. Приготовляясь прочесть Ваше письмо, я сказал жене, что мне страшно раскрывать его — я ждал от Вас упреков за мое молчание. Увидев, что Вы начинаете со слов: «страшно писать вам», я, признаюсь, испытал эгоистическое удовольствие, так как увидел, что Вы принимаете вину на себя. Но это дурное чувство продолжалось, уверяю Вас, одно лишь мгновение, и вскоре я ощутил потребность исповедаться в свою очередь. В самом деле, вина, по крайней мере в равной степени, падает на меня. Мы замолчали одновременно, одновременно обменявшись новогодними приветствиями! Но так как я живо представлял себе Ваши труды (и действительно, Вы провели этот год ужасно!), то совесть не переставала внушать мне, что обязанность писать лежит на мне, и если я все же не писал, как и вообще прекратил почти всякую переписку, то произошло это оттого, что в последние месяцы я интенсивнее возделывал свой огород. За это время я сызнова написал ту часть работы, которую надумал, наконец, выделить для диссертации. Я бесконечно долго возжусь с этой скудной материей, но вскоре надеюсь сбросить с плеч надоедливую ношу. Моя непрактичность много мешает и вредит мне во всем. Представьте себе, что три месяца до Рождества я потерял, занимаясь тою частью, которая не имеет никакого отношения к диссертации!² Я не в состоянии ничего рассчитать, и менее всего способен рассчитывать время. Мне казалось, что все это нужно включить в диссертацию; между тем, самый простой расчет мог показать, что тогда она значительно превысила бы узаконенный объем. Говоря о своих работах, я должен прежде всего сказать о моих теперешних отношениях к Гиршфельду. Я Вам писал, что послал ему отчет о своих занятиях и в заключение просил об указании о том, где найти Краешинникову факсимиле нарбонского закона³. Он ответил письмом⁴, которое — оно же коротко — лучше приведу здесь целиком, так как это кажется мне целесообразным в силу некоторых соображений. «Charlottenburg, Cramerstr. <asse> 3, den 8 Jan. <uar> 1893. Lieber Herr Ivanov, ich hatte wirklich schon die Hoffnung aufgegeben, noch von Ihnen zu hören; auch meine Nachfragen bei den alten Seminarmitgliedern waren stets vergeblich. Um so mehr freut es mich, von Ihnen Gutes zu hören. Inzwischen sind Henze, Münzer, Meyer und andere zu Doctoren geworden, und ich hoffe bestimmt, dass Sie jetzt auch sich entschliessen werden, diesen Schritt zu thun. Ich ermahne Sie *dringend*, es nicht herauszuschieben und spätestens im April Ihre Arbeit einzureichen. Sie brauchen nur ein Kapitel, am besten über die Organisation der Gesellschaften herauszunehmen; aber zögern Sie nun nicht länger mehr. Sie wissen, dass Sie mir Ihr Versprechen einzulösen haben, und ich lege auch Werth darauf, dass es unter meinem Decanat geschieht. Ich schreibe heute nur diese Zeilen, denn ich bin gerade in diesen Wochen sehr in Anspruch genommen. Für Ihren Freund lege ich den Abklatsch der narbon.<ensischen> Inschrift bei; er kann ihn selbst resp. <ektive> durch Sie mir persönlich wiederbringen. Grüssen Sie Petersen, Hülsen, Mau; wenn Sie Dr. Samter sehen, bitte ihm für seinen Brief herzlich von mir zu danken. Also auf baldiges Wiedersehen in Berlin. Ihr O. Hirschfeld»⁵ — В феврале неожиданно явился ко мне мой бывший университетский товарищ, упомянутый в этом письме Dr. Münzer, который, отправляясь сюда из Берлина, получил от Гиршфельда поручение: «schaffen Sie mir Ivanov aus Rom weg»⁶. Он передал мне die grösste Unzufriedenheit⁷ нашего maestro по случаю моей медленности и нерешительности, [и самые] настоячивые [его] требования явиться в Берлин, убеждения не трусить и т.п. До сих пор я еще не отвечал Гиршфельду, чтобы иметь возможность написать что-нибудь определенное, и имею все данные, чтобы предполагать, что его недовольство, пройдя все ступени гнева, достигло в настоящее время крайней Wuth⁸. Теперь однако собираюсь писать. Я надеюсь, что приблизительно через неделю будет своевременно попросить его, как декана, о разрешении прислать ему мою диссертацию с прошением и пр. по почте; сам я явился бы тогда прямо к экзамену. Если бы он, на что впрочем есть мало вероятия, не разрешил такую присылку, чтобы не отступать от буквы устава, то я и по окончании диссертации должен

буду остаться в Риме, чтобы повторить, что нужно к экзамену. Если же я получу разрешение, то через несколько недель надеюсь отослать манускрипт, сам же опять-таки принужден буду остаться на месте. Вполне исполнить желание Гиршфельда, т.е. представить работу в апреле, мне во всяком случае невозможно: еще нужно пересмотреть ее, написать примечания, переписать. Что касается экзамена, то сдавать его можно или до летних ferien⁹, т.е. до августа, или после них, т.е. со второй половины октября. Как ни жаль, что нельзя будет устроить экзамен и защиту в деканство Гиршфельда, которое истекает 15 октября, но нет возможности поспеть к июлю, и остается взять на себя обязательство приехать в Берлин в октябре. Итак придется просидеть еще несколько месяцев в Риме¹⁰. Перехожу теперь к Вашим делам. Прежде всего поздравляю Вас с командировкой и от души радуюсь за Вас: эта командировка имеет для Вас огромное значение, несмотря на ее кратковременность¹¹ (Впрочем, нельзя ли Вам не возвращаться в Петербург к октябрю? Нельзя ли уже теперь подготовить возможность остаться за границей на зиму? Заранее подумайте и позаботьтесь об этом!) Но самая кратковременность командировки обуславливает для Вас необходимость торопиться с Вашей работой, которая должна быть написана в эти пять месяцев. Поэтому позвольте мне убеждать Вас прекратить хотя бы на время дальнейшее собирание материалов, которые впоследствии могут быть пополнены, и немедленно же начать их разработку. В настоящее время у Вас есть общий план работы, Вам известны ход и связь ее идей и положений. Поэтому прямо примитесь за развитие плана в деталях, за пересмотр Ваших схем¹² и за составление отдельных глав. Напишите как можно скорее работу, хотя бы и на страх, что Вам придется переписать ее снова. Вам должно прежде всего переступить магический круг, из которого Вы никак не можете выйти: я разумею бесконечные Vorarbeiten¹³, которые даже при менее обширной теме возможно расширять до беспредельности. Послушайтесь этого совета, перестаньте умножать архив Ваших материалов, который и без того велик, и начните писать ту или другую главу так, как если бы Вам нужно было написать об этом предмете лекцию. Быть может, Вы могли бы уже теперь найти время для рассмотрения и группировки материалов, чтобы до мая снова войти в работу, снова свыкнуться с ней и собрать собственные мысли, наполовину забытые и растерянные во время перерыва работ. К этому совету позволю себе присоединить другой: никак нельзя отнимать у пятимесячной командировки целых десять дней и употреблять их на составление текста лекций, Вами прочитанных, или на редактирование составленного [курсистками]¹⁴ слушательницами курса. Это значит расточать время. Слушательницы сами должны составить лекции, как знают. Укажите книги для приготовления к экзамену, укажите издательницам книги для справок, дайте им свои записки и конспекты — но не оставайтесь из-за этого полмесяца в Петербурге: Вы можете за это время многое сделать для Вашей работы. Должно знать меру всему и уметь остановиться вовремя: и без того слишком много времени, труда, сил и здоровья потратили Вы на тот курс, который могли бы прочесть удовлетворительно и без таких чрезмерных стараний. Не говорю, что это Вы сделали напрасно; скажу то, что мне самому часто говорят о моих действиях, — что Вы поступали непрактично. Не так бы поступали другие. Но уменьшать время командировки все в интересах того же курса, который и без того Вы провели с такою добросовестностью и с таким успехом, уже прямо неблагоприятно. Итак, сделайте эти пять месяцев временем священным и неприкосновенным, и пусть в него не имеют доступа те заботы, которым Вы отдавались прошлую зиму и которые могут предстоять Вам в новом учебном году. Никто из преподавателей, кроме Вас, не берет на себя труда редактирования литографированных курсов. Пусть издадут остальные лекции, как умеют; на экзамене Вы можете оговорить это. И притом я убежден, что при помощи Ваших записок лекции будут изданы удовлетворительно и без Вашего личного сотрудничества. Я Вам советую далее ехать прямо в Берлин, где Вы познакомитесь с Гиршфельдом, Моммзеном и другими. В настоящее время мне возможно, в случае если бы это Вам понадобилось, облегчить для Вас этот шаг,

насколько это в моих силах. Именно, так как мне предстоит, по-видимому, переписка с Гиршфельдом по вопросу о присылке моей диссертации, то я надеюсь иметь удобный случай написать ему о Вашем желании познакомиться с ним, чтобы просить его о совете и т.п. смотря по тому, *какие инструкции* дадите Вы мне относительно этого предварительного извещения Гиршфельда о Вашем приезде. И если Вы хотите, чтобы я написал о Вас Гиршфельду, подробно известите меня о том, что и как написать.¹⁵ Гиршфельд отрекомендует Вас, вероятно, Моммзену. Никакого труда не будет Вам стоить знакомство с молодыми учеными, напр. <имер>, Дессау, Вебером (авт. <ор> Agrargeschichte, если только он в Берлине)¹⁶ Если бы был случайно в это время в Берлине Гучков (где он, о том знает Виноградов, и можно справиться в русской колонии), он бы также мог быть Вам полезен.¹⁷ В Берлине Вам нет нужды оставаться больше времени, чем сколько нужно для свиданий с разными учеными. На обратном пути в Россию Вы заехали бы туда опять для дальнейших совещаний. Впрочем, куда Вам ехать и где оставаться, судить не мне; но Вы знаете сам, какую радость доставил бы мне ваш приезд в Рим!..¹⁸ И если бы Вы приехали сюда с семьей, то исполнили бы этим большое желание мое и жены – познакомиться с вашей супругой и увидеть Вашу милую дочку, и мы надеемся, что так же хорошо сошлись бы с Вашей семьей, как и с Вами. Кстати, поставлю Вам на вид, что Вам (все равно, приедете ли Вы с семьей или без нее) возможно было бы, довольясь удобно [и сравнительно очень экономично] и притом дешево, устроиться в меблированных комнатах наших хозяев (они всего отдают внаймы 4 или 5 комнат, из которых две занимаем мы), если только Вы не стоите, во что бы то ни стало, за отель Палумбо.¹⁹ Мы переселяемся на этих днях в другую квартиру того же дома – этажом выше [и недостатка в свободных комнатах, по-видимому, не будет] Наша местность (угол via Gaeta и Castelfidardo, в непосредственном соседстве с Белохом²⁰) – возвышенная, здоровая, очень хорошая, хотя несколько отдаленная от центра.²¹ Ваше соседство было бы нам, как Вы сам знаете, в высшей степени желательно. Впрочем, не хочу Вас уговаривать жертвовать своими привычками или удобствами; во всяком случае, если приедете, сами увидите все. Прибавлю на всякий случай, что мы обедаем и ужинаем с хозяевами и что проживаем в месяц (включая все расходы) от 270 до 300 франков. За две комнаты мы платим 57 фр. <анков> или 60 фр. <анков> с прислужгой. За обеды потом подводится счет, очень добросовестно; цена варьируется смотря по кушаньям и ценности припасов. – В свою очередь прошу Вас, дорогой Иван Михайлович, написать мне поскорее о Ваших намерениях и решениях. Желая Вам скорого счастливого пути, а в настоящую минуту – успешных сборов. В самом деле, собирайтесь-ка в путь, т.е. отрезайтесь от Ваших педагогических забот, направляйте Ваши мысли на диссертацию, готовьтесь к войне – правда, только пятимесячной, но зато большой и решительной, мобилизуйте армию Ваших материалов, схем, гипотез, аргументов – и к 1^{му} мая, во что бы то ни стало, переступите с этою армией границу. С нетерпением буду ждать от Вас вестей. Жена сердечно Вас приветствует, я обнимаю Вас, и мы оба желали бы сказать Вам: до скорого свидания.

Ваш искренний друг

Вяч. Иванов.

Жаль мне, что Тэн умер. Он мне симпатичнее Ренана²²

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 14–17.

Ответ на неизвестное письмо Гревса. Ответ Гревса неизвестен.

¹ Новогоднее письмо Иванова см. выше (п. 7), новогоднее письмо Гревса неизвестно.

² Ср. примеч. 13 к п. 7

³ См. п. 7 и примеч. 17 к нему; ср. *Wachtel M.* Op. cit. P. 374, nt. 16.

⁴ Письмо опубликовано: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... P. 369. Перевод см. в след. примеч.

⁵

Шарлоттенбург, 8 января 1893.
Кармерштрассе 3.

Дорогой господин Иванов.

Я уже действительно потерял надежду когда-нибудь вновь услышать о Вас; тщетно спрашивал я и бывших участников семинара. Тем более я рад услышать от Вас добрые вести. За это время Генце, Мюнцер, Мейер и другие стали докторами, и я твердо надеюсь, что и Вы теперь решитесь сделать этот шаг. Я настоятельно призываю Вас не откладывать этого и самое позднее в апреле представить свою работу. Вам нужно выделить одну единственную главу, лучше всего об организации обществ откупщиков; только больше не медлите. Вы знаете, что должны сдержать данное мне обещание, и я придаю значение тому, чтобы это произошло в мое деканство.

Сегодня пишу только эти несколько строк, поскольку как раз в эти недели я слишком занят. Прилагаю для Вашего друга факсимиле набранной надписи: он может сам или, соответственно, через Вас вернуть ее лично мне.

Передавайте привет Петерсену, Гользену, Мау; если увидите д-ра Замтера, прошу Вас, передайте ему от меня сердечную благодарность за его письмо.

Итак, до скорого свидания в Берлине!

Ваш О. Гиршфельд.

Диссертация Эрнста Генце (*Ernst Walter Henze*) «*De civitatibus liberis, quae fuerunt in provinciis romani Romani*» была представлена в Берлинский университет 9 марта 1892 г. (см.: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... P. 375, nt. 11). На эту работу своего университетского товарища о свободных от податей городских общинах Иванов ссылается, приводя аргументы против тезиса об участии Аттика, имевшего какие-то финансовые дела с сиконниками, в откупках: *Ivanov V. De societatibus vestigalium*... P. 15, adn. 80. Фридрих Мюнцер (*Frederick Hermann Münzer*, 1868–1942) представил свою диссертацию «*De gente Valeria*» 26 июня 1891 г. (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... P. 375, nt. 12). Впоследствии Мюнцер стал известным историком древнего Рима, одним из основоположников пропедевтического метода; см.: *Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920. Ср. в позднейшем рассказе Иванова о его студенческих годах: «Тот же вопрос о государственных откупках... я разрабатывал далее в семинарии Моммзена, который заводил серьезные и опаснейшие диспуты с более зрелыми учениками, среди которых вспоминаю Мюнцера (ныне профессора в Базеле), П. Мейера (проф. в Берлине)...» (Автобиографическое письмо. С. 17). Иванова подвела память: к тому времени Мюнцер уже несколько лет (с 1912 г.) был профессором не в Базеле, а в Кенигсберге, откуда и писал Иванову в 1913 г. (см. ниже, примеч. 6). Пауль Мейер (*Paul Meyer*) представил диссертацию «*De Maecenatis oratione a Dione facta*» 15 декабря 1891 г. (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... P. 375, nt. 13). В тетрадке, в которой Иванов вел записи семинария Моммзена в течение зимнего семестра 1889–1890 г., имеется краткое упоминание о выступлении Пауля Мейера 9 декабря с докладом как раз о речи Мецената (*Übungen von Prof. Mommsen W.S. 1889/90* // РГБ. Ф. 109. К. 4. Ед. хр. 23. Л. 6 об.).

Совету Гиршфельда «выделить одну единственную главу, лучше всего об организации обществ откупщиков» Иванов последовал: в окончательной структуре его диссертации вопросы внутренней организации товариществ публиканов, действительно, занимают центральное место: главы с VI по X (P. 47–76). Но все же подход Иванова был гораздо шире: он ставил своей задачей также рассмотреть в общесоциологической перспективе место этих товариществ в римском обществе и государстве в целом. См. примеч. 6 к п. 49.

Евгений Петерсен (*Eugen Adolf Petersen*; 1836–1919) — немецкий археолог, первый секретарь Германского археологического института в Риме в 1887–1905 гг. (см.: *Wickert L. Beiträge...* S. 57–61). О Гользене см. примеч. 12 к п. 7. Август Мау (*August Mau*; 1849–1909) — незаменимый на протяжении десятилетий сотрудник («помощник при секретариате») Германского археологического института: с 1880 г. занимался институтской библиотекой, в которую каждый год поступало по 650 новых книг и по 250 журналов и продолжающихся изданий; создал новый, предметного каталога библиотеки, первые два тома которого были отпечатаны в 1900 и 1902 гг. (см.: *Wickert L. Beiträge...* S. 67–68; *Blanck H. Die Bibliothek des D.A.I. in Rom*. Mainz, 1979. S. 18–22). «Но кроме любви к жене, которую он пережил только на три дня, и к Германскому археологическому институту в Риме, в жизни Мау была и третья любовь: Помпеи. Там он проводил все лето, а зимой трудился над публикациями результатов своих летних исследований. В июне он устраивал «прогулки», в ходе которых показывал Помпеи гостям германского института» (*Andreas J. Introduction: Antique, moderne et temps présent: la carrière et l'oeuvre de Michel Ivanovic Rosovtseff (1870–1952)* // *Rosovtseff M.I. Histoire économique et sociale de l'Empire romain*. Paris, 1988. P. IX). Мраморный бюст Мау установлен в Помпеях. См. также: Скифский роман. С. 55, 78, примеч. 32; С. 379, примеч. 5; С. 385, 406. Замтер — по мнению М. Вахтеля, скорее

всего имеется в виду некий Эрнст Замтер (Ernst Samter), который в 1891 г. представил в Берлинский университет диссертацию «Quaestiones Varonianae», а в 1903 г. участвовал в фешт-шрифте к 60-летию О. Гиршфельда (Вячеслав Иванов студент... Р 375, пт. 15).

⁶ «Вытащите мне Иванова из Рима!» (нем.). Ср. ниже, в примеч. 10, упоминание о встрече с Мюншером в письме Иванова к Гиршфельду от 23 апреля 1893 г. М. Вахтель сообщает о сохранившихся в фонде Иванова (РГБ. Ф. 109. К. 30. Ед. хр. 39) двух открытках, 1894 и 1895 гг., и одним письмом от Мюншера. Последнее написано 7 сентября 1913 г. (по получении диссертации о публикане), и в нем Мюншер вспоминает о часах, проведенных вместе с Ивановым в Риме двадцать лет назад, о совместной поездке в Анцио и уютных домашних чаепитиях (Вячеслав Иванов студент... Р 375, пт. 17). См.: Переписка... IV С. 367, примеч. 10.

⁷ Крайнее недовольство (нем.).

⁸ Ярость, бешенство (нем.).

⁹ Каникулы от лат. *feriae* праздники, нерабочие дни.

¹⁰ Ср. письмо Иванова к Гиршфельду от 23 апреля 1893 г..

Roma, via Castelfidardo 51, 3 piano
porta 1.
23 апреля 1893.

Многоуважаемый господин профессор!

Прошу Вас извинить меня за то, что не написал Вам раньше: я хотел подождать, пока не смогу сообщить Вам что-нибудь более определенное о своей работе.

Вначале позволю себе принести Вам глубочайшую благодарность как за Ваше благосклонное ответное письмо, так и за серьезную дружескую помощь, которую Вы оказали д-ру Крашенинникову присылкой факсимиле нарбонской надписи. Прежде чем он будет иметь возможность и признать публично, сколь сильно он чувствует себя обязанным Вам за это, и прямо высказать Вам это частным образом, он поручает пока мне передать Вам его глубокую благодарность.

Нельзя, далее, многоуважаемый господин профессор, не высказать чувство благодарности, которое пробудило во мне Ваше увещание, переданное д-ром Мюншером его неожиданный приезд доставил мне большую радость. В выражении Вашего недовольства моим промедлением я с благодарностью увидел доказательство Вашего доброго участия!

Мне крайне досадно, особенно после Ваших настойчивых призывов, что я не могу сообщить Вам, что исполнил Ваше желание относительно завершения моей работы в этом месяце. Мне так и не удалось, несмотря на все мои усилия, довести ее до нужного уровня, и не приходится надеяться, что в оставшиеся несколько дней у меня будет возможность просмотреть готовый в настоящее время текст, снабдить его цитатами и некоторыми еще недостающими примечаниями и переписать набело. А поскольку прибавляется еще и то обстоятельство, что необходимая все же (несмотря на мои прежние соответствующие занятия) систематическая подготовка к устному экзамену займет некоторое время, я должен сделать тягостное признание, что не смогу сдать докторский экзамен уже в летний семестр и потому буду вынужден отложить его на начало зимнего семестра, так что мое огромное желание при Вашем деканстве по крайней мере подвергнуться испытанию, к моему глубокому сожалению, наверно не исполнится, так как экзамены, насколько мне известно, возобновляются только после 15 октября.

Поэтому я имею честь покорно просить Вашего разрешения после завершения моей диссертации (стало быть, приблизительно в мае) послать ее Вам как декану вместе с прошением о допуске к докторскому экзамену и т.п., так как сам я для подготовки к устному экзамену хотел бы еще несколько месяцев спокойно пожить в Риме. Тогда бы я экзаменовался сразу после осенних каникул. Мне отказано в чести и удовлетворении получить ученую степень от Вас, как декана, но я надеюсь, что по крайней мере формальным принятием моей диссертации Вы положите начало моей промоции. В случае если Вы сообразоволяете согласиться с этой просьбой, я постараюсь прислать Вам свою работу как можно скорее.

Мне тяжело, многоуважаемый господин профессор, снова подвергать испытанию Ваше терпение; но коль уж обстоятельства вынудили меня к этому, я надеюсь на Ваше снисхождение и благосклонность в дальнейшем, и засим остаюсь благодарен Вам за Вашу столь часто явленную доброту и исполнен почтения к Вам

В.И.

(Wachtel M. Вячеслав Иванов студент... Р 370.) Иванов писал Сперанскому 13/25 апреля 1893 г.: «Я скоро кончаю и думаю отправить в Берлин работу, о чем уже послал запрос к моему Гиршфельду, с которым завязал с января деловую переписку. Сам же еще не могу ехать в

Берлин: надобно приготовиться к экзамену, который, вероятно, раньше октября не состоится, так как с конца июля до октября продолжается осенняя вакансия» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 15). Ср. ответ Гиршфельда на письмо Иванова:

Charlottenburg, 11.V.93.

Дорогой господин Иванов.

В последние недели я был так занят, что не сумел Вам ответить. Мне жаль, что я, таким образом, уже не буду выдвигать Вас на степень, но действительно Вы можете подавать заявление «о допуске к экзамену. *Ibid.*», только когда завершите подготовку. Прежде этого я не могу принять и Вашу работу; Вы можете подать ее только вместе с формальным заявлением. Так что если Вы приседаете около начала или середины октября, Вы сможете успеть на устный экзамен в начале ноября. Во всяком случае я буду отсутствовать в Берлине только с 15 августа до 15 сентября. Итак, до встречи осенью.

С приветом также и д-ру Мюнцеру и Замтеру

Ваш О. Гиршфельд.

(*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 371.) Ссылаясь на «Хронику» Берлинского университета, М. Вахтель указывает, что Отто Гиршфельд был деканом философского факультета в течение зимнего семестра 1892/1893 учебного года и сложил с себя эти обязанности в конце летнего семестра 1893 г. (*Ibid.* Р. 374, п. 1, Р. 375, п. 18). Свое намерение послать диссертацию в Берлин в 1893 г. Иванов не осуществил.

¹¹ Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 13/25 апреля 1893 г.: «Очень образован я был на Святой письмом Гревса: пишет, что посылают за границу на время с 1 мая по 1 октября и что он, быть может, приедет в Рим. Это было бы отлично. Жаль, что Вам нельзя приехать сюда этой весной: славно воскресили бы мы все вместе прошлогодние римские дни» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 15 об.). Упомянутое письмо Гревса к Иванову нам неизвестно.

¹² Листики, карточки — от лат. *scheda* — полоска папируса, лист. Иванов имеет в виду манеру Гревса накапливать материал к работе на аккуратных листочках бумаги, в дальнейшем легко раскладываемых в нужном порядке (см., например, систематизированные выписки и заметки по истории римского земледелия в архиве Гревса: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 89). На таких листках разного размера он записывал и материалы для лекций («Читал И.М. неизменно по маленьким мелконписанным листкам-конспектам» *Скрябинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 244), и, много позже, подготовительные заметки к воспоминаниям (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Биографические материалы).

¹³ Предварительные разработки (нем.).

¹⁴ См.: Гревс И.М. История средних веков: Лекции, читанные на С.П.Б. Высших Женских Курсах в 1892–93 году / Сост. слушательницами III курса. СПб.: Литогр. Д.М. Руднева, 1892; *Он же.* История средних веков. Ч. II. Вып. 1–3. СПб.: Литогр. Д.М. Руднева, б. г.

Обыкновенная практика в русских университетах предполагала, что лекции записывались студентами, полный курс записей просматривался профессором (обратное утверждение Иванова — см. ниже — неверно, во всяком случае, во многих случаях), затем литографированное издание курса распространялось как учебное пособие (ср.: *Носов А.А.* Реконструкция 12-го «Чтения по философии религии» В.С. Соловьева // Символ. № 28. Париж, 1992. С. 253).

¹⁵ В известной нам по публикации М. Вахтеля переписке Иванова с Гиршфельдом имя Гревса не упоминается.

¹⁶ Поездка Гревса в Берлин не состоялась, хотя призывы Иванова отвечали давнему желанию самого Гревса, который еще в августе 1891 г. (в черновике 2-й части отчета о занятиях за границей) писал о своих планах на лето 1892 г.: «Смотря по тому, в каком состоянии будет находиться работа по диссертации, я либо вернусь в Париж, либо проведу летний семестр в каком-нибудь германском университете; особенно хотелось бы мне побывать в Берлине и воспользоваться хотя бы одним семинарием Моммзена, так как мысль о том, что мне не удастся совсем поработать под руководством одного гениальнейшего из современных историков, сильно смущает меня» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 251).

Герман *Dessau* (Hermann Dessau; 1856–1931) — ученик Моммзена, крупный филолог и эпиграфист, профессор Берлинского университета; в то время автор нашумевших статей, положивших начало современному этапу изучения сборника императорских биографий (*Vita Augusta*); ответственный за подготовку II и III томов «Просопографии Римской империи» (P.I.R.), опубликованных соответственно в 1897 и 1898 гг. (этот материал должен был в особенности интересовать Гревса). Под именем Дессау в научный обиход вошел также изданный им сборник латинских надписей (ILS). Макс Вебер (Max Weber; 1864–1920) — будущий классик социологии, в 1889 г. по окончании юридического факультета Берлинского университета защитил диссертацию по правовым вопросам торговых компаний в средневековых итальянских

городах, а в 1891 г. — свою вторую диссертацию (Habilitationsschrift), о которой и говорится в письме (Weber M. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht. Stuttgart, 1891), в которой предложил совершенно оригинальный взгляд на всю социально-экономическую жизнь Рима. До 1894 г. читал в Берлинском университете курсы по торговому праву, истории римского права, германскому праву, совмещая преподавание с адвокатской деятельностью (См.: Bruhns H. A propos de l'histoire ancienne et de l'économie politique chez Max Weber // Weber M. Économie et société dans l'antiquité. Paris, 1998. P. 20; Capogrossi Colognesi L. Le radici della modernità: Max Weber 1891–1909. 2^a ed. Roma, 1997.)

¹⁷ Александр Иванович Гучков (1862–1936) — предприниматель и общественный деятель. Окончив в 1886 г. историко-филологический факультет Московского университета, продолжил учебу в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. входил в круг ученой молодежи, тяготевшей к П.Г. Виноградову. Позднее Иванов вспоминал: «Немало было у меня и знакомств среди молодых русских ученых, работавших в Берлине. Помню празднование Татьянина дня в отдельном кабинете ресторана с П.Г. Виноградовым, кн. С.Н. Трубецким, А.И. Гучковым, В.В. Татариновым (учеником Виноградова) и проф. Гатцуком» (Автобиографическое письмо. С. 18). Сохранились два письма Гучкова к Иванову, относящиеся именно ко времени их общения в Германии (1888); показательно упоминание в одном из них П.Г. Виноградова. Гучков подарил Иванову какую-то книгу о лангобардах и пишет: «Я еще раз обращаюсь к Вам с покорнейшим и настоятельнейшим просьбою принять от меня этот маленький подарок, как воспоминание, во-первых, о Виноградове, Вашем бывшем учителе и. Бог даст, Вашем будущем коллеге, и, во-вторых, обо мне» (РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 40. Л. 2 об., можно предположить намек на книгу: Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880). Фамилия «Гучков» встречается и в берлинской записной книжке Иванова (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 14 об.).

¹⁸ Летом 1893 г. Гревс встречался с Ивановым в Италии — см. п. 9. Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 24 декабря 1893 г. / 5 января 1894 г.: «Писал я Вам в последний раз в конце апреля (в 20^х числах). Вскоре затем собрался в Риме русская колония почти в том же составе, как и год тому назад. <...> В половине июля уехал в Париж Гревс» (РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 616).

¹⁹ См. примеч. 15 к п. 1.

²⁰ См. примеч. 10 к п. 1.

²¹ См. примеч. 2 к п. 5.

²² Ипполит Тэн (Hippolyte Taine; 1828–1893) — французский философ, теоретик и историк литературы, умер 5 марта 1893 г. Ср. в воспоминаниях Гревса: «Очень помогала мне книга Тэна, Voyages en Italie... <Она> осталась любимой мне и потом, когда я разошелся совсем с точками зрения автора: несмотря на позитивизм, Тэн обладает замечательно свободною интуицией» (Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией. С. 290). О Ренане см. примеч. 7 к п. 5. Гревс в рассматриваемое время был увлечен Ренаном: Н.Е. Вернадская писала ему 3/15 октября 1893 г.: «Владимиру <В.И. Вернадскому> очень понравилась твоя мысль — вступительные лекции о Ренане... Помню, что у тебя есть очерк о Ренане» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 253).

9. Иванов — Гревсу

5/17 сентября 1893 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51.

17/5 сент. <ября 18>93.

Дорогой Иван Михайлович. Извините, в свою очередь, промедление моего ответного письма. Делового материала для сообщения друг другу у нас не было, а настроение обоих заставляло предпочитать сосредоточенность экспансивности. Но вот уже скоро, вероятно, Вы покидаете Париж. Когда же Вы тронетесь путь, и куда его направите? Я воздержусь от советов, которые расточал при свидании с Вами¹. Мое мнение Вам хорошо известно². О Моммзене я Вам сообщал³ Гиршфельд, который не так давно писал мне с острова Sylt⁴, что отправил Виноградову «Auftrag» немедленно по получении моего письма и что сообщением в русских газетах о юбилее Моммзена считает «wohl nicht orrportun».

прибавлял, что в Берлине он будет с 10 сентября⁶. Зная Вас, я, к сожалению, не сомневаюсь, что все последнее время Вы посвящали составлению курсов⁷. В каком, однако, состоянии находится Ваша диссертация? Очень радуюсь, что Вы хотите ее ограничить. Но может ли очерк истории земельной собственности до Диоклетиана быть развит Вами в целую диссертацию, это покажет только действительно произведенная Вами в этом смысле попытка⁸. Ничего бы, быть может, я не желал бы Вам в такой степени, как написать диссертацию в течение этой зимы. Я убеждаю Вас приложить к этому усилия. Если Вы удовлетворены социально-экономической частью первоначально поставленной темы, оставив в стороне политическую часть, то для Вас будет во всяком случае очень полезно набросать сначала в общих чертах связный очерк земельной собственности в период от Августа до Диоклетиана, и, быть может, в самом деле он будет достаточен для диссертации. Я бы при составлении магистерской диссертации сообразовался на Вашем месте с минимальными требованиями. Прошу Вас, как это делаю всегда (хотя и не всегда с успехом), держать меня au courant⁹ с Вашими планами и работами, касающимися диссертации. Как однако Вы себя чувствуете физически и нравственно, и как поживает Ваша семья? Жена написала Марии Сергеевне в Крым только по возвращении из Анцио: это промедление, конечно, большая вина⁹. Жена и Саша вернулись с морских купаний загорев, и, по-видимому, поправившись. Вернулась с ними и Мария Владимировна¹⁰, которая поселилась у наших хозяев, в комнате, которую занимали Вы, и занимается с большою энергией, кроме исторического чтения, изучением итальянского и английского языков. Как течет наша жизнь, Вы можете себе представить, потому что в ней нет существенных перемен. К сожалению, то же самое можно сказать о моих занятиях. Будьте великодушны, и не заставляйте меня распространяться на эту тему. Что касается сферы более внутренних интересов, отмечу, как важное для меня событие, мое непосредственное ознакомление с философией Шопенгауэра, который удивительно глубоко и не имеет ничего общего с модным «Шопенгауэром» наших дней, как его конструировали для собственного обихода современные мыслители из profanum vulgus¹¹. Айналов уехал в Россию в конце августа; он собирался проехать с берегов родного Мезотийского болота в Петербург¹². Через Айналова я познакомился с бывшим здесь в течение короткого времени художником Нестеровым, который очень меня заинтересовал¹³, и с пребывающим и теперь в Риме москов. <ским> приват-доцентом по истории искусства Мироновым¹⁴. Крашенинников все так же безвыездно живет в Риме; только он покинул классическую пустыню близ Колизея и поселился на via Curtatone 6, p.^o IV, presso il Sig. Parena, так что его окна выходят на piazza Indipendenza, а от нас отделяет расстояние в 2–3 минуты ходьбы, что очень удобно¹⁵. Михаил Никитич кланяется Вам и просит напомнить как о взятой Вами книжке ЖМНП¹⁶, так и о том, что если бы Вы нашли случай добыть для него эстампаж бронзовой таблицы нарбонского закона, то он был бы Вам за это очень благодарен¹⁷. Как могли Вы [перепутать] забыть книги, которые обещали выслать мне? Именно по Вашей рекомендации я и хотел приобрести два учебника средневековой истории (по 5 фр. <анков> каждый) один, заключающий связанное фактическое изложение, другой иллюстрирующие культурную [и социальную] сторону <эскизы?>. Я не хочу называть имен авторов; Вы должны¹⁸ <окончание письма не обнаружено>.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 355. Л. 133–134.

Письмо, утратившее подпись, хранится, как анонимный документ, среди писем разных лиц, а не в основной подборке писем Иванова. Оно сильно «заошено», так что разваливается по стихам, а края листа обтрепаны — можно предположить, что утраченная часть письма представляла собою текст, который Гревс мог читать и неоднократно в течение длительного времени третьим лицам.

Ответ на неизвестное письмо Гревса. Ответ Гревса не обнаружен.

¹ Во время командировки 1893 г. Гревс виделся с Ивановым в Риме: «1893 (весна) с Шварс.<алон> и Рост.<овцевым> (из П<етер>б<у>рга через Варш.<аву>) Вена Венеция (перв.<ый> раз) Болонья Флоренция Рим (Alb.<ergo> Alibert via Castelfidardo с Ивановым)» (Гревс И.М. Путешествия мои в Италию. Л. 41. «Alb. Alibert» зачеркнуто, снизу в скобках: «вилла Тор<нрзб.>»).

² По всей вероятности, Иванов при свидании убеждал Гревса так или иначе остаться за границей на зиму, ср. п. 8. Гревс однако возвратился в Петербург к своим преподавательским обязанностям.

³ Если предположить, что речь идет о моммизеновском юбилее (см. след. примеч.), то нужно заключить, что нам неизвестно летнее письмо 1893 г. Иванова к Гревсу, содержавшее соответствующее сообщение. Не исключено, что речь о Моммзене заходила и в связи с намечавшейся при встрече друзей остановкой Гревса в Берлине на возвратном пути в Россию; ср. п. 8 и 10.

⁴ *Зильт* остров в Северном море, известное место отдыха.

⁵ Речь идет о следующей открытке:

Westerland (Syft).
25 августа 1893.

Дорогой господин Иванов.

Я рад, что Вы проявляете такой интерес к сбору средств в фонд Моммзена. Я сразу же выслал «Обращение» проф. Виноградову. Обращение в русских газетах, пожалуй, ни к чему. Вашего коллегу в Риме (его фамилии у меня сейчас нет под рукой) прошу поблагодарить за присланное письмо; буду рад познакомиться с ним в Берлине. Надеюсь, Вы скоро доберетесь до промощи; я вернусь домой 10 сентября.

С наилучшими пожеланиями

Ваш О. Гиршфельд.

(*Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... Р 371.) Упомянутое обращение (*Auftrag*) «почитателей и друзей Моммзена» о сборе средств для специального фонда сам Иванов получил в мае 1893 г. (*Ibid.* Р 375, лт. 19). Летом 1893 г. Крашенинников писал Эрнстедту: «Я уже сообщал И.В. Помяловскому, что среди учеников и почитателей Моммзена возникла мысль чествовать его пятидесятилетний докторский юбилей (8 ноября этого года). Образовался комитет, к которому примкнули ученые разных национальностей (между прочим, в списке членов этого комитета фигурирует имя и русского(?): «v. Kiesenitzky aus Petersburg» <Гангольф Егорович Кизерицкий (1847–1903) археолог, хранитель, а затем начальник отделения древностей Эрмитажа. *Изд.*> Открыта подписка с целью составить особый фонд имени Моммзена, Mommesen-Stiftung; ввиду того, что в составлении фонда примут участие ученые разных стран, фонд этот будет иметь международный характер и по отношению к способу пользования им. Предполагается предоставить самому Моммзену выработать правила употребления фонда. Я. Иванов и Гревс, который теперь уехал в Париж, уже приняли участие в составлении фонда, т.е., говоря проще, послали в Берлин по 10 германских марок. Думаю, что и в России немало есть почитателей Моммзена, которые не отказались бы принять участие в упомянутом деле» (цит. по: *Анфертьева А.Н.* М.Н. Крашенинников. С. 379). Можно предположить, что летом 1893 г. в Риме Гревс, Иванов, Крашенинников обсуждали возможность оповещения русских коллег и публики о предстоящем юбилее через русские газеты, но прежде чем предпринять конкретные шаги, решили посоветоваться с Гиршфельдом.

Кто был тем коллегой Иванова в Риме, фамилию которого запоминал Гиршфельд, с определенностью сказать нельзя: это мог быть и Крашенинников, возможно, благодаривший письмом берлинского профессора за предоставление факсимиле Нарбонского закона, возвращая его (ср. примеч. 16 и 17 к п. 7), и Гревс, побуждаемый Ивановым к встрече и знакомству с Гиршфельдом и Моммзеном и, возможно, написавший одному из этих «све-тил» какое-то письмо.

⁶ Ср. в письме Гревса к С.Ф. Ользеновскому от 26 мая / 7 июня 1891 г. (также из Парижа, во время предыдущей командировки): «У меня здесь две задачи: 1) работать над диссертацией и 2) подготовить курс. Если я вернусь с основой того и другого, я буду страшно счастлив: не забыть второе для первого я решительно не могу ввиду добросовестности и плодотворности моей будущей деятельности» (цит. по: *Человек с открытым сердцем*. С. 250).

⁷ О том, как постепенно уточнялась и сужалась тема диссертации Гревса, см... Переписка... III.

⁸ В курсе (*франц.*).

⁹ Переписку Д.М. Ивановой с М.С. Гревс выявить не удалось. — *Porto d'Anzio* — небольшой городок с купаньем на Тирренском море, в 60 км от Рима, где Ивановы проводили лето в 1893 и 1894 гг. (см. п. 17 и 18).

¹⁰ Мария Владимировна Шульман дополнительными сведениями о ней мы не располагаем (Шульман могла слушать лекции Гревса и быть знакомой с ним: в 1893 г. она окончила вольнослушательницей петербургские Высшие женские курсы см. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах 1882—1889 гг. 1893—1903 гг. СПб., 1903. С. 93). В 1893—1895 гг. Ивановы поддерживали, кажется, достаточно активные связи с Шульман: в адресной книжке Иванова последовательно читается длинный ряд ее адресов в Риме («Шульман Мария Владимировна. Отель Альтиберг 48. Рим. (1893 дек. <абрь>)» [Мар. Вл. Шульман. *vicolo Brunetti 16. 4 piano, presso Spese № 8*]), Париже (под датой «1894 апрель»), Лондоне, Берлине («1895. Апр. <ель>»), кроме того, имеется еще одна адресная запись, о тите, нам неизвестном: «1894 янв. <арь> Иван Иванов. <ич> Даниловский Рим (в той же квартире, где и Шульман) *vicolo Brunetti 16. piano 4. presso Sig. Spese*»; наконец, судя по записи «1895 Berlin (рекомен. <лаши> собран. <ные> М.В. Шульман)», содержащей несколько берлинских адресов с указанием цен постоя и пансиона, Шульман наводила справки о возможной квартире для Иванова, предполагавшего поездку в Берлин, с семьей или без семьи, в связи со своими университетскими делами (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 11. Л. 42, 10 об., 5 об.). — Среди бумаг Иванова сохранились черновики трех писем Д.М. Ивановой к М.В. Шульман конца 1894 — начала 1895 г., из которых можно заключить, что эта незамужняя женщина (матеруазель) путешествовала по Европе, интересовалась женским образованием, намеревалась издавать журнал. В одном из черновиков (осень 1894 г.) Дарья Михайловна пишет: «Когда-то мы с Вами увидимся? Неужели в России? А как бы хотелось опять пожить с Вами вместе и беседовать по душе, помните, как на *via Castelfidardo* мы читали il *Cuore*? Ровно год прошел с тех пор, а сколько нового видели и Вы, и я» (РГБ. Ф. 109. К. 25. Ед. хр. 38. Л. 4).

¹¹ Непросвещенная чернь (лат.).

¹² Расположенный у Азовского моря (античного Меотийского болота) город Мариуполь чаще всего указывался как место рождения Дмитрия Васильевича Айналова (Анфертова А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Мелавсела. СПб., 1995. С. 261, примеч. 15). См. примеч. 38 к п. 5.

¹³ Михаил Васильевич Нестеров (1862—1942) художник. Иванов отменил знакомство с ним в ряду наиболее памятных римских встреч (Автобиографическое письмо. С. 19). В мемуарах художника имя Иванова приводится дважды. В первом случае встреча с ним отнесена ошибочно к 1889 г., когда Нестеров впервые побывал в Риме (но Иванов появился там только в 1892 г., равно как не было тогда в Риме и упоминаемого в той же связи М.И. Ростовцева): «Из ученых наших в Риме я застал М. Ростовцева и Вячеслава Иванова с ними познакомился, бывал у них. У Иванова, незадолго перед тем приехавшего из Парижа (перед Парижем он жил в Германии), была маленькая дочка, свободно говорившая по-итальянски. Перед тем в Париже она так же легко усвоила себе речь французскую, а еще раньше немецкую, причем всякий раз, при переходе к другому языку, она совершенно забывала тот язык, на котором болтала перед тем» (Нестеров М.В. Давние дни. С. 193—194). Важно отметить: Иванов вспоминается Нестерову именно ученым, каким был тогда, в далеком прошлом. Любопытно и то, что в памяти Нестерова образ Иванова возникает в паре с образом М.И. Ростовцева (из других академиков в рассказе Нестерова о Риме всплывает только Д.В. Айналов — единственный, о ком речь заходит и в известных нам письмах художника той поры, но ему Нестеров был обязан специальными руководствами в своем знакомстве с памятниками раннехристианского искусства).

Верно датировано 1893 г. другое воспоминание художника, где Иванов фигурирует уже об руку с Айналовым: «Как-то утром ко мне постучались. Вместе с Айналовым пришел Вячеслав Иванов» (Там же. С. 213—214). Нестеров появился в Риме 19 июля 1893 г., по крайней мере 11 августа он был уже в Равенне (см. Нестеров М.В. Письма. С. 113—114).

¹⁴ Алексей Максимович Миронов (1866—1921) искусствовед, профессор Казанского университета. В адресной книжке Иванова отложился его адрес: «1893 дек. <абрь> Алексей Максимович Миронов Roma. Via Viminale № 38, mezzonino» (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 11. Л. 22 об.).

¹⁵ Ср. выше приложение к п. 6, а также записи Иванова в его адресной книжке: «Крашенинников. Михаил Никитич Roma. Via Claudia 27 piano 2 porta 1 y signora Amadei. <...> 1893 дек. <абрь> Крашенинников М.Н. Via Cutilzone 6, piano 4» (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 11. Л. 18 об.). Указываемый Ивановым в разбираемом письме адрес Крашенинникова фигурирует уже в письме последнего к Ернштедту от 29 июля / 10 августа 1893 г. (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 10). Piazza Indipendenza (площадь Независимости) расположена на пути между главным железнодорожным вокзалом (Stazione Termini) и пересечением улиц Кастильядардо и Газта, где жил Иванов с семьей.

¹⁶ Журнал Министерства Народного Просвещения. Возможно, Крашенинников давал Гревсу какую-то из вышедших уже после отъезда Гревса из Петербурга (или более ранних) журнальных книжек: с декабря 1892 г. он начал печатать свои «Эпиграфические эпюды», посвященные сначала прозаическим (ЖМНП. 1892. Декабрь. С. 83—116), а затем метрическим надписям (ЖМНП. 1893. Май—июнь. С. 113—148; 1893. Июль—август. С. 1—48).

¹⁷ См. примеч. 16 и 17 к п. 7. Хотя в распоряжении Крашенинникова находился эстампаж, предоставленный Гиршфельдом, он рассчитывал раздобыть через Гревса еще один прямо от

«незнакомых... парижан» (см. примеч. 19 к п. 7), чтобы сличить обе копии. Работа Крашенинникова «К истории введения императорского культа в западных римских провинциях», в основе которой лежало исследование и датировка Нарбонского закона, первоначально предназначалась для публикации в ЖМНП, затем «разрослась листов до четырех печатных», и автор одно время стал «подумывать обратиться к докторской диссертации» (Анфертьева А. Н. М. Н. Крашенинников. С. 380, примеч. 24). В конце концов она была опубликована в 1894 г. по-немецки в журнале «Philologus» (см. примеч. 17 к п. 7).

¹⁸ По всей вероятности, книги, о которых более точных сведений установить не удалось, были Гревсом высланы; см. п. 10.

10. Иванов — Гревсу

31 октября / 12 ноября 1893 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51, III.

12 ноября <18>93 н. ст.

Дорогой друг Иван Михайлович! Ради Бога, не сердитесь на меня за то, что так долго молчу и даже еще не поблагодарил Вас за любезную высылку книг, которая, боюсь, причинила Вам хлопоты, и, быть может, лишние против расчета издержки (о таковых, пожалуйста, напишите!)¹ Приношу Вам теперь и запоздалую благодарность, и извинение за свою неаккуратность в переписке. Не писал потому, что дела идут плохо: сижу хронически в Риме, да еще и чувствую себя, как нравственно, так и физически, очень неудовлетворительно². Работаю очень непроизводительно и скоро устою от работы. Налеюсь, что Вы, напротив, войдя в обычную колею и увлекшись лекциями, чувствуете себя хорошо. Поспешите убедить меня в этом, известив о себе хотя несколькими строками. Осуществляется ли план относительно диссертации Вашей: есть ли возможность уделять на нее часть рабочего времени? Вы поступили, сам того не зная, правильно, не захав на обратном пути в Берлин: Моммзена тогда уже не было в Берлине. Он живет теперь в Риме³. 8го числа был его юбилей, и в этот день он уезжал куда-то из Рима⁴. Я был однажды у него в Институте, около 8 ч. <асов> утра: [в] после 8 часов он уже уходит в Ватикан и часто не возвращается домой целый день⁵. Свидание особенного интереса и результатов не имело, но побудило меня еще раз тщательно пересмотреть одну главу работы, так как в разговоре он выдвинул энергично на первый план некоторую уже ранее им высказанную теорию, которую я не считал (да и теперь, признаться, не считая) могущей быть примененной к данному случаю. До сих пор ломаю себе голову над оракулом старика. Относительно докторства сказал, что должно «diese rein äusserlichen Dinge rasch abmachen»⁶. Он имеет, к моему большому удовольствию, гораздо более бодрый, чем прежде, вид; удивительно подвижен и неустойчив; путешествует всюду с дочерью⁷, которая вместе с его женой живет у Гельбигов⁸. Итальянцы о нем часто пишут в газетах. Мы живем по-старому. Новые русские — Миронов (моск.<овский> прив.<ат>-доц.<ент> по ист.<ории> иск.<устав>)⁹ и Павловские¹⁰. Крашенинников Вам кланяется. Марья Владимировна¹¹ еще живет с нами, но в декабре уже уедет в Париж. Я просил бы Вас с своей стороны поскорее ответить ей. Дальнейшее молчание может быть объяснено только в смысле намеренного игнорирования ее письма и просьбы. — Прошу Вас, не забывайте и нас. Жена Вас искренне приветствует, и мы оба шлем низкий поклон супруге Вашей, а Катю целуем и благодарим за ее прелестное письмецо. Саша целует Вас всех и особенно Катеньку, которую также благодарит¹².

Искренне Вам преданный

Вяч. Иванов.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 18–19.

Гревс на это письмо не ответил; ср. примеч. 9 к п. 11.

¹ По всей вероятности, речь идет о книгах, упомянутых в п. 9.

² См. подробнее в п. 11.

³ Ср. в письме Крашенинникова к И.В. Помяловскому (из Рима, 11 октября 1893 г.): «Сюда на днях приехал Моммзен и я его уже видел три раза: один в Археологическом институте и два в Ватиканской библиотеке, где он стичает какие-то (вероятно, эпиграфическое содержание) рукописи. Он приехал сюда с женою и дочкой, которые поселились у Гельбига на Яникуле, а Моммзен сам, по-видимому, живет в Институте. В.И. Иванов, который, в качестве ученика Моммзена, лично знаком с ним, предлагает познакомить и меня с ним, но я еще уклоняюсь от этого за недостаточным знанием разговорного немецкого языка. Думаю, впрочем, что решусь познакомиться» (цит. по: *Medvedev I.I. Медаль Моммзена* // ВДИ. 2004. № 1. С. 225).

⁴ В ноябре 1893 г. широко отмечалось 50-летие ученой деятельности (50jähriges Doctorjubiläum) Моммзена. См. его переписку с зятем У. Виламовицем *Mommson und Vilamowitz: Briefwechsel: 1872–1903. Berlin, 1935*. Еще 16 июля Моммзен писал из Шарлоттенбурга (под Берлином): «На 1 октября я заказал комнату в Риме в Институте и какое-то время пробуду там, сколь долго — не знаю, решать ни к чему, ведь все равно снова придется переселиться. Само собой разумеется, что я уклоняюсь от торжества, устраиваемого собственной убогой нацией, не затем, чтобы испытать такое же неудовольствие у другой, не многим лучшей; как мне это сделать, покажем — увидим» (*Ibid.* № 379/80. S. 473). А в письме от 16 ноября 1893 г. из Рима в Геттинген Моммзен, выразив сначала благодарность Виламовицу «за благожелание установленного там молчания», рассказывает затем, как прошло празднование юбилея в Риме:

В другом месте у меня вышло не так хорошо; все же по крайней мере по организации отстрелялись холостыми патронами благодарностей, и я рад все-таки, что хотя бы от устного экзамена был освобожден. Говоря серьезно, прочь меня погнало как раз отчаяние по поводу наших официальных порядков и нравов. Мы не способны выносить парламентаризм, и наши великие Готенцоллерны тоже на исходе. <...> Впрочем, день 8 ноября сложился просто трагикомически. Накануне я поехал в Кассино и на следующее утро собирался отправиться в аббатство. Но на полпути дорога оказалась затопленной и разрушенной, я был вынужден повернуть, обнаружил, что Кассино затоплен, железная дорога остановилась в обоих направлениях, телеграф и телефон вышли из строя; с трудом, так как проезжие дороги тоже были обозначены как непроходимые, я добрался на повозке до Роккаферры и там смог сесть на обратный поезд в Рим. Чувствовал я себя, будто Бенедек после Садовы, а потом наконец-то торжественно отметил этот день тем, что велел торговцу устрицами (*ostricaio*) позвать мне в трактир дожину устриц. В Кассино меня привел или, вернее, не привел Солли. Мой аппарат, когда я стал просматривать здесь ватиканские рукописи, оказался существенно неполным; и домой я беру по крайней мере добавления к нему. Тем временем кассинскую рукопись, которая должна подойти к одной ватиканской, прислать сюда, и в конце концов, пожалуй, удобнее выкопировать эту работу здесь, чем просидеть ради этого неделю в ноябре в келье наверху.

(*Ibid.* № 385. S. 481–482.) ...по организации отстрелялись — т.е. ответили на официальные адреса и коллективные поздравления. Кассино город к югу от Рима. ...отправиться в аббатство Монтекассино, знаменитый древний монастырь, основанный в 529 г. св. Бенедиктом Нурсийским на вершине крутой горы; его библиотека располагала богатейшим собранием рукописей. Бенедек после Садовы 3 июля 1866 г. у Садовы произошло решающее сражение австро-прусской войны, в котором прусские войска под командованием Х. Мальке Старшего разгромили австро-саксонскую армию Л. Бенедика. — Солли латинский писатель-антиквар III в. н.э., Моммзен готовил его новое критическое издание, вышедшее в 1895 г.

Впрочем, Моммзен вовсе не был совершенно безразличен к своему юбилею. И он, и его семья внимательно следили за поступающими адресами с поздравлениями и обсуждали их. Ср. в письме Виламовица Моммзену от 28 ноября 1893 г.: «Кайбель писал мне, что его факультет был весьма счастлив получить от тебя благодарственное письмо: тот адрес, который, разумеется, сделал он, мне в самом деле тоже очень понравился. В остальном едва ли я видел что-нибудь, что меня бы удовлетворило» (*Ibid.* № 386. S. 484–485). Георг Кайбель (Georg Kaibel; 1849–1901) — филолог-классик, профессор в Страсбурге и Геттингене, близкий друг Виламовица. О подготовке к моммзеновскому юбилею см. также выше, примеч. 5 к п. 9.

⁵ Ср. предыдущее примеч. Впрочем, в цитированном выше письме от 16 ноября 1893 г. Моммзен жаловался: «Приступить к дальнейшим работам мне здесь не удается. Существование слишком беспорядочно. Вилла Ланте далеко, да и дорога от Капитолия до Ватикана и в трактир тоже доброт время, отнимая его понежноту; к этому добавляется беспокойство жизни в поездках...» (*Ibid.* № 385. S. 482).

⁶ «Быстро уладить эти чисто внешние дела» (нем.). О свидании с Моммзеном см. примеч. 2 к п. 11.

⁷ Ср. в письме Моммзена к Виламовицу от 16 ноября 1893 г.: «...к этому добавляется беспокойство жизни в поездках и внимание, уделяемое Хильде, которой я показал по крайней мере кое-что из окрестностей Рима, а теперь хочу показать еще и Неаполь» (*Ibid.* № 385. S. 482).

⁸ Вольфганг Гельбиг (Wolfgang Helbig, 1839–1915) — немецкий историк и археолог: был вторым секретарем Германского археологического института в Риме в 1865–1887 гг., о нем см.: *Wickert L. Beiträge...* S. 50–57; *Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме. С. 351–352. После отставки, знаменовавшей досрочное завершение его академической карьеры, Гельбиг жил в Риме на вилле Ланте, расположенной на Яникуле (теперь там находится Финский институт); недолгое время читал лекции в Римском университете «Ла Сапьенца», но главным образом интересовался этрусской и римской археологией, уделял внимание между наукой и антикварным рынком (в коммерческих интересах пользуясь своими обширными связями в обществе, — на нем, между прочим, лежало подозрение в изготовлении так называемой пренестинской фибулы; обвиняли его и в похищении и вывозе предметов искусства из Италии: см. *Микелотто П.Дж.* Италия 1923: шесть писем Ростовцева в газету «Звено» // *Парфянский выстрел* / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 639, 645, примеч. 74–75).

Моммзен многие годы дружил с Гельбигом, невзирая на ухудшавшиеся год от года отношения того с Германским археологическим институтом на Капитолии и, прежде всего, с Петерсеном, сменившим Генцена на посту первого секретаря. Ср. «Дом Гельбига будет моим лучшим убежищем» (Моммзен — Вилламовицу. 16 июля 1893 г. // *Mommmsen und Wilmowitz: Briefwechsel*. № 379/80. S. 474). «Того, что пребывание у Гельбигов должно было бы иметь свои темные стороны, да и война Петерсен — Гельбиг тоже причинять ущерб, следовательно ожидать: належало, это не помешает в целом успеху вашей поездки в Рим и не слишком сократит ее» (Вилламовицу — Моммзену. 6 ноября 1893 г. // *Ibid.* № 384. S. 481). «...В остальном все в общем хорошо. Фрау Гельбиг и фрау Мария (жена Моммзена. *Изд.* > живут в замечательном согласии, несмотря на неминуемые различия; да и Лилли Гельбиг, которая, несмотря на изрядные странности, умна и добра, ладит с Хильдой гораздо лучше, чем я ожидал. Самого Гельбига ты, конечно, знаешь; его нужно терпеть, но ничего» (Моммзен — Вилламовицу. 16 ноября 1893 г. // *Ibid.* № 385. S. 482).

Фрау Гельбиг — Надежда Дмитриевна (урожд. Шаховская; 1847–1922), см. о ней воспоминания дочери Лилли: *Morani-Helbig L. Jugend im Abendrot: Römische Erinnerungen*. Hamburg u.a., 1953; кроме того: Воспоминания госпожи Г. о Толстом: (К творческой истории «Крейцеровой сонаты») / Вступит. заметка, пер. и примеч. В. Александрова // В мире отечественной классики: Сб. ст. М., 1984. <Сб. 1> С. 424–441; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. Сост., вступит. ст. и примеч. Т.Н. Волковой. М., 1987. С. 155–156). Дом Гельбигов оказался одним из центров притяжения для русских в Риме, ср. несколько более позднее (1900 г.) его описание в «журнале путешествия» М.А. Волошина: *Итальянские заметки М.А. Волошина* / Вступит. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // *Волошин Максимилиан. Из литературного наследия*. СПб., 1991. <Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Лавров. С. 268–272. — Иванов несомненно познакомился с Н.Д. Гельбиг уже в первый год своего пребывания в Риме.

⁹ См. примеч. 14 к п. 9.

¹⁰ Алексей Андреевич Павловский (1856–1913), историк искусства, археолог, преподавал в Петербургском университете, с 1891 г. — профессор Новороссийского университета. В 1892 г. защитил диссертацию «Живопись Палатинской капеллы» (см. *Кондаков Н.П.* Заметка по поводу отчета о диспуте г. Павловского // *ЖМНП*. 1892. Апрель. С. 438–440). Находясь в заграничной командировке, сначала в Греции, а затем в Италии, Франции и Германии, изучал древнегреческую скульптуру; см.: *Павловский А.А.* Скульптура в Аттике до греко-персидских войн. СПб., 1896.

¹¹ М.В. Шульман; см. примеч. 10 к п. 9.

¹² Письма детей Гревса и Иванова в рамках переписки двух семей нам неизвестны. Однако время от времени обменивались письмами не только жены, но и дети: «Дорогая Катюша, писал Гревс дочери 21 июня / 3 июля 1893 г. из Рима. Посылаю тебе письмо, которое написала тебе девочка, Саша Иванова, которая живет в одной квартире с нами. Она нарисовала там с одной стороны людей, которые шьют платья и шляпы и которые обедают, а с другой мальчиков, которые бегают на гигантских шагах и играют в мяч, и девочек, которые прыгают через веревочку и гонят серо». Еще она посылает девочку, продающую лимоны. Ты верно будешь рада. Непременно ответь ей, как можешь, и поблагодари» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 162).

11. Иванов — Гревсу

24 декабря 1893 г. / 5 января 1894 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51.
51.1.<18>94. / 24.XII.<18>93.

С новым годом, с новым счастьем, дорогой Иван Михайлович! Шлю вам самые лучшие и сердечные пожелания. Ваше молчание начинает меня беспокоить.

Здоровы ли Вы? Не сердитесь ли за что на меня? Как поживает Ваша семья? О себе не могу сказать ничего хорошего. — Прошлый год — почти вовсе потерянный для меня год. В последние месяцы дело вовсе не шло. Дело в том, что я заболел малярией — той самой малярией¹, в существование которой почти не верил. Она много повредила моим занятиям, хотя я имел ее и в легкой форме². Теперь я чувствую себя хорошо, хотя лихорадка еще не прошла и возвращается в несколько дней раз. Сообщить Вам о нас ничего не имею. Русские, с которыми мы имеем сношения, суть, кроме Михаила Никитича³ и Флеровых⁴, — археологи Мионов⁵ и Павловский⁶, жена последнего и Марья Владимировна Шульман, которая собирается покинуть Рим только 18 янв. <аря> (н. ст.)⁷. Она живет уже не у наших хозяев, а в семье своей учительницы итальянского языка (vicolo Brunetti 16, p. 4*, porta № 8, presso Sig. <пога> Стосе⁸). Надеюсь, что Вы наконец подадите о себе весть. Вы знаете, как меня интересует все, касающееся Вас и Ваших занятий. Прошу Вас передать от моего лица и от лица жены поклон и поздравления с новым годом многоуважаемой Марии Сергеевне. Я, жена и Саша целуем милую Катеньку. Жена желает Вам счастливого нового года. Не забывайте же нас и пишите мне обо всем, что мне так хочется знать относительно Вас...

Ваш В. Иванов.

P.S. Получили ли Вы мое письмо в ноябре?⁹

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 20.

Гревс отвечал на это письмо 6/18 января 1894 г. (п. 12.)

¹ Иванов в названии болезни воспроизводит его итальянское звучание (malaria). «Вопрос о малярии, об оздоровлении римской Кампании есть жгучий вопрос в современном Риме, с которым не может справиться уже много лет существующая комиссия. Поэтому всякое дельное замечание о том, что может ослабить силу этой губительной лихорадки, обезлюдивающей Римскую область, и какими средствами уметь бороться с этим злом древняя культура, имеет немаловажное значение» (*Модестов В. И.* Ученая жизнь в Риме. С. 97–98). В спорах о причинах римской малярии наравне с медиками и физиологами участвовали историки и археологи. Ср.: *Башиер О. А.* Малярия в древнем Риме // ЖМНП. 1893. С. 67–110.

² Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 24 декабря 1893 г. / 5 января 1894 г.: «Последние месяцы года прошли для меня плохо и непродуктивно. Я заболел местной малярийной лихорадкой, которая и теперь еще не совсем прошла» (РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 616). О римской малярии Иванов писал К. Крумбахеру (РГБ. Ф. 109. К. 10. Ед. хр. 21. Л. 7–10), а в письме к Гиршфельду ссылкой на нее оправдывал задержку диссертации:

Roma, via Castelfidardo 51, p. 3.
1 января 1894.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Имею честь принести Вам свои наилучшие пожелания с Новым годом. В то же время разрешите поблагодарить Вас за побезную открытку от 25 августа 1893 г. <см. примеч. 5 к п. 9. Изд. > и просить Вас не держать на меня зла за то, что представление моей диссертации, намеченное мною на ближайшее время, так до сих пор и не произошло. Снимать ответственность за долгое промедление с себя я не собирался, но, с другой стороны, не могу не упомянуть и то обстоятельство, что последние три–четыре месяца я чувствовал свою работоспособность все более и более парализованной, пока, наконец, не выяснилось, что я заболел малярийной лихорадкой. Теперь мое здоровье, кажется, поправилось, но я больше уже не надеюсь, что смогу приехать в Берлин еще в этом семестре. К тому же при последней переработке моей диссертации некоторые пункты я все еще не мог для себя прояснить. Поэтому я пошел однажды к господину профессору Моммзену, чтобы представить ему свою точку зрения на природу сложносоставных обществ откупщиков. Кажется, мне не удалось изложить ее ему ясно и потому достаточно убедительно. Но во всяком случае его ответное замечание, подчеркивающее небезызвестную мне, впрочем, и ранее противоположность договора между частными лицами и договора между государством и частными лицами, оказалось для меня очень полезным; и теперь я полагаю, что полностью установил результаты своего исследования. Надеюсь, в недалеком будущем смогу предложить их Вам на суд.

Из-за того, что надежда на скорую поездку в Берлин не исполнилась, д-р Крашенинников считает, что с отсылкой эстампажа нарбонской надписи более медлить нельзя, и

собирается переслать его Вам в ближайшее время. С г-ном Шиффом я разговаривал вскоре после его приезда и узнал от него с благодарностью, что Вы любезно подумали обо мне. Д-р Мюнцер просит сердечно Вас приветствовать.

С глубоким уважением и почтением остаюсь
Ваш благодарный ученик

Вячеслав Иванов.

(*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 371–372.) О свидании с Моммзеном см. в п. 10; также ср. в цитированном выше новомодном письме Иванова к Сперанскому: «Был в Риме Моммзен, с которым я имел честь один раз беседовать». О точке зрения Иванова «на природу сложносоставных обществ откупщиков» и несогласии с ней Моммзена см., *Ivanov V* *De societatis vestigaliis*... Р. 26, adn. 137; подробнее об этом: Переписка... IV С. 346–347 ...с г-ном Шиффом — вероятно, имеется в виду Альфред Шифф, статья которого имеется в фestschriftе О. Гиршфельда, изданном в 1903 г., см., *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 376, nt. 21.

Приведем и ответ Гиршфельда на это письмо Иванова:

Charlottenburg, 21. I. <18>94.

Дорогой г-н Иванов,

Примите искреннюю, хотя и запоздалую благодарность за Ваше милое поздравление. Меня огорчило, что из-за Вашей болезни срок Вашего экзамена снова придется отложить; надеюсь, не надолго! Я *настоятельно* прошу Вас подать в качестве диссертации только часть Вашей работы, лучше всего об организации обществ откупщиков; потому что так Вы сразу же смогли бы опубликовать книгу об этом. Однако объем диссертации должен быть выдержан в известных пределах.

Г-н д-р Крашенинников может на какое-то время оставить эстамп у себя, пока либо Вы либо он не поедете в Берлин. Когда его статья об императорском культе появится в «*Philologus*», я ему напишу. По поводу аттестата я послал в «*Philologus*» ссылку на *Bruns Fontes* ed. VI p. 334 n. 143. Пожалуйста, сообщите ему это с сердечным приветом.

С наилучшими пожеланиями на 1894 г

Ваш О. Гиршфельд.

(*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 372.) По поводу аттестата я послал в «*Philologus*» ссылку... — Hinweis («ссылка») Гиршфельда (*Philologus*. 1893. Okt.—Dez. S. 736) касается краткой заметки Крашенинникова «Аттестат» (*Philologus*. 1893. Aug.—Okt. S. 563), в которой тот поставил под сомнение одно чтение Карла Георга Брунса, издателя «*Fontes iuris romani antiqui*»: Гиршфельд одобрил эмендацию Крашенинникова, однако заметил, что это чтение уже можно найти в последнем, т.е. шестом, издании занной хрестоматии (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 376, nt. 22).

¹ М.Н. Крашенинников.

² См. примеч. 45 к п. 5.

³ См. примеч. 14 к п. 9.

⁴ См. примеч. 10 к п. 10.

⁵ См. примеч. 10 к п. 9.

⁶ Переулок Брунетти 16, 4-й этаж, дверь 8, у синьоры Кроче (*ital.*).

⁷ Речь идет, по всей вероятности, о п. 10.

12. Гревс — Иванову

6–12 / 18–24 января 1894 г. Петербург

СПБ. В.<асильевский> О.<стров> 2 Линия, 11, кв. 20.
6/18 января 1894.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

Вы меня очень тронули своей добротой и новым доказательством дружеского отношения, последнее проявление которого я вижу в том, что вы не выражаете на меня неудовольствия за мое долгое молчание и даже сами пишете мне второй раз, не дождавшись ответа на свое предшествовавшее оч.<ень> хорошее и чрезвычайно меня обрадовавшее письмо. Конечно, не ослабление и моего к вам

очень глубокого дружеского чувства или желания постоянно находиться в общении с вами обусловило мое молчание, а невыносимо безобразная жизнь, которую я живу здесь вот уже второй год, и которая совершенно подавляет меня, не только положительно отнимая все время, но и высасывая все силы, не принося прочной пользы ни мне, ни делу — Лекции опять всецело поглощают меня, не давая времени ни для какой бы то ни было свободной работы мысли (к которой особенно сильно теперь испытываю влечение), ни для участия в жизни общества, ни (что особенно практически теперь для меня важно) для моей собственной научной задачи (т.е. диссертации), ни даже для отдыха и сна (сплю часто по три по четыре часа, почти никогда больше пяти—шести)... Все то же, как видите, что и в прошлом году, с той разницей к худшему, что сил у меня теперь еще гораздо меньше, меньше несравненно также и удовлетворения, т.к. вечно охватывает тяжелое сознание капитальных пробелов в моей и преподават.<ельской> работе и мучительный страх, что вот-вот настанет момент, когда я окончательно запутаюсь в непосильных обязанностях¹

Словом, дела мои идут так плохо и положение мое настолько критическое, что я решил, пока еще не ушло последнее уж время, во что бы то ни стало с лета же устроить себе год заграничной жизни. Иначе мне диссертации не написать. Но дело устроить нелегко: семью я оставить здесь по многим обстоятельствам не могу, а ехать на год с семьей оч.<ень> дорого, между тем я считаю совершенно <енно> немыслимым и неприличным просить деньги на командировку: мож.<ет> быть, их удастся бы добиться, но было бы безусловным нарушением порядочности, как я ее понимаю, если бы я стал просить денег после того, как пробыл на казенный счет два года за границей² и ничего оттуда в смысле научных результатов не привез. — Так что приходится отыскивать оч.<ень> большую сумму в кредит, а т.к. я могу взять ее лишь на оч.<ень> льготных условиях, то это осуществить нелегко, и я пока между небом и землей. Выезд наш за границу всю семью теперь осложняется тем, что мы с женою на днях ждем появления нового ребенка, который внесет в наш быт новый труд и новую заботу³. Так.<им> обр.<азом> эта великая для нас семейная радость (я, кажется, говорил вам, что считаю ненормальными семьи с единств.<енным> дитем, и что я горевал об одиночестве нашей Кати) несколько затуманивается неопределенностью нашего положения.

Во всяк.<ом> случае я не отчаиваюсь, и так или иначе за границу попаду иначе надо бросать науку без всякого сомнения. Кое-какие планы есть не знаю, удастся ли хоть один.

Вот сущность нашего положения. Беда еще в том, что жена вернулась после лета не поправившеюся (оч.<ень> труден оказался там для нее при оч.<ень> тяжелой беременности уход за двоими детьми)⁴. И теперь она не блещет здоровьем и достаточно слаба.

Но не хочу наводить на вас тоску печальными рассказами...

12/24*

Хотел еще кое о чем побеседовать с вами да вот видите, залежалось письмо, на днях возобновляются лекции, и я, боясь, что никогда не dokonчу его и не отправлю, не буду уже больше писать, а пошлю его вам таким, как есть.

На праздниках я съездил на неск.<олько> дней в Москву повидаться с друзьями своими, Вернадскими, и поговорить с ними о своих делах. Провел несколько дней оч.<ень> хорошо, освежился⁵ — Видел Павла Гавриловича, кот.<ый> был чрезвыч.<айно> любезен и оч.<ень> много расспрашивал о вас, причем говорил с большою теплотою. Он взял у меня ваш адрес и хотел непременно

¹ В подлиннике дата второй части письма читается: «12/20»: это очевидная описка, которую мы выправляем, соотнеся письмо с почт. шт. на конверте (№ 1, по архивной нумерации): Петербург. 14.1.94; Roma. 31.1.94.

написать⁶ Получил я всякие документы по поводу Моммсенского юбилея; письмо его оч.<ень> интересное и оригинальное, но избранный им предмет для «Stiftung»⁷ а (грешный человек!) не прочувствовал⁷ У нас в Истор.<ическом> Обществе проф.<ессор> Зелинский сказал оч.<ень> изящное краткое слово по поводу Моммсенского юбилея⁸. На днях видел я Айналова, к<ото>рый просил передать вам самый горячий привет. Кончаю этими отрывками, решительно некогда и третий час ночи.

Я оч.<ень> обеспокоен был известием о вашей болезни. Надеюсь, что вы побережете себя и что Дарья Мих.<айловна> не даст вам совершать неблагоразумий. Что касается до ваших «научных злоб жизни», то мне кажется, что отчаиваться вам не следует. Вам, право же, оч.<ень> много лет впереди, подготовка у вас прекрасная, и вам в будущем, если будете профессором, не придется проделывать той элементарной работы, над которой теперь погибаю я вследствие моего «малознания». Разумеется, выводы эти идут только в разрушение уныния, но не в оправдание медлительности. Диссертацию вы должны кончить (и можете это сделать!) в этом году, равно как и выдержать докт.<орский> экзамен, защитить ее и вернуться в Россию. Вот мое вам горячее пожелание вместе с запоздалым новогодним поздравлением.

Мы с женой посылаем вам и семье вашей самый искренний дружеский привет. Обнимаю вас, дорогой Вячеслав Иванович. Будьте здоровы и бодры духом, полюбите своих публиканов и выпустите их на свет божий.

Горячо любящий вас друг *Иван Гревс*.

Катя целует Сашу Она часто расспрашивает о ней и оч.<ень> хочет познакомиться. Карточка ее, которую вы мне дали, красуется у нее в альбоме на почетном месте.

Большая к вам книжная просьба: купите, пожалуйста, немедленно у Лешера⁹ гилды¹⁰ *Марукки* (Форум) и *Ланчиаки–Висконти* (Палатин)¹¹; они крайне необходимы М.И. Ростовцеву, и он просил меня обратиться к вам с этой просьбою. Пришлите их на мое имя заказною бандеролью вместе с счетом, деньги вышлю немедл.<енно> по получении. [Все равно] Я думаю, выберите лучше франц.<узские> экземпляры. Простите за беспокойство, очень обяжете (они нужны ему для специального сообщения). Он также извиняется за беспокойство, но другого пути дост.<аточно> быстрого у него нет, и он надеется, что вы простите¹²

Михаилу Никитичу передайте вместе с большой благодарностью за письмо его мои лучшие пожелания. Пусть не сердится, если задержу ответ. Обидно только, что он ничего не написал о своих занятиях и планах¹³

Пишите мне, пожалуйста. Оч.<ень> большую радость доставляют ваши письма.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 1–2.

Ответ на п. 10 и 11. Иванов отвечал на это письмо 23 января / 4 февраля 1894 г (п. 13.)

¹ Ср. признания Гревса в его письме к В.И. Вернадскому от 15 октября 1893 г., т.е. еще в начале учебного года:

...К сожалению, не могу сообщить тебе никаких библиогр.<афических> новинок по этому вопросу <университетской организации. — Изд.> Тяжелые обстоятельства отрывают меня от его разработки, как и вообще отрывают меня от наст.<оящей> научн.<ой> работы. Вы там не понимаете до сих пор, в каком невыносимом умств.<енном> рабстве я нахожусь и до какой степени безвыходно это рабство, как не понять два года тому назад, когда я обращался к вам перед возвращением из-за границы за помощью, чтобы спасти все мое научное будущее, насколько много правды в моих словах и насколько, помогая тогда мне, вы помогли бы и Маше, которую хотели во что бы то ни стало поддержать на другой совершенно фальшивой дороге, поломавшей ей жизнь, так же как и мою. Диссертация моя, было восторженно принята, опять замерла, опять захватила меня ежедневная работа, к которой я не подготовлен и которая

страшно измучивает, никогда не удовлетворяя. А в душе, кроме того, полное сознание, что сил совсем нет и пост.<овинный> страх что вот не сегодня-завтра оборвусь окончательно.

Состояние Маши также терзает ужасно. Она вернулась после «крымского» лета в полном истощении и совершенно потеряла сон. Я знаю, что для нее значит бессонница, и не могу с ужасом не думать, что предстоит ей и ее будущему ребенку, и жестоко мучит меня совесть, что я весною допустил постыдную эксплуатацию ее сил, что как только узнал о ее беременности, не написал Ольденбургам категорического требования освободить ее от Сержи. <...>

Читаю 7 лекцию, не знаю, как буду их прозюлькать, настолько в голове нехорошо, сплю нередко часа по 4, никогда больше шести. Машина бессонница совершенно так же с ног сбивает. Даю еще шесть уроков и должен искать и других занятий, т.к. на 1500 р.<ублей> тут прожить нельзя, да еще долг Елиза.<авете> Ник.<олаевне> Корн.<иловой>, хоть она и вполне по-дружески помогла нам, тяготит меня.

(Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ел. хр. 458. Л. 18—19.) Сержа сын С.Ф. Ольденбурга. Е.Н. Корнилова — мать А.А. Корнилова (о нем см. Переписка... V. С. 369, примеч. 3); ср. в воспоминаниях Гревса о «приютинском братстве»: «Я позже близко узнал ... Елизавету Николаевну, которую в настоящем смысле можно назвать превосходным человеком, полным благоволения, широты ума и редкого бескорыстия. Она тоже полюбила наш кружок и долго активно входила в его интересы» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 181).

В письме к Вернадскому упомянут не описанный, как кажется, в литературе и с трудом просматривающийся по документам эпизод из жизни И.М. и М.С. Гревсов попытка Марии Сергеевны отделиться от мужа, причем создавшая, по словам Гревса, «тяжелую фальшивую нравственную атмосферу» (ср., например: Там же. Л. 25 об.). См. Переписка... V. С. 368—369.

² В мае 1890 г. Гревс получил от Петербургского университета годичную заграничную командировку для написания магистерской диссертации, которая в 1891 г. была продлена еще на один год (см. Переписка... II. С. 305—307). В Петербург он вернулся в августе 1892 г. (см. выше, примеч. 1 к п. 3).

³ 29 января 1894 г. (ст. ст.) у Гревсов родилась дочь Александра (Шурочка).

⁴ Ср. выше, примеч. 1: кроме собственной дочери Кати, на попечении М.С. Гревс в Крыму был сын С.Ф. Ольденбурга Сергей (1888—1940).

⁵ Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) геохимик; академик; приват-доцент (с 1890) и профессор (1898—1911) Московского университета. Наталья Егоровна Вернадская (урожд. Старицкая; 1860—1943) — его жена. И.М. и М.С. Гревсов связывали с Вернадскими узы ближайшей дружбы; в 1885 г. ими — вместе с Д.И. Шаховским, братьями С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургами и др. было создано так называемое «приютинское» братство, объединившее на всю жизнь его членов в теснейший союз (см. Шаховской Д.И. Письма о братстве. С. 174—181).

А.А. Корнилов, еще один член братства, писал Н.Е. Вернадской 19 декабря 1893 г. из Петербурга: «Что касается Ивана, то я вижу, что я напутал, и потому больше об этом писать не буду, тем более, что сам Иван собирается на днях ехать к вам и, следовательно, вы все выясните непосредственно. Скажу только еще раз свое мнение: полагаю, что ему надо помочь во что бы то ни стало и притом, если он не может ехать один, то дать ему средства поехать с семьей. И сомневаюсь я, что вам удалось <бы> его убедить в необходимости ехать одному. Ясно мне тоже, что если он не поедет, то это будет конец его карьеры и, следовательно, страшная потеря для нашего культурного развития, у которого, вы знаете, как мало деятелей» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ел. хр. 256. Л. 16 и об.). О поездке Гревса в Москву упоминается также в письме А.А. Корнилова к Вернадскому от 8 января 1894 г. (Корнилов А.А. Воспоминания / Публ. М. Сорокиной // Минувшее. Вып. 11. Париж, 1991. С. 96). Можно предположить, что поездка Гревса в Москву к Вернадским была приурочена к ежегодной встрече братства, с 1885 г. назначавшейся на 30 декабря.

⁶ Речь идет об известном историке П.Г. Виноградове; см. примеч. 41 к п. 5.

⁷ О создании юбилейного фонда (Mommmsen-Stiftung) см. выше, примеч. 5 к п. 9. — Здесь имеется в виду изданное на отдельном листе благодарственное письмо Моммзена (Dankschreiben nach dem 50jährigen Doctorjubiläum. Rom, im November 1893). В архиве Гревса его выявить не удалось, описано по изданию: Theodor Mommmsen als Schriftsteller. Ein Verzeichnis seiner Schriften von Karl Zangemeister... bearbeitet und fortgesetzt von Emil Jacobs. Berlin, 1905. S. 129. № 1271. Его мог иметь в виду и Иванов, упомянутая в своем отклике на написанный Ю.А. Кулаковским некролог Моммзена об «одном из циркулярных благодарственных заявлений, обращенных к его почитателям» (О Моммзене. С. 46). — В этом послании содержалось и распоряжение об использовании юбилейного фонда на издание свода монет (Corpus Nummorum).

Вероятно, именно об этом решении упоминал позднее Ростовцев: «В музеях внимание Моммзена привлекали после надписей прежде всего — монеты... Моммзен был первым после Эхеля <Joseph Hilarius Eckhel (1737—1798) — австрийский нумизмат. Изд., который поставил нумизматику на твердую базу изучения не только с исторической, но и с экономической точки зрения. В широких рамках его исторического понимания монеты заговорили и сказали нам столько, сколько мы от них и ожидать не могли. И эти памятники занимали Моммзена до последних дней его жизни. Когда ему в день 80-летней годовщины со дня его рождения <скорее всего, здесь авто-

ра подвела память, и речь шла все о том же докторском юбилее 1893 г. *Изд.* > друзьями и почтателями поднесен был довольно значительный капитал, он отдал эти деньги на дело создания такого же общего сборника монет, каков был его *Сотриус* надписей. Около этого дела железная энергия гениального старца сплотила академии всех народов, и Моммзен умер, уверенный, что дело пойдет вперед в руках его учеников и коллег» (*Ростовцев М.И.* Теодор Моммзен (1817–1903) // *Мир Божий*. 1904. № 2. С. 8; также: ВДИ. 2004. № 1. С. 232–233).

⁸ Фаддей Францевич *Зелинский* (1859–1944) — филолог-классик, историк религии и культуры; профессор Петербургского университета и Высших женских курсов. 1 декабря 1893 г. *Зелинский* прочел в Императорском Историческом обществе сообщение «По поводу пятидесятилетия юбилея Моммзена» (см. протокол XLII общего собрания общества: Историческое обозрение. Т. VII. СПб., 1894. Отд. II. С. 8; выступление опубликовано в том же томе: *Зелинский Ф.Ф.* Теодор Моммзен // Там же. Отд. I. С. 136–142). Именно к широко отмечавшемуся 50-летию ученой деятельности Моммзена было приурочено и избрание его почетным членом Императорской Академии наук (с 6 ноября 1893 г.; см.: Российская Академия наук: Персональный состав. М., 1999. Кн. I. С. 477). И.П. Мелведев упоминает о письме В.К. Эрнштедта к И.В. Помяловскому от 23 октября 1893 г., в котором сообщается о заседании Ученого совета историко-филологического факультета Петербургского университета и, в частности, о том, что «Кареев предложил отправить телеграмму Моммзену. Кто-то заговорил о почетном членстве, и Ламанский поддерживал эту мысль. Но до 27-го времени мало. Придется собирать голоса посредством летучего протокола, что, сколько я понял, и сделают» (*Мелзал Моммзена* // ВДИ. 2004. № 1. С. 226, примеч. 10). Упомянуты профессора Петербургского университета, историки Николай Иванович *Кареев* (1850–1931) и Владимир Иванович *Ламанский* (1833–1914).

⁹ Римский книгопродавец *Loescher*, специализировавшийся на школьной и научной литературе.

¹⁰ Т.е. путеводители от франц. *guide*.

¹¹ Речь идет о книгах: *Marucchi O.* Descrizione del Foro Romano e guida per la visita dei suoi monumenti. Roma, 1883 (франц. издание: *Marucchi H.* Description du Forum Romain et guide pour le visiteur. Rome, 1885); Guida del Palatino compilata da Carlo Ludovico Visconti e Rodolfo Amedeo Lanciani con Pianta delineata da Alessandro Zangolini. Torino; Roma; Firenze, 1873 (франц. издание: Guide du Palatin par Charles-Ludovic Visconti et Rodolphe-Amédée Lanciani, avec un plan dessiné par Alexandre Zangolini. Turin; Rome; Florence, 1873).

¹² В то время М.И. Ростовцев после первой своей поездки в Италию в 1893 г., во время которой он описывал, обмерял, изучал остатки римской старины, приступил к работе над серией заметок по вопросам топографии древнего Рима, которая была завершена во время следующей его заграничной командировки. См.: *Ростовцев М.И.* Археологическая хроника римского запада. I. Форум; II. Fora Цезарей. III. Капитолий // Филологическое обозрение. Т. IX. 1895. С. 89–124; *Он же.* Археологическая хроника римского запада. IV. Палатин // Там же. Т. X. 1896. С. 131–162; ср.: Второй отчет о командировке магистранта М. Ростовцева. Италия и Австрия (июнь 1895 — январь 1896 г.) // Скифский роман. С. 425–427.

¹³ Упомянутое письмо Крашенинникова не обнаружено. Письма Гревса к Крашенинникову выявить не удалось.

13. Иванов — Гревсу

23 января / 4 февраля 1894 г. Рим

Roma, via Castelfidardo 51.

4 февр.<аля> / 23 янв.<апр> 1894.

Дорогой друг Иван Михайлович!

Ваше письмо и успокоило, и обрадовало меня. Успокоило потому что я с облегчением увидел из него, что все у Вас благополучно. Обрадовало как вестью о Ваших заграничных сборах, так, в особенности, сообщением об ожидающей Вас семейной радости. Как бы ни смотрели Вы на тревоги и затруднения, Вам предстоящие, и я знаю, что они будут велики, все же Вы сообщаете мне большую радость, и я и жена сердечно поздравляем с нею Вас и многоуважаемую Марью Сергеевну. Есть в жизни вещи, судить о которых должен не рассудок, а непосредственное чувство. Прочтя Ваше письмо, я почувствовал себя так хорошо, на душе у меня стало так светло, я так возликовал за Вас, что, при всем сочувствии Вашему довольно затруднительному положению, не мог уже стать на ту

точку зрения, с которой появление на свет нового ребенка представляется только умножением мучительных тревог и тяжелых обязанностей. Конечно, тому, кто стоит в стороне, кого не касаются заботы, падающие на родителей ребенка, [не трудно] естественно видеть только светлую сторону события; ему можно безмятежно радоваться возникновению новой жизни, призванной осветить и возродить нашу жизнь, уже начинающую увядать... Но я знаю Вас, как семьянина-идеалиста в лучшем смысле этого слова; мне кажется почему-то, что Вам должно иметь детей, и я уверен, что, радуясь, я только делю заочно Вашу радость... В самом деле, какой неожиданный светлый луч, какая великая таинственная надежда, внезапно расцветающая перед нами, появление на свет ребенка! Какое здесь бодрое, светлое и вместе глубоко нравственное самоутверждение нашей собственной жизни! Я почти готов завидовать Вам в эту минуту...

Постоянно мысль моя обращается на Вас, и я теряюсь в догадках о том, что Вы теперь переживаете. Вы писали, что это должно наступить на днях... Я знаю, я испытал ужасные тревоги этого времени... Быть может, в настоящую минуту Вы уже счастливый отец двоих детей... Горячо обнимаю Вас заочно и от всего сердца желаю, чтобы серьезные минуты прошли счастливо и легко для всех Вас!

Как больно мне, что я бессилён помочь Вам, как мне хотелось бы! Я надеюсь однако, что все произойдет по Вашему желанию. С нетерпением жду вестей о Вас. Поездка за границу для Вас совершенно необходима, и Вы должны осуществить ее, во что бы то ни стало. Вам необходим год, по крайней мере один полный год, совершенно свободный от подавляющих Вас обязательств. В год Вы сможете привести к концу свою диссертацию. По отношению к университету и министерству я бы серьезно советовал Вам оставить в стороне все соображения деликатного свойства. Вы имеете полное нравственное право воспользоваться казенной поддержкой. Никто не может упрекнуть Вас в недостатке добросовестности, а разве в изтишке ее. Во время зарубежных командировок Вы работали больше, чем сколько должны были. Я бы на Вашем месте хлопотал о новой командировке, если только есть какая-нибудь надежда на успех, а ведь Вы же считаете меня, я надеюсь, человеком порядочным. Во всяком случае (таково мнение и Крашенинникова) Вы должны просить о *послوبي*. Вам, я уверен, не откажут в этом. Обратитесь к Помяловскому¹, и, главное, не бойтесь показаться нескромным: Вы совершенно гарантированы от этой опасности самой природой своей, как и общим о Вас мнением людей, сколько-нибудь Вас знающих.

Благодарю Вас за сообщения мне о Павле Гавриловиче и ему обо мне². Поклонитесь от нас Айналову, если его увидите. Видели ли вы Сперанского, или не имеете ли о нем сведений? Крашенинников шлет Вам поклон. Жена горячо приветствует Вас и Марию Сергеевну, которой мы оба желаем наилучшего здоровья. Поцелуйте от нас троих Вашу Катю.

Горячо Вам преданный Вяч. Иванов.

Р. С. Я заплатил за «Форум» Марузки 3 лиры 50, за «Палатин» Висконти 2 лиры, итого 5 лир 50 сент. <имов>, т. е. приблизительно 1 рубль 80 коп. Деньги эти Вы мне заплатите потом, при случае. Француз. <ское> издание Visconti—Lanciani все распродано. Более новых изданий обоих путеводителей нет. Кланяйтесь М. И. Ростовцеву³.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 21–22.

Ответ на п. 12.

¹ Иван Васильевич Помяловский (1845–1906) — филолог-классик, палеограф и эпиграфист, проф. Петербургского университета и Историко-филологического института, член-корр. Академии наук, в 1887–1897 гг. декан историко-филологического факультета Петербургского университета.

² См. п. 12, примеч. 6.

³ Речь идет о покупке книг для М. И. Ростовцева; см. п. 12, примеч. 11.

14. Гревс — Иванову

4/16 мая 1894 г. Петербург

СПБ. В. <асильевский> О. <стров> 2 Л. <иния>, 11, кв. 20.
4/16 мая 1894 г.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

Опять целую вечность не писал вам, так что не знаю даже, застанет ли вас в Риме мое письмо. Не буду объяснять вам подробно причину своего молчания, так как пришлось бы повторять прежнее, усиливая краски: не писал я вследствие положительного физического бессилия и полнейшего духовного утомления от давившей и чуть не задавившей меня текущей работы, которая, не двигая меня вперед, отнимала все силы и совершенно оупляла способности.

Год был гораздо более еще тяжелый, чем прошлый, а так как значительная доля энергии уже истрачена была в прошлом году и не успела восстановиться [в нынешнем] во время лета, то приходится ощущать себя теперь в состоянии почти что невменяемом. Великим утешением при таком трудном положении, утешением, которому, я уверен, порадуетесь за меня и вы, является то обстоятельство, что я устроил себе заграничную командировку на 15 месяцев от 15 мая 1894 до 1 сент <ября> 1895 г и мне удалось достать денег так, чтобы ехать вместе с семьей.

Теперь я еду около 20 (нашего) мая в деревню навестить свою мать, которую я не видел уже больше четырех лет, а затем отправлюсь за границу один, семья моя придет в сентябре. Целью моею является исключительно одно написать диссертацию, и я надеюсь, что мне удастся воздержаться себя от каких бы то ни было других работ. Если вы в Риме, и будете там летом, то я отправлюсь пр. <еже> вс. <его> туда, чтобы с вами повидаться и поработать там, м. <ожет> б. <ыть>, до августа (когда библиотеки закрываются). Затем первую часть времени я намерен провести по-прежнему в Париже (уж не сердитесь!), где думаю написать остов работы, и с ним вместе переправиться к весне 1895 г в Берлин под окончательное благословение тамошних светил. Пробывание в Париже осенью и зимою необходимо и для моих занятий, для которых там наиболее удобная и, главное, совершенно для меня привычная обстановка, и очень важно для нравств. <енной> жизни жены, так как там у нас есть друзья, и након<ец> весьма существенно в материальном отношении, т.к. там мы благодаря тем же друзьям можем устроить жизнь удобно и дешево. Затем, наконец, ехать в Берлин с пустыми руками я решительно не хочу — все равно пока работы не напишу, не пойду ни к Моммсену, ни к Гиршфельду¹, так лучше уж жить там, где мне приятно и удобно и где будет хорошо моей семье. М. <ожет> б. <ыть>, впрочем, еще в Рим на зиму придем, если вы там будете (вы для меня важнее, верьте мне, великих немцев!), но т.к. я от души желаю вам наконец выбраться из Рима, то не желаю и себе зимою попасть в Рим. Пишу вам все это теперь, чтобы подготовить вас к своему упорству в данном вопросе и заранее умолю вас не притеснять меня понапрасну. Увидеть вас ужасно хочется и предвкушаю свидание с истинным наслаждением. Надеюсь к тому же провести время с вами несколько лучше, чем в прошлом году, т.к. предполагаю вначале дать себе некоторый отдых. М. <ожет> б. <ыть>, что-ниб. <удь> и предпримем археолого-туристское в скромных размерах? Вы не поверите, дорогой друг, какое радостное волнение я чувствую при мысли, что могу свидеться с вами: меня связывает с вами чувство совершенно однородное с тем, какое я испытываю по отн. <ошению> к самым близким друзьям.

Память моя настолько отшиблена работой, постоянными тревогами и хлопотами, что я решительно не могу припомнить, ответил ли я вам на ваше необыкновенно милое и очень тронувшее меня письмо с приветом по поводу тогда еще ожидавшегося рождения нашего второго ребенка². Теперь этому ребенку, который оказался девочкой, как и Катя, минуло уже три месяца: маленькая может

быть названа сносного, даже удовлетвор.<ительного> здоровья, мать к великому нашему счастью значительно оправилась. Назвали мы дочь Александрой (в память умершего друга Александры Павловны Ольденбург)¹ Очень бы хотелось познакомить вас и вашу семью с моею и пожить вместе хоть некоторое время. Надеюсь, что это как-нибудь удастся.

Теперь писать некогда больше, и как-то не пишется, т.к. не уверен, где вы. Но я очень прошу вас немедленно по получении этого письма дать мне знать, где вы, и каковы ваши планы. Если вы напишете из Рима сейчас же по получении этого письма сюда в Петербург, то письмо ваше наверно меня застанет. Если же оно будет пересылаться в новое место вашего жительства, то рассчитайте время — я уеду отсюда не раньше нашего 21 мая (2 июня по западному), после же этого проведу около двух недель у матери — адрес туда Курская губерния, гор.<од> Новый Оскол, Анне Ивановне Гревс.

До свидания, дорог <ой> друг Жду известия с большим нетерпением. Искренний привет Дарье Михайловне и поцелуй Саше.

Горячо вас любящий друг *Ив. Гревс.*

Жена и Катя также искр.<енне> приветствуют вас и ваших. Напишите о том, как вы поживаете, и как прошел для вас год. Здоровы ли вы. Простите меня за молчание. Сам знаю, что нехорошо, да не справляюсь.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. оп. 10. Л. 3—4.

Иванов отвечал на это письмо 13/25 мая 1894 г (п. 15).

¹ Намерение Гревса посетить берлинских ученых («великих немцев», как он говорит в комментируемом письме ниже), несомненно, поощрявшееся Ивановым (см. п. 8), не было осуществлено и на этот раз. Ср. примеч. 16 к п. 8.

² Речь идет о п. 13.

³ Александра Павловна Ольденбург (урожд. Тимофеева; 1863—1891) — жена С.Ф. Ольденбурга. Ее смерть остро переживалась в кругу «приютинцев» (о них см. примеч. 5 к п. 12; ср. Шаховской Д.И. Письма о братстве. С. 298—299). Гревс писал Вернадскому 30 декабря 1891 г.: «Мы пережили в смерти Шуры непоправимый личный удар, страшно ослабивший наши силы, мы, кроме того, как мне кажется, одновременно с последними проводами Шуры прощаемся и с тем направлением, которое нас объединяло и воодушевляло. Вера в наше будущее, каким оно строилось раньше, и ясное понимание нашего настоящего у меня сильно поколебалось под влиянием многих фактов за последнее время. Многое представляется совсем иначе, чем раньше, и разрешение кризиса, о котором я говорил в прошлом своем письме, кризиса в развитии нашего компанейского мировоззрения и направления представляется мне теперь в неблагоприятную для братства сторону» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. оп. 458. Л. 12; см. также Л. 10).

15. Иванов — Гревсу

13/25 мая 1894 г. Рим

Дорогой друг, Иван Михайлович!

Спешу известить Вас, что я еще в Риме и жду Вас сюда с нетерпением... Вы не можете себе представить, как образовало меня Ваше письмо. Оно рассеяло тревожные мысли и опасения за Вас, внушенные мне Вашим молчанием. Оно принесло мне о Вас вести более благоприятные, чем какие я в лучшем случае ожидал: я говорю о Вашей командировке, о пятнадцатимесячной гарантии Вашей свободы, гарантии, в которой я (скажу прямо, как ни боюсь употребить преувеличенного выражения!) вижу Ваше спасение. Письмо Ваше обещает мне наконец скорое свидание с Вами! Горячее спасибо Вам за это обещание, за Ваше верное дружеское расположение, за желание увидеться с нами, так тепло Вами

выраженное! К моей радости, обстоятельства благоприятствуют осуществлению Вашего плана. Вы еще застанете меня в Риме; мы будем иметь возможность и поработать одновременно здесь и, быть может, вместе попутствовать. Жена и Саша собираются в июле купаться в море, но я не думаю им сопутствовать. В августе, быть может, я окончательно покину Рим... Но будущее *θεῶν ἐν οὐρανῷ*¹; будем с благодарностью пользоваться тем, что они дают нам в руки. Я сердечно радуюсь за Вас, видя Вас счастливым семьянином, зная, что Вас ожидает некоторая передышка после нескольких тяжелых лет, что перспектива будущего для Вас проясняется, что Вы что имеете для Вас такую огромную важность получаете возможность окончить Вашу работу, которую, уверен, Вы через год и окончите, если будете (чего я Вам прежде всего желаю) здоровы и спокойны. Писать много и повествовать о себе и своих делах нет охоты; при свидании поговорю с Вами обо всем этом с большею приятностью и пользой. Теперь же заочно обнимаю Вас, поздравляю Вас и многоуважаемую Марию Сергеевну с рождением Вашей дочушки, передаю Вам и Вашей супруге от лица жены ее сердечные поздравления и наилучшие пожелания вместе с выражением надежды на то, что, быть может, судьба устроит где-нибудь в недалеком будущем встречу и свидание нашим семьям, и прошу Вас наконец как от себя, так и от имени жены, не изменять Вашему обещанию приехать в Рим, которым Вы так нас порадовали, и как можно скорее его исполнить.

Ваш В.Ив.

25/13 мая 1894.

Roma, via Castelfidardo 51.

Пожалуйста, ответьте поскорее на это письмо, которое, быть может, уже не застанет вас в Петербурге и сообщите о своих намерениях.

В.И.

Приезжайте в Рим скорее, пока не так жарко.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 23–24.

Ответ на п. 14. На письме помета Гревса: «13 мая 1894». Гревс отвсчал 18/30 мая 1894 г (п. 16).

¹ В воле (букв. на коленях) богов (*греч.*) — выражение Гомера; см., например: «Но у богов всемогущих лежит еще то на коленях» (Илиада. XX. 435; пер. Н. Гнедича; ср.: XVII. 514). Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 13/25 апреля 1893 г.: «Впрочем, будущее в лоне богов» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 15 об.).

16. Гревс — Иванову

18/30 мая 1894 г. Петербург

В.<асильевский> О.<стров> 2 Л.<иния>, 11, кв. 20.
18/30 мая 1894.

Дорогой Вячеслав Иванович,

Уже начинал беспокоиться, думая, что Вы уехали из Рима и что я потерял вас из вида, но сегодня с великою радостью получил ваше письмо и был до глубины души тронут его содержанием. Приеду в Рим непременно мне дорого начать свою командировку со свидания с вами дорого и в дружеском, и в научном отношении. Поработать хорошо в Риме не удастся уже поздно будет я могу попасть в Рим не раньше половины июля нового стиля (м.<ожет> б.<ыть>, око-

до 10-го), но провести там недели две с вами будет оч.<снь> хорошо и «для души» и для начала работы¹

Теперь я должен ехать к матери, которую мне необходимо увидеть (проведу дней десять у нее в деревне), потом по приглашению одного друга я хочу для отдыха сделать туристскую экскурсию по Швейцарии и с ним же приеду в Рим²

Не буду теперь больше ничего писать тороплюсь. Горячее, горячее вам спасибо за ваше хорошее письмо и за хорошую дружбу

Крепко обнимаю и посылаю горячий привет Дарье Михайловне и Саше.

Ваш горячо вас любящий друг

Ив. Гревс.

Мои уже уехали в Полтаву³

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 5.

Конверт № II с почт. шт., СПб 20.V.94.

Ответ на п. 15. Иванов отвечал 25 мая / 6 июня 1894 г (п. 17).

¹ Гревс приехал в Рим 26 июня / 8 июля 1894 г., см. его письмо к М.С. Гревсу от 30 июня / 12 июля 1894 г., цит. в примеч. 2 к п. 18.

² Летний маршрут Гревса отражен в его поздних заметках к воспоминаниям: из Полтавы на Вину и Швейцарию — «через С. Готард (пешком)», далее Милан, Флоренция, Рим и, наконец, Париж (*Гревс И.М. Путешествия мои в Италию*. Л. 41. *Он же*. Мои поездки за границу. Л. 61). Из этих же заметок выясняется, с кем именно путешествовал Гревс летом 1894 г., это его друг Лев Александрович *Обалянов* (1861 — ?), один из исконных членов кружка, составившего «братство» (о нем см.: *Человек с открытым сердцем*. С. 182). Ср. упоминание о нем в примеч. 4 к п. 17; упомянутые там же «дамы» — Л.Д. Шварцлон (Зиновьева-Аннибал) и, возможно, ее подруга С.И. Алымова.

³ К. Старицким, вместе с Н.Е. Вернадской, двоюродной сестрой М.С. Гревса (см. примеч. 5 к п. 12).

17. Иванов — Гревсу

25 мая / 6 июня 1894 г. Рим

6 июня / 25 мая<18>94.

Дорогой друг Иван Михайлович,

Вчера я получил Ваше извещение о том, что Вы приедете в Рим только в половине июля по новому стилю. Это обстоятельство несколько изменяет мой последний план прожить в Риме безвыездно до августа, сложившийся при предположении, что Вы будете здесь уже в двадцатых числах этого месяца, и побуждает меня отчасти возвратиться к прежнему проекту, по которому нам должно было покинуть Рим и наших хозяев к 1^ю июля, чтобы в течение следующих месяцев отдохнуть и побывать в разных местах Италии. Однако желание прожить с Вами одновременно в Риме хотя две недели видоизменяет и этот проект следующим образом. 1^ю июля мы оставляем синьора Микели¹, который немедленно осуществит затем свое намерение съехать с занимаемой им теперь квартиры, что будет ему тем более удобно, что контрактом он не связан, супруга его живет у родных в Тоскане, а единственный кроме нас жилец около того же времени намеревается ехать в Милан; так как жена собиралась отправиться еще в этом месяце на морские купанья, то синьор Микели хотел удержаться за собой квартиру в июле собственно ради меня да еще в некоторой надежде на Вас. Итак, 1^ю июля мы простимся с благородным синьором. Жена и Саша поедут куда-нибудь на морской берег скорее всего в уже знакомый им

Порто д'Анцио³. Я или присоединюсь к ним, или, что вероятнее, поеду по-странствовать по интересным для меня местностям, куда-нибудь в уединение, в горы. Если бы Вы знали, как хочется отряхнуть от ног городскую пыль и хотя немного отдохнуть после довольно тяжелого года! Через две недели, в половине июля, я вернусь в Рим, где проведу, без семьи, две недели в общении с Вами. Потом мы с семьей опять куда-нибудь поедем; между прочим, необходимо побывать во Флоренции. Далее все может устроиться различно. Вот мой план, который, я надеюсь, гармонирует с Вашими намерениями. Изменение в нем можно сделать разве только такое, чтобы предположенное свидание наше перенести из Рима в другое выбранное по взаимному соглашению место, напр. <имер>, во Флоренцию или какой-нибудь городок на Адриатическом море, где купаются, как Римини или Пезаро, и где, быть может, и Вы были бы не прочь отдохнуть и воспользоваться морскими купаньями. Указывая на адриатические города, потому что Виареджио, полагаю, дорого и претенциозно, а приримские купанья в общем мало привлекательны. Думаю, впрочем, что Вам для Ваших занятий необходимо будет приехать в Рим, да и мне поработать еще две недели в Риме будет очень полезно, а совместную вилледжатуру⁴ или поездку, напр. <имер>, во Флоренцию мы могли бы затем устроить в августе. Результат всего сказанного, ближайший и практический, тот, что к 1^{му} июля мы уезжаем из Рима⁴. Ясно, до какой степени, при данных обстоятельствах, желательно для нас с Вами не терять друг друга из вида. Поэтому я просил бы Вас и на это письмо ответить немедленно, хотя бы и несколькими строками, и вообще держать меня *au courant*⁵ с переменами Вашей резиденции; с своей стороны, конечно, обещаю то же самое. Вот все, что мне нужно было довести до Вашего сведения. Будьте здоровы, отдыхайте и набирайтесь сил для предстоящих трудов. Жена и Саша Вас сердечно приветствуют.

Ваш Вяч. Иванов.

Р. С. Очень интересуется временем Вашего приезда в Рим вдова псаломщика Ментонской церкви г-жа Островская; она писала об этом здешнему псаломщику, Кривоборскому, который знаком с нами. Откуда г-жа Остр.<овская> узнала, что Вы собираетесь приехать сюда, – мне неизвестно⁶.

Если это письмо не застанет уже Вас в деревне и попадет в Ваши руки слишком поздно, так что списаться нам будет невозможно, то во всяком случае Вы, по приезде в Рим, найдете мой адрес, иногородный или, после 15 июля, римский, 1) у нашего портье, v Castelfidardo, 2) у Фиорелли⁷, 3) у Иолтера⁸.

Относительно пересылки адресованных нам писем по новому адресу после 1го июля я дам распоряжение на почте и у портье.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 25–26.

Ответ Гревса неизвестен.

¹ Т.е. квартиру на via Castelfidardo, 51, где Ивановы жили около двух лет (см. п. 5 и 8).

² См. примеч. 9 к п. 9 и п. 18.

³ От итал. *villeggiatura* – летняя жизнь за городом: на море, в горах или в деревне.

⁴ Действительный ход событий июля 1894 г. можно проследить лишь отчасти. Вскоре после приезда в Рим и первой встречи с Ивановым (см. примеч. 2 к п. 18) Гревс писал жене, 5/17 июля 1894 г.: «Мне очень неприятно, что я четыре, кажется, дня уже не писал тебе; но дни вышли хлопотливые, ездил на воскресные в Анцио купаться в море, потом пришлось сопровождать своих полупчиков в виллу Адриана, утро и день проходили в занятиях, да и надо было написать... некоторые деловые письма, так что безусловно некогда было; я только нехорошо сделал, что

открытого письма не послал» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 172). В упомянутое восхождение 3/15 июля вместе с Гревсом в Анцио появились Л.Д. Шварсалон (Зиновьева-Аннибал). Как видно из позднейшего письма Иванова к ней (см. Переписка... V С. 371, примеч. 4), на следующий день Иванов был в Риме (упомянуто совместное посещение Коллизея), где он и оставался, вероятно, до отъезда Гревса, иногда навешав жену и дочь в Анцио. В Риме установился размеренный академический распорядок: «Не буду тебе ничего писать о своей жизни...», говорил Гревс жене в цитированном уже письме от 5/17 июля 1894 г., т.к. она однообразно продолжается, как сложилась с первых дней (утром и днем занятия, вечером беседы с Ив. <ановым>... иногда экскурсии с Об. <ольяниновым> и дамами)» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 173; ср. примеч. 2 к п. 16). 9/21 июля он сообщал жене: «Занятия идут недурно, я рад, что поскал в Рим уже много получил хорошего от Иванова. Но оч.<ень> себя не утруждаю во-пер.<ых>, жарко ужасно, во-вторых, ощущается постоянно стабость и является сильная потребность в сне» (Там же. Л. 178). В упомянутом письме от 5/17 июля 1894 г. он формулирует и свои планы на будущее: «Пробуду я в Риме до 1 авг.<уста> / 20 июля, потом, м.<ожет> б.<ыть>, с Ивановым немного проедусь по средней Италии и в Париж. <...> Я здоров, и никакой малярии в Риме нет, только жарко ужасно. Ивановы оч.<ень> тебе кланяются» (Там же. Л. 174 об.). Через несколько дней планы изменились: «Я пробуду тут до 1 авг.<уста>...», уточнял Гревс в письме от 9/21 июля, — потом провожу Ивановых во Флоренцию, а оттуда отправлюсь через Женеву в Париж» (Там же. Л. 178 об.). Однако эти намерения осуществились не вполне. Сузя по п. 19, Иванов с семьей, перебираясь во Флоренцию, оставил Рим только 8 августа (н. ст.), когда Гревса там давно уже не было.

⁵ В курсе (франц.).

⁶ Прокомментировать этот абзац не удалось.

⁷ См. примеч. 15 к п. 6.

⁸ См. примеч. 4 к п. 5.

18. Иванов — Гревсу

19 июня / 1 июля 1894 г. Рим

Рим 1 июля.

Дорогой друг Иван Михайлович. Я с семьей в Anzio — via Romana, palazzo Duranti (Associazione della Stella d'Italia), p. 2 (presso Del Giaccio)¹ Вы, очевидно, не получили моего письма, адресованного в Оскол, где я извещал Вас о своем намерении воспользоваться до Вашего приезда вилледжатурой и возвратиться затем в Рим, чтобы провести здесь вторую часть июля в Вашем обществе² Отъезд наш отчасти замедлился благодаря двум сделанным мною поездкам, из которых вторая имела целью рекогносцировку Террачины с точки зрения ее пригодности для нашей вилледжатуры³ Удаляться из Рима на значительное расстояние было неудобно вследствие моего плана вернуться в Рим к Вашему приезду Выяснив таким образом положение дел, извещаю Вас, что повестки о прибытии Вашей посылки в Рим я еще не получал. Впрочем, если и получу ее на днях, то не буду брать посылки с таможни до Вашего приезда, хотя бы даже и был в Риме. Причина вот в чем. Вы посылаете книги, из которых некоторые могут оказаться переплетенными, а за переплетенные (даже старые) книги взимается пошлина, что я знаю, как по собственному опыту, так и из слов Штейна, с которым говорил об этом вчера⁴ Если я буду получать посылку, то уплата пошлины неизбежна; если же Вы явитесь в таможню, то можете избавиться от внесения пошлины, доказав, что книги назначаются для Вашего употребления. Лица, переносившие место жительства в Рим, не платят пошлины за свои вещи. Во всяком случае Штейн это устроит, но Ваше присутствие необходимо. Как только Вы получите это письмо, известите меня о своем приезде или по почте, или телеграммой, или что было бы всего желательнее для нас и, быть может, не неудобно для Вас Вашим личным явлением в Анцио. Я немедленно приседу в Рим, где, по уговору с хозяевами, остановлюсь у них, тем более что у них сохраняются и наши вещи, мои книги и т.д. Мы вместе вытребуем с таможни Вашу посылку Опасаясь однако, что Вы будете недовольны промедлением в получении Вашей посылки,

вызванным моим отсутствием, отправляю Вам на всякий случай свою визитную карточку с заявлением, что я доверяю Вам получение посылки, адресованной на мое имя; я написал на карточке то, что мне продиктовали в экспедиционной конторе Sella⁵. Где Вы остановитесь? Излишне говорить, насколько мне было бы желательно жить в Вашем непосредственном соседстве, и хозяева наши давно интересуются Вашим прибытием в Рим, в надежде, что Вы опять остановитесь у них, что, конечно, нисколько не должно влиять на Ваше решение при выборе места остановки, так как я нисколько не обнадеживал их в этом отношении ни от Вашего, ни от своего имени. Итак, *soyez bienvenu à Rome*⁶ и не сердитесь, что я могу пока приветствовать Вас с приездом сюда только заочно. Мое настоящее отсутствие нисколько не замедлит нашего свидания, а при свидании мы установим дальнейший план действий как на июль, так и на остальное время Вашего пребывания в Италии.

Жена Вас приветствует.

Ваш В. Иванов.

Пишу на *via Castelfidardo 51*. Возможно, что хозяева переменяют на днях квартиру; но она еще и не найдена. Вам, конечно, нетрудно будет разыскать их, узнав новый адрес у здешнего портъе.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 27–28.

Стиль даты определяется по соотносению с письмом Гревса к жене от 30 июня / 12 июля 1894 г (см. ниже, примеч. 2), из которого следует, что Гревс не застал Ивановых в Риме, приехав туда 26 июня / 8 июля 1894 г.

На письме помета Гревса: «1894». Письмо было оставлено Ивановым для Гревса у римского квартирохозяина, но получил его адресат только после свидания с автором см. ниже, примеч. 2.

Ответ на неизвестное письмо Гревса, в котором сообщалось, в частности, о посылке в Рим книг. Ответ Гревса неизвестен.

Приложение к п. 18.

Autorizzo il Sig. Prof. Ivan Greaves da Pietroburgo di ritirare il pacco libri etc. a me diretto, proveniente da Vienna,

Venceslao Ivanov

Roma, il 30 giugno 1894⁷

Там же. Л. 46.

Визитная карточка, в архиве отсоединившаяся от письма. Текст записки автограф; подписи печатный текст карточки.

⁵ Виа Романа, дом Дуранти (Ассоциация Итальянской Звезды), 2 этаж (в квартире Дель Джацчо) (*итал.*). Вероятно, упомянутая Ассоциация — владелец строения, в котором Ивановы снимали комнаты. Об Анцио см. примеч. 9 к п. 9.

⁶ См. п. 17, адресованное в Новый Оскол, куда Гревс поехал к матери, Анне Ивановне (ср. п. 14). Комментируемое письмо было получено адресатом, после того, как он встретился с Ивановыми в Анцио. Ср. в письме Гревса к жене от 30 июня / 12 июля 1894 г..

...Прямо ночью отправился в Рим, куда и прибыл утром в день Катиного рождения... К великой досаде я не застал в Риме Ивановых, они отправились на море в Порто д'Анцио, и не мог узнать их точного адреса, т.к. не удалось дозвониться у их хозяина. Так.<им> обр.<азом> я грязный, усталый с пешами в руках очутился без приюта среди Рима. Пришлось отправляться волею-неволею в Albergo d'Alibert, хотя я и предчувствовал, что старого друга, Палумбо, я там уже не найду. Действительно, отель оказался проданным немцу и обратился в Fischer's Hôtel — pension Berlinerhof. Это оч.<ень> меня разочаровало, но сутки прожить все-таки пришлось у Фишера в старом и оч.<ень> близком моему сердцу доме, но в новой и неприятной обстановке.

Чтобы повидаться с Ивановым (я ведь гл.<авным> обр.<азом> для него и счал в Рим), я решил немедленно отправиться в Анцио (2 часа езды) и отыскать его там; я поехал туда в 11 ч. дня по ужасно жаркой погоде. Путь лежал по знойной и голой римской равнине, воздух, полный самых различных стрекочущих насекомых, положительно был палящий. Приехав в Анцио (также совершенно голое место, только смягчаемое действием моря), я долго тшето искал Ивановых, бесполезно расспрашивая на почте и в гостиницах, но наконец совершенно случайно уже в пятом часу вечера набрел на дом, где они живут. Встречен я был оч.<ень> радушно ими, как настоящими друзьями, и отлично провел вечер, кстати и в море выкупался первый раз в жизни. Оказалось, что они оставили письмо мне со своим адресом у хозяев, а хозяева на целый день отправились за город. Я уехал в тот же вечер, причем сам Иванов обещал на следующий же день вернуться в Рим, чтобы прожить со мною до конца июля, т.к. ему теперь также надо заниматься. На другой день мне, впрочем, все-таки удалось устроиться только к вечеру, т.к. только к этому времени возвратились хозяева. Но в конце концов я «инсталирован» в оч.<ень> хорошей комнате в первом этаже на улицу за 1 фр.<анк> с кроватью, бельем и [сервисом] услужением в день. Обедаю и даже утром пью кофе в ресторане — у Фиорелли был опять встречен с большою радостью, и они все тебе кланяются. — А я легитимировался в двух нужных мне библиотеках; начальство в обеих было оч.<ень> внимательно и любезно, и я уже принялся за работу. Чувствую, что в Риме хорошо войду в нее, и надеюсь, если только хорошо сложится наша общая жизнь за границей, сделать то, что надо. Так что смотрю на будущее с некоторою хорошою надеждою и не могу тебе сказать, как горячо я бы желал, чтобы и тебе этот год дал много хорошего и чтобы он нас опять хорошо и крепко связал. <...> Пробуду здесь, вероятно, до первых чисел дзешнего августа.

(ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 166—167 об.) Ср. примеч. 4 к п. 17 ...я день Катиного рождения — Е.И. Гревс родилась 26 июня / 8 июля 1887 г.

³ Террачина — небольшой древний город в 110 км от Рима, с памятниками античности и средневековой.

⁴ Штейн — комиссионер, занимавшийся пересылкой багажа; контора находилась на «via Metecede против австрийского консульта» (письмо А.В. Михайлова к М.Н. Сперанскому, февраль 1892 г. // РГБ. Ф. 601. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 16; Михайлов поручает Сперанскому позаботиться о его вещах, оставленных в Риме, и пишет: «О том же прошу и И.М. Гревса»).

⁵ См. визитную карточку, приложенную к комментируемому письму. Banca Sella — один из крупных итальянских банков, основанный в 1886 г. министром финансов Квинтино Селлой как семейное предприятие (эта семья на протяжении трех столетий занималась текстильным бизнесом).

⁶ Добро пожаловать в Рим (франц.).

⁷ Уполномочиваю г-на проф. Ивана Гревса из Петербурга получить посылку с книгами и проч., мне адресованную, присланную из Вены [Вячеслав Иванов] Рим, 30 июня 1894 (итал.).

19. Иванов — Гревсу

11/23 августа 1894 г. Флоренция

Firenze, via dei Pucci, 13 p° I.
23 авг <уста 18>94.

Дорогой друг, Иван Михайлович

Вот наконец мы и устроились в милой, прекрасной Флоренции, и очень довольны как тем, что сели на место и притом такое хорошее, так и тем, что устроились хорошо удобно и дешево в удобной и чистой местности, близ самого собора¹ Жаль, право жаль, что Вы не поехали с нами и что не в Вашем обществе я вступил в этот город, который снова в такой сильной степени возбуждал мою историческую фантазию и мое художественное чувство. Piazza della Signoria! Piazza del Duomo!² Даже в моем несравненном Риме нет ничего подобного. И притом этот город Данта, которого я обожаю... И город Микель-Анджело... В Уффицих я еще не был³, но был уже в Sagrestia Nuova⁴ И мне кажется, что был не понапрасну... А какой вид на Флоренцию открывается с piazzale Michel Angiolo на закате солнца!...⁵ Однако мое письмо состоит из од-

них восклицаний. Я могу легко продолжить их ряд, вспоминая о виденном. Ничто не может сравниться с Ассизи; его впечатление совершенно своеобразное, лирическое, и до сих пор волнует душу как какая-то сладкая, мучительная мелодия⁶ Простите меня, если я не буду распространяться о наших путевых впечатлениях: я бы имел сказать очень много... Мы были в Перуджии, Сиене, Пизе. Перуджия — чудный город: монументальное величие, художественные богатства, поэтические виды и осенняя свежесть возбуждающего воздуха. В Сиене я понял, что такое средневековая итальянская республика. Хорош тамошний собор, но еще лучше *palazzo pubblico* с его башней, с его площадью, с его готическими окнами, с его историческими фресками. Мы были правы, подозревая, что мы не скоро выедем из Рима. Мы тронулись в путь только 8го августа. Правда, мы не очень спешили собраться; будь Вы с нами, было бы иначе. Покамест пишу Вам немного. Надеюсь скоро иметь от Вас дальнейшие вести о Вашей жизни и работах. Жду также и обещанного Горация⁷ Большая просьба к Вам: сообщите мне *немедленно* адрес Лилии Дмитриевны Шварсалон. Если не знаете, где она, то напишите мне петербургский ее адрес. Мне нужно написать ей *немедленно*⁸ На Ваш вопрос о работе, из которой можно было бы познакомиться с кругом дел и операциями римских финансистов, ответить, право, нелегко. Немецкого сочинения, которое бы обнимало вопрос о *manieurs d'argent*⁹ в тех же пределах, как Deloume, я не знаю. Должно пользоваться последним (особенно 2^м изд.<анием>), проверяя однако отдельные данные¹⁰ Кое-что найдете, быть может, в маленькой работе Dietrich Beiträge zur Kenntniss des röm.<ischen> Staatspächtersystems, Leipzig, 1877, в столь же маленькой брошюре Leist'a Zur Geschichte der röm.<ischen> Societas, Jena, 1881, у Belot в Histoire des chevaliers romains¹¹ Больше всего рекомендую просмотреть по Index'у места из Röm.<ische> Gesch.<ichte> Моммзена, касающиеся публиканов¹² Быть может, бесполезно будет обратиться также к Ihne Röm.<ische> Gesch.<ichte>, напр.<имер>, IV, 123 sqq. А лучше всего, бросьте публиканов¹³ Введение я Вам советую сделать чисто компилятивным и кратким¹⁴ Обнимаю Вас и желаю здоровья и успеха. В Крыму ли Ваша семья?¹⁵ Жена Вас горячо приветствует, Саша целует.

Ваш В.И.

P. S. Напомню Вам также о Humbert Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains. P., 1886¹⁶

Вы взяли с собой свой римский Бэдекер, не правда ли? У меня его не оказалось. Я купил для путешествия Meyer Mittel-Italien¹⁷ Вы забыли свои туфли: [хозяева] Микели хотят хранить их до Вашего будущего приезда.

Прилагаю копию с карточки Палумбо¹⁸ и свою карточку для Victor Henri. Его адрес — 48 boulevard de Port-Royal¹⁹

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 29–30.

Ответ Иванова на неизвестное письмо Гревса (в котором, в частности, Гревс просил сообщить библиографические сведения о римских финансистах и, возможно, просил дать рекомендацию к В.А. Анри). Ответ Гревса неизвестен.

Приложение к п. 19.

Venceslao Ivanov в Риме свидетельствует свое почтение многоуважаемому Виктору Алексеевичу и рекомендует ему своего друга, профессора истории Ивана Михайловича Гревса.

Там же. Л. 31 и об.

Визитная карточка. Латиницей — печатный текст карточки, остальное — автограф.

¹ См. в адресной книжке Иванова за 1888–1895 гг. «Мы 1894. Firenze. Via dei Pucci 13 presso la S^{ra} Fortunata Salvatore (contessa Foschini)» (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 11. Л. 16). Ср. в черновике письма Д. М. Ивановой к М. В. Шульман: «Мы во Флоренции, имеем как и в Риме 2 комнаты, <...> — в 1 минуту ходьбы от собора. Обедает мы в ресторане баснословно дешево, ужинаем дома — чай и разные закуски» (РГБ. Ф. 109. К. 25. Ед. хр. 38. Л. 3; написано не ранее середины сентября, после возвращения из поездки по Швейцарии — см. п. 23, примеч. 3).

² Площадь Синьории! Соборная площадь! (*итал.*) — центр средневековой и ренессансной Флоренции.

³ *Уффици* — одно из богатейших художественных собраний мира, помещается в здании, выстроенном в XVI в. для административных учреждений (*итал. uffizi*).

⁴ Новая сакристия, которую начал строить Микеланджело как усыпальницу Медичи, украшена его знаменитыми скульптурами. Знаменательно, что Иванов, исповедующийся в любви к флорентийскому художнику, спешит прежде всего к его произведениям, оставляя на потом сокровищницу живописи.

⁵ С площади Микеланджело, расположенной на холме над Флоренцией, открывается панорама города и долины за его стенами. Характерно, что Иванов начинает знакомство с Флоренцией с обозрения ее сверху. — Этот как будто естественный ход для перспективного новгородского видения был позднее теоретически отрефлектирован Гревсом и введен в норму экскурсионного метода «градостроения». Ср. «Согласно правилам Ивана Михайловича, «покрытие города» нужно начинать с вышки» (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом. С. 290).

⁶ Ср. с более поздним впечатлением от Ассизи, после посещения города вдвоем с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, в п. 56.

⁷ Как явствует из этой фразы, Гревс обещал прислать Иванову для обсуждения свой первый очерк по истории римского землевладения — см. п. 21, 22 и 24.

⁸ О начале знакомства Иванова с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и роли Гревса в этих событиях см.: *Переписка... V*. С. 371–374.

⁹ Финансисты (*франц.*).

¹⁰ Ср.: «Устройство всякого рода финансовых обществ, различных видов капиталистических предприятий, и вообще организация денежного хозяйства в Риме изображена в интересном по замыслу сочинении французского юриста *A. Deloume Les manieurs d'argent a Rome jusqu'à l'empire* (2 éd. Paris, 1892). К сожалению только, книга эта не всегда отличается солидностью разработки материала, ясностью метода и твердостью выводов. Надо обращаться к ней, так как нет пока лучшего полного обзора вопроса, но следует пользоваться ею с осторожностью, проверяя основания и заключения» (*Гревс И. М.* Очерки... С. 259, примеч. 1).

¹¹ *Belot E. Histoire des chevaliers romains. Vol. 1–2. Paris, 1867–1873.*

¹² Речь идет о «Римской истории» Моммзена (в 1888 г. вышедшей восьмым изданием) и о «Римской истории» В. Ине (ее шесть томов появились в 1868–1886 гг., позднее выходило новое издание).

¹³ Указанные в комментируемом письме две специальные немецкие работы — Дитриха о римской системе государственных откупов и Ляйста об истории римского института товарищества (*societas*) Гревс, видимо, не использовал (по крайней мере, ссылок на них в его диссертации нет), в отличие от других упомянутых книг более общего характера — и «История римских всадников» Э. Бело, и «История» Моммзена и Ине, разумеется, фигурируют в гревсовских «Очерках...», но, конечно, вовсе не только в связи с публикациями.

Гревс действительно не стал углубляться в вопрос о публикациях: в очерках о Горации и Аттике он при необходимости ссылаясь на диссертацию Иванова (тогда еще не опубликованную; см. ниже) и отсылался самой общей отсылкой: «Литература о публикациях обстоятельно указана во французском переводе руководства Моммзена и Маркварта, *Manuel des antiquités romaines*, tome X, p. 380; t. IX, p. 243–45» (имеется в виду перевод соответствующих томов «*Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*»). А в книжном варианте эссе об Аттике к этому добавлено: «В самое последнее время вопросом о публикациях занимается немецкий юрист, *Ferd. Kriep*, выпустивший первый том обширного сочинения «*Societas publicanorum*» (Jena, 1896)» (*Гревс И. М.* Очерки... С. 259, примеч. 1). Заметим, что книга Крипа появилась уже после того, как Иванов завершил свою диссертацию, и при ее опубликовании в 1910 г. он в небольшом предисловии объяснял, что выводы Крипа (как и авторов ряда других новых работ) не делают бесполезными и излишними его собственные (*Иванов В. De societibus vestigalium... P. I*). См.: *Переписка... IV*. С. 357, примеч. 1.

¹⁴ Имеется в виду введение к диссертации Гревса.

¹⁵ Семья Гревса приехала в Париж около 1 сентября ст. ст. — см. п. 20.

¹⁶ Эту книгу Эмбера о государственных финансах у римлян, так же как и вышеупомянутую работу Делума о финансистах в Риме республиканской эпохи Иванов упоминал в письме Гири-

фельду от 30 декабря 1892 г. (см. примеч. 15 к п. 7). Нельзя исключать того, что именно «франкофил» Гревс указал на них Иванову, почему тот и говорит о них в комментируемом письме как о работах, уже знакомых Гревсу.

¹⁷ Речь идет о туристическом путеводителе по Центральной Италии из серии «Meuere Reisebücher» (см. примеч. 31 к п. 5). Столь же широко распространены были и путеводители серии К. Бедекера (Karl Baedeker), чье имя в русской среде стало нарицательным.

¹⁸ Копия не сохранилась; возможно, Иванов таким способом сообщал Гревсу новый адрес «старого друга, Палумбо» (ср. в письме Гревса к жене от 30 июня / 12 июля 1894 г., цит. в примеч. 2 к п. 18).

¹⁹ Виктор Алексеевич Анри (Victor Henri; 1872–1940) — психолог, физиолог, физико-химик; русский по происхождению, получил высшее образование и работал преимущественно во Франции. В записной книжке Иванова имеется запись парижского адреса с датировкой: «1894 апрель Викт.<ор> Алексеев.<ич> Генри — (Henri) Paris, boulevard de Port-Royal» (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 11. Л. 8 об.); занося в книжку адрес, Иванов часто помечал и время записи — поскольку в апреле 1894 г. Иванов жил в Риме, то следует думать, что там он и познакомился с В.А. Анри. Что могло связывать его в занимавшее нас время с Ивановым и Гревсом — неизвестно. О нем в 1918–1919 гг. см.: Скифский роман. С. 125, 139, примеч. 33, 473–475.

20. Гревс — Л.Д. Зиновьевой-Аннибал

27 августа / 8 сентября 1894 г. Париж

29, Av. de Wagram.
8 сент.<ября> 1894.

Дорогая Лидия Дмитриевна.

Очень рад был наконец получить от Вас известие и узнать, что Вы не отменили поездку за границу, а напротив осуществили ее. Не знаю только, радоваться ли способу ее осуществления. Какая-то старуха, в каком-то Pesaro!¹ Что-то странно немножко? Конечно, я не судья, но думаю, что там только одно хорошо — что дешево жить. Учительница не хуже Вам несомненно нашлась бы в Париже, но кроме того Вы тут нашли бы превосходную обстановку для музыкального образования: хорошую оперу, прекрасные классические концерты, целый ряд специалистов, между тем как в Pesaro, разумеется, нет никакой музыкальной среды. Впрочем, вам лучше судить, чем мне. С своей стороны, я только горячо желаю вам успеха и душою надеюсь, что разум ваш, которым вы так хвастаетесь, не обманет вас.

Исполняя ваше деловое поручение, спешу известить вас, что деньги вы лучше всего отправьте к Иванову для размена. Он живет теперь во Флоренции (Via dei Russi, 13 p° 1) и охотно [испол<нит>] сделает это. Кстати сообщите ему и свой адрес, который он оч.<ень> желает знать².

Обращаюсь в свою очередь к вам с просьбой. На днях сюда приезжают мои. Доктор советует для Кати провести месяца два у моря. Для северного моря они уже опоздали. Если парижская медицина подтвердит это требование настоятельным обр<азом>, то придется искать южное. Франц.<узский> берег Сред.<изменного> моря дорог³. У меня и явилась идея, нельзя ли им в случае необх.<одимости> приехать к вам, где тепло и дешево, и где вы.

Напишите же, пожалуйста, можно ли устроиться в Pesaro в одном доме с вами или в самом близком соседстве. Две комнаты достаточно большие и чистые будут сов.<ершенно> удовлетворять их. Сколько это может стоить, и как устраиваются с хозяйством. Напишите также, нет ли у Вас господствующих сильных ветров. Очень обяжете, Лидия Дмитриевна. Это, конечно, оч.<ень> неопределенные планы, но на всяк.<ий> случай хотелось бы знать условия жизни у вас⁴.

О себе скажу, что живу я порядочно, работаю много — идет медленно, но сносно.

Всего вам хорошего. Поцелуйте детей и поклонитесь своим девицам.
Рад за вас очень, что выбрались из России. Надеюсь, что с пением все пойдет хорошо и с здоровьем и душевным миром также.

Искренне преданный вам

Ив. Гревс.

Жду скорого ответа.

<Конверт. Адрес:> Alla chiarissima Signora || Lydia Schwaralon. || Casa del Inge-
niere Beldraghi || Pesaro. || Italie.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 11. Л. 3-4.

Ответ на неизвестное письмо Зиновьевой-Аннибал. Ответ Зиновьевой-Аннибал не обнаружен.

На чистом Л. 4 об. запись рукою Иванова:

«Адрес: Оболянинов

Гдов. Петерб. <ургской> губ. <ернии>»⁵

¹ В неизвестном нам письме Зиновьева-Аннибал сообщала, что будет заниматься пением с педагогом в итальянском городе Пезаро; см.: Переписка... V С. 371.

² См. п. 19.

³ 27 сентября / 9 октября 1894 г. Гревс писал В.И. Вернадскому: «Мы решили с одобрения доктора оставить план о поездке Маши и детей в Ниццу» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 22 об., обратим внимание, что в этом и других близких по времени письмах к Вернадскому Гревс постоянно жалуется на стесненность в средствах и долги).

⁴ Не состоялась и поездка семьи Гревса в Италию (см. п. 21). Ср. отказ Гревсов от предложения Зиновьевой-Аннибал вместе провести на море лето в 1895 г. (см. п. 41), возможно, свидетельствующий о том, как Гревсы восприняли разрыв Иванова с семьей и его союз с Зиновьевой-Аннибал.

⁵ Ср. в воспоминаниях Гревса о «приютинском братстве»: «Оболянинов <...> скоро уехал из Петербурга, поселился в имении отца в Гдовском уезде, где стал заниматься хозяйством, специально садоводством. Потом он предался там же энергичной земской деятельности» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 182).

21. Гревс — Л.Д. Зиновьевой-Аннибал

2/14 октября 1894 г. Париж

104, Rue Lauriston.
2/14 окт <ября> 1894.

Дорогая Лидия Дмитриевна.

Спасибо Вам за Ваше милое и дружеское письмо. Оно доставило мне большую радость, так как я все время дрожал, опасаясь, что Вяч. <если> Ив. <анович> забракуют совсем моего «Горация»¹. А он для меня положительно самый высший научный авторитет (т.к. он и очень строг в смысле метода, и замечательно дружелюбно расположен). Но вы правы, что он к друзьям пристрастен, и, конечно, «je fais déduction»² его дружеского преувеличения. Самое большее, если моя статья прилична; а нового в ней кроме некоторой особенной «комбинации» фактов решительно я ничего не усматриваю. Величина же ее, которая произвела на Вас такое внушительное впечатление, скорее недостаток работы, чем ее достоинство³.

Мне ужасно тяжело и совестно, что Вячеслав Иванович принялся «изучать» ее, отрываясь от своих занятий, хоть и чрезвычайно выгодно для меня, что он

проверяет ссылки: я часто делаю цифровые ошибки, а в конце концов статья до того опротивела мне, что я полной проверки не сделал. Впрочем, меня утешала мысль, что и у самого *Маммисена* постоянно попадают неверные ссылки. Пусть он бросит скучную работу (иначе я больше не решусь присылать ему следующие!) и скорее отправляет Горация в Париж у меня есть okazия его отправить, избавляя себя от расходов на «заказ» (ведь в Россию надо его отправлять письмом, а не бандеролью). Жду с нетерпением, если не отправлю сейчас, сильно задержится печатание работы.

Душевно рад за вас, что занятия ваши идут хорошо и голос прогрессирует, хотя некоторое недоверие к знаменитой «старухе», скрывающейся в глубинах Pesaro, я продолжаю еще сохранять⁴. Долго ли вы пробудете еще во Флоренции? Пишу на имя Иванова, не зная Вашего адреса (Вы по женскому обыкновению не написали в заголовке письма ни числа, ни адреса).

Живем мы понемногу пока все благополучно и, к счастью, доктора здешние позволяют оставаться в Париже⁵. Спасибо Вам большое и горячее за предложение денежной помощи. Я вполне верю тому, что вы делаете это чисто по-дружески, и прямо скажу, что мне бы никогда не было тяжело обратиться к вам. Но думаю, что мы обойдемся. Досадно только, все имеющиеся деньги приходится тратить «на жизнь», когда столько надо было бы купить книг.

Очень заинтересован я вашим романом⁶ и хотел бы его прочитать. Если Вяч. <слав> Ив. <анович> и преувеличивает несколько, одобряя его, то во всяк. <ом> случае основа его взгляда несомненно верная у него прекрасный литературный вкус.

Радостно за вас, что вы в Италии. Если бы свалились ко мне с неба 200 фр. <анков>, нужных на поездку, с громадным удовольствием навестил бы вас во Флоренцию. Но их нет и мало времени.

Крепко жму вам руку и от души желаю успеха. Дружеский привет Ивановым. Маша вас целует, собирается написать, но как-то много времени уходит на жизненные хлопоты и страшно она устает. Катя приветствует Сережу и Верочку⁷. Пишите.

Глубоко Вам преданный друг

Ив. Гревс.

Я забыл, в доме какого инженера вы живете в Pesaro и направил Анютино письмо к Дуне на *poste restante* на ваше имя туда. Пусть они сходят. Аня от. <ень> ждет от Дуни ответ⁸.

Всего хорошего!

<Конверт. Адрес:> Al chiarissimo Signore || Venceslao Ivanov || Via dei Pucci, 13, p° 1. || Firenze. || Italie. || Для Л.Д. Шеварцлон.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 11. Л. 5—6.

Ответ на неизвестное письмо Зиновьевой-Аннибал. Судя по сохранившемуся конверту, Гревс флорентийского адреса своей корреспонденции еще не знал, и письмо было адресовано Иванову для передачи ей. Ответ Зиновьевой-Аннибал неизвестен.

¹ Речь идет о рукописи статьи Гревса о землевладении в эпоху Августа по сочинениям Горация. Иванов, занявшись ее подробным разбором, задержал обратную отсылку на неделю (ср. п. 22). Очевидно, Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщила Гревсу о положительной в общем реакции Иванова, как только тот познакомился с сочинением друга.

² «Я делаю скидку на...» (франц.).

³ Ср. в письме Гревса к Вернадскому от 27 сентября / 9 октября 1894 г. «Жизнь моя идет однообразно; ничего, кроме работы над диссертацией, не делаю и ни о чем не думаю, а страшно бы хотел заняться общеполитическими и религиозными, а также политическими вопросами. Не могу сказать, что и специальное дело подвигается хорошо, часто колеблюсь и сомневаюсь, сумею ли я вообще написать диссертацию. Закончил большую статью на днях послал Васильевскому. Нездоволен ею — страшно растянута. И не выражено достаточно полно и сильно все то, что надо было. Собираюсь начинать другую» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 23 и об.).

⁴ См. п. 20.

⁵ См. п. 20.

⁶ Речь идет, вероятно, об оставшемся незаконченным и неопубликованном романе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Пламенники».

⁷ Упомянуты дети Лидии Дмитриевны от первого брака — старший сын Сергей Константинович *Шварсзон* (1887—?) и дочь Вера Константиновна *Шварсзон* (1890—1920).

⁸ *Анюта* и *Дуня* — вероятно, сестры, о которых см. в п. 56 и примеч. 18 к нему. Ср. в письме Гревса к Зиновьевой-Аннибал от 20 февраля 1894 г. «Обращаюсь к Вам с большой просьбой разузнать, как мы говорили о сестре Вашей Анюты, не согласилась ли бы она к нам поступить. Важно, чтобы она сама решила этот вопрос сначала теоретически, так сказать, а потом можно было бы уже прямо поговорить, повидавшись с нею лично. Будьте добры, если можете, выяснить этот вопрос. Если же она останется и впредь на старом месте, не можете ли Вы рекомендовать нам какую-нибудь хорошую девушку (простую и без претензий) в няни» (РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 11. Л. 1). Можно предположить, что Гревс, говоря о сестре «Анюты Лидии Дмитриевны» (см. С. 380, примеч. 2), имел в виду сестру Дуни — также Анюту.

Речь идет о девушках, статус которых в доме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал однозначно определить весьма затруднительно: о каждой из них можно говорить как о воспитаннице, компаньонке, служанке — ср. сообщение биографа Иванова, О.А. Шор: «Лидия Дмитриевна имела обыкновение принимать деятельное участие в детях из (по-разному) несчастных семейств, с которыми ее сталкивала жизнь. Она давала детям образование, соответствующее их способностям, и, по возможности, заботилась об их дальнейших судьбах. Случалось, что девочек, ей особенно понравившихся характером ума и душевной нежностью, она для воспитания брала в свой дом. Выросши, они становились близкими друзьями и членами семьи» (см. СС II. 683). «Мама возила с собою нескольких девочек, которых держала как членов семьи. Она их находила в России, где спасала их от разных тяжелых, иногда трагических обстоятельств. Помню Дуню из рыбацкой деревни, Анюту, Олю — дочь пьяницы-художника, прикладных дел мастера, которая потом вышла замуж за нашего друга...» (Иванова Л. Воспоминания. С. 14).

22. Иванов — Гревсу

4/16 октября 1894 г. Флоренция

Флоренция, via dei Pucci 13 p. I.
16/4 окт. <ября 18>94 (утром).

Дорогой друг, Иван Михайлович!

В общем могу искренне и от души поздравить вас с очень удачным началом! Ваш этюд¹ производит чрезвычайно благоприятное впечатление свежестью и оригинальностью темы, жизненностью и наглядностью изображений, теплотой отношения исследователя к предмету исследования, тщательностью и интенсивностью вполне научной обработки совершенно исчерпанного и всесторонне освоенного материала: эти достоинства этюда мне кажутся неоспоримыми. Вместе с тем, за ним должна быть безусловно признана новизна сведения рассеянных мелких черт в одну широкую и любопытную картину. Из желания сделать эту картину как можно более законченной и рельефной вытекает, по моему мнению, и главный недостаток исследования — излишек «выводов», излишек тем более ощутительный, что материал, доставляемый Горацием, оказывается недостаточным для того, чтобы служить их единственным обоснованием, и автор часто принужден прибегать к другим историческим источникам — не ради иллюстрации того, который он исследует, но для частичной защиты своих преждевременных построений. Отсюда читатель выносит впечатление отчасти

некоторой односторонности в освещении картины⁴, отчасти колебаний и неуверенности в установлении окончательных результатов. Эти общие критические замечания сводятся, конечно, к одному коренному нашему несогласию — к несогласию по вопросу о положении мелкой земельной собственности⁵. Вам показалось недостаточным убедительно констатировать по Горацию [развитие] распространение латифундий, стремление крупной собственности к поглощению мелкой, частое обезземеление мелких собственников⁶, развитие колонатных отношений⁷ вам почему-то понадобилось еще на половину отрицать, на половину как бы тенденциозно перетолковывать неоспоримый факт существования в Италии в эпоху Горация мелкой земельной собственности наряду с крупной. Это привело вас, кроме ряда противоречий, к столкновению⁸ с Моммзеном и Фюстель-де-Куланжем, от возражений которых вы скорее уклонились, чем оборонились⁹. Но если это столкновение несомненно неприятно, то едва ли не неприятнее то сомнительное положение, в которое вы поставили себя, предпринимая доказать на примере экономически-процветающего среднего или даже мелкого землевладельца эпохи Августа — полный упадок современной ему средней и мелкой земельной собственности. Поистине, *tour de force*⁴ парадоксализма! Между тем читатель видит прямые указания самого Горация на сохранение старинной земельной собственности в руках скромных владельцев, на возникновение новых мелких собственников преимущественно в лице вольноотпущенных и клиентов, на создание мелкой собственности путем основания колоний ветеранов. Последние были так многочисленны, что не могли остаться без влияния на общий ход⁵ социально-экономического процесса; а предполагать, что ветераны Августа вскоре большую часть утратили свои наделы, — единственно на основании отрывочных аналогий времени Суллы и Цицерона, — мы едва ли вправе⁵. Мне кажется, что этюд выиграл бы в отношении определенности, строгости и трезвости выводов и меньше было бы опасности для его автора вступить в противоречие с самим собою в последующих этюдах, если бы тезис о незначительности и разложении мелкой земельной собственности в Горациеву эпоху не выставлялся с такою резкостью и исключительностью⁶. Вот единственное возражение общего характера, которое я имею вам сделать; частные возражения я сообщаю в прилагаемых замечаниях⁷. Я должен впрочем прибавить еще, что мне не понравилась некоторая небрежность слога; последний обличает привычку к свободной устной речи — не только отдельными оборотами, но и общим недостатком строгой выдержанности и стройной дисциплины письменного стиля. Зато рассматривая этюд в целом, нельзя отрицать в нем известной изящности; вообще же он является в моих глазах, как явится, я надеюсь, в глазах многих, прекрасным *specimen*⁸ ваших социально-исторических разысканий.

Как только слагаю с себя должность критика и судьи, так чувствую себя перенесенным на скамью подсудимых. Я думаю, Вы сердитесь на меня за промедление. Вы прислали мне этюд на пять дней, а сегодня ровно неделя с тех пор как я получил его. Что сказать вам о себе? Живем мы в этом милом месте очень *мило*, очень уединенно, пользуясь только обществом Лидии Дмитриевны⁹. Очень рады мы были получить добрые вести о вас и о вашей семье. Хорошо, что Катя поправилась. Вы же работайте поспешнее, пишите скорее и увереннее! Главное, не увлекайтесь Аларихом! Павел Гаврилович слишком *rücksichtslos*¹⁰, ему бы следовало оставить вас в покое¹¹. — Дайте мне совет. Я недавно написал Крумбахеру и, вместе с поздним выражением моей благодарности за присылку «*mittelgriechische Sprichwörter*», сообщил ему несколько метрических и экзегетических замечаний к ним. Он пишет мне о них: «*Schade dass Sie dieselben in einem Briefe*

⁴В черновике: «впечатление некоторой тенденциозности в распределении света и теней».

⁵В черновике: «мелкого люда».

⁶В черновике: «развитие прекарного владения».

⁷В черновике: «[неудачному] [неприятному] столкновению».

⁸В черновике: «итого».

vergraben, wo sie den Mitforschern nichts nützen: hätten Sie keine Lust sie zu einer kleinen Recension (etwa im "Филолог.<ическое> Обозрение") zu verarbeiten?». Должно ли это делать – вторгаться, следовательно, в чуждую мне научную область? И, если да, то как это сделать? Кроме всего остального, во Флоренции написать что-нибудь подобное очень трудно, при отсутствии нужных пособий¹². Надеюсь скоро получить от вас этюды о saltus'ax и об Аттике¹³. С месяц тому назад я получил любезное открытое письмо от Ростовцева: хотел бы ответить, да не знаю куда: не сообщите ли вы мне его адрес?¹⁴ Сегодня получил ваше письмо для передачи Л.<идии> Дм.<итриевне>¹⁵. Кстати, вы напрасно отговариваетесь незнанием ее адреса, о котором я вас спрашивал: я писал вам: «сообщите мне ее *петербургский* или иной адрес»¹⁶. Будьте здоровы. Обнимаю вас. От души желаю вашему «Горацию» литературного успеха, которого он вполне заслуживает. Посылаю глубокий поклон Марии Сергеевне.

Ваш В.И.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 32–33.

На том же л. почт. бум. (Л. 33 и об.) – письмо к Гревсу Д.М. Ивановой (п. 23).

Основное содержание письма Иванова – отклик на полученный им первый очерк Гревса по истории римского землевладения. Несомненно, рукопись сопровождало неизвестное нам письмо Гревса, в котором, в частности, оговаривался срок ожидаемой реакции ученого друга на статью (ср. в письме Иванова: «Вы прислали мне этюд на пять дней, а сегодня ровно неделя с тех пор как я получил его»).

Помимо подлинника письма, сохранившегося в архиве Гревса, до нас дошел и его черновик: РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 25. Л. 5. Он явно был задуман как черновик (нет даты и обращения), специальной обработке подлежала первая часть письма, касающаяся прочтенной Ивановым работы Гревса (черновик обрывается перед словами «Как только соглашусь с собой должность критика и судьи...»). Подготовительный текст в целом практически совпадает с отосланным адресату, значимые по смыслу разночтения приведены в текстологических примечаниях.

¹ Гревс И.М. Очерк первый. Гораций.

² Резюмируя свои выводы в следующем очерке (об Аттике), Гревс утверждал, что этюд, «составленный по Горацию и некоторым соприкасающимся с ним источникам... совершенно реальным и конкретным путем приводит к убеждению, что крупная собственность действительно восторжествовала над мелкою и среднею ко времени падения республики, и что именно *большое поместье* лавало тон и направление римскому земельному строю в означенную эпоху» (Очерк второй. Аттик. I. С. 299 сл., Очерки... С. 240). В примечании к этому месту (С. 300, примеч. 1) он воспроизвел общее заключение первого очерка:

Главными, господствующими формами земельного строя, определяющими отношение свободного человека к земле, были следующие две: латифундиальная собственность и мелкое фермерство; крестьянское же и мелкопоместное землевладение не имели рядом с этими двумя формами в римском мире при утверждении империи самостоятельной силы, достаточной, чтобы успешно бороться с первою или безопасно развиваться параллельно с нею.

(Очерк первый. Гораций. С. 176 сл., Очерки... С. 217–218.)

³ В опубликованном тексте это столкновение не только не затушено, но даже выдвинуто на первый план: в заключительной части очерка Гревс подчеркивает, что вопрос о том, составили ли мелкие и средние землевладельцы серьезную социальную силу, основу развития самостоятельного общественного слоя, — «один из коренных вопросов истории римского землевладения во времена империи», — и продолжает:

Утвердилась ли в ней средняя собственность, достаточно могущественная, чтобы создать противовес крупной и возратить общественному знанию потерянную устойчивость? Новые ученые, старающиеся доказать, что римское государство не было вовсе странною исключительного преобладания крупного землевладения, во главе их с одной стороны Моммзен, с другой Фюстель де Куланж, стремятся обнаружить присутствие и даже распространение средней, а также мелкой собственности в провинциях и самой Италии. Моммзен обращает внимание на целый ряд землевладельцев с поместьями небольшой величины в Италии на севере и в центре, существование которых констатируется известными алиментарными надписями времен Траяна. Фюстель де Куланж кроме этого выдвигает важный факт развития во времена империи провинциально-муниципального землевладения сред-

него типа. Факты, подобные тем, на которых настаивает Моммзен, занимают, мы видим, довольно незаметное место в картине, нарисованной Горацием. <...> Нельзя, конечно, критиковать Моммзена Горацием; напротив того, данные, раскрываемые им в источниках, могут послужить основанием для критики односторонности представлений самого поэта. Я не задаюсь целью в настоящем этюде разбирать мнение знаменитого ученого; но сделаю все-таки несколько беглых замечаний в защиту высказанного выше взгляда.

(Очерк первый. Гораций. С. 179 сл., ср. Очерки... С. 220 сл.)

⁴ Дело, требующее силы и ловкости; ловкий трюк (франц.).

⁵ Ср. у Гревса (Очерк первый. Гораций. С. 157), где точка зрения о том, что «ветераны были, в большинстве случаев, людьми, испорченными междоусобными войнами, привыкшими жить на добычу и утерявшими навык производительного труда, и в массе они, весьма возможно, оказались не в состоянии удержать за собой и оплодотворить работой полученных земель, сохранив на них самостоятельность, и тем разрешить в желательном направлении тяжелый земельный кризис, в котором находилось государство», подтверждается почерпнутыми у Саллюстия и Цицерона фактами, характеризующими сторонников Катилины. — Возвращаясь к вопросу о ветеранском землевладении в заключении, Гревс отмечал (возможно, отвечая и на критику Иванову): «Я далек от мысли, что приведенные мною соображения о неспособностях ветеранов к земледелию, подтвержденные фактами о судьбе испорченных на италийских землях ветеранов Суллы (*possessores Sullani*), выражают единственный результат широко применявшейся политической системы. Я только утверждаю, что прочно возросшее крестьянство и вообще мелкопоместное землевладение ветераны не могли, несмотря на то, что основание их колоний посадило на италийскую почву значительную массу новых не крупных собственников. Факт этот, возбудивший большую смуту, главным образом осложнил запутанность земельных отношений, а не в состоянии был произвести решительный переворот в формах земельного строя или даже значительно изменить направление его эволюции» (Очерк первый. Гораций. С. 180). Впрочем, и в очерке 1895 г., и в соответствующем разделе «Очерков» 1899 г., где страницы о ветеранском землевладении были целиком перенесены в заключительную часть этюда о Горации и подвергнуты значительной (хотя и не затрагивающей сути дела и глубины рассмотрения вопроса) переработке, Гревс оговаривал гипотетичность своих выводов и предупреждал, что не ставит своей целью изучение этого сложного и недостаточно исследованного пункта, имеющего вместе с тем кардинальное значение для выяснения истории борьбы крупного и мелкого землевладения в Риме (Очерк первый. Гораций. С. 180–181, ср. Очерки... С. 222–223).

⁶ Ср. «В общем же правиле во время Горация, нужно думать, среднее землевладение, если понимать его как широкое и самостоятельное, здоровое и нормально развивающееся социальное явление, не составляло типической особенности земельного строя римского государства. Лицом к лицу друг с другом в Италии в момент утверждения империи стояли усиливающееся земельное магнатство и разлагающееся крестьянство. Земельные имущества, подобные имению Горация, или производительные поместья, подобные приведенным примерам, в большинстве случаев не имели своей собственной оригинальной и продолжительной жизни» (Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 183).

⁷ См. приложение к настоящему письму.

⁸ Образец (лат., англ.).

⁹ Л. Д. Зиновьева-Аннибал приехала во Флоренцию 30 сентября (н. ст.) см. Переписка... V С. 373.

¹⁰ Бесцеремонный (нем.).

¹¹ Речь идет об участии Гревса в важном начинании П. Г. Виноградова см. Гревс И. М. Аларих и вестготы // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. Вып. I. М., 1896. С. 118–168. Аларих — вождь вестготов, захвативших и разрушивших Рим в 410 г.

¹² 7 января 1894 г. К. Крумбахер (см. примеч. 19 к п. 1) прислал Иванову свою книгу «Греческие средневековые изречения» (*Krumbacher K. Mittelgriechische Sprichwörter*. [Sitzungsber. Bayer. Akad. Wissensch., Phil.-Hist. Kl. 1893. II. 1]. München, 1893). Только 8 сентября 1894 г. Иванов ответил на это подлинное большим письмом. 20 сентября 1894 г. Крумбахер, благодаря Иванову за отклик на его работу, писал (именно эти слова приводит Иванов в письме к Гревсу, с несущественными для понимания смысла словесными расхождениями): «Жаль, что Вы их <т.е. замечания на работу Крумбахера. — Изд> хороните в письме, где они бесполезны для лексикографов: нет ли у Вас желания переработать их в маленькую рецензию (скажем, для «Филологического Обозрения»)» (*Wachtel M. Die Korrespondenz zwischen Václav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slavistik. Jhrg. 37 1992. Nr. 3. S. 338–341*). Рецензии на работу Крумбахера Иванов не писал.

¹³ Судя по тому, что первую часть этюда об Аттике Гревс послал Иванову только в декабре 1895 г., уже после возвращения в Петербург, работа над этим очерком осенью 1894 г. находилась еще на начальной стадии (ср. в примеч. 3 к п. 21). В Париже во время командировки 1894–1895 гг. Гревс занимался по преимуществу сбором материала о крупном землевладении в эпоху

Империи, прежде всего императорском (см.: Переписка... III. С. 318). Слово *salus* (пастбище, выгон, именование *лат.*) в специальной литературе о римском землевладении используется для обозначения крупных поместий. См. примеч. 25 к п. 24. О планах Гревса ср. п. 29.

¹⁴ Упомянутое письмо М. И. Ростовцева не обнаружено.

¹⁵ По всей вероятности, речь идет о п. 21.

¹⁶ Ср. п. 19.

< Приложение к п. 22>

«Гораций»

р. 1. В первых строках эпюда неясно противоположение понятий «исторический» и «филологический», тем более что первое понятие определяется в примечании такими признаками, которые могут быть вполне приписаны и второму. Филология есть именно «наука о классической древности» в ее полном объеме: при этом она не знает другого метода, другого угла зрения, кроме исторического. Что же и изображает иначе филология, как не древний «быт, эволюцию... учреждений, развитие религии, идей, литературы (!), искусства, а также материальной культуры»? Можно подумать, что автор ограничивает область филологии пределами грамматики и критики текстов. Автор-«историк» будет иметь читателей-«филологов», и потому должен остерегаться раздражить гусей¹

р. 2. Лучше и осторожнее сказать: «*вообще экономическая история римской древности сравнительно недостаточно привлекала внимание ученых*»²

р. 3 sq. Указание на трудность задачи имеет *raison d'être*³, но только не в этой связи. Оно никак не может служить объяснением (того явления, что история римского землевладения до сих пор недостаточно исследована.) недостаточной разработанности истории римского землевладения. «Архиплатонические» и «методологические»⁴ трудности не могли бы сами по себе устроить прежних исследователей римской древности, которым часто приходилось, в других сферах, преодолевать трудности, казавшиеся еще более непреодолимыми. О том, что те же исследователи вполне господствовали над всею массою указанного в эпюде исторического, литературного, юридического и эпиграфического материала, нет надобности и говорить. Если история римского землевладения или вообще экономическая история римского государства исследована недостаточно, то причины этого отрицательного явления лежат [отчасти в особенности состояния источников исследования,] отчасти во внутренних условиях развития науки о римской древности, отчасти в условиях развития соседних наук, отчасти [наконец в] в особенностях источников исследования, отчасти в особенностях исследователей. Внутреннее развитие нашей науки было таково, что разве только теперь вопрос экономический мог стать вопросом очередным: до сих пор стоял на очереди вопрос о политическом устройстве и развитии римского государства, и давно ли «мы» осмыслили это устройство и развитие? Развитие

¹ Слово подчеркнуто Гревсом.

Здесь и далее в текстологических примечаниях при описании помет Гревса в тех случаях, когда это не оговаривается специально, подразумевается, что помета сделана «простым» карандашом. Вычеркивания текста, сделанные Ивановым, обозначаются общепринятым способом помещением вычеркнутого текста в квадратные скобки. Вычеркивания текста, сделанные Гревсом, отражают его работу с замечаниями друга, они всякий раз оговариваются в особом примечании. Отметим, что Иванов перед отправкой ответственно перечел свои замечания и внес в них дополнительные поправки — карандашом, они вклучены в основной текст безоговорочно.

соседних наук было в свою очередь таково, что только в последнее время поставило на первый план интерес к экономическим явлениям исторической жизни. Источники нашего познания экономических явлений римской древности фрагментарны и случайны: так же фрагментарно и случайно было и научное их исследование: там, где источники слагаются в цельную массу, как, напр. <имер>, в вопросе об *ager publicus*, и исследование достигло цельных и солидных результатов; открытие новых текстов в последнее время является новым [толчком] условием пробуждения интереса к социально-экономическим явлениям римской жизни. Исследователи до сих пор отправлялись, главным образом, е *castris philologorum, partim etiam iuriconsultorum*⁵; Подбертус был исключительным явлением⁶; в схеме «*Staatsrecht, Staatsverwaltung, Privatalterthümer*» не замечали существенного пробела⁷; разрушение схоластических загоролок, разделяющих факультеты и науки, было делом сравнительно недавним, как говорит и Моммзен в своем открытом письме⁸. Вот что я считаю возможным сказать по поводу недостатка капитальных общих трудов по экономической истории Рима⁹. Приводимые автором трудности исследования не идут в эту связь. Читатель узнает о них так, как если бы автор делал личное, автобиографическое сообщение. Этот оттенок очень нежелателен. В общем вступление к «Очеркам», несмотря на интересный библиографический обзор и энергичность постановки новых требований от научного исследования древности, меня не вполне удовлетворило.

р. 5. «Так что и мало дает сведений, и возбуждает немного доверия (?)» — лучше зачеркнуть¹⁰

р. 7. Прим. 9. Второй том Истории Р <имского> Пр.<ава> Карловы также почти весь вышел в свет¹¹

р. 13. «К примеч. 1 можно прибавить: «cf. *Carm. III, 30, 12: ex humili potens*», и, ⁶по поводу имени отца, читату Ер. II, 2, 50 sq.¹²

«Прим. 4. Гораций в одном только месте, как кажется, именно Sat. II, 1, 34 sq., говорит об *origo anceps* («*Lucanus an Appulus anceps, Nam Venusinus arat finem sub utrumque colonus...*»¹³). Читату *Carm. III, 4, 9* (которую можно было бы привести только для «сравнения») лучше вычеркнуть, так как чтение *Apuliae* в этом месте очень сомнительно¹⁴. «Uebrigens bezeichnet sich Horaz sonst stets als *Apuler*» (Kießling zu Sat. I.1.)¹⁵

р. 14. «Прим. 1. Почему «какого-то сборщика»? Да и словом *сборщик* переводить слово *coactor* довольно рискованно, п.<потому> ч.<то> с первым связано представление о сборе податей. О *coactores* и *praesones* при аукционах говорит Моммзен в статье о «*pompeianische Steuerquittungen*»¹⁶ и части Кисслинг к Sat. I, 6, 86. Во всяком случае *praeco* и *coactor* не одно и то же лицо, почему нельзя указанное место цитировать, как делает автор, так: «*praeco... coactor*»¹⁷. Гораций говорит, что, благодаря профессии его отца, мог сделаться или *praeco* при аукционах, или *coactor*, каковым был и его отец. Что отец Горация занимал одновременно обе эти должности, есть предположение, не вытекаю-

⁵⁻⁸ Зачеркнуто Гревсом.

⁶⁻⁶ Взято в круглые скобки Гревсом, рукой которого между строк сделана помета: «эта цитата в др.<утом> месте» (ср. Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 84, примеч. 1).

⁸⁻⁸ Абзац перечеркнут Гревсом.

¹¹⁻¹¹ Отчеркнуто Гревсом по девому полю, а весь абзац — перечеркнут.

шие прямо из приведенных слов Горация, хотя, быть может, и вероятное: его я нахожу у Кисслинга, но кажется, что ему противоречат слова "*ut fuit ipse*", относимые Горацием, по-видимому, к одному "*coactor*"¹⁷

*
Прим. 3. После Philippi поставить запятую и дополнить цитату: "*paupertas impulit [audax] cet.": decisis pinnis и inopet* относится к *impulit*"¹⁸

*
Прим. 5. Рассказ о сближении с Меценатом заключается, точнее, в стихах 54–62 шестой сатиры I^{ой} книги¹⁹

*
р. 16. Прим. «Аббат²⁰ относится к словам Горация чуть ли не как к священным текстам и всему верит в них...» В какой же мере слова Горация о собственном имени не заслуживают доверия?⁴

*
р. 17. Прим. 4. Не должно также забывать, что не одно и то же было бы принять [имение] землю непосредственно от конфисковавшего [его] ее Августа или от Мецената, не причастного прямо к конфискациям²¹

*
р. 19. Прим. 1. Относительно villa не [хочу в<слово не дописано>] знаю, точно ли выражается автор. Само собою разумеется, что первоначально не было роскошных пригородных дач villae urbanae, а были только villae rusticae, хозяйственные усадьбы. Но в понятие villa всегда, как кажется, входил признак наличности дома. Как только [возник ценз] учреждена была цензура, цензоры строят на Марсовом поле, для целей отправления своих обязанностей, поместье, которое они называют villa publica²²

*
р. 19. "От формы *Sabinum* решительно должно отказаться в пользу *Sabini*. Kiessling zu Carm. II, 18, 14 ("*satis beatus unicis Sabinis*") : «*Sabinis*: der auffällige Plural... erklärt sich durch die Beobachtung Lachmanns und Haupts (Opusc. III 578), dass wenn der blosse Volksname zur Bezeichnung eines fundus dienen soll, nie das Neutr. Sing., sondern stets der Plural des bez. Namens gebraucht wird: es ist ein grober Schnitzer von H.s *Sabinum* statt von seinem *fundus Sabinus* oder seinen *Sabini* zu reden. Vgl. *Tusci grandine excussi* Plin. epp. IV 6, *reddare tuis... Sabinis* Mart. X 44 u. ähnlich *Paelignos videor celebrare salubres* Ovid. Am. II 16, 37»²³

*
р. 21. "Точнее сказать: «Гораций действительно говорит о таком "источнике" (fons), протекавшем подле самого его дома, никогда не пересыхавшем и могущем быть названным "ручьем" (rivus), — впрочем, не приводя его имени»²⁴

*
р. 22. Прим. 2. Жаль, что бедные шикады попали в примечание. Их можно переместить в текст, опустив воспоминание о «Встрече». А впрочем...²⁵

¹⁷⁻¹⁸ Абзац перечеркнут Гревсом.

¹⁹⁻²⁰ Против абзаца на поле помета Гревса: «не совс<ем> соглас<ен>».

²¹⁻²² Абзац дважды перечеркнут Гревсом.

- р. 24. *Прим. 5. “*Quacumque libido est, Incedo solus*” в 112 стихе шестой сатиры 1⁰⁰ книги относится уже к описанию Горация в Тибури в момент написания этой оды (до 727/728³⁴ по Кисслингу) оно оставалось еще неисполненным.]

[К прим. 4 можно прибавить, что желание Горация иметь свой очаг в Тибуре выражено в 6⁰⁰ оде второй книги и что в момент написания этой оды (до 727/728³⁴ по Кисслингу) оно оставалось еще неисполненным.]

[Прим. 4 и 6. В 6⁰⁰ оде 2⁰⁰ книги Гораций выражает желание провести старость [и умереть] у собственного очага в Тибуре; если Парки не допустят этого, он желает умереть в Таренте, в объятиях своего друга Септимия. Кисслинг заключает отсюда, что в момент написания оды (до 727–8 года) Гораций еще не имел своего дома в Тибуре, о котором говорит Светоний. На мой взгляд, это не вытекает с необходимостью из слов поэта. Он говорит только, что Парки могут воспрепятствовать осуществлению его желания. Быть может, он был неуверен тогда, что сохранит до самой старости пользование или владение тибуртинским домом, [предоставленным] уступленным ему, напр. <имер>, Меченатом; как и сам Кисслинг (к Catm. II 6) говорит относительно сабинского имени, что Гораций “*dem Geschenk Mäcens gegenüber das Gefühl einer gewissen Unsicherheit erst spät überwunden* (vgl. Sat. II 6, 5 *nil amplius oro, Maia nate, nisi ut propria haec mihi munera faxis und epp. I. 7*)”²⁹. Правда, Кисслинг, принимает слова “*unde si Parcae prohibent iniquae*”³⁰ в строго причинном значении (= “*siquidem prohibent: da ihm in Tibur zu altern nicht vergönnt zu sein scheint*”...³¹); однако можно, я полагаю, сомневаться в необходимости такой именно интерпретации: причинный оттенок я не отрицаю, но *prohibit* = *prohibuerint*, как *figit* = *fixerit* в Catm. III, 24, 5³². Если судьба изгонит поэта из Тибура, он отправится (“*petam*”)³³ в Тарент. 6 (Переводить “*si Parcae prohibent*” – “если смерть застигнет его вне Тибура”, нельзя, так как этому противоречит “*petam*” Парки здесь олицетворяют судьбу (от которой впрочем зависит и смерть), как в Catm. II, 16, 39.]³⁴

Прим. 8. Вместо «понятия *Sabinum* и *Tiburinum* различаются и противопоставляются» должно сказать: «*пребывание в Sabini* противопоставляется *пребыванию в Tibure*». Неточный перевод Catm. III, 4, 21. «*Я поднимаюсь*» и т.д. должно вычеркнуть³⁵

- р. 25. *Прим. 1. Я не знаю, что говорят комментаторы, но из 44⁰⁰ оды Катуллы видно, что его *villula* лежала [не в самом Тибуре, а только в его] где-то в окрестностях Тибура, более или менее далеко от самого города, почему его недоброжелатели и не соглашались называть его *fundus* Тибуртинским, а называли Сабинским³⁶. Это [противоположение] различие очень характерно и, быть может, делает более понятным желание Горация иметь верную собственность в Тибуре, его частые упоминания о своем пребывании там и т.д., поэт, хотя и “*satis beatus unicus Sabinis*”³⁷; все же не хотел в этом отношении отставать от эlegantного общества”³⁸

³⁰⁻³ Абзац перечеркнут Гревсом.

³⁴⁻⁵ Фигурным скобкам отвечают в подлиннике авторские квадратные скобки. О причине отказа от этих двух абзацев см. у Иванова ниже, в замечании «Опять к р. 23 sq.».

³⁸⁻⁸ Против абзаца на поле помета Гревса: «принят<ь> или: принято?» во внимание (не согл<асен>).

- р. 27. В конце последнего примечания предыдущей страницы почерпнутая из Sat. II 6, 16 аргументация в защиту тезиса, что дом Горация был расположен «на горе», совершенно неудачна: поэт говорит в приведенном месте, что удалился из Рима *в горы*³⁹, означая этим именем всю горную страну, послужившую ему убежищем. Как будто долина Дигенции лежит не в горах?⁴⁰

Вот попытка перевода:

*Там непрерывные горы одною тенистой долиною
Разлучены: правый край восходящее радует солнцем;
Левый, склоняясь, златит колесница вечернего Феба,
В легкий окутав туман...*

Если понравится этот не вполне, как кажется, удовлетворительный опыт, можете им воспользоваться, как вообще всем материалом этих примечаний, не называя моего имени. Другой стихотв. <орный> отрывок перевести я затруднился, да и не знаю, нужно ли его приводить в тексте, как мало характерный для интересующихся Горациевым поместьем⁴⁰

⁴⁰Прим. 3. Вскоре после получения имени написана, по-видимому, 3^я сатира 2ой книги; но почему именно «в год» получения? Кисслинг этого во всяком случае не говорит⁴¹

- р. 29. Прим. 4. Приводимые из Ep. I, 16, 2 sq. слова [, строго говоря,] нельзя относить к имени Горация. Здесь перечисляются только различные доходные статьи, которые вообще могло дать италийское имение. Именно, указано пять категорий [доходных] сельскохозяйственных культур: 1) хлебные поля, 2) масличная плантация, 3) плодовые сады, 4) луга, 5) виноградники. Квинктий желает знать, какими из этих доходных статей Гораций пользуется в своем имении. Поэт обещает представить ему подробную сельскохозяйственную опись, но все же забывает дать на поставленный относительно доходных статей вопрос точный ответ⁴². Читатель выносит впечатление, что о них в строгом смысле слова не может быть и речи. Поэт находит возможным упомянуть только о благоприятных климатических условиях своего угодья, о сравнительном обилии [дубов и] *quercus* и *ilices*, о *сoma* и *rupa*⁴³, о своем скоте, о ручье. —⁴³

«Едва ли хозяйственные службы можно назвать *villa rustica*»⁴⁴

- р. 30. Прим. 1. Правильнее сказать: «Гораций настаивает, по-видимому, на своем. Виллик⁴⁵, по приказу хозяина, расчищает девственную почву под обработку (v. 26 sq. — *“argues arva”*), хотя и сердито ворчит» и т.д. Прямого указания на то, что виллик, по настоянию Горация, разводит виноградники, нет, так как *arva* скорее всего, может быть понято в смысле пашни [или пастбищ]⁴⁶

³⁹ Начал абзаца Гревс отметил большой полукруглой скобкой. Следом за абзацем, до астериска, отделяющего идущую следом попытку перевода, Гревс вписал на свободном месте: «— Я напирал на слово *arx* (*Orelli*) (*Forcellini*)».

⁴⁰ Абзац перечекнут Гревсом.

⁴¹ Против абзаца на поле помета Гревса: «Это так — но не Квинктий спрашивает, а Гораций» говорит его «вопросительными словами».

⁴² Против этого абзаца на поле помета Гревса: «Нет можно!».

⁴³ Но ведь другие стихотворения их обнаруживают! (Примеч. Гревса; текст примечания вписан им на свободном месте между этим и следующим абзацами).

- р. 30. Прим. 5. Под «Тибур» понимать сабинское имение очень рискованно. Что «Гораций часто называет свое имение именем соседнего Тибура»⁴⁷ требует лучшего доказательства, чем ссылка на Jullian'a в прим. 8 к стр. 24⁴⁸. Но упоминание о виноградниках и маслинах в стихе 5 восьмого послания 1ой книги вовсе не стоит в связи с упоминанием о Тибуре в ст. <ихе> 12⁴⁹. Ясно, что если Гораций говорит о своих виноградниках и масличных плантациях, то он разумеет или свое Сабинское, или свое Тибуртинское поместье, или наконец то и другое. Таким образом ссылка на это послание не может служить решающим доказательством в пользу тезиса, что в Сабинском имении были виноградники, но все же [делает этот тезис] придает ему еще более вероятности. В самом деле, если даже Гораций имел [земельное владение] поместье в Тибуре (что отрицается на стр. 24)⁵⁰, это поместье хотя бы уже вследствие дороговизны земли в данной местности — едва ли заключало в себе большие виноградники или значительные плантации олив.

Опять к

- р. 23 sq. По этому поводу, возвращаясь к вопросу о тибуртинском земельном владении Горация. Светоний говорит о *rus Tiburtinum*, и есть внутренняя вероятность в предположении, что тибуртинский дом поэта, который, по-видимому, был загородным домом, не лишен был окружающей территории, хотя бы и не особенно большой, являясь таким образом *villa urbana*, назначенной не столько для хозяйственных, сколько для увеселительных целей⁵¹. Автор приводит три [места] текста, по-видимому, противоречащие предположению, что у Горация, кроме имения in Sabinis, было еще имение в Тибуре. Один из этих текстов однако должен быть исключен: если я говорю: «в своей деревне» или еще лучше «у себя в деревне» я ем как попало, а в модном курорте хочу иметь тонкий стол», то едва ли доказываю этими словами, что имею одну единственную деревню (Ер. I, 15, 17 Прим. 2 к стр. 24. Что касается до *parva tuga* в *Sarm.* II 16, 37, то это может, конечно, быть сказано и об одном и о нескольких имениях)⁵². Что касается *Sarm.* III, 1, 47, то этот текст⁵³ доказывает только, что в 727/728 году (см. Kiessling I p. 211 2^е изд.) Гораций еще не имел поместья в Тибуре, что подтверждается и 6ой одой 2ой книги, относимой Кисслингом ко времени до 727/728 года, где поэт так выражает свое желание провести старость у собственного очага в Тибуре, как будто этого очага у него еще нет: правда, это, на мой взгляд, не с необходимостью вытекает из слов оды, как думает Кисслинг (свои сомнения в его интерпретации я изложил было в зачеркнутых строках 3го листа)⁵⁴, но толкование последнего вполне [подтверж^{дается}] гармонирует [как сказано] с *Sarm.* III, 1, 47 [Далее.] Наконец, текст «*salis beatus unicus Sabinis*» принадлежит второй книге од, изданной вместе с 1ой и 3^{ей} книгой в 731 году (Teuffel 516⁵⁵, Kiessling I, 24) сравнительно рано. «*Hoc erat in votis: modus agri, non ita magnus...*» (*Sat.* II. 6)⁵⁶ было написано еще в 723 г. Таким образом, существование тибуртинского поместья можно решительно отрицать только в пределах эпохи до 728 года. В четвертой книге од. во 2ой и 3^{ей} стихотворении, следовательно [приблизительно] в 741 г., поэт говорит уже о Тибуре, как о своей более постоянной резиденции. То же можно, как кажется, заметить и о 8ой [письме] послании 1ой книги, принадлежавшем 734 или 733 году. Если это так, то поместье в Тибуре Гораций приобрел между 728 и 733 годами. Вот беглые соображения, не основывающиеся, конечно, на самостоятельном хронологическом определении [эпохи] различных текстов и долженствующие быть тщательно проверены с помощью существующей по данному вопросу литературы, которой я не располагаю. Во всяком случае свидетельство Светония в данном случае имеет [значительный] большой вес⁵⁷.

*
 "Epist. I, 7, 84. Новоиспеченный собственник *маленького agellus в Сабинской* земле "sulcos et vinea sterrat mega, praeparat ulmos"⁵⁸ Косвенный аргумент в пользу тезиса о Горациевом виноделии

- р. 30. «Под тенью лозы». «Лозы» лучше напечатать курсивом, иначе ее, пожалуй, читатель и не заметит⁵⁹

*
 6С содержанием 8го примеч.<ания> я не согласен, как уже сказал выше (к р. 29), и ссылку на Ер. I, 16, 1 предложил бы опустить. Я бы сказал в примеч.<ания>: «срв. Ер. I, 16, 1», после слов: «существование их чувствуется в его описании»⁶⁰

- р. 31. Прим. 7 "Opulenter" опять-таки говорит не Гораций, а его приятель, и, если не ошибаюсь, поэт иронически относится к наивному вопросу, основывающемуся на предположении, что сабинский fundus может даже обогащать владельца: по крайней мере дальнейшее развитие послания таково, что исключает всякую мысль об «обогащении»⁶¹

- р. 32. Прим. 1. "Verna" преимущественно "домашний раб", "раб, рожденный в доме господина"⁶²

*
 Прим. 6. Лучше написать так: «Ер. I, 14, 30; Epod. I, 27; Carm. III, 18, 11, срв. Ер. I, 16, 2»⁶³

- р. 33. Прим. 1. В Ер. I, 14, 26 вовсе не сказано, что земля расчищается под виноградник. Или на это указывают "ligones"? Вопрос технический! У Ювенала 7, 33 ligo, в переносном значении, знаменует «земледелие» вообще⁶⁴

*
 Прим. 3. Странная ссылка на Орелли: он говорит вовсе не о «протяженности поместий», а о том, что богачи имели скот (и, вероятно, собственные пастбища) в различных [провинциях] частях Италии. Но его слова ничего не поясняют⁶⁵. Для изъяснения 27—28 ст.<ихов> первого эпода⁶⁶ лучше всего припомнить (как и делает Кисслинг) слова Варрона: "greges ovium longe abiguntur ex Apulia in Samnium aestivatum" (R. R. 2, 1, 16)⁶⁷ [Ho] Варрон [говорит об] имеет в виду общественны[х]е пастбища[x], pascua publica, расположенны[х]е в разных частях Италии и служивши[х]е для общественных выгонов, оплачиваемых внесением пастбищной подати (scriptura). Это видно из того, что он продолжает так: "atque apud publicanum profitentur" cet. (срв. далее: "muli e Rosea... exiguntur in Barbaros altos montes")⁶⁸. Что касается "longinquis in agris" в Ер. I, 8, 6, то естественнее всего предположить, что Гораций говорит именно о таких pascua publica (Кисслинг ссылается на упомянутый текст 1го эпода), но можно, мне кажется, думать и об ager compascuus⁶⁹, хотя с меньшей вероятностью, — хотя бы уже потому, что он находился бы по соседству. Что самое поместье было так

⁵⁸ Абзац, как бы втиснутый Ивановым в нижнее поле листа, Гревс отчеркнул слева красным карандашом.

⁶⁰ Против этого абзаца на поле помета Гревса: «Не согласен» (ср. Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 113, примеч. 2).

«протяженно», мне кажется [весьма] более чем сомнительным. То, что говорит автор, ссылаясь на Ф. де Куланжа, о каких-то «оккупациях на прекарных основаниях из числа остающихся полос общественного поля», так неясно и странно, что я сомневаюсь, правильно ли понял автор названного ученого.⁷⁶ Притом в данную эпоху *ager publicus* в Италии был уже весь роздан в частную собственность, за исключением упомянутых выше *расциа*⁷⁷

*

Относительно *ager compascuus* советую справиться у Марквардта⁷¹ и в др.<угих> местах. Гипотеза о его «прирастании» к частной собственности едва ли в данной связи уместна и осторожна.

*

- р. 36. К попытке определить стоимость поместья на основании всаднического ценза⁷², которым будто бы обладал Гораций⁷³, я продолжаю относиться скептически. Нельзя ли было бы определить приблизительно число югеров пашни по данным, добытым относительно количества населения? 200 югеров пашни уже [указано] даны текстом Колумеллы (стр. 31)⁷⁴

*

- р. 39. Ода I, 31, 3 классически переведена Фетом. Я сообщаю вам этот перевод на память (думая, что [«Горация»] Фета у Вас нет под руками), но вполне уверен в точности приводимого текста⁷⁵

Чего певцу, склонясь, просить у Апполона?

‘Чего’⁶ молить, лия из чаши сок златой?

Не жатвы тучная благого небосклона

Сардинии златой!

Не стал Калабрии растительной и знойной!

Не злата, не костей, что породил Восток!

Не пастбищ, что Лирис кропит волной спокойной

Неговорливый ток!

Каленским пусть ножом тот лозы подчищает,

Кому их рок послал; из златодонных чаш

Пусть пьет купец вино, что променяет

На сирский свой товар.

Он мил самим богам, за то что прихотливый

В год раз до четырех пересекать он рад

Безвредно океан... Моя же снесь оливы,

Цикорий да салат!..

Дай, сын Латоны, мне готовым наслаждаться

Но с тем, молю, чтоб дух безвредным сохранить;

Благообразная преклонности дожидаться

Да лиры не забыть!⁷⁶

*

- р. 40. ‘Прим. 2. [Как ни приятна Вам встреча с «крупным африканским помещиком»] Как ни приятно Вам всюду открывать «крупных помещиков», все же

⁷¹⁻⁷² Часть замечания Гревс отчеркнул слева волнистой линией.

⁷³⁻⁷⁶ На поле подле этого слова читается вариант, записанный рукой Иванова: «О чем».

остерегайтесь возможных *qui pro quo*. К Орелли относиться нужно с осторожностью. Послушайте лучше, что говорит Кисслинг. Я также нахожу, что об *impregium* помещика говорить невозможно, что *"fulgere impregio"* еще настойчивее вызывает представление об *impregium* римского магистрата, что в слове *"sopite"* также заключается намек на провинциальное наместничество⁷⁷, наконец, что речь очевидно идет об одном «властителе» над всею «плодородною Африкой». *Dominium iugerum raucorum* противопоставляется *impregium fertilis Africae*⁷⁸. Не должно забывать также о том, какие доходы приходились на долю наместников из управляемых ими провинций, в особенности таких, как Африка⁷⁹.

⁶Прим. 3 и 4. Напрасно не цитированы кстати стихи 39 и 40 с их характерным упоминанием о *"parva vectigalia"* – «малых доходах» Горация⁶⁷⁹.

¹Перевод текста из Сенеки не согласен со сделанною в прим. 6 выпиской. Если последняя верна, нужно сказать: *"Расширьте, насколько хотите, [ваши] свои владения, пусть будет частным поместьем, что прежде называлось царством"*⁷⁸⁰.

¹Осторожнее сказать: «на какого-то вальоотпущенного, достигшего чина военного трибуна и всаднического достоинства», или подобное⁸¹.

р. 41. ²Не столько: «в о п р е к и закону Отона», сколько: «как бы в насмешку над законом Отона»⁸². Ибо, несмотря на то что всадники должны были быть свободнорожденными, принадлежность этого богатого военного трибуна к всадническому сословию, по-видимому, не оспаривалась⁸.

¹Что галльские *"malpi"* [так назы<ваемого>] предполагаемого Менаса были продуктом его собственных конных заводов, – предположение, во всяком случае ничем не доказанное⁸³.

¹О Фрилэндере, который действительно «зашел слишком далеко», так что вызывает даже улыбку у читателя, только что видевшего, что все перечисленные богатства принадлежат различным владельцам, – лучше сказать в примечан. <ии>⁸⁴.

р. 42. ²Прим 7 Характеристично, что они скупают *vici*, что они к *калалрийским saltus* ам прибавляют *лулканские*: *"Horrea"* указывает на крупное земледельческое хозяйство, *"saltus"* на крупное скотоводство. Кроме того, *salus* ведь имеет особый оттенок, намекает на латифундию⁸⁵.

р. 47 ¹Прим. 1. Kiessling zu Sat. I, 2, 12⁸⁶. *"Fufidius aus einer angesehenen in Arpinum angesessenen von Cicero öfters genannten Publicanenfamilie"*⁸⁷. О том, что арпинатские Фуфидии, римские всадники, имели отношение к публиканам, на это прямых указаний у Цицерона, кажется, нет; зато я нахожу у него другие любо-

⁸⁻⁸ Абзац перечеркнут Гревсом.

⁸⁻⁶ Против абзаца на поле слева помета Гревса – три вертикальные черты, позже замаранные.

⁸⁻⁸ Абзац отчеркнут, против него на поле помета Гревса: «Я и не утверждаю!»

¹⁰⁻⁶ Вписано Ивановым на свободном месте между астериском и началом замечания к р. 42.

²⁰⁻² Абзац перечеркнут Гревсом. Против него на поле помета Гревса: «См. стр. 46».

пытные данные, могущие служить иллюстрацией этого чрезвычайно характерного текста Горация. В речи in Pisonem 35, 86 некий Fufidius eques Romanus является кредитором города Аполлонии в Эпире; дело идет об очень крупной ссуде. В письме ad Q. fr. III, 1, 2, 3 описывается очень характерно fundus Fufidianus близ Арпинума, купленный Марком Цицероном для брата за 100.000 сестерциев (там было между прочим 50 югеров дуга, на котором должны были, после покупки, быть предприняты оросительные работы; далее идет описание другой виллы). Срв. Praedia Fufidiana ad Att. XI, 14, 3; 15, 4: также срв. ad Att. XI, 13, 3⁸⁸

р. 50. "Прямо ссылаться на две цитированные Вергилиевы эклоги в данной связи нельзя. Вергилий имеет в виду насилия, произведенные над прежними земле-владельцами в силу Октавианова постановления о раздаче земель ветеранам (срв. "miles" в 71 стихе 1ой эклоги)⁸⁹ Это необходимо оговорить. Тем не менее эти эклоги могут служить иллюстрациями аналогичных явлений [вытеснения мелких собственников с насиженных мест] обезземеления"⁹⁰

р. 52. "Автор [забывает] не принимает в соображение, что раздача земель ветеранам, обезземеливая прежних владельцев, тем не менее не только не [усилила] способствовала [увеличению крупной] распространению крупной собственности, но напротив создавала новые мелкие сельскохозяйственные единицы"⁹¹

р. 57. "Прим. 4. Sat. II, 6, 10 sqq. Это не факт, приводимый Горацием из окружающей его действительности, а ссылка на известную читателям того времени сказку Требуется соответствующая оговорка"⁹²

р. ⁶⁵59–61. Не особенно ловко — с точки зрения плана — возвращение к характеристике Горация как исторического источника. Соображения, устанавливающие критерий его исторической достоверности, [быть может] несомненно, с большим удобством могли бы быть присоединены ко вступительному рассуждению «о Горации как источнике для социальной истории Рима»⁶⁹

р. 69. Прим. 4. Teuffel высказывает только предположение об улучшении имущественного положения Тибулла благодаря ходатайству Мессалы⁹⁴

р. 71. «Гораций умалчивает о фактах, на которых настаивает Моммзен» т.е. о фактах мелкой собственности?! Резкое противоречие с § 4 второго отдела (р. 57 sq.)⁹⁵

Стр. 71 и 72 (даже начиная со стр. 69) неопределенны и сбивчивы⁹⁶ Далее опять all right⁹⁷ Заключение (с конца стр. 74) превосходно.

На вопрос об Аттике отвечаю следующую выписку одного примечания своей диссертации:

⁸⁸ Абзац перечеркнут Гревсом.

⁸⁹⁻⁹⁰ Наискосок через весь абзац поверх ивановского текста помета карандашом Гревса: «Верно!»

«Negotiator fuit Atticus (cf. Cic. ad Att. I. 18, 8), nequaquam conductionum socius, vix affinis. Quem qui partes in publicis habuisse credunt (Nipperdey ad Corn. Nep. vit. Att. 6; Burmannus de vectig. <alibus> p. 135; Bouchaud Mém. <moires> de l'Acad. <émie> des Inscr. <ptions> et Belles Lettres. t. 37, P. 1774, 4e p. 250), nulla argumenta afferunt nisi Ciceronis locum qui est ep. ad Att. I. 19, 9; hoc tamen loco non de vectigalibus civitatis Sicyoniorum, sed de pecunia, quam civitas illa, ut erat aere alieno obruta, ab Attico mutuam accepisset, agi alii viri docti coarguerunt (Boott ad Cic. I. I., Westermann in Pauli Encyclop. VI p. 1173). Neque vero si publicanus fuisset Atticus, Cicero ei de publicanis scripsisset quae scripsit (VI, 1. 6; II, 16, 4; I, 8; 15 s. <ub> f. <ine>)). А относится это примечание к следующему месту текста: «Ac quorsum illa pertineant, quae de T. Pomponio Attico Cornelius Nepos praedicat: „ad hastam publicam numquam accessit, nullius rei neque praes neque manceps fuit“, si perpenderit, ita profecto interpretabimur, quasi dictum esset: illum se publicanorum in numero haberi noluisse»¹

Пожалуйста, не взыщете, что я не исполнил Вашего желания относительно метрического перевода 18ой оды второй книги: мне показалось это очень трудным⁹⁹

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 38–45.

Листы для заметок (а не почтовой бумаги) пронумерованы от 1 до 8, на каждом представлен заголовок: «Гораций».

¹ Вероятно, Гревс отреагировал настороживший Иванова пассаж, но основная его мысль, выражающая недовольство подчиненным — по отношению к классической филологии — положением античной истории, осталась без изменений.

Все, что относилось к римской древности, долго считалось частною собственностью филологов, и в изучении истории римского народа выдвигались преимущественно те стороны, которые ближе всего отвечали интересам классической филологии. В силу этого древняя история Рима долго не могла вырасти в самостоятельную науку, которая находилась бы в живом общении с соседними однородными отраслями знания, а занимала место как бы вспомогательной-филологической дисциплины, обращаясь более или менее в так называемое «учение о древностях» (Alterthümer). <...> Ученые, занимавшиеся римскою историей, почти все без исключения принадлежали к разряду филологов, и они охотно подчинялись уже готовым и удобным для них рамкам.

(Очерк первый. Гораций. С. 68–69; ср. Очерки... С. 41–42, с незначительными изменениями.)

² В опубликованном тексте именно так (только «римской» в определении слова «древности» заменено на «Рима»): Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 67

³ Право на существование (франц.).

⁴ Ни в статье, ни позже в книге этих эпитетов нет, хотя Гревс перечисляет трудности, которые предостоят социальному историку Рима, говоря, что они «очень разнообразны и внушительны» (Очерк первый. Гораций. С. 70; Очерки... С. 47). Особую трудность он усматривал в гигантском объеме работы с источниками по истории землевладения — многочисленными, разнообразными, но вместе с тем отрывочными.

⁵ Из лагеря филологов, а отчасти также и юристов (лат.).

⁶ Карл Иоганн Родбертус-Ягетцов (Karl Johannes Rodbertus-Jagetzow; 1805–1875) выдающийся немецкий экономист. Ср. «Ученые же политико-экономы посвящали свои силы главным образом выработке теоретических принципов экономической науки, а не воспроизведению истории экономического строя. Те же из них, которые пытались установить исторический метод в области своих изысканий, обыкновенно не обладали специальной подготовкою, необходимую для оперирования над материалом, состоявшим из классических текстов, так что работы знаменитого немецкого экономиста, Родбертуса-Ягетцова, по политической экономии древности стоят в литературе почти уединенно» (Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 70; ср. Он же. Очерки... С. 44, примеч. 2: «...представляют явления почти совершенно исключительные»).

В «Очерках...» Гревса есть глава «Теория Родбертуса—Бюхера, как средство познания экономического строя классической древности» (С. 468–495). В ней отмечается, что Родбертусом впервые была нарисована «картина замкнутого домашнего хозяйства», которую впоследствии мастерски переработал в свою ойкосную теорию Бюхер (С. 484).

⁷ Ср. «Немецкая наука, стоящая в нынешнем веке во главе филологического движения, начертила именно три большие круга, в сфере которых должно совершаться изучение исторического развития римского общества. 1) древности государственных (*Staatsrecht, Staatsalterthümer*), 2) древности административного права (*Staatsverwaltung*) и 3) древности частного быта (*Privatalterthümer*). <...> Такая система в значительной степени предопределяла пути для исходивших из нее многочисленных монографических размышлений, и она не давала простора для введения в область изображения экономических институтов, прямо не укладывавшихся в схему, а самостоятельного места она им не предоставляла. Односторонность и неполнота установившейся классификации таким образом невольно стесняли свободу самого изучения» (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 69–71; ср. *Он же*. Очерки... С. 42, почти без изменений).

⁸ Вероятнее всего имеется в виду благодарственное письмо Моммзена, распространенное в связи с празднованием его 50-летнего докторского юбилея (см. примеч. 7 к п. 12). «Моммзен (как признавал он сам в одном из своих циркулярных благодарственных заявлений, обращенных к его почитателям) был деятелем того освободительного движения в современной науке, которое ищет разрушить искусственные перегородки факультетов» (Иванов Вяч. О Моммзене. С. 46).

⁹ Многое из данной здесь Ивановым характеристики историографической ситуации нашло применение в окончательном тексте очерка Гревса, опубликованном в 1895 г., так же как и в диссертации 1899 г. Ср. Очерк первый. Гораций. С. 67 сл., Очерки... С. 32 сл.

¹⁰ Гревс учел замечание и вычеркнул эти слова из характеристики «Римской истории» Моммзена: «В нескольких главах у него превосходно ставятся, твердо и оригинально разрешаются и главные вопросы, относящиеся к развитию земледелия. Но Моммзен, как известно, дает лишь мастерски нарисованную сжатую синтетическую картину, не вдаваясь в анализ деталей, не раскрывая самого процесса своей работы и не приводя оправдательных документов» (Очерк первый. Гораций. С. 74; Очерки... С. 8).

¹¹ *Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte*. 2 Bde. Leipzig, 1885–1901. В соответствующем примечании ссылка сопровождается словами: «особенно интересен том I — *Staatsrecht und Rechtsquellen*» (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 76, примеч. 5). В диссертации сказано более подробно: «Первый том (*Staatsrecht und Rechtsquellen*) вышел в Лейпциге в 1885 г., второй (*Privatrecht, Civilprozess, Strafrecht und Strafprozess*) еще не окончен (два выпуска вышли в 1892 и 93 гг.). В обоих есть главы, существенные для изучения затронутого здесь вопроса» (Гревс И.М. Очерки... С. 13, примеч. 1).

¹² В журнальной публикации этюда о Горации (С. 84, примеч. 1) Гревс добавил ссылку на знаменитую оду (правда, с опечаткой в номере книги: II, 30, 12 вместо III, 30, 12); однако впоследствии от этого добавления отказался (Очерки... С. 66, примеч. 1). Отрывок об имени отца приводится Гревсом ниже, в связи с упоминанием о том, как Гораций его лишился в результате конфискации (Очерк первый. Гораций. С. 86, примеч. 1, Очерки... С. 67, примеч. 3).

¹³ «...я, кто бы ни был, луканец ли или апулиец. Ибо у тех и других венец пахал свою землю» (пер. М. Дмитриева). Ср. Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 85, примеч. 3 (глухая ссылка). *Он же*. Очерки... С. 66, примеч. 4 (ссылка вместе с латинской цитатой).

¹⁴ В соответствующем примечании у Гревса (Очерк первый. Гораций. С. 85, примеч. 3) эта цитата из *Satm.* III, 4, 9 действительно не приводится.

¹⁵ «Впрочем, в остальных случаях Гораций всегда обозначает себя как апулиец» (нем.). Здесь и далее имеется в виду издание Горация с комментариями Кисслинга (*Q. Horatius Flaccus / Erklärt von Adolf Kiessling*. Berlin. Bd. I. Oden und Epoden. 1884; Bd. II. Satiren. 1886; Bd. III. Briefe. 1889 — далее: *Kiessling*).

¹⁶ Речь идет о статье: *Mommsen Th. Die pompeianischen Quittungstafeln des L. Caecilius Iucundus* // *Hermes*. Bd. 12. 1877. S. 88–141, особ. 96 сл. Ср. Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 85, примеч. 4; *Он же*. Очерки... С. 67, примеч. 1.

¹⁷ Гревс учел это замечание и переформулировал свою мысль так: «Отца Горация также занимал место должностного лица, служившего при публичных аукционах (*auktiones*), «соастар»» (Очерк первый. Гораций. С. 85, примеч. 4; Очерки... С. 67 примеч. 1). Обсуждаемый текст: «*nec timuit, sibi ne vitio quis verteret, | olim si praeco parvas aut, ut fuit ipse, coactor*» [mercedes sequere] (*Hor. Sat.* I. 6. 85–87).

Из толкования, критикуемого здесь Ивановым, исходит перевод М. Дмитриева: «Он не боялся упрека, что некогда буду я то же, || Что он и сам был: публичный глашатай или сборщик; что буду || Малую плату за труд получать». Однако ср. перевод А. Фета: «Он не боялся подпасть обвинению, если глашатай || Я со временем став, или сборщиком, как был и сам он, || Малым займусь ремеслом...» Именно так, как предлагает Иванов, интерпретируется это место в фундаментальном исследовании о римских финансистах: *Andreau J. La vie financière dans le monde romain: Les métiers de manieurs d'argent: (IVe siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.)*. Rome, 1987. P. 156.

¹⁸ Речь идет о цитате из Горация (Ер. II. 2. 49 sqq.):

Unde simul primum me dimisere Philippi,
Decisis humilem pinnis inopemque paterni
Et laris et fundi paupertas impulit audax
Ut versus facerem...

Вскоре от службы военной свободу мне дали Филиппы:
Крылья подрезаны, дух приуныл: ни отцовского дома
Нет, ни земли, вот тогда, побуждаемый бедностью дерзкой,
Начал стихи я писать...

(Пер. Н. Гинзбург)

Гревс свел цитату к минимуму: «...inopemque paterni et laris et fundi...» (Очерк первый. Гораций. С. 86, прим. 1; Очерки... С. 67, прим. 3).

¹⁹ Ср. Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 86, примеч. 3; Он же. Очерки... С. 68, примеч. 1 (замечание Иванова учтено).

²⁰ Аббат Калмартэн де Шопи, автор пространного сочинения, посвященного поместью Горация (*L'abbé Calmarten de Chaupy. Découverte de la maison de campagne d'Horace*. 3 vol. Rome, 1767–1769). Подчеркнутые Ивановым слова Гревс снял, сформулировав свое отношение к работе этого предшественника так: «Она чужда истинно критического метода и устарела, так что можно обращаться к ней за сведениями, но следует остерегаться выводов» (Очерк первый. Гораций. С. 89, примеч. 1, ср. Очерки... С. 73 сл., примеч. 1, где вместо решительного «устарела» читаем более аккуратное: «в ней сообщаются факты и высказываются взгляды, отвергнутые наукою»).

²¹ Это соображение Иванова Гревс прямо вставил в конец обсуждаемого примечания, касающегося земли, подаренной Горацию Мещаном (Очерк первый. Гораций. С. 91, примеч. 4), а впоследствии в книге добавил к нему еще и замечание о том, что «степень виновности самого Мещената вообще в пользовании отобранными триумфирами у их врагов имуществами и даже самый факт такого участия... вполне достоверно не подтверждается» (Очерки... С. 76, примеч. 4).

²² О термине *villa* см. Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 93, примеч. 1, Он же. Очерки... С. 78, примеч. 2 (с одним добавлением). Приводимое Ивановым соображение о *villa publica* Гревс оставил без внимания.

²³ «Sabinis: удивительная форма мн. ч. объясняется с помощью наблюдения Лахмана и Гаупта: когда для обозначения какого-то поместья приходится использовать название целого народа, никогда не употребляется форма ср. рода ед. ч., но всегда мн. ч. соответствующего названия: грубой ошибкой является говорить о Горациевом Sabinum вместо его fundus Sabinus или Sabini. Ср. *Tusci grandine excussus* Plin. ерр. IV 6 «Имение в Этрурии выбило градом» (пер. М.Е. Сергеев). *Изд.* > *reddare tuis...* Sabinis Mart. X 44 «Но возвратись и, в своем оставаясь сабинском именье» (пер. Ф.А. Петровского). *Изд.* > и подобное *Paelignos videor celebrare salubres* Ovid. Am. II 16, 37 «Славить я все ж не хочу целебного края пелитнов» (пер. С.В. Шервинского). — *Изд.* > (Kiessling. Bd. I. S. 172–173. Ad Catm. II. 18. 14)» (нем.).

Это приведенное Ивановым замечание Кисслинга вместе со ссылками на Плиния, Марциала и Овидия Гревс полностью учел, от себя добавив: «Подражать Горацию, переводя буквально по-русски форму «Sabinis», конечно, невозможно, а против более удобной на нашем языке формы «Сабинум» решительно вооружается Кисслинг» (Очерк первый. Гораций. С. 94, примеч. 1). Продолжая размышлять о системе обозначения частных поместий у римлян, позднее в диссертации он заменил эту «пораженческую» констатацию на более наступательное (хотя и не слишком убедительное) соображение: «Кисслинг не допускал образования для обозначения его формы «Sabinum», хотя в названиях, произвождавшихся от собственных имен местностей <но не племен! — *Изд.* >, средний род единственного числа встречается постоянно (Albanum, Tiburtinum etc. Cfr. «suburbatum»)» (Очерки... С. 79 сл., примеч. 2).

²⁴ Ср. «Гораций действительно говорит о таком источнике (fons), протекавшем подле самого его дома. Он никогда не пересыхал и был даже настолько богат водою, что мог бы дать имя речке (rivus), в которую впадал. Но поэт не приводит его названия...» (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 96; Он же. Очерки... С. 82). Речь идет о строке: *Hor* Ер. I. 16. 12.

²⁵ Речь идет о примечании, которым Гревс сопроводил упоминание о своей прогулке по холмам долины Дигенции в окрестностях Виковаро летом 1893 г., «Окружающие впечатления, изошряя внимание, настраивали особенным образом, направляя мысль в далекое прошлое. Колорит местности приводил на память картину Бакаловича «Встреча»; краски и очертания, солнце и зной и трескущее пенне цикад, которыми полон был воздух (*Verg. Ecl. II, 13: «gaucis Sole sub ardenti resonant arbusta cicadis»*) «Пеньем цикад кустарник звенит под солнцем палящим» (пер. С. Шервинского). *Изд.* >, вся обстановка целиком переносила в классическую древность, в сельский мир Феокрита, Вергилия или Горация» (Очерк первый. Гораций. С. 98,

примеч. 1). С незначительными стилистическими изменениями примечание удержалось и в диссертации (Очерки... С. 85, примеч. 2). Степан Владиславович Бакалович (1857–1919?) художник, автор многочисленных работ на античные сюжеты.

²⁶ Ни приведенных здесь Ивановым строк из сатиры Горация: «Куда пожелаю || Я отправляюсь один...» (пер. М. Дмитриева), ни последующих упоминаний о ширке и форуме в тексте очерка Гревса нет. Но о доме поэта в Риме и о его прогулках по городу упоминается (Очерк первый. Гораций. С. 100, примеч. 5; Очерки... С. 88, примеч. 5).

²⁷ «На купе <муле>, потому что принадлежащем к моему скудному снаряжению, в противоположность использованию слуг, лошадей; повозок». Это примечание Кисслинга относится к строкам Горация (Sat. I. 6. 104–105): «...nunc mihi curto || ire licet mulo vel si libet usque Tarentum» («...А нынче могу я || Даже и в самый Тарент отправляться на муле кургузом» пер. М. Дмитриева). В опубликованном тексте эпитафия осталась только глухая ссылка: «Гораций описывает нам, как он путешествовал в Sat. I, 5, и в частности, как он ездил в сабинскую деревню в Sat. I, 6. 104 sqq. (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 100, примеч. 7; Он же. Очерки... С. 89, примеч. 3, несколько переработанное и смягченное: «должно быть, в свою сабинскую деревню»).

²⁸ Здесь и далее при датировке произведений Горация счет лет ведется от традиционной даты основания Рима 753 г до н.э.

²⁹ «Лишь с запозданием преодолел чувство определенной неуверенности по отношению к подарку Мецената (ср. Sat. II 6, 5 "не тревожу их просьбою боле, || Кроме того, чтобы эти дары мне оставил Меркурий" <пер. М. Дмитриева. Изд. > и Ep. I. 7)» (нем., лат.).

³⁰ «Если ж злые в том мне откажут Парки» (Hor. Carm. II. 6. 9; пер. Г. Церетели).

³¹ = «поскольку не позволяют: ибо состариться в Тибуре ему, видимо, не суждено» (лат., нем.).

³² Имеются в виду строки:

si figit adamantinos
summis verticibus dira Necessitas
clavos, non animum metu,
non mortis laqueis expedit caput.

Но едва Неминуемость
В крышу дома вобьет гвозди железные,
Не уйдешь ты от ужаса,
И главы из петли смертной не вызволишь.

(Пер. Г. Церетели)

(Hor. Carm. III. 24. 5–8.)

³³ «Я пойду в тот край...» (Hor. Carm. II. 6. 11, пер. Г. Церетели).

³⁴ См., Hor. Carm. II. 16. 37–40 (v. 39: «Parca non mendax dedit...»):

У меня полей небольшой достаток,
Но зато даны мне неживой Паркой
Эллинских Камен нежный дар и к злобной
Черни презренные.

(Пер. А. Семенова-Тян-Шанского)

Ср. в пер. И.И. Дмитриева: «А мне фортуна и природа || Послали в дар клочок земли...»

³⁵ Очевидно, указанное примечание подверглось полной переработке: осталась только глухая отсылка к Carm. III. 4. 23 как одному из примеров восторженных отзывов Горация о природе Тибура (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 101, примеч. 2; Он же. Очерки... С. 91, примеч. 1, в остальном опять значительно переработанное).

³⁶ Ср. Catul. 44 («O funde noster seu Sabine seu Tiburs...»):

Сабинская ль, Тибурская ль моя мыза —
Сабинская для тех, кто уколоть любит,
Тибурская ж для тех, кто мне польстить хочет,
Сабинская ль, Тибурская ль она, славно
Я за городом здесь живу в моей вилле...

(Пер. С.В. Шервинского)

Гревс все же продолжал настаивать на том, что маленький загородный дом Катюлла около Тибура должен был быть расположен вблизи от города, в его ближайших окрестностях (Очерк первый.

Гораций. С. 102, примеч. 1. Очерки... С. 91, примеч. 3, где этот дом назван «крошечной дачей»). По его мнению, то, что знакомые Катутла называли его маленькую виллу то Сабинской, то Тибуртинской, подтверждает, что оба названия можно было применить и к виллам, расположенным около самого Тибура (Очерк первый. Гораций. С. 103, примеч. 1. Очерки... С. 92, примеч. 2).

³⁷ «Одним помещением счастлива я сабинским» (Hor. Sat. II, 18, 14; пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

³⁸ О том, что Гораций, приобретая дом в Тибуре, «мог стремиться... не отставать, по возможности, от членов эlegantного общества, с которыми находился в постоянном общении», см.: Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 102; ср.: Он же. Очерки... С. 90.

³⁹ Hor. Sat. II, 6, 16: «ergo ubi me in montes et in arcem ex urbe remoti» («Скрывшись от шумного города в горы мои, как в твердыню» — пер. М. Дмитриева). Речь идет о попытке точной локализации усадьбы Горация. Это одно из немногих мест в очерке, подвергшихся серьезной переработке в диссертации 1899 г., где Гревс, в частности, счел необходимым подробно остановиться на истории вопроса: «Ученые давно изощряются в остроумиях, чтобы, по имеющимся намекам в стихотворениях поэта, угадать настоящее место, где именно должен был стоять его деревенский дом. Выбор колеблется здесь преимущественно между двумя положениями — одним более возвышенным, другим более низменным» (Очерки... С. 98 сл.). В статье 1895 г. Гревс принял преобладавшую в литературе второй половины XIX в. точку зрения Ноля де Верже, распространению которой много способствовал этюд Гастона Буассе в его «Новых археологических прогулках»; сообразно с ней, усадьба находилась выше и дальше от реки, на вершине холма, что хорошо согласовывалось с описаниями поэта (Очерк первый. Гораций. С. 105, примеч. 4, с глупой ссылкой на Sat. II, 6, 16). «Но новейшие топографические исследования Берти, Мадзолены и Фритча, хотя опять-таки не дают убедительного ответа на вопрос (самая природа его такова, что ответы могут быть высказаны только более или менее вероятные), но все же побуждают, по-видимому, вернуться снова к старому мнению, то есть расположить усадьбу поэта-помещика в северной и более низменной части того пространства, внутри которого, несомненно, лежало самое имение» (Очерки... С. 100; о книге Берти см. в п. 57, примеч. 2).

К изменению точки зрения Гревса подтолкнуло именно внимательное изучение упомянутых им новейших топографических исследований, особенно небольшой работы Н. Фритча «Das horazische Landgut, seine Lage und Beschaffenheit», появившейся в «Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik» за 1895 г., т. е. уже после того, как была завершена работа над очерком, опубликованным в ЖМНП. В особенности убедила его критическая часть этих этюдов, содержащая опровержение разлезавшейся им прежде точки зрения, в том числе и той аргументации, которую в комментируемом замечании счел неудачной Иванов. Так, Гревс признал, что Фритчу и другим критикам удалось подорвать одно из главных оснований взгляда Ноля де Верже и П. Роза, которые, утверждая, что деревенский дом Горация непременно должен был стоять высоко на горе, опирались в том числе и на слово *arx* в Sat. II, 6. Если в 1894 г. Гревс сделал такую приписку (см. текстологическое примеч. к комментируемому месту): «Я напирал на слово *arx* (Orelli) (Forcellini)» — т. е., соглашаясь с замечанием Иванова в том, что касалось гор (*montes*), он все же настаивал на буквальном понимании *arx* как вершины, апеллируя к авторитету Орелли, комментировавшего Горация, и фундаментального словаря латинского языка Форчеллини (1688–1768) (*Lexicon totius Latinitatis ab Aegidio Forcellini seminario Patavini alumno lucubratum*. 6 vol. Prati, 1858–1881), то позднее в диссертации написал: «Фритч... хорошо поясняет, что... *arx* в переносном смысле обозначает неприступное убежище от несносной городской суеты» (Очерки... С. 100 сл., примеч. 3; ср. приведенный выше пер. М. Дмитриева).

⁴⁰ В следующем письме (см. п. 24, примеч. 7 и 8) Иванов внес поправку в свой перевод отрывка из послания Горация (Ep. I, 16, 5–7). Этот перевод, вставленный в статью друга, стал первой стихотворной публикацией Иванова; см.: Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 106–107. Другой... отрывок — из Hor. Sat. II, 18; ср. в конце комментируемого письма и в п. 24.

⁴¹ Учтено Гревсом, ср.: «Сатира, по мнению специалистов была написана вскоре после получения виллы. См. *Kießling*. Hor. II, 148» (Очерк первый. Гораций. С. 107, примеч. 2; Очерки... С. 101, примеч. 1).

⁴² Речь идет о начале послания «К Квинктию» (Hor. Epist. I, 16, 1–4):

Ne perconteris, fundus meus, optime Quinti.
Arvo pascat erum an bacis opulentet olivae,
Pomisne an pratis an amicta vitibus ulmo:
Scribetur tibi forma loquaciter et situs agri.

Квинктий, добрейший, чтоб ты не спрашивал, чем же именье
Кормит владельца, меня поля богаты иль оливы,
Яблоки или луга, иль обвитые лозами вязы
Я положение и вид тебе опишу поподробней.

(Пер. Н. Гинзбург)

В этих словах Гревс усматривал подтверждение своего представления о Горации как рачительном хозяине: «Он был человек экономный и практичный, желал извлечь возможно больше пользы из своего поместья, если не для обогащения, то для удобства жизни, и надо представлять себе, что сад его был главным образом фруктовый и давал ему возможность обходиться в своем хозяйстве продуктами собственного производства. Тут были яблони и овощи на каком-нибудь отделенном под огород, хорошо вскопанном и удобренном уголке, масличные деревья, яблони и вьющаяся по вязы виноградная лоза» (Очерк первый. Гораций. С. 109; ср. Очерки... С. 105). Пропитирован в соответствующем примечании строки 1–3 упомянутого послания (с выделением курсивом слов *fundus, olivae, pomis, vitibus*), он снабдил их пояснениями, в которых слышен ответ на замечание Иванова:

Правда, Гораций говорит это в форме вопроса, который он приписывает другу своему, Квинтию. Тот как будто спрашивает, какие из обычных категорий сельскохозяйственных культур в итальянских имениях составляют доходные статьи в поместье Горация, 1) хлебные поля, 2) масличные плантации, 3) плодовые сады, 4) луга или 5) виноградники. Но ясно по связи, что это лишь литературный прием, придающий разнообразие построению речи, и что все подробности, о которых говорится в начале данного стихотворения, служат к описанию того, что было в самом поместье. Повторив вопрос, будто бы предложенный Квинтием, Гораций как бы забывает, что обещал дать ему подробную сельскохозяйственную опись (*forma agri*), начинает расхваливать местоположение и воздух, лишь вскользь упоминая о диких фруктовых деревьях, о лесе в его деревне и о своем скоте. Если бы мы выбросили из описания имения первые стихи, как не принадлежащие к нему, читатель вынес бы впечатление, что в нем даже нет сельскохозяйственного производства, а такой вывод прямо бы противоречил, как увидим, данным, извлекаемым из других стихотворений. Здесь Гораций подчиняется только минутному настроению, восхищаясь прелестями природы, которая его окружает в его Сабинском владении, хочет как бы сказать, что деловая сторона его в настоящую минуту не интересует, что все перечисленное имеется в поместье, но, что не это особенно удовлетворяет его.

(Очерк первый. Гораций. С. 109 сл., примеч. 5.) При переработке очерка для включения в книгу Гревс сделал добавление к этому примечанию: «В другом месте он говорит прямо, что имение его изобилует разного рода плодами (Сарт. I, 17, 14)...» (Очерки... С. 105 сл., примеч. 4), сославшись при этом на работу Фритча, опубликованную одновременно с его очерком в ЖМНП (см. выше, примеч. 39).

⁴³ Ср. Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 110, примеч. 1, Он же. Очерки... С. 106, где цитируется, в частности, *Nor. Epist.* I. 16. 8–10:

...Quid, si rubicunda benigni
Corna vepres et pruna ferant? si quercus et ilex
Multa fruge pecus, multa dominum iuvet umbra?

...А что, коль терновник и вишня
Ягод румяных дадут торовато, дубы же и вязы
Тешить обильем плодов будут скот, а хозяйина тенью?

(Пер. Н. Гинцбурга)

⁴⁴ В данном случае несомненно прав Гревс, ближе знакомый со специальной литературой по римскому сельскому хозяйству. См. «Здесь же около дома (*villa urbana*) были построены, на-верно, необходимейшие службы (*villa rustica* et *villa fructuaria*), то есть помещения для рабов, скотный двор, склады, амбары, погреба и т.д.» (Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 110; Он же. Очерки... С. 107: со ссылкой на соответствующее место в трактате Колумеллы, где и предлагается деление всего хозяйственного комплекса на три части — *dividatur in tres partes, urbanam, rusticam, fructuariam: Col. I. 6. 1*).

⁴⁵ От лат. *vilicus*, или *villicus* — управляющий виллой, имением.

⁴⁶ Одним из наиболее важных для исторической реконструкции Гревса пунктов был тезис о присутствии в поместье Горация виноградников.

Ниче дома и сада, по склонам на солнечной стороне, должны были быть расположены настоящие *виноградники*. Некоторые комментаторы (между ними очень солидные Кисслинг и Орелли) не хотят признавать существование виноградников в имении Горация. Мне кажется, что они вразд ли правы. Если и нет в стихотворениях поэта точных текстов, удостоверяющих этот факт, то есть ряд косвенных свидетельств, сопоставление которых не позволяет сомневаться в нем... Когда поэт, получив свое имение, начинает улучшать его культуру, он заставляет своего виллика непременно работать над разведением винограда или над улучшением и увеличением его, хотя тот и думает в своей лености, что это очень трудно, и говорит, что почва поместья, кажущаяся ему плохой, по его мнению, производит скорее всякое другое растение, чем *виноградную лозу*, которую ему приказано сажать.

(Очерк первый. Гораций. С. 111, ср.: Очерки... С. 108, с одним уточнением: после «косвенных свидетельств» добавлено: «или намеков и приблизительных выражений».)

В подтверждение этого Гревс и ссылается на 14 послание первой книги, обращенное к виллику, а именно на строки: *Hor. Ep. I. 14. 22–23: «...et quod Angulus iste feret pipet et tus oscius ilia»* [курсив И.М. Гревса. *Изд.* > «...и сердиться ты, что наш угол | Перепи и ладан скорей принесет нам, чем гроздь винограда» (пер. Н. Гинзбург)]. «Это место, которое комментаторы приводят в подтверждение того, что у Горация не было виноградников, по-моему, доказывает как раз обратное. Первоначально их не было или они были запущены. Но Гораций решил, по-видимому <здесь учтено замечание Иванова. — *Изд.*>, их развести и, несмотря на отговорки ленивого виллика, настаивает на своем. Последний по приказу хозяина расчищает девственную или заброшенную почву под обработку (v. 26), хотя и сердито ворчит, что ненавистный клочок произведет даже скорее перепи и ладан (их ему не велят сажать), чем виноград, который так хочется иметь хозяину» (Очерк первый. Гораций. С. 111, примеч. 3; ср.: Очерки... С. 108, примеч. 1, где в конце добавлено еще одно предложение: «Таков самый естественный смысл текста»).

Иванов в письме и Гревс в цитированном примечании ссылаются на строки 26–27 послания «К виллику»: «...urges | lampridem non tacta ligonibus arva» «...ты пашешь | Поле, что очень давно не видало кирки».

⁴⁷ Гревс заменил слово «часто» на «иногда» и выразился точнее: «Гораций иногда называет свое поместье именем соседнего Тибура или вернее не всегда различает свое пребывание в тибуртинском доме и в сабинском имении» (Очерк первый. Гораций. С. 112, примеч. 4; Очерки... С. 109, примеч. 2).

⁴⁸ Ср.: *Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 103, примеч. 1.* «Даже сабинское имение Горация могло быть названо и тибуртинским, так как оно в административно-муниципальном отношении зависело от Варии, а последняя от Тибура. Такое определение территории Тибура селатано, мне кажется, вполне основательно французским ученым *Cam. Julian* в его заметке *La villa d'Horace et le territoire de Tibur* (в *Mélanges de l'Ecole fr. de Rome*, t. III, 1883), к которой я и отсылаю: у него приведены достаточно убедительные тексты». Ср.: *Он же. Очерки... С. 92, примеч. 2.*

⁴⁹ См.: *Hor. Ep. I. 8*, где поэт просит передать другу, что живет кое-как и не сладко не из-за внешних неурядиц (v. 4–5: «...haud quia grando | Contudent vitis oleamve momorderit aestus» «...причина | Во все не в том, что побило лозу, что засохла олива»), а потому что сам он избирает того, что полезно, и шьет вредного v. 12: «Romae Tibur amem, ventosus Tibure Romam» «В Риме я Тибура жажду, а в Тибуре — ветренник Рима» (пер. Н. Гинзбург).

⁵⁰ Ср. у Гревса: «Особенного же тибуртинского имения у Горация, повторяю, вернее всего не было» (Очерк первый. Гораций. С. 103; ср.: Очерки... С. 92).

⁵¹ Вопрос о тибуртинском имении возник из-за того, что Светоний (*De poet. fr.* 40) наряду с сабинским именем Горация упоминает еще и о его доме в Тибуре (подробнее см. примеч. 14 к п. 24). В очерке 1895 г. Гревс настаивал на том, что сабинское поместье «было единственным у Горация, составляя все его земельное состояние» (Очерк первый. Гораций. С. 100), впоследствии он несколько смягчил это утверждение: «Земельное состояние Горация, по-видимому, исчерпывалось сабинским имением» (Очерки... С. 88). Именно поэтому в своем этюде Гревс скрупулезно разбирает вопрос о тибуртинском владении поэта, признавая в конце концов, что это могло быть простое и скромное (как и в Риме) жилище, и если при этом доме имелся участок земли, он служил для комфорта, а не для хозяйственных целей и получения дохода (Очерк первый. Гораций. С. 103; Очерки... С. 91).

⁵² Текст соответствующего примечания показывает, что аргументы Иванова не вполне убедили Гревса: «Ср. еще *Epist. I. 15. 17: "Rure meo possum quidvis perferre patique"* <<Здесь я в деревне своей терпеть могу все, что угодно>; пер. Н. Гинзбург. *Изд.* > Единственное число (*rure meo*) может также намекать, что у Горация была одна земля. То же самое вытекает из *Car. II. 16, 37–40* и из *Sat. II. 6. 1*» (Очерк первый. Гораций. С. 100, примеч. 4; Очерки... С. 88, примеч. 4).

⁵³ «Cur valde permittet Sabina | divitiis operosiores?» — «Зачем менять мой дом сабинский | На истомляющее богатство?» (*Hor. Car. III. 1. 47–48*; пер. З. Морозкиной).

⁵⁴ См. выше, два вычеркнутых Ивановым абзаца, следовавших за замечанием к стр. 24.

⁵⁵ Наряду с многократно упомянутым комментированным изданием Кисслинга здесь Иванов ссылается на «Историю римской литературы» В. Тейффеля: *Teuffel W. Geschichte der römischen Literatur / 5. Aufl. bearb. von L. Schwabe. Leipzig, 1890.*

⁵⁶ «Вот в чем желания были мои: необширное поле...» (*Hor. Sat. II. 6. 1*, пер. М. Дмитриева).

⁵⁷ Соображения Иванова, направленные на то, чтобы с помощью уточнения хронологии отдельных книг Горация снять кажущееся противоречие между сообщением Светония о «тибуртинской деревне» Горация и молчанием о ней самого поэта, Гревс воспринял почти дословно: «Правда, утверждать с уверенностью можно только то, что у Горация не было поместья около Тибура в пределах эпохи до 728 года от основания Рима», и т.д., снабдив осторожным заключением: «Может быть, пересмотр и ближайшее сопоставление данных о времени написания различных стихотворений и могли бы выяснить лучше эту сторону дела. Я сообщаю лишь

бегло те косвенные соображения, которые могут быть представлены в пользу возможности существования тибуртинского поместья Горация, но вместе с тем думаю, что опасно строить на такой в большинстве случаев условно устанавливаемой хронологии его произведений какие-нибудь выводы о затронутом тут вопросе» (Очерк первый. С. 101 сл., примеч. 3).

Переделывая очерк для диссертации, Гревс также использовал эти доводы, хотя соответствующее примечание было не только существенно переработано, но и перенесено в самый конец рассмотрения вопроса о составе земельных владений Горация, приобретя звучание вывода: «Приведенными здесь замечаниями и соображениями подтверждается лишний раз установленное в тексте мнение. Становится несколько понятно, почему Гораций умалчивает о своей тибуртинской собственности, обнаруживаемой Светонием. Сначала ее не было. Потом ему, должно быть, подарил там небольшую усадьбу кто-нибудь из сильных друзей, вернее всего, Месенат, но может быть, и Август (Светоний ведь говорит, что и Август «обогатил» поэта). Специально описывать новый дом, может быть, и не стоило: он был мал и прост и не давал материала для яркой картины. А, может быть, тут скромность помешала Горацию заявлять о материальном благополучии, как раньше радость побудила много говорить о первом. В последних же указанных стихотворениях можно даже, пожалуй, видеть замаскированную речь о тибуртинской даче. Для тех, кто не согласится принять предложение приравнивать у Горация ссылки на деревенскую жизнь в Тибуре за описание пребывания в сабинском владении, стихотворения эти будут относиться к тибуртинскому дому. Это было не поместье, но все-таки загородное жилище, напоминавшее деревню» (Очерки... С. 93 сл., примеч. 1).

³⁸ «Все он о лозах ворчит, бороздах, и готовит уж вязы» (Нор. Ep. I. 7. 84; пер. Н. Гинзбурга). Разбирая вопрос о виноградишках, Гревс ссылается на эту строку в подтверждение того, что в сабинской области их разводили даже и очень мелкие землевладельцы: *agellus* в строке 81 этого последнего «именные, клочок земли», а значит трудно было бы представить себе поместье сколько-нибудь значительного или даже просто зажиточного человека в средней Италии в римское время без виноградишки (Очерк первый. Гораций. С. 113 и примеч. 3; Очерки... С. 109 и примеч. 6).

³⁹ Речь идет о стихотворении Горация (Sat. I. 38), в котором «поэт, обращаясь к своему рабу-мальчику, советует ему украшать себя миртом, когда он наливает вино господину, который, также украшенный миртом, отдыхает под тенью «лозы»». В опубликованном тексте Гревса последнее слово курсивом не выделено (Очерк первый. Гораций. С. 112 сл. и примеч. 1, Очерки. С. 109 и примеч. 4).

⁴⁰ Здесь Иванов снова возражает против толкования Гревсом послания «К Квинктию» (Ep. I. 16) как описания реального Горациева имения (ср. выше, примеч. 42). Гревс не принял этого возражения, и соответствующая ссылка дана после фразы: «Он, описывая свою землю в письме к Квинктию, называет в числе разведенных там плодовых растений и виноград», — а не, как советовал Иванов, после следующей, итоговой, и более объективной фразы: «Так что в общем выводе нужно согласиться, что Гораций постоянно предполагает свои виноградники известными тем, к кому он обращается, когда говорит о своем поместье, или существовании их чувствуется в его описании» (Очерк первый. Гораций. С. 113 и примеч. 2; Очерки... С. 109 и примеч. 5).

⁴¹ Речь все о том же послании «К Квинктию». «Перечисляя в другом послании различные произведения своего поместья, Гораций говорит, что оно его обогащает «*opulenter*» (Epist. I. 16, 2), т. е. доставляет доход. По всей вероятности, впрочем, серьезного смысла это слово не имеет» (Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 114, примеч. 4; ср. *Он же*. Очерки... С. 111, примеч. 4, где «серьезного» заменено на «глубокого» и добавлено «здесь»).

⁴² Гревс приводит строку 66 из 6 сатиры II книги, где Гораций говорит о рабах (*vergae*), пьющих дома остатки трапезы хозяина и его друзей, в подтверждение фразы: «Кроме этих полевых рабочих у Горация должны были быть еще и другие, по крайней мере, несколько — виноградары, садовники, скотники и др.» (Очерк первый. Гораций. С. 115, примеч. 2). На замечание Иванова он отреагировал только уже в диссертации, добавив к соответствующему примечанию: «Как известно, этим словом обыкновенно обозначались рабы, рожденные в доме господина от женщины, принадлежавшей ему <со ссылкой на Феста. *Изд.*>... Если выражение это употреблено здесь именно в таком смысле, можно думать, что у Горация была достаточная группа постоянных рабов» (Очерки... С. 112, примеч. 2).

⁴³ Скорее всего, Иванов здесь опять советует избегать излишне прямолинейного толкования послания к Квинктию, снабдив отсылку на него нейтральным «ср.». Гревс так и сделал (Очерк первый. Гораций. С. 115, примеч. 7; Очерки... С. 113, примеч. 1).

⁴⁴ На строку из уже упоминавшегося послания к виллику: «*iamp pridem non tacta ligonibus arva*» «Поле, что очень давно не выдало кирки» (см. выше, примеч. 46), Гревс вновь ссылается в доказательство того, что в имении Горация были пригодные для обработки пустоши: «некоторые из них поэт, мы видели, расчищал под виноградник» (Очерк первый. Гораций. С. 116 и примеч. 6; Очерки... С. 114 и примеч. 2).

Ligo «кирка, мотыга». Ср. указанное место из 7 сатиры Ювенала (стк. 32–33): «...*Sed defluit aetas | Et pelagi patiens et cassidis atque ligonis*» «А годы уходят | Возраст, который сносил и море, и шлем, и лопату» (пер. Д. Недовича).

⁶⁵ Воссоздавая картину имени поэта, Гревс доходит и до выгонов, на которые пастухи Горация угоняли его скот, в подтверждение чего приводится строка «Nec quia longinquis attentum agros in agris» — «Иль что болеет мой скот на лугах, от меня отдаленных» (Hor. Epist. I. 8. 6; пер. Н. Гинибурга). Убрав указанную Ивановым ссылку на комментарий Орсли к этому месту, от оспариваемого толкования Гревс все же не отказался: «В этих словах несомненно идет речь о "пастбищах" (agri pascui). Если предположить, что они составляли собственность Горация, нераздельную и смежную с остальными частями его поместья, то выражение "longinquis" указывает на его значительную протяженность в эту сторону» (Очерк первый. Гораций. С. 117 и примеч. 4; Очерки... С. 115 и примеч. 4). Впрочем, сразу же вслед за этим предположением Гревс переходит к гипотезе об общественных пастбищах того или иного статуса, и ее рассмотрению уделяет гораздо больше внимания, через судьбы *ager publicus* и «салтусы» вплотную подходя к основной своей теме — истории крупного землевладения. Неудивительно, что в книге 1899 г этот пункт был еще несколько расширен и дополнен новым материалом.

⁶⁶ См.: Hor. Epod. I. 27–28: «Pecusve Calabris ante sidus fervidum | Lucana mutet pascuis» — «Иль что до зноя скот мой из Калабрии | Пастись пойдет в Луканию» (пер. Н. Гинибурга).

⁶⁷ «Стада овец на летние пастбища перегоняют далеко, из Апулии в Самний» (лат.).

⁶⁸ «И сведения о них дают публикану» (для исчисления подати, взимаемой за пользование общественными пастбищем. Изд.). ...Мулов из равнинной Розии летом отгоняют в бурбурские горы» (лат.). Слова Варрона Гревс привел почти полностью (в очерке 1895 г. воспроизвел их прямо за Ивановым, а в диссертации 1899 г. уже исправив чтение *Barbaros* на *Burburos* и уточнив, что Розия — это долина *Peate*), а вот давшие Иванову (вслед за Кисслингом) повод процитировать их строки из первого эпода Горация указал в форме глупой ссылки, лишь как возможный пункт для сравнения (Очерк первый. Гораций. С. 117 сл., примеч. 5; Очерки... С. 115 сл., примеч. 5, где ссылка на Hor. Epod. I. 27–28 вообще перенесена в другое место туда, где речь идет о скоте вообще: С. 113, примеч. 2).

⁶⁹ Именно предположение о *pascua publica*, «общественных выгонах», представлено у Гревса как весьма вероятное (ср. выше, примеч. 65). Интересно, что в очерке 1895 г. идея Иванова об *ager sociatus*, «коллективных соседских выгонах», никакого продолжения не получила, тогда как в 1899 г. Гревс ее высказал как «еще одну догадку», снабдив солидными ссылками на трактаты аграрносоциологов, специальное исследование М. Фойгта, «Римскую аграрную историю» М. Вебера и алиментарные таблицы эпохи Траяна (Очерки... С. 117 и примеч. 1, 2).

⁷⁰ Очевидно, Гревс в какой-то степени учел это замечание: по крайней мере, никакой ссылки на Фюстель де Куланжа по данному вопросу в очерке нет, а оставшаяся фраза выглядит так: «В смутные времена республики полосы таких "pascua" могли, может быть, как и полосы "agri publici occupatio", узурпироваться частными лицами и "прирастать" к их латифунциям» (Очерк первый. Гораций. С. 118; Очерки... С. 117, где это рассуждение относится уже не к *pascua*, а к *sociatus*).

⁷¹ Имеется в виду: *Marquardt J. Römische Staatsverwaltung*. 3 Bde. 2. Aufl. Leipzig, 1881–1885.

⁷² В стремлении найти основания для измерения земельного богатства Горация Гревс попытался выразить его как в числе югеров (1 югер примерно равен 0,25 га), так и в сумме денежной оценки. Исходя из своего утверждения, что Гораций «носил звание римского всадника», а также из того, что сабинское мнение должно было составлять львиную долю имущества поэта, историк заключил, что при минимальном всадническом цензе в 400 000 сестерциев «приблизительная минимальная стоимость описанного поместья» равнялась 300 000 сестерциев (Очерк первый. Гораций. С. 123–124; Очерки... С. 129).

⁷³ Очевидно, принадлежность Горация к всадническому сословию представлялась Иванову не столь бесспорной, как Гревсу, который писал: «Во всяком случае звание это должно быть признано за Горацием» (Очерк первый. Гораций. С. 123 сл., примеч. 1, Очерки... С. 128 сл., примеч. 1). Впоследствии этот вопрос был основательно решен в положительном смысле в специальной статье: *Ross Taylor L. Horace's equestrian career* // *American Journal of Philology*. 1925. P. 161 ff. См. также: *Nicolet C. L'ordre équestre*... T. 2. P. 914–915. № 183.

⁷⁴ Естественно, ожидать от стихов точных цифр не приходилось. Тем не менее, Гревс старался извлечь из поэтических текстов хоть сколько-нибудь определенные данные. Из того, что «рассердившись на одного из своих городских рабов, поэт грозит ему, что пошлет его *девятим* работам на сабинском поле» (Hor. Sat. II. 7. 118), следовал вывод, что «это было небольшое поле, на котором работало 8 человек рабов». А дальше с этим сопоставлялось утверждение Колумеллы (II. 12. 7), что восемь рабов могут обработать поле в 200 югеров величин (Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 114, примеч. 5, С. 115, примеч. 1, Очерки... С. 111, примеч. 5, С. 112, примеч. 1). Но все это не более чем общие расчеты, и Гревс признал, что имущество Горация ни в югерах, ни в сестерциях выразить не удастся. Впрочем, надежды достичь большей точности он не терял, и в диссертации этот пункт был расширен и дополнен, в том числе и с помощью новой литературы: «Окончательного решения не может быть постановлено и тут. Но несправедливо было бы называть сделанные предположения только гадательными: они тверды, но первое подсчет в югерах. — Изд.» не дает полного ответа, второе <денежная оценка на базе всадниче-

ского ценза. *Изд.* указывает только минимум, может быть, далеко не достигающий действительности. Полезно упомянуть здесь еще о вычислении Н. Фригча, основанном на измерении пространства, которое, нужно думать, было занято владением Горация, так как по конфигурации местности оно представляет единство, хорошо к тому же совпадающее с описаниями поэта, что дает все те же 400 югеров как минимальный размер имения (Очерки... С. 130 сл., примеч. 1).

⁷⁵ Иванов передает текст перевода довольно точно: существенно отличается лишь пунктуация, смысловых же разночтений немного. Отметим самые заметные.

У Фета стк. 2: «сок *младой*» (а не «златой»); стк. 11. «*богач-купец*» (а не «купец»); стк. 17: «*тем, что есть*», а не «готовым»; стк. 18: «безвредно», а не «безвредным»; стк. 20: «*цитры*», а не «лиры» (ср.: *Кв. Гораций Флакк* / В пер. и с объяснениями А. Фета. СПб., 1883. С. 39–40).

⁷⁶ Эту «очень красивую оду» Гревс привел не в переводе Фета, а в подробном прозаическом пересказе, чтобы лучше подчеркнуть свой вывод: «В приведенных стихах рисуются картины богатства, и в них преобладают краски, взятые именно из области землевладения» (Очерк первый. Гораций. С. 126–127; Очерки... С. 134–135). В данной — второй части очерка Гревс ставил себе задачу поместить уже охарактеризованное выше сабинское имение поэта в «общую рамку картины, которая изображала бы современное ему состояние итальянского или даже отчасти общеримского землевладения в его целом, и которая была бы написана красками, взятыми также из произведений Горация» (Очерк первый. Гораций. С. 125; ср.: Очерки... С. 132).

⁷⁷ Т.е. Иванов предлагает вычитывать в латинском *sort* («жребий») не только переносный «судьба, удел», но и самый что ни на есть прямой смысл — намек на распределение провинциальных наместничеств между бывшими магистратами с помощью жеребьевки.

⁷⁸ Гревс находил картину «весьма больших земельных состояний» и в обращении к Меценату оде против богатства (Сарт. III. 16. 29–32:), где Гораций, в частности, утверждал, что небогатый поэт куда счастливее «богатейшего властителя плодородной Африки»:

Purae rivos aquae silvaeque iugum
Paucorum et segetis certa fides meae
Fulgentem imperio fertilis Africae
Fallit sorte beator.

Ключ прозрачный и лес в несколько югеров
И всегда урожай верный с полей моих
Далеко превзойдут пышность владетелей
Плодороднейшей Африки.

(Пер. Г. Церетели)

Толкованию этих стихов и посвящено подробно разбираемое Ивановым примечание, которое в опубликованном очерке выглядит так: «Гораций считает свое скромное положение более завидным, чем блестящую судьбу того, которого он называет “fulgens imperio fertilis Africae” (ст. 31). *Орегли* (Hor. Op., I, 424) очень естественно и вероятно по связи объясняет: “Fulget imperio fertilis Africae is qui latissimas in Africa possessiones habet”; то есть, думает, что тут противопоставляется африканский латифундиальный собственник помещику такого мелкого разряда, как Гораций. *Кислинг* (I, 271) же утверждает, что понятие “imperium” применительно лишь к римскому магистрату, проконсулу Африки. В таком случае его громадные доходы противопоставляются ничтожным доходам автора. Но и он прибавляет, что этому наместнику “in seiner Provinz sich nur der Anblick unermesslich reicher Gutsbesitzer daher fertilis Africae — darbot” «в его провинции в глаза бросались только безмерно богатые землевладельцы отсюда слова о плодородной Африке (нем.). — *Изд.*» (Очерк первый. Гораций. С. 128, примеч. 1, Очерки... С. 136, примеч. 1, с таким уточнением: «его громадные административные доходы...»).

⁷⁹ См.: *Hor. Carm. III. 16. 39–40*: «Contracto melius parva cupidine || vectigalia portigam» «Сжав желания свои, с прибавлю малою || Буду жить я счастливее». Речь идет о дальнейшем пересказе и толковании все той же оды. В примечаниях Гревс цитирует строки 33–37 и 41–42 (Очерк первый. Гораций. С. 128, примеч. 2 и 3; Очерки... С. 136, примеч. 2 и 3), а упомянутые стихи представлены только в пересказе в тексте («Ограничивая свои желания, он увеличивает свои доходы...»), очевидно потому, что сами эти стихи цитируются в другом месте — при рассмотрении вопроса о всадническом цензе Горация (Очерки... С. 129, примеч. 2).

⁸⁰ Отмечая, что «в воображении поэта чередуются образы знакомых ему огромных земельных богатств», Гревс говорит: «Невольно вспоминаются тут слова Сенеки...» — и далее следует цитата из послания Сенеки (Ep. 89. 20), переведенная именно так, как предложил Иванов (см.: Очерк первый. Гораций. С. 128, примеч. 5; Очерки... С. 137, примеч. 1).

⁸¹ Замечание Иванова полностью учтено; ср. у Гревса: «Очень поучительно для нас еще третье стихотворение, в котором сообщаются даже более определенные, важные с изучаемой точки зрения данные. Я разумею четвертый эпод, содержащий инвективу на какого-то вольноотпущенника».

иченного, достигшего чина военного трибуна и всаднического достоинства <курсив наш. — Изд.>, в котором некоторые комментаторы видят действительно существовавшее лицо» (Очерк первый. Гораций. С. 129; ср.: Очерки... С. 137).

⁸² Ср. у Гресса: «Он... дерзает, забывая о своем происхождении, как бы в насмешку над законом Оттона <курсив наш. — Изд.>, по которому одни свободнорожденные могли входить в состав двух высших сословий, садиться в театре на предоставленных сенаторам и всадникам местах» (Там же). Имеются в виду следующие строки: «Sedilibusque magnis in primis eques | Othone contempto sedet» — «Как видный всадник, в первых рядах он сидит, | С Оттоном не считается» (Hor. Epod. IV 15–16; пер. Ф. Петровского).

⁸³ Менас — вольноотпущенник Секста Помпея; некоторые комментаторы считают, что четвертый эпод Горация был адресован именно ему. Речь идет о 14 строке эпода: «et Appiam mannus terit» — «иноходцами | Он бьет дорожку Алппия». *Manni* — низкоростные лошади галльской породы.

В опубликованном очерке Гресс интерпретировал это место так: раз «он катается на красивых лошадях по Алппиевой дороге», значит, «у него могла быть и другая земля (или другие), где он, может быть, разводил лошадей, которыми потом хвастался, клясья по особенно посещаемым местам» (Очерк первый. Гораций. С. 129 и примеч. 1, 2; С. 130; Очерки... С. 137 и примеч. 2, 3; С. 138).

⁸⁴ Имеется в виду известная книга: *Friedländer L. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*. 6. Aufl. 3 Bde. Leipzig, 1888–1890 (позже, в 1914 г., переведенная, увы не полностью, на русский язык силами слушательниц Высших женских курсов под руководством М.И. Ростовцева и Ф.Ф. Зелинского). Автора ее, кенигсбергского профессора Людвиг Фридендлера, Гресс характеризовал как замечательного знатока римской культуры, столь же глубокого ученого, сколько издического писателя (Очерк первый. Гораций. С. 142–143; Очерки... С. 163).

Замечание Иванова относится к выводу о картинах крупной земельной собственности, легко возникающих перед глазами Горация, когда он описывает в окружающей действительности описательные и дидактические мотивы. Именно по этому поводу Гресс сделал следующее примечание: «Фридендлер (I, 246) заходит даже слишком далеко, толкуя, между прочим, приведенные тексты в указанном мною направлении: “Уже во время Горация, утверждает он, без сомнения, нередко соединялись в руках одного собственника обширные пашни в Сардинии, большие пчельники в Калабрии, огромные скотоводческие хозяйства там же или в Галлии, 1000 югеров фалернской земли и крупное поместье на Лирисе” Прямо такого вывода, как видно, нельзя сделать из Горациевых текстов, хотя невероятного в самом предположении нет ничего, а общий факт несомненно широкого развития крупных форм земельной собственности в рассматриваемое время подтверждается точным смыслом разобранных мест без всякого “построительного” их дополнения» (Очерк первый. Гораций. С. 131, примеч. 1. Очерки... С. 139, примеч. 2).

⁸⁵ Речь идет о толковании Ер. II. 2. 177–179 как еще одной приходящей на память Горацию «картины все растущего земельного стяжания»:

Quid vici prosunt aut horrea? quidve Calabris
Saltibus adiecti Lucani, si metit Orcus
Grandia cum parvis, non exorabilis auro?

«На что послужат тебе, усевешевает Гораций третьего “приобретателя”, деревни и амбары, полные хлеба? Для чего присоединяешь ты обширные пастбищные пустоши (*salus*) в Лукании к тем, которыми ты уже владеешь в Калабрии, если неподкупный Орк поражает одинаково и великих и малых?» (Гресс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 137–138; Он же. Очерки... С. 157–158). В соответствующем примечании за латинской цитатой следуют пояснения: «*Vici* тут, может быть, указывает на деревни, населенные прежними крестьянами-собственниками, земли которых завладел богач, и которые подчинены ему теперь, как арендаторы или батраки; *horrea* — на крупное хлебопашество в его поместьях, *salus* — на скотоводство “en grand”». Повторение у Горация указания на факт соединения в одних руках пастбищных латифундий в Калабрии и Лукании... свидетельствует о распространении его» (Очерк первый. Гораций. С. 138, примеч. 1. Очерки... С. 157 сл., примеч. 6).

⁸⁶ Hor. Sat. 1. 2. 12–15:

Fufidius vappae famam timet ac nebulonis.
Dives agris, dives positus in fenore nummis:
Quinas hic capiti mercedes exsecat atque
Quanto perditior quisque est, tanto acius urget...

Вот Фуфидий скорей простить испугается мотом:
Он, у кого за душой и поместий и денег немало,
Пять процентов на месяц берет с должников, и чем больше
Кто нуждою стеснен, тем более он притесняет!

(Пер. М. Дмитриева)

Гревс приводит фигуру «богатого капиталиста» Фуфидия в качестве примера «людей, являвшихся как бы орудием для обезземеления разоряющихся бедняков, органами, через которые переходят земельные имущества из слабейших рук падающего мелкого люда под могущественную власть поднимающегося магнатства» (Очерк первый. Гораций. С. 138; Очерки... 158).

⁸⁷ «Фуфидий из не раз упоминаемой Цицероном уважаемой семьи публиканов, проживавшей в Арпине» (нем.).

⁸⁸ Приведенные Ивановым «любопытные данные» весьма пригодились Гревсу: в соответствующем примечании они были воспроизведены почти дословно см.: Очерк первый. Гораций. С. 138 сл., примеч. 3; Очерки... С. 158 сл., примеч. 2. О Фуфидиях из Арпина см. также: Nicolet C. L'ordre équestre... Т. 2. Р. 882–884. № 152, 153, где также не приводится никаких указаний на принадлежность этой семьи к публиканам.

⁸⁹ Verg. Ecl. I. 70 (а не 71): «impius haec tam culta novalia miles habebit» — «Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный» (пер. С. Шервинского).

⁹⁰ У Гревса две эклоги Вергилия (IX и I, где фигурируют обезземеленные крестьяне) цитируются именно в контексте конфискаций, произведенных в угоду ветеранам вторыми триумвирами, а связь с общим построением очерка устанавливается так: «Эти прекрасные строки отлично дополняют приведенные выше тексты, подтверждающие данные Горация и характеризующие вытеснение крестьян с земли владельцами латифундий. Хотя причины различны, результаты и тут, и там одинаковы. Масса лиш выброшена из итальянской деревни и принуждена искать спасения лишь в тяжелом и опасном переселении в заморские страны» (Очерк первый. Гораций. С. 148, 149 и примеч. 1–3; ср.: Очерки... С. 170 и примеч. 4; 171 и примеч. 1, 2).

⁹¹ Ср. выше, примеч. 5 к п. 22.

⁹² Перечисляя довольно редкие у Горация примеры крестьян-собственников, Гревс замечает, что они носят обыкновенно характер исключительности, и в этой связи ссылается на указанные строки из 6 сатиры II книги, сделав при этом требуемую оговорку: «Так мы встречаем у него фермера-колона, которому посчастливилось купить участок, раньше находившийся у него на аренде, благодаря находке клада; но факт этот взят поэтом не из окружающей жизни, а из сказки, хорошо известной читателям того времени» (Очерк первый. Гораций. С. 156 и примеч. 2; Очерки... С. 179 сл. и примеч. 5).

⁹³ Все же итоговые соображения, связанные с оценкой значения свидетельств Горация, Гревс поместил именно в заключительной, а не вступительной части очерка:

Картина, написанная взятыми у Горация красками, имеет характер и значение, так сказать, «средней истины» о состоянии земледелия и формах земельного строя, которая утвердилась в понятиях большинства мыслящих его современников в силу суммирования в их памяти множества повседневных впечатлений, и которая в данном случае отображается в уме человека образованного, беспристрастного, владеющего значительными сведениями и хорошим самосознанием, но воплощается не в виде связного делового (научного) трактата или правовой формулы, даже не в систематическом прозаическом рассказе, а в целой группе отдельных художественных образов.

(Очерк первый. Гораций. С. 160; ср.: Очерки... С. 186 сл.)

⁹⁴ Со ссылкой на авторитетную «Историю римской литературы» В. Тейффеля (I, 546) Гревс замечает: «Самому Тибуллу удалось приобрести покровительство Валерия Мессалы Корвина, который оберег его от дальнейшей потери и... может быть <курсус наш. — Изд.>, доставил небольшое новое имущество» (Очерк первый. Гораций. С. 176, примеч. 4; ср.: Очерки... С. 205, с небольшим уточнением: «доставил новое увеличение его недвижимой собственности»).

⁹⁵ Ср. у Гревса: «Факты, подобные тем, на которых настаивает Моммзен, занимают, мы видели, довольно незаметное место в картине, нарисованной Горацием» (Очерк первый. Гораций. С. 179; Очерки... С. 221). О резком противоречии с предыдущими частями очерка говорить не приходится: Гревс упрямо гнул свою линию, стремясь доказать факт преобладания крупного земледелия уже в конце Республики, в эпоху Горация. Упомянутый в замечании Иванова параграф завершается выводом:

Так или иначе, но число фактов, удостоверяющих существование мелкой собственности, у Горация не велико, и даже тон поэта когда он говорит о крестьянстве, часто таков, будто речь идет о далеком предании, о забывающемся признаке доброго старого времени, об идеальной картине золотого века, стоящего поэты, о желанном скорее, чем о прочно существующем явлении.

(Очерк первый. Гораций. С. 158; Очерки... С. 180–181.)

⁹⁶ На этих страницах речь шла как раз о наиболее спорных, по мнению Иванова, соображениях и выводах о судьбах мелкой и средней собственности, в особенности в связи с раздачами земли ветеранам. Постоянно подчеркивая, что «прочно возродить крестьянство и вообще мелкопоместное земледелие» ветераны не могли, несмотря на то что основание их колоний посадило на итальянскую почву значительную массу новых некрупных собственников, Гревс

старался сгладить противоречие между картиной Горация и взглядом Моммзена, показав, что «оно оказывается различным не принципиально, а лишь количественно, различной степени» (Очерк первый. Гораций. С. 180—182; Очерки... С. 221—226, где текст несколько расширен и заметно переработан, впрочем, без изменения сути).

⁹⁷ Все в порядке, хорошо (англ.).

⁹⁸ «Аттик был делец (ср. Cic. ad Att. I. 18. 8), он никоим образом не входил в откупные товарищества, едва ли вообще был причастен к откупам. Те, кто считает, что у него имелись доли в откупах государственных доходов (Nipperdey ad Corn. Nep. vit. Att. 6: *Burmmanus de vectig. calibus*) p. 135; Bouchaud *Mém. <cires> de l'Acad. <émie> des Inscr. <ixtions> et Belles Lettres* t. 37, p. 1774, 4e p. 250), не приводят никаких аргументов, кроме одного текста Цицерона, а именно: Ep. ad Att. I. 19. 9. Однако там, как неопровержимо доказали другие ученые (Boott ad Cic. l. l., Westermann in Pauli Encyclop. VI p. 1173), речь идет не о доходах городской общины сиккионцев, а о деньгах, которые эта община, переобремененная долгами, получила от Аттуса взаймы. К тому же, будь Аттис публиканом, Цицерон не написал бы ему о публиканах того, что написал (VI. 1, 6; II. 16, 4; I. 8; 15 a. <ub> f. <ine>»). А относится это примечание к следующему месту текста: «Если мы внимательно рассмотрим, к чему имеет отношение то, что заявляет о Т. Помпонии Аттисе Корнелий Непот: «Публичные торги он никогда не посещал и ни разу не выступал в качестве поручителя или откупщика» <Nep. Att. 6. 3; пер. Н. Н. Трухиной. — Изд.», то, конечно, истолкуем в том смысле, как если бы сказано было: он не желал, чтобы его причисляли к публиканам» (лат.).

Это примечание и место, к которому оно относится, в точности соответствуют опубликованному спустя годы тексту диссертации Иванова (*De societibus vectigalium*... P. 15, adn. 80). Вопрос Гревса, очевидно, касался участия Аттуса в откупах, которое приписывали ему некоторые ученые (Иванов же категорически это отрицал, опираясь как на свидетельство Корнелия Непота, так и на рассуждение от обратного). О том, как Гревс использовал эту выписку в своей работе, см. ниже. примеч. 7 и 8 к п. 49.

⁹⁹ Речь идет об оде «К аличному», в которой, в частности, упоминается имя Горация (стк. 14): «Одним помещиком счастлива я сабинским» (пер. А. Семенова-Тян-Шанского). См. ниже, п. 24.

23. Д. М. Иванова — Гревсу

4/16 октября 1894 г. Флоренция

Многоуважаемый Иван Михайлович,

Что сказать Вам о моем путешествии? Мне всегда очень хотелось видеть Швейцарию. Вячеслав наотрез отказался ехать туда этой осенью и мне оставался выбор или ехать одной или совсем не ехать, п. <отому> ч. <то> к лету я думаю вернуться в Россию и неизвестно, придется ли мне еще когда поехать за границу¹ Единственный месяц удобный для поездки оставался сентябрь — я быстро собралась и поехала. Вячеслав составил мне маршрут и я добросовестно ему следовала² Перед поездкой я много раз думала — не обратиться ли мне к Вам за указаниями и адресами, но не решилась беспокоить Вас, п. <отому> ч. <то>, как я все говорила, хотела только проехать по Швейцарии, но не жить в ней. Я действительно нигде подолгу не останавливалась — торопилась вернуться во Флоренцию да и холодно было. Я до сих пор не знаю, почему мы с Сашей так мерзли в Швейцарии, потому ли что отвыкли от более северного климата или п. <отому> ч. <то> были легко одеты, но только на Риги мы чуть не замерзли (там накануне выпал первый снег), а перед переездом через Симплон я купила теплый платок и выписала плед из Флоренции. Такие препятствия и быстрота путешествия ничуть не мешали мне все отлично видеть, и у меня теперь составилось очень ясное представление о Швейцарии. Не буду Вам ничего описывать. Вы отлично знаете эту страну³, а расскажу Вам вкратце, как я ехала.

В пути я была 29 дней⁴. Останавливалась в 14-ти различных местах. Ехала я так: Флоренция, Милан, Bellagio, Lugano, Luino, (Isola Bella), Bellinzona (здесь составила и взяла круговой билет или вернее 1 1/2 билета), Flüelen, потом прошла пешком по Axenstrasse, Brunnen, Luzern, Zürich, Laufen (Rheinfall), Zürich, Arth-Goldau, Righi-Kulm, Witznau, Alpnösch, Meiringen (Aareschlucht), Interlaken,

(Klein Rügen), Lauterbrunnen, Mürten, Grindelwald, Interlaken, Bern, Freiburg (слышала концерт на органе), Lausanne, Genève, Montreux (Vevey, Clarens, Glion, Chillon), Brigue, (в почтовой карете) Domodossola, Милан и Флоренция. Из городов мне всего более понравилась Женева, затем Цюрих и Люцерн. Желала бы когда-нибудь со временем пожить в Montreux, меня совершенно очаровало Женевское озеро и волшебный вид на него именно из Montreux и Ferrière. Вся Швейцария красива, и сказать, где лучше, не могу — везде лучше. Какое место в Швейцарии Вам и Марии Сергеевне всего больше нравится? Как красиво также Lago Maggiore. Вообще озера далекие и широкие мне всего более нравятся — но и их я не променяла бы на море. Хотелось бы еще много написать, но лучше при встрече поговорим о швейц. <арских> впечатлениях. Саша путешествовала молчаливо, точно большая, и я была очень довольна, что взяла ее с собою. Вячеслав уговаривал меня пожить подольше в Швейцарии, но душа была не спокойна и я торопилась домой. Мне очень понравилась Ваша статья о Горации, в особенности глава, в кот. <орой> Вы описываете его имяние. Вы умеете оживлять мертвую науку, а это дается только редким ученым¹. От души желаю большого успеха Вашей статье и скорейшего окончания Вашей работы. Мой сердечный привет Марии Сергеевне, милых Катеньку и Сашу мы с Сашей целуем много раз. Будьте здоровы. Преданная Вам,

Д. Ив.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 33 и об.

На том же л. почт. бум. письмо к Гревсу Иванова (п. 22).
Черновик этого письма: РГБ. Ф. 109. К. 25. Ед. хр. 32. Л. 1–3.

¹ Трагическая ирония — Дарья Михайловна еще ничего не знает о грядущей семейной катастрофе, которая заставит ее летом 1895 г. возвратиться навсегда в Россию. Весьма вероятно, что намерение перебраться на родину обсуждалось в семье Ивановых независимо от тени надвигавшихся событий: ср. п. 28.

² Для понимания «культуры путешествия» следует учитывать, что Иванов к этому времени в Швейцарии не бывал и маршрут для Дарьи Михайловны мог составить только сообразуясь с книжными знаниями и общим культурным преданием о стране.

³ Летом 1890 г., в начале своей первой командировки, Гревс прожил около двух с половиной месяцев в Женеве, где понемногу входил в работу над диссертацией. В отчете о занятиях за границей, составленном весной 1891 г., он писал: «Меня очень интересовала сама Швейцария своим любопытным историческим прошлым, своей интересной политической, умственной и культурной жизнью. Я невольно стремился, пользуясь своим пребыванием в стране, хоть несколько познакомиться со старой и новой Швейцарией. Прибавлю, впрочем, что я отдавался этому стремлению в большей части лишь в праздничные дни отдыха (я довольно систематически «соблюдал воскресный день») и на опыте убедился, насколько такое прекращение обычных занятий на один день в неделю и посвящение его другим впечатлениям освежает и поддерживает, и тем возвышает качество работы» (цит. по: Человск с открытым сердцем. С. 244).

⁴ Дарья Михайловна с дочерью возвратились из путешествия до 15/27 сентября 1894 г., когда Иванов писал Л.Д. Зиновьевой-Аннибал из Флоренции: «Моя семья вернулась. Жена очень обрадована предстоящим свиданием с Вами и просит передать Вам ее сердечный привет» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 36. Л. 10).

⁵ Читательское впечатление Дарьи Михайловны, вероятно, закономерно для эстетического опыта эпохи. Теоретическое осмысление такого восприятия очерка Гревса мы находим у его ученика, знаменитого «градоведа»: «В своей диссертации профессор Гревс дал образец локального метода изучения исторических явлений. Он посетил виллу Горация и со свойственной ему тщательностью подобрал все упоминания о ней в литературном наследии римского поэта. Осматривая остатки виллы, он использовал эти упоминания с замечательностью, убедительностью и яркостью. На основе полученных топографических данных восстановил облик виллы, по существу исследовательским методом построив экскурсию, начиная с обзора с вышки всей местности. Так исследовательский локальный метод сплетается с экскурсионным методом. Так уже в начале научной работы Иван Михайлович уже подошел к проблемам, которые развили в нем вкус к экскурсионной работе» (Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 400).

24. Иванов — Гревсу

6 ноября 1894 г. Флоренция

Firenze via degli Alfani 49 p. 3 a sinistra.

6 ноября <18>94.

Дорогой Иван Михайлович

Последние дни и для меня были днями глубокого волнения, и я рад встретить в вашем письме выражение настроения подобного моему¹. Правда, я редко, по вашим словам, понимал *ваши* мысли и чувства, когда речь заходила между нами о злобах нашей родины: правда, и вы, прибавляю я в свою очередь, часто печалили меня непониманием *моих* идеалов отечественного блага: тем не менее мы оба, думается мне, горячо любим Россию, «как ни различен ваш, так сказать, сам себя отрицающий патриотизм» от моего патриотизма «на германский лад», как называет его вы, или на французский или на английский лад, как осмеливаюсь присовокупить я². Но, кроме общей любви к родине, в самых наших требованиях есть, как кажется, некоторая общая почва, на которой мне приятно сойтись с вами в настоящий важный для России момент, когда в нашем гражданском бессилии мы можем утешаться мыслию, что встречаем новый, по-видимому, период русской [государ<ственной>] исторической жизни, исполнив внутренний долг гражданина — выработав определенные политические взгляды. Вместе с вами я желаю, чтобы националистическая реакция, при покойном государе (как личность, глубоко мне симпатичном) принявшая формы противогражданственные и жестокие, окончилась вместе с его омраченным какою-то роковою тенью царствованием³. Я надеюсь — но здесь уже один, потому что вы смотрите на будущее почти безнадежно — что если бы представители господствовавшего до сих пор направления и возымели временное влияние на дела России, сила вещей смоет эту преграду здорового прогресса уже по той одной причине, что новый царь очень молод. Доселе перемена царствования в России, почти как перемена министерства в Англии, всегда означала переход правительства на сторону противоположного направления вырабатываемой обществом политической мысли. Эти соображения обнадеживают меня относительно ближайшего будущего нашей страны, и хотя я думаю, что юноша-царь еще долго не решится отступить от традиций отца, все же кажется мне, что «прекрасная заря просвещенной свободы», о которой пророчил Пушкин⁴, так хорошо предсказавший крестьянское освобождение, тоже не за горами⁵. Но я — вы знаете — не представляю себе этой зари в виде провозглашения шаблонной конституции; я помню, что конституционализм означает прежде всего политический разврат для народа, не подготовленного к нему историческим опытом. Нам нужен безотлагательно только совещательный земский собор, который послужит исходною точкою нашего здорового политического и общественного развития и политическою школою нашего народа. Нам нужна также аграрная реформа — упорочение и развитие [сельской] крестьянской общины, увеличение наделов, широкая организация переселений. Эти главные мои desideria не только исполнимы, но и необходимы должны быть исполнены, так как этого требует положение дел. Вот почему —

В надежде славы и добра

Вперед гляжу я без боязни...⁶

Перехожу к ответу на очередные вопросы.

а) На вашу редакцию «mentionis honorificae» я согласен; зачеркните только излишнее слово «любезно» и вместо пышного выражения «ученую помощь» по-

¹⁻² Формулировка специально отработана Ивановым, в черновике было: «как ни различен ваш, на мой взгляд, односторонний и не вполне здоровый патриотизм»; затем: «как ни различен ваш, так сказать...»

ставьте просто «помощь»⁷ — В переведенных мною стихах слова «одною тенистой» прошу вас заменить словами «одной отененной» (смотрите, чтобы не напечатали «оттененной»!), так что отрывок будет гласить:

*Там непрерывные горы одной отененной долиной
Разлучены: правый край восходящее радует солнце;
Левый, склоняясь, златит колесница вечернего Феба.
В легкий окутав туман...*⁸

18^ю оду 2^ю книги, как она мне ни нравится, я бы не решился переводить, не имея под рукой для сравнения Фетова перевода всей пьесы, уже из одного страха опасной конкуренции⁹

б) Что касается нашей контroversы о положении мелкой земельной собственности¹⁰, я советовал вам только не настаивать на тезисе об ее упадке с прежнею резкостью и исключительностью, — именно ввиду того, что скольконибудь строго доказать этот тезис из одного Горация, как вы сами признаете, невозможно.

с) Но этот спор пусть решится, как угодно будет богам; что же до важного пункта о тибуртинском поместье¹¹, то вам необходимо, в интересах научности, принять в расчет приведенные мною возражения. Я резюмирую их и прибавлю указание на одно обстоятельство, вами, как кажется, оставленное без внимания, но должное убедить вас в правильности моего взгляда.

Вы пишете: «Я все же настаиваю на своем: Sabinum [sc. rus] у Светония приравниваю к Tiburtinum, считая их за одно, а в Тибуре предполагаю лишь дом (domus circa Tiburni luculum)¹² Строить гипотезу о существовании тибуртинского поместья на основании хронологии стихотворений Горация, как вы советуете, я не решаюсь, и не имею уже времени делать специальных изысканий о хронологии их»⁸.

Все это совершенно неверно.

Прежде всего, я не рекомендую вам строить ни<ка>кой гипотезы, а утверждаю только, что нельзя говорить, будто Гораций *никогда* не имел поместья в Тибуре, если стихотворения, на основании которых вы отрицаете существование этого поместья, все принадлежат поре до 728 года, тогда как поэт жил еще около 20 лет после того¹³. Итак, я ставлю только хронологическую границу, до которой вы вправе считать Горация собственником одного сабинского имения. Гипотезы, как оказывается, строите вы, а не я, бездоказательно отрицая относительно времени *после* указанного года то, что можно отрицать на основании слов Горация только относительно времени *до* этого года.

Далее, вероятность этого гипотетического отрицания в высшей степени ослабляется частыми упоминаниями Горация о Тибуре как любимой его резиденции в течение более позднего периода его жизни, также как свидетельством Светония о существовании близ Тибура Горациева дома, который скорее всего должно считать загородной дачей, окруженной угодьями.

Наконец last not least Светоний не ограничивается упоминанием о доме: он прямо говорит о тибуртинской деревне. Его слова: «vixit plurimum in secessu rus sui Sabini aut Tiburtini» вы переводите, по-видимому, так: «жил преимущественно в уединении своей сабинской, или, что то же, тибуртинской деревни». Но *aut* не имеет значения «или = другими словами». Переводить место Светония должно так: «в уединении своей сабинской или же тибуртинской деревни». Толкование «или *точнее* тибуртинской» исключается потому, что Устику точнее напротив назвать сабинским поместьем, нежели тибуртинским. Считать *aut* за выражение неуверенности Светония в вопросе о том, где находилось прославленное поместье Горация (= «где-то в сабинской земле или же в Тибуре»), едва ли

⁸В черновике цитата из письма Гревса на одну фразу длиннее: «"...хронологии их. Бог с ними!"».

мыслимо: Гораций определенно говорит об Устике, противопоставляя ее Тибуру, и биограф его не мог этого не знать. Кроме того, слова «domusque eius ostenditur» так привязаны к предыдущим, что должны были, по-видимому, служить ближайшим описанием понятия *rus Tiburtinum*¹⁴.

Самостоятельных хронологических изысканий делать вам не нужно: достаточно справиться у комментаторов, чтобы проверить мое «примечание» об этом вопросе¹⁵.

д) Предполагаемое построение *введения*, по моему, вполне рационально. Упоминание о трудностях задачи не излишне¹⁶.

е) Мне остается оправдать свои слова о «tour de force»¹⁷. Впечатление парадоксальной неожиданности с тем большею необходимостью должно быть вынесено читателем из ваших рассуждений о падении мелкой и средней земельной собственности, чем ярче удалось вам нарисовать в его воображении картину достатка и довольства поэта мелкого помещика. Я хотел указать вам на то, что многих должно поразить это прежде всего формальное противоречие. Что «поэт-помещик» не мелкий, а средний собственник, вы это показали; но вы же старались доказать, что его собственность имела минимальные размеры в сравнении с типичною крупною собственностью его эпохи. Напрасно настаиваете вы теперь, что Гораций «не процветал как самостоятельная сила». Вы сами доказали, что, как помещик, он пользовался полною экономическою независимостью. Его *fundus* кормил целое маленькое население¹⁸. Если его экономическое положение является прекарным¹⁹, то лишь постольку, поскольку он предъявляет притязания выйти из своего круга и примкнуть в высшему обществу.

Исчерпав очередные пункты, сообщаю вам с большою радостью, что ваш «Meyer—Gsell Fels Rom und die röm.<ische> Campagna» «спасен [из]»²⁰ и находится пока в Риме у Микели²¹. Последние переменяли квартиру и просят дать вам их новый адрес. Живут они на via Veneto 33 и имеют комнаты к услугам форестьеров²². О себе не могу сказать ничего определенного. Благодарю за адрес Ростовц.<ева>²³ и за SS. Annunziata²⁴. — Лидия Дмитриевна велит кланяться вам и Марье Сергеевне, от которой надеется получить письмо²⁵. Сообщите, если можно, что у вас написано об Аттике; это меня интересует. Не зная вашего материала, не могу сказать ничего о предполагаемом этюде²⁶. Спешите, спешите, и скорее переходите к *saltus*-ам²⁷. Все, что пришлете мне по вашей работе, доставит мне большое удовольствие. Мы все приветствуем вас всех.

Ваш друг В. Иванов.

Mommsen Abriss des röm.<ischen> Staatsrechts. S. 363:

Zu Grunde gegangen aber ist, wie der Römerstaat des Principats, so auch der restaurierte Diocletians [welcher eben unter Justinian noch kriegerische Erfolge aufzuweisen hatte,] ...nicht durch die Barbaren, sondern an innerer Fäulnis²⁸.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 36—37.

Ответ на неизвестное письмо Гревса, в котором обсуждались замечания Иванова на очерк о Горации, полученные автором с п. 22; кроме того, в письме содержались какие-то рассуждения Гревса о политических новостях, как это следует из первой фразы ивановского ответа.

Черновик письма Иванова: РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 25. Л. 1—4.

¹⁴⁻¹⁶ В черновике было: «благополучно выпарапан из любостязательных когтей некоторых библиофилов».

¹⁶⁻¹⁸ В черновике было: «не могу сказать, стоит ли обрабатывать его в виде отдельного этюда».

Подготовительный текст в целом практически совпадает с отосланным адресату, значимые по смыслу разночтения приведены в текстологических примечаниях.

¹ Речь идет о болезни и кончине императора Александра III, последовавшей 20 октября 1894 г., и политических ожиданиях, связанных с началом нового царствования (ср. в п. 29). О содержании неизвестного нам письма, на которое отвечает Иванов, дает представление письмо Гревса к В.И. и Н.Е. Вернадским из Парижа от 17/29 ноября – 24 ноября / 6 декабря 1894 г.: «Не писал вам это время... Но вся душа постоянно была с вами и тяжело было находиться вдали от России и не знать, что вы делаете и какие планы и предположения занимают вас. Тяжело в такие времена быть далеко от близких и не получать от них никаких известий. Мы с Ал. <Екс-сандрой> Вас. <Ильевой> <Гольштейн> много думаем о России и о вас... хотелось бы повидать-ся хоть с кем» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 25).

² Политические взгляды Иванова до сих пор не подвергались даже самому поверхностному выяснению. Судя по рассматриваемому фрагменту, можно предположить, что Иванов противопоставляет либеральному дуализму Гревса (рассматривающему наличное государственное устройство только как противника, подлежащего уничтожению) европейские ценности общенациональной солидарности в деле защиты и совершенствования существующего государства. Ср. п. 27, явно имеющее в виду комментируемый пассаж.

³ Ср. рассуждения Иванова в п. от 24 октября 1905 г., после манифеста 17 октября, к В.Я. Брюсову, в то время стороннику традиционной монархии: «Конституции ты "не веришь" и "не радуешься". Верить в ее близкую реальность, конечно, трудно, принимать Государственную Думу с функциями учредительного собрания, если она основана не на общенациональном праве и не выражает, следовательно, всенародной воли, не следует, но не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, тому, что самый лозунг недавней борьбы "дойлой самодержавие" отныне стал праздным. Что до самодержавия, мы, художники, конечно, знаем, какой вместимости разбился сосуд для гениальной силы. Но весь наш Петр не только Первый, но и единственный. Уже давно самодержавие "личина пустоты", из под которой искажено и хрипло говорит не личность, а чужая воля. Ведь уже Александр III был только фонографом общественной реакции восьмидесятых годов; а он был все-таки личностью. Пусть же всенародный голос прямо слышится. Пусть мир увидит (это мой исконный идеал) государственное единство славянских народов» (Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 487).

⁴ В стихотворении «Дерева» (Приветствую тебя, пустынный уголок...):

Увижу ль, о друзья! народ неутешенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просветленной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

⁵ Иванов вел отчет времени новой, великой России от дня освобождения крестьян уже в раннем дневнике: это убеждение подтверждается и зрелой поэмой «Младенчество»; см. Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. С. 26, 53.

⁶ Первые строки стихотворения Пушкина «Стансы», обращенного к новому царю в декабре 1826 г., т.е. в исторической ситуации, аналогичной той, в которой было написано комментируемое письмо.

⁷ По всей вероятности, в неизвестном нам письме Гревс предлагал Иванову на утверждение текст «*mentionis honorificae*» («благодарственного упоминания») его имени в первой статье, посвященной истории римского землевладения (а также повторил просьбу перевести еще один отрывок из Горация – на что Иванов ответил отказом, см. в письме ниже). Ср. в печатном тексте статьи Гревса в примечании на цитату из *Hor. Epist.* I. 16, 5: «Помещенный в тексте перевод этих стихов сделан по моей просьбе другом моим, В.И. Ивановым в Риме, которому я вообще обязан большою признательностью за серьезную помощь, оказанную мне при составлении настоящего этюда» (Очерк первый. Гораций. С. 107, примеч. 1). Перепечатавая работу о Горации в составе своей диссертации, Гревс, специально благодаривший за помощь Иванова в предисловии (Очерки... С. XX), при цитации послания Горация ограничился простым указанием авторства перевода: «Помещенный в тексте перевод этих стихов принадлежит В.И. Иванову» (Там же. С. 97, примеч. 2).

⁸ Перевод этого отрывка из послания Горация публиковался и в статье, и позднее в «Очерках» Гревса с учетом данного исправления.

⁹ А.А. Фет (1820–1892) в числе латинских поэтов переводил и Горация, см. Оды Квинта Горация Флакка / Перев. с лат. А. Фета: В 4-х кн. СПб., 1856; *Кв. Гораций Флакк* / В переводе и с объяснениями А. Фета. СПб., 1883. Переводить его он начал, еще будучи студентом

Московского университета (курс он окончил в 1844 г.), когда увлекся одами Горация в изысканных и изумительных переводах профессора римской словесности Дмитрия Львовича Крюкова (1809–1845). Ср. в стихотворении Фета, написанном к десятилетию его смерти («Памяти Д.Л. Крюкова»):

Когда светильником пред нашими очами
Ко храму римских муз ты озарял ступень
И чудилось нам невольно, что над нами
Горация витает тень.

Впервые тихие и радостные слезы
Исторкнул дышащий из уст твоих певец:
Пленили нас его небескунищ розы
И зеленевший венец.

О Д.Л. Крюкове см.: Фролов Э.Д. Русская наука... С. 151–154. В 1884 г. Фету была присуждена Пушкинская премия Академии наук за полный перевод Горация и перевод «Фауста» Гете.

¹⁰ См. п. 22, а также Переписка... III. С. 320, 322, примеч. 4.

¹¹ См. приложение к п. 22, замеч. к р. 24–25, 30 и соответствующие примечания 35–38, 48–52.

¹² См. приложение к п. 22, примеч. 51, а также ниже, примеч. 14.

¹³ 728 г. от основания Рима соответствует 25 г. до н.э. Гораций родился в 65 г. и умер в 8 г. до н.э.

¹⁴ Имеется в виду следующее место из жизнеописания Горация у Светония (De poet. fr. 40): «...vixit plurimum in secessu rursus sui Sabini aut Tiburtini, domusque eius ostenditur circa Tiburti luculum». «Жил он, главным образом, в уединении, в своей сабинской или тибуртинской деревне; дом его до сих пор показывают около тибуртинской роши» (пер. М.Л. Гаспарова). См. приложение к п. 22, примеч. 51.

Филологически безупречные соображения Иванова о переводе Гревс поначалу оставил вовсе без внимания: «Выражение Светония "rursus Sabini aut Tiburtini" должно быть, кажется мне, отнесено к имению в долине Дигенции и может быть объяснено тем, что Тибур, хотя был городом латинским, стоял во главе территории, которая главным образом лежала в Сабинской области...» (Очерк первый. Гораций. С. 103, примеч. 1). Позднее в диссертации он все же попытался учесть их, не отказываясь от основной своей идеи, но для этого ему пришлось прибегнуть к совсем уж причудливой логике: «В словах Светония частица *aut* обозначает, вероятно, противопоставление между этническим (Sabini) и административным (Tiburtini) наименованием местности. По существу же в тексте биографа Горация различаются "сабинская деревня на тибуртинской территории" (rus Sabini aut Tiburtini) и "дом (либо дача) в Тибуре или около него" (domus circa Tiburni luculum)» (Очерк... С. 92, примеч. 2).

¹⁵ См. приложение к п. 22, примеч. 57.

¹⁶ См. приложение к п. 22, замеч. к р. 1–3 sq. и примеч. 4.

¹⁷ См. примеч. 4 к п. 22.

¹⁸ «Таким образом, поместье кормит около 55 человек» (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 122). В «Очерках...» слово «кормит» заменено на «содержит», и вслед за этим предложением добавлено умозаключение: «Это соображение уже дает возможность представлять имение Горация довольно значительным по размерам» (С. 127). Следует обратить внимание на показательную словарную замену: историк-либерал уходит от традиционного представления о хозяйстве-кормильце. Слово «содержит» сбрасывает синонимичное слово «кормит», стремясь стать синонимом слову «держит», как держат слуг и т.п.

¹⁹ От лат. *precarius* или итал. *precario* — ненадежный. Ср.: «Гораций мог жить на свои средства только безбедно, и так сказать, по-провинциальному. Хотя имение его было абсолютно довольно значительно, может быть, превышая свою стоимость всаднический ценз; но для поддержания придворных и светских столичных связей Гораций черпал средства не из сабинской земли, а из подарков богатых и знатных друзей. Нужно даже сказать больше: вообще существование его в том виде, как оно сложилось, было невозможно без постоянной поддержки; если бы они отказали ему в опоре, положение его немедленно стало бы precarious: социальный "статус" клиента тверд лишь прочностью его связи с патроном. Гораций разделил, стало быть, ту судьбу всех других не только мелких, но и средних людей в римском мире в его время, которые, в силу все более проникающей вглубь общественного организма аристократизации и захватывания народной массы, должны были подчиняться власти крупных его представителей, живя заимствуемыми от них соками, как бы взамен за отдаваемый им труд и подчинение и в слабое вознаграждение за захваченное у них исконное достояние» (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 174–175; *Он же*. Очерки... С. 202–203, без изменений: только слово «precarious» помещено в кавычки, а «подчинение» в конце пассажа заменено на не столь резкое «покорность»).

²⁰ Вероятно, Гревс где-то забыл свой путеводитель по Риму и Кампанье (если только дело не идет о давней истории; см. приложение к п. 6, где, правда, говорится о книге, принадлежавшей Иванову, но путаница в данном случае не исключена).

²¹ См. примеч. 16 к п. 1.

²² Переписка Иванова и М.И. Ростовцева, познакомившихся в 1893 г. в Риме, известна только за 1907–1925 гг. (см. Скифский роман. С. 248–258). Осенью 1894 г. М.И. Ростовцев находился в Петербурге. Иванов спрашивал у Гревса его адрес, чтобы ответить на полученное открытое письмо; см. п. 22.

²³ Вероятно, речь идет об одном из самых знаменитых памятников Флоренции — о церкви Сантиссима Аннунциата (Гревс, например, мог прислать открытку с ее видом или письмо с ее описанием, с впечатлениями от слышанной там мессы и т.п.). Ср. воспоминания Гревса об осени 1890 г.: «Я сроднился уже тогда, хотя, может быть, еще недостаточно глубоко, с главным центром Флоренции: много часов провел на площадях, (на piazza del Duomo и piazza della Signoria), я узнал главные церкви Santa Maria del Fiore, Santa Maria Novella, Santa Croce, Santa Maria Annunziata (там я слушал и великолепное пение на воскресных messe cantate)...» (Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией... С. 290).

²⁴ Из переписки М.С. Гревс с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал нам известно лишь одно письмо Мари Сергеевны от 6/18 мая 1895 г. (РГБ. Ф. 109. Е. 17. Ед. хр 13). См. примеч. 4 к п. 41.

²⁵ В Париже Гревс главным образом собирал материал по истории крупного землевладения (прежде всего, императорского), читал римских авторов и надписи, в частности, прочел всего Цицерона. Возможно, после того, как был закончен этюд о Горации, у него возник замысел сходного этюда об Аттике, что, конечно, уклонялось еще дальше от основной темы (см.: Переписка... III. С. 318, 322–324).

Латинское слово «saltus» (выгон, пастбище; имение: мера площади, равная 4 центуриям, т.е. 800 юграм) закрепилось в историографии, особенно после открытия в конце XIX в. больших африканских надписей (колонов saltus Burunitanus и др.), в качестве обозначения крупных земельных владений, принадлежавших главным образом императорам и сенаторам; подробнее см.: *Фостель де Кузанж. Римский колонат* / Пер. под ред. проф. И.М. Гревса. СПб., 1908. С. 24–28. Ср. п. 25.

²⁶ «Но как римское государство эпохи принципата, так и восстановленное Диоклетианово, которому еще и при Юстиниане предстояло демонстрировать военные успехи, пошло ко дну не под ударами варваров, а из-за внутреннего загнивания» (*Mommsen Th. Abriß des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1893. S. 363*). Эта выписка из незадолго до того опубликованного Моммзенем очерка римского государственного права никакого отношения к этюду о Горации не имеет, а связана скорее всего с работой Гревса над очерком по истории эпохи падения Римской империи (ср. примеч. 11 к п. 22). Заметим, что позже, в 1899 г., Гревс, подробно рассказывая о лекциях Васильевского в посвященном его памяти очерке (см. примеч. 1 к п. 25, а также: Переписка... II. С. 304, примеч. 2), привел именно эту цитату: «Конечный вывод "империя пала не под оружием варваров, а в силу собственного внутреннего разложения" (Моммзен) естественно истолковывал уничтожение римского единства» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 111). Возможно, запомнив эту яркую фразу еще на университетской скамье, Гревс искал затем точную ссылку — ее-то и прислал ему Иванов. Нельзя, однако, исключить и того, что перед нами аллюзия на русскую современность, связанная с началом письма.

25. Гревс — Иванову

22 ноября / 4 декабря 1894 г. Париж

Париж 22 н.<оября> / 4 д.<екабря> 1894.

Дорогой Вячеслав Иванович,

Посылаю вам только что полученное письмо Васильевского¹. Оно будет Вам интересно потому, что касается нашего Горация (говорю «нашего», т.к. считаю Вас наполовину автором его во всем, что есть в нем хорошего). Затем в нем Вы увидите интересный «specimen» его писания в отношении дочерка и стиля². В-третьих, наконец, мне важно посоветоваться с Вами о той «затаенной» мысли, которую высказывает Васильевский, прикрывая ее оболочкою дружески шутивого юмора. Вы видите, что он предлагает мне сделать из не-

скольких «Очерков» магистерскую диссертацию. Лично с принципиальной точки зрения мне этот план оч.<ень> не нравится: диссертация должна представлять нечто стройное и систематическое, особенно когда она исходит от такого «старца», как я¹. Но исполнимость плана, выводящего меня из моего запутанного научного положения, оч.<ень> заманчива и привлекательна. М.<ожет> б.<ыть>, даже если несколько переделать Горация и присоединить к нему этюд об императ.<орском> землевладении и о Плинии и м.<ожет> б.<ыть> два—три мелких очерка и сделать общее заключение, выйдет и нечто не вполне отрывочное². Напишите мне, что Вы думаете о таком «*pis aller*»³ и будьте строги — не увлекитесь за меня практичностью предложения Васильевского. Получили ли мое открытое письмо — ответьте непременно на поставленные там вопросы⁴.

Занятия мои последние дни идут оч.<ень> плохо — сильно расхворались у нас дети, и дома неспокойно. Впрочем, опасного ничего нет. Засел за «сальтисы» оч.<ень> много предстоит трудностей при разработке вопроса⁵. Скоро напишу Вам о разных сомнениях. — Был на днях на первой лекции Gaston Boissier, который читает нын.<ешний> год курс о Таците (оч.<ень> было хорошо!)⁶.

Крепко Вас обнимаю и посылаю горячий привет Вашим. Лидии Дм.<итриев-не> оч.<ень> поклонитесь. Скажите, что я на днях отвечу ей⁷.

Горячо Вас любящий друг

Ив. Гревс.

Страшно недостает мне общения с вами!

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 4.

Письмо Гревса к Иванову написано на свободном полулисте письма В.Г. Васильевского к Гревсу; именно поэтому, побывав в руках Иванова, двойное письмо вернулось к Гревсу и хранится среди писем к нему В.Г. Васильевского.

Ответ Иванова, при котором было возвращено письмо Васильевского (о чем упоминается в п. 28), не разыскан.

¹ Как видно из печатаемого в приложении к комментируемому письму письма В.Г. Васильевского, он сыграл решающую роль в практической организации квалификационного процесса, приведшего Гревса на университетскую кафедру. Памяти своего учителя и руководителя Гревс посвятил специальную статью: *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский, как учитель науки // ЖМНП. 1899. Август. С. 27—74. Но еще более красноречивы в интересующем нас аспекте — слова благодарности, обращенные Гревсом к Васильевскому в предисловии к диссертации: «Относительно себя я должен сказать, и говорю об этом с радостью, что обязан его авторитетной научной помощи и неизменному нравственному участию многим, весьма существенным, как в общем своем научном развитии, так специально в деле разработки настоящего сочинения и подготовке тех, которые за ним последуют. Мне горько, что не удалось своевременным выпуском еще при жизни его своих трудов, которыми он всегда интересовался с редкою благожелательностью руководителя и друга, удовлетворить по мере сил его надежды. Для меня будет счастьем, если критика признает эту книгу, над которой мне дорого было чувствовать духовное покровительство почившего наставника, хоть в некоторой степени оправданием его сочувствия и доверия!...» (*Гревс И.М.* Очерки... С. XVII—XVIII).

Еще при жизни учителя признательный ученик дал ему развернутую характеристику в рамках историографического введения в свой лекционный курс; см. *Гревс И.М.* История средних веков. Лекции, читанные на С.П.Б. Высших Женских Курсах в 1892—93 году / Сост. слушательницами III курса. СПб., 1892 (Литогр. Д.М. Руднева). С. 536—546. Спустя десятилетия он снова вернулся к этой теме: «Состоя членом Комиссии по Истории знаний (ныне Институт Истории Науки и Техники) при Академии наук СССР, в по поручению совета подготовил работу о жизни и научных трудах профессора и академика В.Г. Васильевского, моего учителя» (Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 2—3). Кое-какие сведения об этом приведены в кн: Комиссия по истории знаний: 1921—1932 гг... Из истории организации историко-научных исследований в

* Гораций, впрочем, мне кажется слишком легковесен (или легкий) для того, чтобы войти в диссерт.<ацию> (примеч. Гревса; карандаш).

Академии наук: Сб. документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003. С. 282 (Гревс не назван автором упоминаемой работы о Васильевском, но, несомненно, речь идет именно о нем), 296, 362 (фамилия Гревса по недоразумению перепечатана: И.М. Гревс, что повлекло за собой сведения о некогда не существовавшем «исследователе биографии В.Г. Васильевского» С. 582, 683).

Подробнее о роли Васильевского в научном становлении Гревса см.: Переписка... II. С. 303–305.

² Ср. примеч. 8 к п. 22. — Стоит отметить романтический интерес корреспондентов к почерку, в котором видится материальное выражение души пишущего, несомненно, в этом можно видеть важную черту становящейся методологии Гревса как истолкователя цельной человеческой индивидуальности и «души» города.

³ Гревс называет себя «старцем», поскольку — при обыкновенном для той эпохи развитии академической карьеры — он, окончив университет в 1883 г., давно должен был бы защитить диссертацию.

⁴ Ср. те же сомнения в письме Гревса к В.И. Вернадскому, написанном несколько дней спустя, 17/29 ноября — 24 ноября / 6 декабря 1894 г.: «В янв.<арской> книжке журн.<ала> Мин.<истерства> Нар.<одного> Пр.<освещения> появится большая моя статья из области моей диссерт.<ации> Васильевский хвалит ее и советует составить диссертацию из нескольких таких очерков. Не знаю уж, как <и?> делать. Боюсь опять застрять» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 26).

⁵ Крайнее средство (франц.).

⁶ Упоминаемое открытое письмо Гревса не разыскано.

⁷ См. также примеч. 13 к п. 22 и примеч. 25 к п. 24.

⁸ Имеются в виду лекции Гастона Буассье (см. примеч. 25 к п. 5) в Коллеж де Франс, где он занимал кафедру латинской словесности (с 1869 по 1906 г., сначала по латинской поэзии, а с 1885 г. по истории латинской литературы). Параллельно Буассье больше тридцати лет (с 1866 по 1899 г.) читал курс римской словесности и в École Normale supérieure. Великому римскому историку посвящена специальная монография Буассье (Boissier G. Tacite. Paris, 1903), ему же посвящена и последняя, опубликованная посмертно работа Гревса (Гревс И.М. Тацит. М., Л., 1946). Гревс написал биографию Гастона Буассье, которая сохранилась в его архиве (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 21. 1908 г., 97 л.).

⁹ Вероятно, как выполнение этого обещания следует рассматривать п. 26.

<Приложение к п. 25>

В.Г. Васильевский — Гревсу

18/30 ноября 1894 г. Петербург

Дорогой Иван Михайлович!

Рукопись Вашу получил и очень, очень был рад этому. Кое-что в разных местах почитал и тоже остался вполне доволен; как и следовало ожидать — самая добросовестная и тщательная работа и прекрасное изложение. До самой сути дела я, конечно, не проник, для этого потребовалось бы больше внимания и досуга, да и зрение свое, в самом деле, нужно щадить: очень уж Вы мелко писали; лучше будет читать по печатному. Я не замедлил отправить манускрипт к Платонову¹ для отсылки в типографию. А все-таки в декабрьской книжке Вашей статьи нельзя поместить, потому что у Вас есть еще и другое желание — чтобы она появилась за раз целиком. Я решился сделать вам приятное в этом последнем отношении, хотя и не совсем убежден в силе Ваших соображений, заставляющих Вас на этом настаивать. Но в декабрьской книжке для статьи, которая будет своим объемом простирается до *шести* листов, места было уже мало, да и времени для пересылки корректур в Париж, без чего, действительно,

* [Васильевский снисходительнее Вас, но] (примеч. Гревса; карандаш., примечание стерто Гревсом и его окончание не читается).

¹ Я лично думаю, что будет листов 8 (примеч. Гревса; карандаш.).

нельзя будет обойтись, никак не хватило бы. А теперь, если типография начнет набирать в двадцатых числах сего декабря, то к январю можно будет и поспеть¹. Относительно оттисков я намерен, если Вы не будете протестовать, распорядиться несколько произвольно, то есть, заказать их, по крайней мере, около сотни. Тут у меня есть некоторая затаенная мысль. Ведь, если Вы напишете такой же этюд о Плинии (положим), да еще прибавите что в промежутке, и напечатаете в том же Журн. <але> Мин. <истерства> Нар. <одного> пр. <освещения>, то лучше было бы все соединить в одну книгу, которую полезно было бы тогда пустить в обращение, хотя бы и в продажу. Если после этого стали бы Вам надоедать вопросами, отчего Вы не хотите этой книги, имеющей размеры магистерской диссертации, представить на степень, то тут большой беды не было бы. А в случае *настоятельной* нужды, можно было бы и последовать благожелательным внушениям. Право, Иван Михайлович, не заказать ли нам двести экземпляров с перекресткой? Это Вам не причинит почти никаких денежных издержек, а в конце концов ни к чему и не обяжет принудительно...³

В последнее время относительно здоровья я чувствовал себя гораздо лучше, чем когда-либо в течение года. Но забот у меня семейных и других слишком много и не все идет приятным образом. Тут никакие доктора не помогут.

Панченко в последнее время сделался невидим, должно быть, углубился в окончательную отделку своей статьи для Временника, предназначенной для первых номеров будущего года⁴. Оттиск своей статьи я Вам отправлю завтра⁵. Вышло две книжки Временника, теперь печатается третья с четвертой. Я собирался приготовить для этого выпуска целых две статейки, но не знаю, поспею ли дать хотя одну⁶. Самая редакция Временника уже отнимает у меня нужную для того долю времени.

Желаю Вам всего лучшего; главное — пусть ничто не мешает Вашему бодрому настроению и намеченному плану работы.

Душевно Вам преданный

В. Васильевский.

18 ноября

1894.

Загородный пр. 24.

ПФА РАН. Ф. 726. От. 2. Ед. хр. 41. Л. 3 и об. Л. 4 приписка Гревса.

¹ Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — крупнейший историк, специалист по отечественной истории (особенно XVI–XVII вв.), профессор Петербургского университета и Высших женских курсов, с 1890 г. помощник В.Г. Васильевского в редактируемом последним Журнале Министерства народного просвещения, член редаклегии. См.: Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 100–135, особ. С. 107.

² Номер «Журнала Министерства народного просвещения» с первой статьей Гревса по истории римского земледелия (Очерк первый. Гораций) действительно вышел из печати 1 января 1895 г.

³ У нас нет сведений о том, был ли отпечатан «запасной» тираж статьи Гревса. При выпуске в свет его диссертации в 1899 г. журнальный набор использован не был.

⁴ Имеется в виду статья: Панченко Б.А. О тайной истории Прокопия // ВВ. Т. 2. 1895. С. 21–57, 340–371, т. 3. 1896. С. 96–117, 300–316, 461–527. Т. 4. 1897. С. 402–450.

Борис Амфианович Панченко (1872–1920) — ученик Васильевского, впоследствии (1904–1914) научный секретарь Русского археологического института в Константинополе. См. о нем: Герд Л.А. В.Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неопубликованных переписки // РНПВ. С. 60–62; Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт... С. 87, 101–108.

⁵ Имеется в виду статья: Васильевский В.Г. Василия Охридского, архиепископа (митрополита) Солунского, неизданное надгробное слово на смерть Ирины, первой супруги императора Манилы Комнина // ВВ. Т. 1. 1894. С. 55–132.

⁶ Речь идет о первых двух номерах основанного Васильевским «Византийского временника», выходящего с 1894 г. (по четыре выпуска в год). Упомянутая в письме статья: Васильевский В.Г. Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ. Т. 2. 1895. С. 78–151.

26. Гревс — Л.Д. Зиновьевой-Аннибал

28 ноября / 10 декабря 1894 г. Париж

Paris, 104, Rue Lauriston.

10 дек<абря> 1894.

Дорогая Лидия Димитриевна.

Очень нехорошо сделал я, что не ответил на Ваше предпоследнее хорошее письмо, которое произвело на меня очень сильное впечатление¹. Но и болен я был тогда, и озабочен статьею для Виноградова, с которою не мог сладить долго². Теперь же ответ уже устарел. Я думаю, что то особенное настроение, которым Вы были охвачены вся в то время, как писали мне, теперь улеглось. Я тогда порадовался за Вас тому наплыву счастья, который Вас наполнил и который вдохнул в Вас такую прекрасную энергию, такую заманчивую любовь и силу жизни. Но вместе с тем это настроение Ваше и обеспокоило меня: мне виделось в нем более нервное возбуждение, реакция подъема духа после года тяжелых ударов и горьких разочарований, чем нормально развивавшийся нравств.<енный> переворот. А таких колебаний с большими размахами, бросающими то в жар, то в холод, я особенно боюсь, особенно для такого темперамента, как Ваш³. Напишите, как Вы себя чувствуете теперь, и прав ли я в своем определении, которое только что высказал. Во всяк.<ом> случае, рад за Вас, что Вы не в Pesaro, а во Флоренции, где, может быть, найдется пища для ума и для души⁴, и где Вы находитесь в общении с Ивановыми: я по опыту знаю, какие это хорошие люди и какими они могут быть великолепными друзьями. Я часто положительно рвусь душою к Вам во Флоренцию, но предположение Ваше, что я приеду на Рождество, неосновательно: нет ни денег, ни времени. Занятия идут далеко не хорошо и страшно медленно. Ужасно я недоволен собою. Болезнь несколько помешала мне, и ослабла энергия, но теперь я вновь принялся изо всех сил, и буду все удваивать пар. Живем мы оч.<ень> неудобно, страшно далеко от всех ученых учреждений, так что мне приходится уходить утром в 9 часов и возвращаться часто в 11-м часу вечера, и я очень мало вижу своих. Не сердитесь оч.<ень> на Машу, что она не пишет, ужасно ей много возни с детьми с Катей заниматься и гулять, с маленькой много также возни, несмотря на няню, особенно последнее время, пока дети хворали. Она просит передать Вам свой горячий привет и надеется, что соберется написать.

Меня продолжает смущать, хорошо ли Вы устроили с своим пением: одна старуха уже отказалась от Вас, передала другой — а эта другая хороша ли, если даже неизвестно, хороша ли была первая. Боюсь, что подведут Вас эти темные (впроч.<ем>, м.<ожет> б.<ыть>, только для меня!) личности. Напишите и об этом пообстоятельнее. Верьте мне, что я сердечно интересуюсь всеми Вашими делами.

Поступком К.С. я был положительно возмущен — только настоящий негодяй может решаться на ложные доносы⁵. Впрочем, негодяйство его выяснилось уже раньше, и можно ожидать от него все, что угодно. В первую минуту я хотел написать ему, что он подлец, но потом решил воздержаться, опасаясь, что это может как-ниб.<удь> Вам повредить. Но во всяком случае, если Вы хотите, чтобы я с св.<оей> стор.<оны> что-ниб.<удь> сделал против него, я всегда и от души готов Вам помочь, и очень Вам благодарен за доверие — я всегда хотел бы знать все положение дела. Оч.<ень> поддерживаю Вас в решении ни за что не отдавать ему детей, но думаю, что он сам только страшает вас — дети стеснят его свободу и на содержание их нужны деньги, а особ.<енной> любви к ним у него быть не может. Сообщите, если есть что новое.

Началась ли у Вас зима? У нас все время была отличная погода. Только теперь настали холодные дни. Парижскою умств.<енною> жизнью мы, впроч.<ем>, оч.<ень> мало пользуемся (изредка ходим в театры и на лекции) — и завалены делом, и дорого все стоит.

Из России нет радостных вестей — вся прежняя гадость продолжается — несчастная и ужасная страна! и почти ничего нельзя сделать иначе как многовековой работой⁶

Крепко жму Вашу руку и от души желаю всего лучшего.
Глубоко преданный

Ив. Гревс.

Детей поцелуйте — Катя тоже их обнимает.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 11. Л. 7–8.

Ответ на неизвестное письмо Зиновьевой-Аннибал.

¹ Упомянутые письма Зиновьевой-Аннибал к Гревсу («предпоследнее» и последнее) не разысканы.

² Речь идет об участии Гревса в работе над «Книгой для чтения по истории средних веков», подготовленной кружком преподавателей по инициативе и под руководством П.Г. Виноградова (ср. примеч. 11 к п. 22). Свою статью об Аларихе Гревс несколько раз упоминал осенью 1894 г. в письмах к В.И. Вернадскому. Среди общих жалоб на недостаток времени и сил он говорит: «Сильно отрывает меня Виноградовская работа. Я писал ему с просьбой разрешить мне прислать ее к 1 ноября старого стиля. Жду ответа, попроси его поторопиться» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 23, п. от 27 сентября / 9 октября 1894 г., позже, 4/16 октября: «Статья для Виноградова давнѣе» // Там же. Л. 24). Только 17/29 ноября Гревс сообщает Вернадскому о своем освобождении от срочных обязательств: «Не писал вам это время, т.к. по горло был занят заканчиванием двух статей» (Там же. Л. 25; вторая статья — отосланная Васильевскому работа о Горашии). См. также п. 22.

³ Следует предположить, что «наплыв счастья», о котором рассказывала Гревсу, Зиновьева-Аннибал, совсем недавно пережившая катастрофический разрыв с мужем, был определен ее встречей с Ивановым. Гревс не догадывается об этом.

⁴ Ср. мнение Гревса о выборе места для заграничного пребывания Зиновьевой-Аннибал и ее музыкальных занятий в п. 20 и 21.

⁵ Упомянут муж адресатки, Константин Семенович Шварсалон. Развод Шварсалонов длился долго и был мучительным, вероятно, для обеих сторон. Сколько можно судить по обрывочным данным, имеющимся в печати, Шварсалон пытался оставить детей при себе, чему категорически воспротивилась Лидия Дмитриевна. Конкретные подробности бракоразводного процесса нам неизвестны, о поведении Шварсалонов во время процесса см. Переписка... В С. 382, примеч. 1.

⁶ Речь идет об общественно-политических новостях; ср. п. 24 и 29.

27. Гревс — В.И. и Д.М. Ивановым

20 декабря 1894 г. / 1 января 1895 г. Париж

1 января 1895.

Дорогие, хорошие друзья
Вячеслав Иванович и Дарья Михайловна.

С новым годом, который, надеюсь, будет для вас хорошим годом и «новым» в настоящем смысле этого слова, т.е. приведет Вас в Россию с докторским дипломом и возможностью хорошей научно-педагогической деятельности. После последнего письма Вашего я некоторое время молчал потому, что очень то, что Вы, Вячеслав Иванович, пишете в нем о себе, глубоко огорчило меня, хотя я и ожидал услышать именно это.

Друг мой! Сделайте усилие над собой, переломите колебания, сомнения и самодушие: сочтите себя подготовленным к экзамену; засядьте за переписку в окончательном виде вашей диссертации, не подвергая ее больше улучшениям, и отправляйтесь через месяц в Берлин, чтобы весной окончить все и стать докто-

ром. Поверьте же хоть раз уверениям друзей, которые убеждены в вашей полной научной подготовленности к докторству, и поступите на этот раз против себя, т.к. только таким обр.<азом> вырветесь вы из того застоя (не в мысли и развитии, конечно, а в ходе специальной работы и движении научной карьеры). Поверьте им, что даже если случай не даст вам на экзамене формулы «*sunt eximia laude*»¹, то вы все-таки останетесь выдающимся ученым, с совсем оригинальной физиономией. Вы еще молоды, но вспомните, какой долгий путь предстоит вам в России; несмотря на ваши большие знания и положительный талант, он будет вам труден благодаря вашему характеру. Не одно желание добра одному из лучших моих друзей говорит во мне теперь, а также и чувство патриотизма, которое вы во мне так часто отрицаете²: для русск.<ой> науки вы представите очень замечательную силу, а ваша медлительность не только иммобилизирует ее, но в конце концов может и ослабить. Еще раз, горячо умоляю вас бросьте все ваши предрассудки и с разумною, вполне оправдываемою вашею подготовкою и вашими внутренними достоинствами смело сделайте последний шаг к докторату. Не улыбайтесь моим словам, иронически говоря: «покажи пример!» Мое опоздание объясняется неблагоприятными условиями, недостатком таланта и плохим научным образованием в тысячу раз больше, чем особенностями моего характера, и я делаю все от меня зависящее, чтобы выбраться, вы же по совести не можете сказать последнего.

Вячеслав Иванович! Соберитесь с духом: если Мих.<аил> Ник.<итич> еще у вас, поезжайте с ним в Берлин³. Там перепишите работу Жребий будет брошен, и там Гиршфельд разрешит ваши последние сомнения. Я с таким страстным нетерпением жду разрешения того научного кризиса, в котором вы находитесь, вы должны выйти из него! Соберите всю энергию. Не сердитесь, не оскорбляйтесь тем, что я говорю. Ведь не я один, а все вас знающие такого мнения.

Сегодня я не хочу писать больше ничего — это мое лучшее новогоднее пожелание, лучшее и для вас, и для Дарьи Михайловны, и для всей жизни вашей семьи. Если желаемое совершится, я с широкой радостью смотрю вперед на вашу будущую научную деятельность, и надежда, что мы когда-ниб.<удь> можем оказаться коллегами в России, наполняет мою душу прекрасным волнением. Будем вместе работать и в специальной области, и в области вопросов общенаучного мирозерпцания, будем вместе ездить за границу. Мы все больше будем удаляться от молодости, но я думаю еще долго не потеряю способности увлекаться и природою, и памятниками, и м.<ожет> б.<ыть> удастся нам в будущем лучше потуристствовать, чем в прошлом, и я, наконец, сделаюсь более свободен и менее буду вас раздражать торопливым стремлением к библиотеке.

Обнимаю вас, хороший друг! Крепко жму вам руку, дорогая Дарья Михайловна; знаю, что вы вполне сочувствуете моим словам; много раз целую милую Никсус⁴ и посылаю вам всем новогодний привет от моей семьи. Поздравляю душевно Лидию Димитриевну и Мих.<аила> Ник.<итича>⁵.

Ваш верный друг *Ив. Гревс*.

Пишите мне, пожалуйста, побольше не только в интересах моей научной работы, но в интересах моей дружбы о вас, и в интересах моей души о своих мыслях. Вы не можете себе представить, до какой степени мне дорого общение с вами, Дарья Михайловна! Напишите мне подробно о вашей жизни, обо всем, как она складывается. Когда собирается В.<ячеслав> И.<ванович> в Рим, поедете ли и вы с ним и действительно ли решили во что бы то ни стало ехать весною в Россию⁶. Ужасно недостаю мне вашего общества, и не знаю, когда удовлетворится мое желание познакомиться вас с моей семьей. У нас все благополучно. Я сижу над введением и над очерком об императорском землевлад.<ении> (оч.<ень> много, трудно и сложно!)⁷.

Прилагаемую записку передать М.Н. Кр.<ашенинникову>⁸

Стиль авторской датировки определяется по соотнесению с п. 28, помеченным 11 января 1895 г. н. ст. (поскольку оно написано до «русского нового года» и до известия о поездке Иванова в Рим см. названное письмо), при этом комментируемое письмо Гревса нельзя рассматривать как ответ на п. 28: оно представляет собою отклик на неразмысленное письмо Иванова, при котором возвращалось письмо В.Г. Васильевского (см. п. 25 и 28) и которое «глубоко огорчило» Гревса, по всей вероятности, сомнениями и колебаниями относительно возможных сроков завершения работы над диссертацией, тогда как новогоднее письмо Иванова из Рима как раз исполнено решимости закончить диссертацию именно весной 1895 г., т.е. вполне положительно отвечает на увещания Гревса (ср. также огорчения Гревса по поводу политического разномыслия с адресатом в п. 29).

Иванов отвечал на это письмо, по-видимому, 30 декабря 1894 г. / 11 января 1895 г. (п. 28).

¹ «С высшею похвалою» (лат.) — традиционная официальная формула высшего одобрения диссертации.

² Ср. п. 24.

³ М.Н. Крашенинников готовился к возвращению в Россию и, возможно, намереваясь остановиться в Берлине, чтобы встретиться с немецкими научными авторитетами перед защитой своей диссертации, которая состоялась в Петербурге, в ноябре 1895 г. (ср. п. 28).

⁴ Дочь Ивановых — Александра.

⁵ М.Н. Крашенинников.

⁶ Ср. п. 23 и 28.

⁷ Ср., Переписка... III. С. 318, где приведен отрывок из воспоминаний Гревса, относящийся к пребыванию его в Париже в 1894–1895 гг.

⁸ Письма Гревса к М.Н. Крашенинникову выявить не удалось. В начале 1895 г. срок грабительской командировки Крашенинникова кончался, и он должен был вскоре оказаться в Петербурге, ввиду чего писал Иванову 1 сентября (н. ст.) 1894 г. из Милана, где остановился для работы на возвратном пути в Россию: «А насчет И.М. Гревса пришла мне в голову вот такая мысль: скажу ему, чтобы когда будет готова у него хоть первая 1/3 работы, пусть присылает в Петербург, и я начну печатать и корректировать для того, чтобы выиграть время» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 3).

28. Иванов — Гревсу

30 декабря 1894 г. / 11 января 1895 г. Рим

Рим, 11 янв.<аря> 1895.

С новым годом, с новым, лучшим счастьем, дорогой друг Иван Михайлович! Дойдет ли это письмо в Париж к русскому новому году, не знаю; но раньше я не хотел писать Вам, зная, что Вам приятнее будет получить от меня письмо запоздалое, но помеченное именем вечного города. Этот факт моего приезда в Рим послужит вместе и лучшим ответом на письмо Ваше, глубоко меня тронувшее и близко к сердцу мною принятое. Приехал я сюда вчера вечером и намереваюсь пробыть здесь недель шесть, чтобы наедине поприлежнее приняться за свои дела, прежде же всего привести свою работу в окончательный вид, сделать ее druckfertig¹ и даже, если представится возможность, переписать начисто². Семью я оставил во Флоренции, куда буду теперь стремиться душой и где рассчитываю, по возвращении из Рима, провести еще некоторое время в приготовлениях к экзамену. В апреле надеюсь я лично представить в Берлине свою диссертацию, после чего, в случае если увижу, что остальная процедура докторирования затянется на ряд месяцев, съезжу, быть может, на короткое время в Москву, чтобы увидеть мать и еще более чтобы показать себя ей. Печальные известия имею я из Москвы о моей матери: один глаз и раньше у нее почти ничего не видел, а на

другом в настоящее время нарастает катаракт. Пока она не потеряла окончательно зрение, я должен увидеться с нею: это вместе ее и моя непрременная воля¹. Если случится поехать в Россию до окончания промоции, то семью я оставляю там, а сам вернусь в Берлин и буду стараться, во что бы то ни стало, окончить это дело в течение летнего семестра. Диссертацию во всяком случае желал бы я представить в факультет до поездки в Россию. Таковы мои настоящие планы; ехать же в Берлин немедленно, как советуете Вы и Крашенинников, для меня невозможно⁴.

Какая радость снова видеть Рим, где все так знакомо и так мило и дорого! Как жаль, что Вас нет со мною: приезжайте-ка, право, дорогой друг, побеседовать и поработать вместе и потом вместе пожить немного времени во Флоренции, которая стала так близка моему сердцу. Если же нельзя Вам приехать, пишите побольше и вместе присылайте скорее Ваши научные работы, к которым здесь, в Риме, я могу отнестись сознательнее при наличии нужных научных средств. Отчего Вы ничего не пишете мне о тех касающихся Вашей диссертации соображениях, которые я высказал в предыдущем письме, с коим возвратил Вам письмо Васильевского?³ Каково Ваше научное настроение? Одно советовал бы Вам: работать с большей смелостью и уверенностью; а большой научной храбрости я, к сожалению, не вижу в тех субъективно-искренних, хотя и не выдерживающих объективно критики фигурах уменьшения и самоуничтожения, которыми Вы так же любите наполнять свои письма всякий раз когда заговорите о своих научных силах, как фигурами преувеличения в тех местах, где Вы судите о моих научных способностях. Уже моя недостаточная научная продуктивность свидетельствует об отсутствии решительно выраженного таланта к той научной области, которую я хочу культивировать. Заблуждаетесь Вы и относительно моей мнимой нерешительности: будь я достаточно подготовлен, я бы не медлил более ни минуты; но именно моя неподготовленность обуславливает мой образ действий⁶.

Я остановился у Микели, которые живут пока на via Veneto 33, куда и пишете мне с пометкой на адресе: «presso Micheli», хотя через 4—5 дней думают съехать на другую квартиру, расположенную поближе к Капитолию и не столь лишенную солнечного света, как их настоящая, в остальных отношениях очень милая квартира. Получили ли Вы новогоднее поздравление, которое они адресовали Вам на avenue de Wagram?⁷

Крашенинников провожал меня вчера во Флоренции на вокзал; он собирался выехать в Россию в тот же день вечером. От него я имею передать Вам поклон, как и от жены, которая велела приветствовать в письме Вас и Марию Сергеевну и поздравить с Новым годом. Поздравьте и от меня Марию Сергеевну, с наилучшими пожеланиями, и поцелуйте детей. Даша без меня будет заниматься музыкой, фортепьяно и мандолиной, собирается поступить в *circolo mandolinistico*⁸, будет репетировать Сашу, которая с почти излишним рвением готовит свои школьные уроки (школа значительно мешает, к сожалению, и ее общению с детьми Лидии Дмитриевны), будет пользоваться обществом Лидии Дмитр.<иевны> и одной американки⁹, с которой очень сдружилась — и таким образом, вероятно, не найдет времени скучать. Здесь, в Риме, все скандализовано последними общественными событиями. Обнимаю Вас, дорогой Иван Михайлович, с горячим пожеланием здоровья и научного успеха в наступающем году и еще раз благодарю Вас за чудесное Ваше письмо, которое меня [глубоко] тронуло и одушевило.

Ваш В.И.

Микели Вам кланяются.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 47—49.

По всей видимости, ответ на п. 27

¹ Готовая к печати (нем.).

² Иначе объясняет одинокую поездку Иванова в Рим О.А. Шор, в своем жизнеописании руководствовавшаяся во многом устными воспоминаниями Иванова и семейными преданиями: «Все семеро <Лидия Дмитриевна с детьми и служанками-воспитанницами. Изд.> поселились во Флоренции. Пожар разгорается, и Лидия <Дмитриевна> стала часто посещать Ивановых. Дарья Михайловна, как это часто бывает, сама немало способствовала сближению мужа своего с его новым другом. Прошла осень, прошла часть зимы. Пожар разгорался. Когда они собрались тушить его, было уже поздно. В.И. попытался спастись бегством. Он один уехал в Рим в январе «для археологических работ». Но разлуки не выдержал. Через два месяца он Лидию позвал» (Дешарт О. Введение. С. 23). Ср. также п. Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 16 ноября 1895 г., где он вспоминает «первое время после своего бегства из Флоренции» в Рим как «мучительную, но поэтическую пору» (Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 36 об.).

³ О катастрофическом ухудшении зрения А.Д. Ивановой постоянно идет речь в письмах А.Т. Дмитриевской, матери Д.М. Ивановой, в первые месяцы 1895 г. (РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 68. Л. 19 и сл., там же находятся письма А.Д. Ивановой к сыну и невестке, обыкновенно это приписки к письмам А.Т. Дмитриевской; неестественно крупный почерк полуслепой женщины почти неразборчив, повторяется призыв к сыну приехать в Москву с семьей, пока сохраняется хотя бы слабое зрение: «Буду утешать себя надеждой на скорое свидание с вами» Л. 20 об.). Иванов приехал в Москву повидаться с матерью в мае 1895 г. (см.: Переписка... IV. С. 350).

⁴ Крашенинников неоднократно поднимал эту тему в своих письмах к Иванову. Еще 30 августа / 11 сентября 1894 г. в ответ на сообщение Иванова о намерении перебраться из Флоренции (где тот жил один, пока жена с дочерью путешествовали по Швейцарии), он писал:

Из Вашего письма вижу, что Вы начали уже скучать во Флоренции, но только не по Риму, а по путешествиям. Если бы знал адрес Дарии Михайловны, то непременно написал бы им (конечно, анонимное) письмо, с предупреждением, что Вы хотите улизнуть в Рим. *Quousque tandem?*.. Право, полюбите вы лучше на Рим, да jointly и на Флоренцию, и поедете туда из той страны, где апельсины зреют, — на дунайские волны, или в Липсико что ли. Только не советую ехать в Рим, там с Вами будет то же, что с Аннибалом или точнее с его войском в Кампании. А то собирайтесь-ка сюда в Милан. Не знаю, как у Вас во Флоренции, а здесь воздух несравненно бодрее, нежели в вечном городе. Недаром же и обитатели оного, подобно теперешним итальянским *ingenia* вообще, *суть basse e grasse*.

(РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 5.) *Quousque tandem?* Доколее? (лат.); начальные слова первой речи Цицерона против Катилины. *там* — прочь (нем.). *из той страны, где апельсины зреют* Крашенинников обыгрывает первые слова песни Миньоны Гете, призывающей навсегда скрыться в стране, где цветут лимоны. — *в Липсико* латинизированный вариант нем. Leipzig. — *то же, что с Аннибалом...* намек на события второй Пунической войны (218–201 до н.э.). — *ingenia* природные свойства, характеры (лат.); возможно, контаминация с итал. *ingenue* инженок, с которыми и сравнивал римлянок, считая, что они *суть basse e grasse* — низкорослые и толстые (umal.), тематизм Крашенинников, ср. его советы Иванову в письме от 20 августа / 1 сентября 1894 г..

Непрерывно ходите в театр посмотреть оперетку «Il venditore di uccelli» Целлера (по-видимому, не берлинской Excellenz?). Я был в театре Pezzana раз пять или шесть и влюблен в примадонну. Specialmente me vi raccomandando di sentire codesta operetta потому, что там есть сцена экзамена двумя профессорами, из коих один как две капли воды похож на Моммсен^а. И оба еще до экзаменования распевают про экзаменуемого — *e passerà, e passerà*. Думаю, что тот же дуэт теперь поют и о Вас в Берлине Гиршфельд с Моммшеном. Неужели Вы думаете застрять надолго во Флоренции? Поедите-ка лучше в Берлин, — *corpo di bacco* — из-за Вас, пожалуй, мне и Гиршфельда как своих ушей не повидать. А без Вас в Берлин — *mai, mai, mai!* Я на себе чувствую, что чем ближе к Германии, тем атмосфера как-то дееспособнее, не то что в Риме, где *proprio si addormenta insieme agli antichi monumenti*. До Берлина поедите куда угодно в Мюнхен Лейпциг Вена nach Afrika, nach Kamerun.

(РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 4 и об.) «Il venditore di uccelli» — оперетта К. Целлера «Продавец птиц». Excellenz — <его> превосходительство (нем.); в семинаре историка греческой философии Э. Целлера Иванов занимался в Берлинском университете (см.: Переписка... II. С. 312). в театре Pezzana театр в Милане. Specialmente... operetta особенно рекомендовано Вам послушать эту оперетку (umal.). e passerà... — пройдет (umal.). corpo di bacco — черт возьми! (umal.). — mai... никогда, ни за что! (umal.). proprio... monumenti — просто засыпает вместе с древними памятниками (umal.). nach Afrika, nach Kamerun — в Африку, в Камерун (нем.); в 90-е гг. XIX в. Камерун был одним из направлений колониальной экспансии Германской империи.

25 сентября / 7 октября 1894 г. Крашенинников, отговаривая Иванова ехать в Рим, в путку путая приятеля, охотно откликнувшегося на ученые комиссии: «Quousque tandem Вы будете сидеть во Флоренции. Смотрите, В.И., не едите в Рим, а то попрошу Вас там сличить для меня два греч. <скри> код <екса> Прокопия, а ведь Вы наверно не откажетесь это сделать (Слешу отговориться, что шучу и никаких сличений в Риме не надо!).» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 1); позже, однако, Крашенинников и в самом деле просил Иванова о сличении рукописей в

Риме и в Париже; см. Там же. Л. 20—22, 35 (при письмах Крашенинникова имеются выписки из греческих текстов с пометами Иванова — Л. 24—25); кроме того, ср. упоминание о сходных просьбах Крашенинникова к И.М. Гревсу (Там же. Л. 1). См. также письмо Иванова Крашенинникову от 27 января / 8 февраля 1896 г. (РГБ. Ф. 109. К. 10. Ед. хр. 15. Л. 3). Наконец, 27 февраля 1895 г. Крашенинников писал Иванову из Петербурга: «Как идут Ваши занятия и когда надеется двинуться *nach Berlin*? Во всяком случае Вы не должны откладывать и русский магист. <ерский> экзамен в долгий ящик, но приступить к нему осенью же или *spätestens* — перед Рождеством» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 35). — *nach Berlin* в Берлин (нем.). — *spätestens* — самое позднее (нем.).

⁵ См. п. 25 и общее примеч. к нему, а также п. 29.

⁶ Ср. признание Иванова: «Мне оставалось явиться на экзамен, который, по уверениям Гиршфельда и намеку самого Моммзена, был бы простою формальностью... Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, в роде «Государственного Права» Моммзена, не обеспечивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этою возможностью не мирилось. Да и не тем уже в то время сердце полно было» (Автобиографическое письмо. С. 20—21).

⁷ Ответ Гревса на этот вопрос см. в п. 29. Переписку Гревса с его римскими квартирными хозяевами обнаружить не удалось. На *avenue de Vagram* в Париже жили друзья Гревса Гольштейны; в разные годы в их квартире или поблизости жилал Гревс, в любом случае, письмо, адресованное Гольштейнам, должно было найти Гревса.

⁸ Кружок мандолинистов (*итал.*).

⁹ О ком идет речь, установить не удалось. Не исключено, что именно упоминаемой американке принадлежит письмо к Д.М. Ивановой на английском языке с неразборчивой подписью; письмо датировано 13 мая 1895 г., отправлено из Берлина и адресовано Дарье Михайловне в Берлин до востребования, т.е. в ожидании ее приезда; судя по содержанию, автор письма достаточно осведомлен о флорентийских событиях в семье Ивановых — см., РГБ. Ф. 109. К. 13. Ед. хр. 29 (в архивохранилище подпись автора письма прочтена как *Bergei*, однако читать следует *Bessy*, отождествляя тем самым автора, «американку» комментируемого письма с Бессей, упоминаемой в п. 39). То же лицо, по всей видимости, упоминал и М.Н. Крашенинников в своем письме к Ивановым из Петербурга от 15/27 марта 1895 г. «Ах как бы мне хотелось очутиться теперь во Флоренции, на диване, за Вашим чайным столом, послушать пение и музыку Дарии Михайловны, чтение Вячеслава Ивановича, и чтобы американка тут же была и говорила бы, что она в Неаполь не поедет, так как *tutti napoletani sono lad'i*. Теперь у Вас, должно быть, весна в полном разгаре, а у нас оттепель только и сылет, и грязь!» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 13). — *tutti napoletani sono lad'i* все неаполитанцы жулики (Крашенинников передает неправильность итальянской речи американки — должно было бы быть: *tutti i napoletani sono ladri*).

29. Гревс — Иванову

29 января / 10 февраля 1895 г. Париж

104, rue Lauriston
Paris.
10 февр<аля> 1895.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

Не собрался ответить вам немедленно после получения вашего последнего письма из Рима (как я был удивлен, что вы для меня неожиданно прибыли туда удивлен и обрадован и вместе взволнован!), а потом и затянулся ответ. Сегодня напишу немного, вероятно, т.к. поздно и чувствую себя усталым после огромного впечатления, которое произвела опять на меня 9-я симфония Бетховена. (Я убежден, что нет музыкального произведения, гениальнее ее!)¹ Не писалось все время потому, что жилось беспокойно и хлопотливо: после очень мягкого начала зимы в конце января настали сильные холода, и распространившаяся тут эпидемия инфлуэнцы захватила всю мою семью: проболели и дети, и жена (один я цел остался). Дети здоровы уже теперь (и сибирская температура повысилась), но жена сильно ослабела, и инфлуэнца

скверно подействовала на ее маловыносливые нервы. Боюсь очень, как бы она не расхворалась.

Очень благодарю за сведения о ваших дальнейших предположениях. Глубоко сочувствую вашему плану поездки в Москву весной: несомненно надо дать возможность матери, теряющей зрение, как можно скорее повидаться с вами; но только устройте так, чтобы весной или, по кр.<айней> м.<ере>, в начале лета, т.е. до отправления в Россию покончить и с экзаменом, и с защитой диссертации, чтобы для этого не приходилось вам возвращаться в Берлин. Право же, Вячеслав Иванович, приналегши на себя, вы можете это сделать, и это будет огромный шаг вперед и серьезное счастье. Не сердитесь на меня, а послушайте меня хоть один в жизни раз. Бесконечно буду счастлив и я, когда первый раз назову вас доктором!

Сильно волновали и расстраивали меня вести из нашей несчастной родины, особенно последняя, которую вы, конечно, знаете, если по-прежнему получаете русские газеты.² Я говорю о грубо самоуверенной и непристойной по тону речи, которую новый царь произнес при приеме депутатов от дворянств, земств и городов, в которой он обозвал «бессмысленными (sic!) мечтаниями» желание некоторых земств, чтобы представители их принимали участие «в делах внутреннего управления», и заявляя, что будет стоять «за начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как незабвенный родитель». Авторство этой речи принадлежит несомненно бессовестной придворной реакционной интриге с Победоносцевым и К' во главе, к которой 26-летний распорядитель [над судьбами] судеб нашей родины, не обладающий ни умом, ни убеждениями, не мог отнестись самостоятельно и критически; но самое ужасное заключается в том холопском восторге, с которым приняты были депутатами русской земли монаршие слова.³ Если интеллигенция не умеет вести себя с достоинством и раболепствует перед человеком, который, едва выйдя из детства, объявляет, что будет держать общество в прежнем рабском положении, на каком же элементе может основаться борьба за политический прогресс? Какое будущее можно ожидать для такой страны, в которой массе еще не нужно никаких полит.<ических> прав, средние классы желают лишь свободы наживы, высшие казенного вспомоществования, а интеллигенция сама отказывается от себя? Не могу сказать, что в душе у меня полное отчаяние; в мысли рисуется ряд планов общественной работы, хотелось бы и с вами поделиться ими, да только боюсь, что, как обыкновенно бывало в наших разговорах о политических вопросах, мало найду сочувствия в вас: верно, уж и только что написанные строки возбудили ваше неудовольствие, раздражение и т.д. Меня очень расстраивает такое разногласие с вами в области очень для меня важной и дорогой, и я утешаюсь лишь тем, что только ваше долгое отсутствие из России и плохое влияние «немецкой государственности» обуславливают упорство вашего «просвещенного консерватизма», и успокаиваю себя надеждою, что теории, которые вы противопоставляете, как нечто самобытное, тому, что вы называете шаблонным либерализмом (или радикализмом), разлетятся во прах перед ужасами русской действительности.⁴ Мраком веет из России; во Франции же несколько разъясняется небо: крушение Казимировской реакции блестящим обр.<азом> показало, что далеко назад тут идти нельзя, и хоть прогрессистам не удалось довести до президентства своего кандидата, но и очень умеренное министерство должно было выставить амнистию, чтобы создать себе положение, и новый президент, хотя и консерватор, не умеет держать себя, как президент.⁵ Только русское общество будет все терпеть, и одни студенты будут выступать протестантами.

Что касается моих научных дел, то ваши слова, убеждения и соображения поколебали мою «gérignapce»⁶ сделать «Очерки» диссертацией. Я вам верю глубоко — и раз вы говорите⁷, что так поступить прилично после того, как Васильевский это предлагает, склоняюсь и я, так как вижу, что иначе докончить

дела не успею. Я работаю теперь над очерком об императорском землевладении от утв.<ерждения> империи до Диоклетиана (или неск.<олько> раньше?), в который разрастается то, что я хотел сосредоточить около *salvus* ов; рассчитываю на 10–15 листов, затем нечто подобное по величине думаю сделать из своего матерьяла о частновладельческой собственности в тот же период (с Плинием в центре)⁸ Я думаю, что эти два очерка я успею кончить до возвращения в Россию. Затем «Горация» я бы хотел переделать несколько (если бы я имел в виду возможность такой комбинации, я бы иначе его редактировал), предположив ему (его я бы оставил в виде «прелюдии») руководящее предисловие, а в конце дал бы общее заключение в том духе, как вы бы хотели (только сумею ли?.. вы очень многого требуете!), которое сконцентрирует в общем выводе идеи, проходящие через все три очерка. Т.о. выйдет книга около 40 печатных листов, и если содержание ее удовлетворительно, то диссертация окажется увесистой. Кажется только, нельзя уже ничего поделаться с Горацием, т.к. он напечатан уже в 200 экземплярах, как начало книги, и Васильевский очень будет артачиться против перепечатки, хотя я ему предлагаю выпустить его брошюрою, а затем позволить мне переделать его, снабдив введением, а затем уже печатать остальные два очерка, как продолжение того, что будет переделано. Я очень, кажется, слупил, что согласился на печатание Горация в «неисправленном виде» и без нового введения в виде начала новой книги⁹ Напишите, что вы думаете об этом (т.е. о только что сказанном). Если бы дело решилось так, чтобы «Очерки» действительно обратились в диссертацию, это феноменально двинуло бы меня вперед дело было бы более или менее в шляпе! Знаете что? Гиро (Paul Guiraud) работает над общею историею землевладения в римском мире от основания Рима до падения империи. — Он думает окончить работу лет в 5–6; подробно еще не удалось поговорить с ним, но еще надеюсь много раз пови-даться с ним¹⁰ Только, боюсь, будет помалкивать! — Я нигула не хожу и нико-го не вижу решительно не хочу отрываться, надо стоять на одном и не раз-брасываться, а сношения требуют большой потери времени. — Слушаю для развлечения одного Гастона, который читает очень интересный курс о Таци-те (это для меня истинное удовольствие!)¹¹

До свидания, хороший друг! Хотел бы приехать к вам (и как бы хотел!), да нельзя никак! Обнимаю вас крепко, напоминаю о своей дружбе и прошу писать о себе и ответить на мои сомнения. Напишите и о Риме. Когда вы едете.

Горячо вас любящий друг *Ив. Гревс*.

Вашим перешлите искренний привет У вас «Hermes» больше под рукою, чем у меня. Сообщите, когда появится новая ст.<атья> *Schulten*'а о *Grundherrschaffen*¹² — Посылаю вам «Горация» без конца, т.к. получил его в таком виде (конец, должно быть, отлагается до следующего очерка)¹³

Кланяйтесь семье *Micheli*, поблагодарите за поздравление; не ответил им только потому, что они не сообщили адреса¹⁴

Не выходило ли каких-ниб.<удь> новых эпиграфических сборников или то-мов *Corpus*'а?¹⁵

Если увидите какую-ниб.<удь> статью, для меня любопытную, сообщите.

Простите! Не перечитываю письма некогда!

Всего хорошего!

Где находится *Via Veneto*?¹⁶

Hare, W<alks> <?> I, <?> «The Vicolo d'Alibert, which unites the Via Margutta to the Babuino, derives its name from having contained the celebrated Teatro delle Dame, built by M. d'Alibert, equerry to Queen Christina»¹⁷

Посылаю Вам результаты моих [раз<ысканий>] «recherches»¹⁸ о происхожде-нии дорогого нашему сердцу названия *Vicolo d'Alibert*¹⁹

<Конверт (№ III). Адрес:> Al chiarissimo signore || Venceslao Ivanov || Via Veneto, 33, presso Sr Micheli || Roma || Italie.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 9—10.

Заключительная часть письма на отдельном клочке бумаги, сохранившемся в конверте, относящемся к комментируемому письму, и не замеченном архивистами при обработке данной единицы хранения: выписка сделана чернилами, сопроводительная надпись — карандашом; верхний правый угол оторван при вскрытии конверта.

Получено в Риме 14 февраля 1895 г. Ответ Иванова неизвестен, но о некоторых его делах — именно по вопросу о диссертации Гревса — можно судить по п. 30.

¹ Отметим глубинное совпадение вкусов двух корреспондентов. Иванов любовь к Бетховену перенял в детстве от матери — ср. в его автобиографической поэме «Младенчество» (строфа IX, «Несмеяна» — мать поэта): «Французский автор здесь греховен || Порой казался или пуст. || Но «Несмеяна» был Бетховен, || Царит Вольфганга Гете бюст || В девичьей кельти» и т.д. В 1890-е г. творчество Бетховена занимает центральное место в эстетическом сознании Иванова наряду с Данте, Гете, Достоевским и Ницше, что находит отражение в программных стихотворениях, вошедших в первую книгу поэта «Коричневые звезды» — «Missa solemnis. Бетховена», «Творчество», «Рокоборору» (ср. *Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник*. С. 13, 46; *Bartlett R. Ivanov and Wagner* // *Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums*, Heidelberg, 4.—10. September 1989 / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993. S. 67—83). Позднее это представление о Бетховене, «величайшем провозвестнике оргийных танцев духа» (ст. «Ницше и Дионис», 1904) настойчиво повторяется в манифестах ивановской историософии, по преимуществу в первой книге его эссе:

Творение Бетховена, хотя и несомненно «пустынника духа», тем не менее обнаруживают, подобно творениям Шекспира, значительную степень приближения к идеалу искусства всенародного, как музыка вообще, эта «текущая архитектура» в нашем лишенном золотства веке, — единственное искусство нового мира, о котором можно условно сказать, что пафос искусства всенародного еще жив среди нас. Отсюда — внутреннее противоречие и как бы трагическая антимомия Девятой Симфонии Бетховена, этой двойной измены творца ее и двойной жертвы: ибо она — измена самой музыке, как сфере частной и обособленной, и принесение ее неизречасмых таинств в жертву Слову, как общезнаменительному символу вселенского единомыслия, — измена личности и отречение от ее высочайших притязаний во имя любви и правды вселенской. <...> Так и на примере Бетховена мы видим, что крайнее дерзновение индивидуального духа переходит в свою противоположность: в отрицание индивидуума ради идеи вселенской. («Копье Афины», 1904).

Индивидуализм Фауста и авантюризм Вильгельма Мейстера кончаются поворотом к общественной деятельности; и пафос личности, рыдающий в глубоких звуках Девятой Симфонии Бетховена, находит разрешение своей лихорадочной агонии томлений, вызовов, исканий, падений, обманутых надежд и конечных отречений — в торжестве соборности. Роптать ли нам, если всю кровь и весь сок наших переживаний сила вещей делает достоянием и опытом вселенским, и даже одинокий и неразделенный порыв наш учитывается круговой порукой жизни?.. Конечно, не закон жизни изменился, а мы прозрели на закон жизни: но, раз прозрели, уже не те, какими были в слепоте нашей. Индивидуализм — феномен субъективного сознания. Умчался век эпоса: пусть же зачнется хоровой дифирамб. Горек наш запев: плач самоотрекающегося и еще не отрешенного духа. Кто не хочет петь хоровую песнь, пусть удалится из круга, закрыв лицо руками. Он может умереть; но жить отшельником не сможет. («Кризис индивидуализма», 1905).

(Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 5, 48—50, 99—100.)

² Иванов в Риме получал русские газеты (регулярно — по крайней мере, «Русские ведомости»), которыми делился с соотечественниками. Упоминания об этом находим в переписке М.Н. Крашенинникова: «Прежде всего усерднейше благодарю Вас за пухи газет», писал он Иванову 1 сентября (н. ст.) 1894 г. (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 3). Ср. в письме Крашенинникова к В.К. Ершестелу из Рима от 29 июля / 10 августа 1893 г.: «От души поздравляю вас с академическим креслом <адаптика>. — Изд.»; вскоре после получения Вашего письма я прочел в «Русских Ведомостях», которые тут получают В.И. Ивановым, что Вас утвердили» (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 10). Возвратясь в Россию в начале 1895 г., Крашенинников подписался на музыкальный журнал «Нувельист» и просил разрешения пересылать его Дарье Михайловне, настаивая при этом: «имею же хоть тень права послать его — хотя бы в отместку за «Русск. <не> Вед. <омости>», которыми вы с В.И. снабжали меня tanto tempo <так долго (итал.)>. Изд.» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 104).

³ После смерти Александра III (20 октября 1894 г.) в либеральных кругах распространились надежды на то, что новый царь, как минимум, откажется от «реакционной» политики отца, как максимум, — прислушается к чаяниям либералов и дарует России конституцию. В поддержку собственным ожиданиям (поведение государя и его ближайшего окружения никоим образом их не провоцировало и никак на них не откликлось) либералы постарались оказать давление на власть, используя адреса от губернских земств на Высочайшее имя. В центре организации этой кампании стояли люди, весьма близкие Гревсу не только по политическим взглядам, но и биографически (в частности, кн. Д.И. Шаховской). 17 января 1895 г. Николай II в речи на приеме дворянских, земских и городских депутатов прямо и недвусмысленно опроверг либеральные ожидания (по сути дела, формулировавшиеся и читавшиеся как политические требования).

В 2 часа дня Их Величества Государь Император и Государыня Императрица вышли из внутренних комнат в Концертную залу. Его Величество прошел в Николаевскую залу и, поклонившись присутствующим, громким голосом сказал: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю в искренность этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель». Как только кончил Государь свою речь, громкое «ура» огласило своды Николаевской залы и эхом разнеслось по соседним.

(Высочайший прием депутатов // Новое время. СПб., 1895. 18 янв. (№ 6785). С. 1. Без подп., слова императора прозвучали вне рамок его официальной речи, текст которой воспроизведен тут же в виде самостоятельной публикации.) Царское заявление породило среди консервативной и патристической настроенной части общества удовлетворение и, соответственно, глубокое разочарование и недовольство среди либералов.

⁴ Поскольку в этой фразе ряд политических терминов взят Гревсом в кавычки и имеется отсыл к прямой речи Иванова («вы называете»), позволительно предположить, что Гревс отвечает на высказывания, содержащиеся в неизвестном нам письме Иванова (см. общее примеч. к п. 27). Ср. воспоминания Иванова о его берлинских годах (1886–1891), в известной степени противоречащие утверждению Гревса о немецких образах политического самоопределения Иванова: «Я упивался многогомым Гете, с любовью углублялся в Шопенгауэра, ничего не знал на свете услужительнее и духовно-содержательнее немецкой классической музыки и отчетливо видел общую форсировку, надутое безвкусие и обезличивающую силу новейшей немецкой культуры, мешанство духа, в которое выродилась протестантская мысль... С недоумением наблюдал я, что государственность может служить источником высочайшего пафоса даже для столь свободного и свобододолюбивого человека, как Моммзен: но истинным талантам старшего поколения я многое прощал, как и самому Трейчке я прощал его крайний шовинизм за подлинный жар его благородного красноречия. Зато самодовольный и все же ненастный национализм последнего чекана, который кишел и шипел вокруг клубами крупных и мелких змей, был мне отвратителен» (Автобиографическое письмо. С. 18).

⁵ Франция в начале 1890-х гг. переживала политический кризис, одним из проявлений которого была активизация террора анархистов и реакция властей, ответивших казнями террористов и принятием так называемых «злodeйских» законов, которые применялись не столько против анархистов, сколько против Рабочей партии и социалистов. После того как 24 июня 1894 г. анархистом Казеро был убит президент Французской республики Садн-Карно, следующим президентом был избран Жан Казимир-Перье (1847–1907), наживший 40-миллионное состояние спекуляциями на бирже и ростовщическими операциями. Кампания, которую вели против него социалисты (Мильеран, Жорес), увенчалась успехом, и 15 января 1895 г. Казимир-Перье вынужден был подать в отставку. При выборах нового президента, хотя в первом туре больше всех голосов набрал кандидат радикалов Бриссон, во втором туре, 17 января 1895 г., объединенными голосами монархистов и умеренных был избран Феликс Фор (1841–1899), оставшийся на посту главы государства до самой своей смерти. Сформированное по инициативе Форы новое правительство Рибо (26 января 1895 г.) предложило ряд популярных мер, обезбуржуазивших социалистов, в том числе и всеобщую политическую амнистию за политические преступления, без распространения ее на анархистов. Фор, «президент-солнце», постарался воскресить церемонные порядки монархических времен, уверяя, что заботится лишь о том, чтобы лучше представлять Францию. Подробнее см.: Антохина-Московченко В.И. История Франции 1870–1918 гг. М., 1963. С. 341–349.

⁶ Отвращение (франц.).

⁷ Вероятно, снова отсыл к неизвестному нам письму Иванова (см. общее примеч. к п. 27).

⁸ В свое время эта работа закончена не была (см. Переписка... III. С. 324, примеч. 2). Соответствующие главы имеются в рукописи, подготовленной Гревсом для издания в конце 1930-х гг., но так и не увидевшей свет. См.: Казанович Б.С. Вокруг «Очерков»... С. 205–206, 211–212.

⁹ По всей вероятности, этот набор первых листов диссертации, представлявший собою дополнительный тираж журнального варианта работы о Горациях, использован не был: по набору текст диссертации не имеет ничего общего с текстом журнала. Оттиски дополнительного тиража нам неизвестны. См. также примеч. 1 к п. 31.

¹⁰ Поль Гиро (Paul Guiraud; 1850–1907) — французский историк, ученик Фюстель де Куланжа. Ср. то, что писал о нем Гревс в марте 1892 г. «Автор очень хорошего исследования "Les assemblées provinciales dans l'empire Romain" Р. 1887 и работающий теперь над обширным капитальным трудом по истории земельной собственности в древней Греции, который в первоначальном рукописном виде уже был премирован Академией нравственных и политических наук. <...> Проф. Гиро, молодой еще человек, однако, с преждевременно пробивающейся седой в очень черных волосах, с сухим энергичным лицом южного типа и умными, пронзительными, несколько суровыми глазами... в моих отношениях с ним я лично, например, ничего кроме самого милого внимания не встретил» (Гревс И.М., *Погодин П.Д.* Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа // Историческое обозрение / Под ред. Н.И. Кареева. Т. IV СПб., 1892. С. 204, примеч. 31, С. 205, 206). В предисловии к диссертации 1899 г. Гревс, отмечая, что «у нас до настоящей минуты нет основного и цельного сочинения по истории землевладения» в древнем Риме, в специальном примечании уточнил: «До самых последних лет то же можно было повторить и об историографии землевладения в древней Греции; но три с лишним года тому назад появилась обширная работа французского ученого, Paul Guiraud, *La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine* (Paris, Hachette, 1894, gr. 8°). Автор ее, ученик Фюстель де Куланжа, один из лучших профессоров Сорбонны, уже известен несколькими раньше написанными им частными исследованиями по римской истории, и настоящее его сочинение еще в рукописи было премировано французской Академией нравственных и политических наук. В печати оно вышло в значительно распространенном и основательно переработанном виде. Компетентная критика, к сожалению, до сих пор обстоятельно не установила, в какой степени полно и окончательно выяснен вопрос в книге г. Гиро; но во всяком случае нельзя не видеть в ней замечательного научного произведения, в котором задача впервые поставлена широко и цельно, материал привлечен весь и обработан правильно и твердо. Так что, несомненно, появление ее совершает важный шаг вперед в области разяснения существенно важного явления не только в истории древности, но и во всеобщей истории» (Очерки... С. 3, 4, примеч. 1). Книгу о римском землевладении Гиро написать не успел.

¹¹ О лекциях Гастона Буассе см. примеч. 8 к п. 25.

¹² Адольф Шульцен (Adolf Schulten; 1870–1960) — немецкий историк и археолог, занимавшийся историей римского землевладения и впоследствии в особенности археологией и историей античной Испании.

Гревс оцелил новых работ Шульцена после привлеченной его внимание статьи: «Во второй книжке журнала *Hermes* за 1894 год... вышла очень интересная статья *Schulten* о недавно найденном в Африке эпиграфическом тексте, проливающим очень важный свет на императорское землевладение в этой провинции и на историю колоната. Он же обещает в скором времени работу о крупных поместьях (*Die Grundherrschaften*)» (Гревс И.М. Очерк первый. Гораций. С. 81, примеч. 3; упомянута статья: *Schulten A.* Die lex Hadriana de nudibus argis. Eine neue Urkunde aus den afrikanischen Saltus // *Hermes*. Bd. 29. 1894. S. 204–230). Однако обещанное исследование появилось не в «Гермесе», а в «*Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*» (1895, № 2), а затем и отдельной книгой: *Schulten A.* Die römischen Grundherrschaften, eine agrarhistorische Untersuchung. Weimar, 1896.

Гревс с удовлетворением отмечал, что Шульцен высказывает то же мнение, что и он сам «о латифундиальной собственности и мелком фермерстве, как господствующим формам земельного строя... и о падении крестьянского и мелкопоместного землевладения» (Очерк второй. Атик. I. С. 300, примеч. 1; Очерки... С. 240 сл., примеч. 1), при этом не упуская случая указать, что работа Шульцена («очень почтенное исследование») появилась в первоначальном виде несколько позже, чем его собственный очерк о Горациях в ЖМНП.

¹³ Речь идет о присылке Иванову корректурного оттиска очерка о Горациях. По всей видимости, Гревс получил некомплектный оттиск и предположил, что окончание статьи редакцией отложено до следующего номера. Читающееся в письме «очерка» в этом случае следует принять за описку — хотя в то время в русских академических журналах, в том числе и в «Журнале Министерства народного просвещения», практиковалась и печать сильно фрагментированных текстов (когда речь шла о большой цельной работе, редакция больше думала об общем объеме отдельного номера, чем о логике членения публикуемого текста). Очерк Гревса о Горациях был напечатан целиком в январском номере журнала на 1895 г.

¹⁴ См. примеч. 7 к п. 28.

¹⁵ Речь идет о *Corpus inscriptionum Latinarum* — фундаментальном своде латинских надписей; см. приложение к п. 6, примеч. 23.

¹⁶ Улица Витторио Венето находится в северной части Рима конца XIX в., у подножья Пинчо с огромными парками его знаменитых вилл; этот район был, как видно, особенно притягателен для Иванова — ср. его прежние места жительства на виа Гаста, виа Маргутта, а позже на виа делле Куаттро Фонтане и т.п.

¹⁷ «Виколо д'Алиберт, который соединяет виа Маргутта с улицей Бабуино, ведет свое название от того, что там находился прославленный театр делле Даме, построенный М. Д'Алибертом, ко- ньюиом королевы Христины» (англ.).

¹⁸ Разыскания, исследования (франц.).

¹⁹ Вероятнее всего, Гревс сделал выписку из популярного путеводителя: *Hare, Augustus. Walks in Rome*. London, 1873 (неоднократно переиздавался, в частности, в 1893 г. вышло 13-е издание в двух томах).

30. Гревс — Иванову

13/25 февраля 1895 г. Париж

104. rue Lauriston. Paris.
25 февр<аля> 1895.

«Quid melius Roma!»
(Ovid. Ex Ponto, I. 3. 35)¹

Дорогой и хороший друг

Вчера в библиотеке просматривал я *Ampère's L'Histoire de l'empire Romain à Rome*² и охвачен был такою тоскою по Риму, что невольно вспомнился восторженный возглас Овидия, который вы только что прочли в виде эпиграфа к этому письму; немедленно захотелось написать вам, а сегодня получил ваше — такое хорошее и такое для меня интересное, что уже сегодня не могу удержаться, чтобы не присесть написать вам хоть несколько бессвязных строк. Ваши письма всегда оказывают на меня воодушевляющее действие; они полны для меня особой поэзии — поэзии научной и философской мысли, поэзии воспоминаний, поэзии общих горячих симпатий к древности, к Риму и, с другой стороны, друг к другу. Каждое слово вашего письма вырастает для меня в ряд образов, воспроизводящих многие дорогие и близкие уму и сердцу картины нашего общения с вами, а это общение составляет в моей «духовной биографии» главу, полную глубокого внутреннего смысла. Не обвиняйте меня в сентиментальности и верьте, что все это так, и что все это носит не расслабленно-лирический характер во мне, а составляет элемент, будящий сильную умств.<енную> энергию. В Рим, в Рим стремлюсь я теперь всею душою и немного проклинаю себя, зачем я вас убедил переехать во Флоренцию. Если бы вы оставались в Риме (все равно вы не в Германии!), я бы не в силах был удержаться, чтобы не приехать в Рим на Пасху (у нас в Библиотеке двухнедельные каникулы от 1 до 16 апреля). Мне так надо повидаться с вами и повидаться именно в Риме. И вдруг вас в Риме нет! Мне кажется, что я так бы хорошо провел там апрель с вами, так плодотворно для своей работы, и так счастливо для себя лично! Одно меня утешает — это мысль, что иначе, как переехав с семьей во Флоренцию и вернувшись в Рим только на «бивак», вы бы не привели так скоро в окончательный порядок свою диссертацию. Это известие глубоко порадовало меня, и я от полноты души поздравляю вас с этим важным событием. Перепишите теперь ее как можно скорее и, не засиживаясь за приготовлением к экзамену, отправляйтесь, не медля, в Берлин или сделайте крюк и заезжайте сюда раннею весною. Да нет, не приедете! Ничего вас сюда не тянет! Для

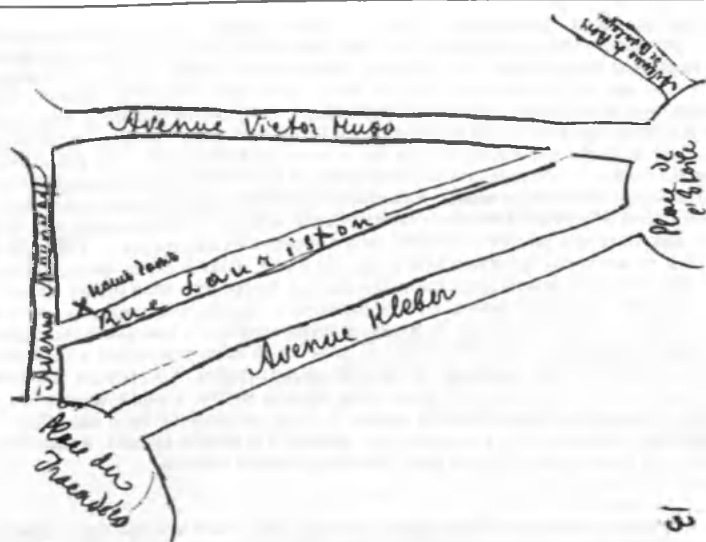
² Т.е. скоро не будет! (примеч. Гревса).

меня в «деловом» отношении, м.<ожет> б.<ыть>, также лучше, что ваш отъезд из Рима значительно ослабляет (если не уничтожает) серьезный смысл моей поездки туда и заставляет сидеть здесь безвыездно: сердцу от этого большого горе, так как оно мучится тоскою по Риму и по вас; но разум говорит, что нельзя терять времени, выбиваясь переездами из рабочей колеи, и что надо взять чувство дружбы к вам и поклонения Вечному Городу на привязь. К тому же денег нет, так что поездка была бы и неосторожностью, т.е. легкомысленным поступком в области финансовой политики. Я ужасно нескладно говорю, пот.<ому> что весь охвачен волнением (помните нашу беседу в саду около *San Pietro in Montorio*?³ Она ярко стоит у меня теперь в воображении; она для меня как-то всегда рисуется полною очень большого содержания я во время нее как-то особенно чувствовал свою дружбу к вам, ясно ощущал многочисленные элементы духовного сродства и так хорошо понял, что дала моему научному развитию встреча с вами!); мысли вереницею теснятся в голове хочется все их передать вам и трудно. Хорошо на душе, и вместе с тем как-то ест душу постоянная тревога за все, что делаешь, за все и за всех, чем полна и чем движется жизнь и в области обществ.<енной> деятельности, и в области научной работы, и в области семейной, дружеской, личной жизни, а выше всего этого в области философско-религиозной мысли. Еще раз: хорошо бы и надо было с вами увидеться, да не все то можно, что хорошо! По правде сказать, я всю зиму мечтал о Риме весною. Теперь надо положить предел мечтам!

Простите за беспорядочную тираду, которую вы только что прочли: я думаю, что вы поймете ее суть, т.к. вы человек чуткий и меня знаете, и т.к. она отзвук всего, что мы вместе пережили. Вы так мило описали мне свою римскую жизнь, я так чувствую всякую ее мелочь. Очень радуюсь, что вы устроили ее «по моему образу», хотя он может показаться и не очень гармонично-цельным и не очень интеллигентным. Но при большой и спешн.<ой> работе он необходим, и в соединении с ним интенсивность важное условие для успешного движения работ.⁴ А эти «беглые взгляды на знакомые мраморы Капитолия и Ватикана» среди усиленной рабочей страды, какими жаркими и светлыми лучами озаряют они все внутреннее существо. — Эх! Отчего мы еще раз не можем встретиться в Риме?! — Я пишу вам о Риме, хоть вы и уезжаете. М.<ожет> б.<ыть>, письмо еще застанет вас там — мне этого ужасно хочется...⁵

Чрезвычайно сожалею, что вы не познакомились с Шультеном; мне бы интересно было знать ваше впечатление о нем, об этом страшном моем rival'e⁶, блестящем твердостью немецкой эрудиции, которую я так уважаю и которой (увы!) сам так чужд! Я очень удивлен, что на вас, по-видимому, не произвело впечатления то обстоятельство, что Гиро захватил в свои руки всю громадную область римского землевладения⁷ — Меня же, по правде сказать, это очень поразило, и мне кажется, что выпустив книгу «Очерков» я должен буду сложить оружие перед его ногами и взяться за другой вопрос для докторской работы⁸ Скажите, как вы полагаете? Но знаете что? Я, кажется, не в силах буду покинуть Римскую Империю, и если пойду дальше в Средние века, то во всяк<ом> случае думаю остаться в Италии. Вы сильно отговаривали меня от Франциска Ассизского; теперь мне больше хочется остановиться на Бенедикте — это близко от римского времени, и тут можно, я думаю, много сказать⁹ Помните, что вы говорили о своем намерении заняться историей политических идей общества во время Р<имской> империи. Оставили вы эту мысль или нет? Мы нынешн.<ий> год об этом не вспоминали¹⁰

Меня очень обрадовало то, что вы пишете об обращении моих «Очерков» в диссертацию. После вашего одобрения я окончательно на это решаюсь¹¹ Решусь в крайнем случае оставить и Горация непереработанным. Следовало бы это, да трудно очень уж я сроднился с формою, в которую он вылился, а перепечатывать 8 листов только для детальных исправлений и дополнений — это значило бы, кажет-

ся, очень осложнять и замедлять дело. К тому же не знаю даже, возможно ли это теперь со стор.<оны> типографской¹² Васильевский пока не отвечает!¹³

Сегодня окончил обозрение госуд.<арственных> земель (ager publ.<icus>) в Италии и провинциях, которое мне нужно, как установка исходной точки и зерна имп.<ераторского> землевлад.<ения> Стоило оно много труда, что вышло, не знаю¹⁴ Буду дальше идти (-1) степень власти имп.<е>р.<а>т.<о>р.<ов> над этими государств.<енными> земельными имущ.<ествами>; 2) способы их приращения; 3) импер.<аторский> патримоний и т.д.) и отделять законченное: когда отделаю эту первую главу, я думаю, пришлю вам ее (или вы бы хотели все вместе?).

Осталось мне полгода заграничной жизни. О возвращении в Россию думаю с большим беспокойством. Во-перв.<ых>, боюсь, что все-таки не кончу всего, что надо, во-вторых, с ужасом думаю о возобновлении каторжной жизни там, в-третьих, не влечет туда и политическое положение, в котором безвыходно находится наше общество. Не хочется писать теперь об этом, но больно мне, что не понимаете вы невозможности свободы при самодержавии и безусловной несоединимости самодержавия с прочным прогрессом. В конце концов, м.<ожет> б.<ыть>, только в умств.<енной> жизни, питаемой специально-научной и общеполитической работой, единств.<енно> прочный смысл жизни; но ведь и этим заниматься в России почти невозможно. Вы хорошо не представляете себе, что это за ужасная страна Россия, и как вы в ней будете страдать!

Спасибо большое за указания, которыми вы заканчиваете свое письмо. Не пременно воспользуюсь ими¹⁵ Я теперь тоже оч.<ень> плохо слежу за новостями весь погружен в писание. Много читал Цицерона экспирировал¹⁶ его всего кроме философских вещей (боюсь только, что чересчур бегло). Много интересного в нем для меня. Читаю Плиния Старш.<его> (для 3-го этюда) и часто удивляюсь, какой он, с позволения сказать, был дурак!¹⁷ Ведь три четверти чепухи у него в громадн.<ом> его сочинении. А все-таки «latifundia perdidere Italiam!»¹⁸ И дураки бывают правы!

* Ну м.<ожет> б.<ыть>, неинного меньше! (примеч. Гревса).

Одно меня не удовлетворяет, Вяч.<слав> Ив.<анович>, в нашей дружбе: это ее эгоистичность с моей стороны. Так много я в ней пользуюсь от вас и так бесконечно мало вам даю. Только происходит это не от недостатка любви, а от неравенства талантов и внутр.<енного> содержания.

Горячий привет вам и вашим от жены и от меня.

Обнимаю вас крепко. Пишите!

Ваш друг Ив. Гревс.

Микели и Рейману¹⁹ поклон!

Не нужно ли вам что-ниб<удь> в Париже?

Я же вам писал, что Rue Lauriston около Trocadéro. Теперь прилагаю план. А вы-то как далеко забрались в Риме!²⁰

<Конверт. Адрес:> Signor Venceslao Ivanov || via Veneto, 33, presso Sr Micheli || Roma || Italie.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 11–12.

К письму приложен нарисованный Гревсом план парижских улиц (Л. 13).

Стиль даты установлен по конверту (№ IV), который может быть отнесен только к этому письму, с почт. шт.. Paris 26 Fevr 95; Roma 28.2.95.

Ответ на неизвестное письмо Иванова. Иванов ответил 24 февраля / 8 марта 1895 г (п. 33).

¹ Овидий. Письма с Понта. I. 3. 37. «Что есть Рима милей?» (пер. А. Парина).

² Ampère (de la Chine) J.J. L'empire romain à Rome. T. I–II. Paris, 1867. В 1855–1857 гг. Ж. Ампер опубликовал в «Revue des Deux Mondes» очерк древнеримской истории на фоне памятников Рима, свидетельствующих о ней. Затем эти статьи были расширены и переработаны в упомянутую книгу.

³ San Pietro in Montorio римская церковь, по средневековому преданию место казни ап. Петра; расположена на крутом холме Джаниколо (лат. Janiculum) за Тибром, окружена парком, откуда открывается панорама Рима.

⁴ По всей видимости, Иванов в неизвестном нам письме говорил, что устроил свой рабочий день «по образцу» Гревса, отличавшегося сосредоточенностью и педантизмом в исполнении своих рабочих обязанностей.

⁵ Комментируемое письмо Иванов получил в Риме; ср. его ответ (п. 33).

⁶ Соперник (франц.). — Ср. примеч. 12 к п. 29. Вероятно, в несохранившемся письме Иванов на вопрос Гревса о новой статье Шульцена сообщил о пребывании того в Риме.

⁷ Ср. примеч. 10 к п. 29.

⁸ Докторской диссертации Гревс, как известно, по целому ряду причин не написал (подробнее см. Переписка... III. С. 337–339); однако, и Гиро свой замысел осуществить не удалось (см. примеч. 10 к п. 29).

⁹ Франциск Ассизский (1181–1226), наряду с бл. Августином и Данте, был одним из главных героев научных трудов Гревса. В течение многих лет преподавания истории средних веков он посвящал Франциску Ассизскому семинарские занятия; во время образовательных экскурсий со студентами университета и слушательницами Высших женских курсов в Италию Франциск был эмоциональным и смысловым центром всего путешествия (Аншиферов Н.П. Из дум о былом. С. 169, 279, 293–295, 303–306). Бенедикт (Венедикт) Нурсийский (ок. 480–547) основатель монастыря Монтекасино, один из столпов традиции монашеского жития.

¹⁰ Замысел Иванова осуществлен не был, хотя он к нему возвращался позднее, в 1899–1900 гг., после перерыва в научных занятиях «вследствие перемены в семейной жизни и увлечения литературной деятельностью», когда он «принялся за неоконченное исследование об образах и сивилинных пророчествах, влиявших на развитие римской государственной идеи до Августа и при Августе» (Иванов Вяч. Criticium vitae. С. 189–190). Ср. у него же: «Рима, однако, я не оставлял для элтинства и за почти годичное наше пребывание в Англии усердно собирал, в лондонском Reading-Room при Британском музее, материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во всемирную миссию Рима» (Автобиографическое письмо. С. 21). В архивном фонде Иванова в РГБ хранится незавершенная рукопись сочинения «Fortuna» («Образ фортуны эпохи Августа...») — РГБ. Ф. 109. К. 4. Ед. хр. 10. 51 л.

¹¹ См. п. 25, 28 и 29.¹² См. п. 29, примеч. 9.¹³ Об ответном письме Васильевского от 12/24 февраля 1895 г. см. примеч. 1 к п. 31.¹⁴ Эта работа не была завершена, написанное было использовано, вероятно, только в 1930-е гг., когда Гревс готовил новое, переработанное издание своего исследования по истории землевладения в Риме, которое так и не было опубликовано (см.: Переписка... III. С. 324, примеч. 2, 338).¹⁵ О чем идет речь — непонятно.¹⁶ От лат. *excerpere* — делать извлечения, выписки. Речь идет о работе над Цицероном, результаты которой нашли отражение, в частности, в очерке об Аттике.¹⁷ Ср. планы Гревса в п. 29. Под третьим эпизодом следует понимать очерк о крупной частновладельческой земельной собственности.¹⁸ «Латифундии погубили Италию» — знаменитая фраза из «Естественного» Плиния Старшего (18. 35), от которой во многом отталкивался Гревс, стремившийся в своем исследовании обосновать справедливость вроде бы содержащегося в ней суждения. Именно с этого изречения начинается второй его очерк, посвященный Аттике (*Гревс И. М. Очерк второй. Аттик. I. С. 297–300; Он же. Очерки... С. 237–240*). Ср.: «Так как в истории римского землевладения основной вопрос, около которого вращаются все остальные, есть несомненно *вопрос о развитии крупной собственности*, то естественно центральная задача сосредоточивается здесь на обосновании или опровержении в том или другом смысле выписанного тезиса Плиния» (С. 299 и 240, соответственно).¹⁹ См. примеч. 20 к п. 1.²⁰ См. примеч. 16 к п. 29.

31. Гревс — Иванову

17 февраля / 2 марта 1895 г. Париж

104, rue Lauriston.

2 марта 1895.

Дорогой Вячеслав Иванович,

Напишите немедленно, долго ли Вы останетесь в Риме. Я получил от Васильевского такого письма, что непременно надо бы с Вами повидаться, чтобы посоветоваться¹. Я бы [даже] решился приехать, если Вы еще в Риме, т.к. там могу и продолжать работу, и узнать Ваше мнение о ряде важных вопросов. Если Вы уже на выезде, то сообщите также сейчас же. Я, м.<ожет> б.<ыть>, тогда на Пасху приеду во Флоренцию. Ужасно надо Вас видеть. Жду ответа с нетерпением.

Горячо Вас любящий

Ив. Гревс.

<Открытка. Адрес:> Al chiarissimo signore || Venceslao Ivanov. || Via Veneto, 33. Roma. || Italie.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 14.

Получено в Риме 4 марта н. ст. Иванов отвечал 24 февраля / 8 марта 1895 г. (п. 33).

¹ Речь идет о письме В. Г. Васильевского Гревсу от 12/24 февраля 1895 г. В ответ на просьбу Иванова рассказать о его содержании (см. п. 33) Гревс, вероятно, выслал письмо Васильевского (но мог дать его для прочтения и при встрече в Риме), после чего оно осталось у Иванова и теперь хранится в его архиве.

В этом письме учитель подробно рассказывает ученику о своем положении на университетской кафедре и в «Журнале Министерства Народного просвещения», руководство которыми становилось для старого профессора все более обременительным, и делится планами по избранию преемников. В частности, Васильевский пишет:

В течение месяца января, когда я болел и часто лежал в постели, мне приходилось много размышлять, и я пришел к такому заключению, что так или иначе мне нужно поскорее хот

и не вздут слагать с себя излишнюю тяжесть разных обязанностей, которые я, право, не могу исполнять надлежащим образом, — и тут на первом месте стоит профессура, а затем редакторство. Не хотелось бы мне отвлекать Вас от урочной Вашей ученой задачи. Иван Михайлович, не делать ничего — никак этого нельзя избежать: Вам придется на себя взять курс Средней истории, как бы там ни устроилось мое положение в университете (я бы предпочел совсем выйти, ничего не читать, а только числиться на правах заслуженного профессора). Однако, о курсе я бы просто умолял Вас совсем не начинать заботиться по крайней мере до конца июня месяца.

Несомненно, с Ивановым Гревс хотел обсудить ту часть письма, в которой речь шла о перспективах его академической промоции:

Много раз принимался я размышлять и насчет того, что бы Вам посоветовать относительно заданных мне вопросов о превращении статей в диссертацию. Начну, впрочем, с того, чего, кажется, не успел сказать ранее. После внимательного прочтения Вашей статьи о Горациях я несколько в ней не разочаровался, а напротив, в известном отношении еще более очаровался. Написана она и прекрасно, и делано. Недостаток ее заключается разве только в том, что вдруг в ней не оказывается ученой суровости и холодности, какие свойственны исследованиям на такие темы; из-за Горация землевладельца все выглядит Гораций человек и поэт, которому Вы не удерживаетесь симпатизировать. Вероятно, чистые экономисты-материалисты Вам скажут, что Вы слишком много жертвуете Горациям. Чувствуются еще как будто некоторые длинноты и повторения, в которых, однако, я не успел себе отдать полного отчета. Я еще не имел случая говорить с нашими классиками и не знаю их мнения. Очень меня интересует Ваш второй этюд: ведь он, судя по Вашим сообщениям, не будет привязан к лицу и к одному определенному источнику, хотя мне иногда приходило на [ум] мысль — разве не годится для этого Сенека? Пусть у него в письмах мало данных для истории хозяйства и поземельной собственности, но между Горациями и Плинием он, кажется, мог бы удобно быть выставлен в виде знамени или хоть заглавия. Впрочем, Вам лучше знать. Относительно переделки первого этюда я в конце концов пришел к такому заключению. Так как дело идет об одном введении, то переделывать не следует, ибо это сопряжено с весьма большими затруднениями в практическом и типографском отношении. Переработка предисловия Вас остановит в дальнейшей работе, да ведь и пагинация будет совсем изменена, так что ранее переделки и перепечатки нельзя будет печатать оттиски второй статьи, должествующей войти в диссертацию в неизменном виде. Поверьте мне, Иван Михайлович, все будет хорошо и так, как есть. По моему мнению, Вам скорее следовало бы применять продолжение к началу, чем наоборот. Если Вы не хотите, чтобы Вас сразу делали доктором (вот чем хочу Вас напутать!), то не старайтесь пускать в ход весь Ваш материал сразу. Пусть этюды будут этюдами, а полная картина немножко заставит себя ждать. Опять мне навязывается мысль об однородности второго этюда с первым и третьим и я готов пожелать, чтобы Вы ради ее не слишком углублялись *теперь* в надписи...

(РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 29. Л. 1-2.)

32. Гревс — Л.Д. Зиновьевой-Аннибал

24 февраля / 8 марта 1895 г. Париж

104, Rue Lauriston. Paris.
8 марта 1895.

Дорогая Лидия Дмитриевна.

Давно нет известий о нас. Я вам также не писал, потому что [вы] думал, что вы собираетесь в Париж, как писала Дуня нашей Анюте¹. Но о вас ни слуха, ни духа. Напишите хоть два слова: хочется знать, как вы живете, нет ли чего нового, и какие ваши ближайшие планы на будущий год. — Про себя ничего не могу сказать нового: работаю оч.²ень > много, но как всегда медленно и постоянно нахожусь в тревоге, что ничего не выйдет. Теперь душа стремится в Италию почти неудержимо, и стремление это, помимо влечения к Ит.<алии> самой, увеличивается еще тем, что мне необходимо повидаться с Вяч.<славом> Ив.<ановичем>³, чтобы решить один капитальный вопрос о моей диссертации⁴. Ужасно жалею, что упустил время, когда он был в Риме. Я даже не знаю, где он; он не отвечает на два мои письма, посланные в Рим. Получил ли он их?⁵ Пожалуйста, напишите мне, вернулся ли он уже во Флор.<енцию>, а если нет,

Прощайте, вернее до скорого свидания, дорогой друг — позвольте и мне назвать Вас так — и еще раз поблагодарить за письмо. Мой сердечный привет Марии Сергеевне и деткам. Саша их крепко целует.

Искренне уважающая Вас

Дария Иванова.

Р. С. Извините, что пишу на таком клочке, теперь поздно — не хочется откладывать из-за этого отправку письма на целый день — а дома бумаги больше нет¹.

Д.И.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 1—3.

Ответ на неизвестное письмо Гревса, в котором речь шла, в частности, о внезапном решении Иванова остаться в Риме, вместо того чтобы возвратиться, как предполагалось прежде, во Флоренцию.

¹ Сроки пребывания Иванова в Риме были не вполне ясны ему самому. 22 января / 3 февраля 1895 г. он писал Зиновьевой-Аннибал: «В Риме я должен пробыть весь февраль, по крайней мере, если не хочу повредить своей работе. Я приеду, по всей вероятности, к 28 февраля» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 37. Л. 12). 13/25 февраля ей же он сообщал: «Я принялся за переписку диссертации. Так как это дело сложное, требующее многих справок и размышлений, то, с одной стороны, лучше бы мне окончить его здесь, с другой — оно может затянуться — например, до половины марта» (Там же. Л. 39 об.).

Но у этой неопределенности были и другие причины. 4/16 марта 1895 г. Л.Д. Зиновьева-Аннибал, жившая во Флоренции и вынужденная поддерживать дружеские отношения с Д.М. Ивановой, писала в Рим Иванову: «Вячеслав, только что была твоя жена. Я убеждена, что она почти уверена в истине. Она сидела около получаса, ни разу не спросив о здоровье моей матери и не упомянув о моей поездке. Потом она спрашивала à diverses reprises очень слегка и неожиданно о Nervi, я же отвечала односложно и сухо. Тем не менее она пробыла более часу и только что ушла. Она сообщила мне все ваши переписки с Гревсом, очень изумлялась перемене твоего плана в течение одного дня. Я на все абсолютно молчала» (РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 25). Упомянуты поездки Зиновьевой-Аннибал в город Нерви и в Рим — как видно, и эта последняя не была тайной от Дарьи Михайловны. — à diverses reprises — снова и снова (франц.).

Следует заключить, что причиной, заставившей Иванова отложить встречу с женой и задержаться в Риме, было принятое им решение оставить семью, окончательно оформившееся, по всей вероятности, во время или вскоре после трехдневного свидания с Лидией Дмитриевной в Риме, куда она приехала из Флоренции 11 марта (и. ст.), как следует из ее телеграммы, сообщавшей о дне и часе прибытия («Приезжаю сегодня в полночь» — РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 20; подлинник по-французски). Сама эта телеграмма была ответом на другую, полученную ею в тот же день от Иванова («Останусь в Риме, если Вы приедете немедленно. Придумайте повод для возвращения в Нерви. Телеграфируйте о решении» — РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 7; подлинник по-французски).

Ср. описание событий в биографическом очерке О.А. Шор: «В.И. попытался спастись бегством. Он один уехал в Рим в январе "для археологических работ". Но разлуки не выдержал. Через два месяца он Лидию позвал» (Дешарт О. Введение. С. 23).

² Намерение в 1895 г. возвратиться на родину (ср. упоминания о поездке в Москву в п. 27, 28), несомненно, было принято Ивановыми достаточно твердое. Иванов не сразу отказался от него; показательно, что с ним считалась Л.Д. Зиновьева-Аннибал уже тогда, когда ее бытовой союз с Ивановым был делом решенным, ср. ее письмо к Иванову от 12/24 марта 1895 г., приводимое в примеч. 1 к п. 37.

³ Вероятно, имеется в виду п. 27. Ср. в п. 28: «Факт моего приезда в Рим послужит вместе и лучшим ответом на письмо Ваше, глубоко меня тронувшее и близко к сердцу мною принятое».

⁴ См. п. 27.

⁵ Письмо написано на обыкновенном двойном листе почтовой бумаги и на полулисте той же бумаги — этикет почтовых сообщений позволял оставить такую вольность без извинения только в случае предельно неофициальной, дружеской или неуважительной, переписки, — ни тот, ни другой стиль повеления, очевидно, не мог быть принят Д.М. Ивановой.

Ср. также в письме Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 30 марта 1895 г.: «Прости и то, что пишу тебе на лоскутке бумаги. Я позволял себе это, потому что бумаги под рукой нет, а написать хотелось немедленно» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 31 об.).

37. Гревс — Иванову

27 марта / 8 апреля 1895 г. Рим

Via dei Burro 145, p.^o III.
8 апр^{еля} 1895^г.

Дорогой Вячеслав Иванович

Занимаюсь изо всех сил, чтоб воспользоваться последними днями¹ — масса дела подвывает. Выеду в четверг вечером², утром еще открыт Институт³. — Если найдете без лишних хлопот комнату дешевую (*no dnam*), хорошо, а если возиться надо, то не трудитесь: остановлюсь в *casa Nardini*⁴. — Если вам нужны какие справки, то торопитесь заявить о них, а то поздно будет. — Не надо ли вообще исполнить какое-нибудь поручение.

Ужасно не хочется уезжать из Рима — много дела, хотя и хочется увидеть вас, ваших и Лидию Дм.⁵ Дмитриевну⁶. Привет всем.

Душевно предан^{ный}

Ив. Гревс.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 17.

Иванов писал Гревсу в тот же день, до получения этой открытки (см. п. 38).

¹ Совместная жизнь в Риме Гревса и Иванова продолжалась до начала апреля (последнее письмо Зиновьевой-Аннибал Иванову отправлено из Флоренции в Рим 3 апреля 1895 г. — РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 45–46). Лидия Дмитриевна в своих письмах торопила возвращение Иванова во Флоренцию. В частности, 12/24 марта она писала:

Позволь мне, мой возлюбленный, сделать тебе сцену. Как жаль, что только письменно, я очень хотела бы помучить тебя устно. Неужели ты ничего не предпочитаешь? Впрочем, я буду кратче, т.к. ведь моему милому другу нет времени читать моих писем, он их только «пробегаёт». Больше, с тех пор как приехал неотразимый Ив. <ан> Мих. <айялович>, ему даже мечтать о своей подруге не стало можно, он полон иными мыслями. Впрочем, ездить в приятном обществе на целый день в Кампанию времени хватает, да отчего же не хватить, когда впереди так много <дней> — текст поврежден. — *Изд.* Сиди в Риме хоть пол-апреля и наслаждайся дружбою, наукою, приятным обществом и сияющей всеми переливами Кампанней. Мои планы, впрочем, также изменяются: по письмам из России видно, что на будущую зиму мне не пристроиться к порядочному русскому театру и поэтому придется мне после дебюта в Италии не ехать вовсе в Россию, а продолжать выступать и учиться за границею еще целый год! Итак, впереди год разлуки и для меня год полного одиночества. Когда я подумаю об этом, мне почти немисливо себе представить себя в подобном положении. Но иного исхода нет и моя карьера этого требует. Конечно, перед годом разлуки вполне достаточно провести вместе недели две, а из третьей и четвертой легко украсть для Гревса и Рима несколько дней.

(РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 29 и об.) Из приведенного отрывка видно, что в этот момент Зиновьева-Аннибал была твердо уверена, что Иванов возвращается в 1895 г. в Россию (вероятно, окончательно и завершив в Берлине свою эпопею с диссертацией), так что они смогут соединиться только через год, когда и сама она окончательно переберется на родину. Однако вскоре все планы Иванова, как академические, так и бытовые, коренным образом переменились, он отказался от защиты диссертации, Лидия Дмитриевна — от артистической карьеры, оба они — от переезда в Россию.

² Еще накануне Гревс был уверен в дате отъезда: «Уезжаю отсюда в среду или в четверг, — писал он из Рима А.В. Гольштейн 26 марта / 7 апреля 1895 г., — чтобы пробыть еще около 5 дней во Флоренции и заняться вместе с Ивановым» (Бахметевский архив. Фонд Гольштейн А.В. Письма Гревса). Среди приходивших на 29 марта / 10 апреля, комментируемое письмо написано в понедельник, называемая дата отъезда Гревса из Рима во Флоренцию — 11 апреля (н. ст.). Гревс торопился во Флоренцию, чтобы встретиться с друзьями Паску, приходившими в 1895 г. на 2/14 апреля.

³ Германский археологический институт на Капитолии, в библиотеке которого занимался Гревс.

⁴ *Casa Nardini* (Borgo SS. Apostoli 17) — гостиница, обычное пристанище русских во Флоренции. Ср. письмо А.В. Михайлова к Сперанскому начала 1892 гт. (РГБ. Ф. 601. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 16) или воспоминания русского художника, путешествовавшего по Италии в 1893 г., встречавшегося в Риме с Ивановым, Айяловым и другими, как он говорил, «жрецами науки — археологами», а потом перебравшегося во Флоренцию: «Остановился в небольшом пансионе «Каза

перемену их будут водить гулять по бульвару. Помещается школа на Остоженке — на той улице, где у отца был 20 лет дом и где я провела все мое детство и юность — до замужества, и замуж я вышла из того дома, теперь он продан купцу Грязнову¹. Жить Саша будет у мамы, которая имеет на нее отличное влияние и на кот.<орую> в воспитательном отношении я могу положиться больше, чем на себя — по отношению к Саше. Она общепризнанный хороший человек, живет всю жизнь для других — так как-то сложилась ее жизнь. Ведь я Вам говорила, что и мать W живет вместе с нею. Та еще ничего не знает, но мне пробыть с нею 2 дня только, называть ее мамашей и т.д. было страшно тяжело, почти невыносимо — и мама скорее помогла мне уложить вещи — и вот я сижу в Петербурге вдали от всего, что до сих пор мне было мило и дорого, и умом сознавая, что и для Саши я сделала так, как ей лучше, п<отому> ч.<то> взять ее сюда в эту зиму — когда предстоит и развод, и давание уроков — дело неподходящее для ребенка. О моих чувствах и душевном состоянии лучше не буду говорить... — Я рада теперь, что Саша не в меня, а в отца, что у ней самостоятельный характер, и что она никогда ни о ком не скучает. За 2 недели, кот.<орые> я была в Петерб.<урге> весной, она уже отвыкла от меня и скучала лишь первый день. Теперь она уже вся в ожидании школы, а когда учение начнется, то она так войдет в свои школы, <ые> интересны, а дома за ней будет такой уход, что она, пожалуй, и забудет обо мне. У нас с ней разные натуры. Мне кажется, что я могу жить вдали от нее, но мне надо иметь сознание, что ей хорошо.

Мне же надо дела, работы и много дела — конечно, и для заработка, п<отому> ч.<то> я хочу попробовать, смогу ли я жить сама на свой заработок, но нравственная польза дела еще важнее и нужнее теперь для меня. Я рассчитывала отчасти и на Вас, дорогой Иван Михайлович, что Вы поможете мне найти уроков, но, к сожалению, от Михаила Никитича² узнала, что Вы приедете лишь в конце сентября; к тому времени, вероятно, все уже запасется уроками на зиму. Если бы Вы могли бы помочь мне в этом, то прошу Вас — помогите³.

W в последнем письме пишет — пришли телеграмму и я немедленно приеду в Петерб.<ург> для исполнения нужных формальностей. Я передала дело Михаилу Никитичу, он написал W письмо, в кот.<ором> пишет о желании жениться и спрашивает, когда W мог бы приехать в Петербург. Ответ на это письмо должен прийти на днях⁴.

Я страшно боюсь, что опять личное свидание вредно подействует на мое здоровье, и я прошу W в письме — избавить меня от него, если это будет возможно. Он же в предыдущем письме пишет, что это его «непременное» желание — видеть меня и Сашу. Такому маленькому ребенку не следует присутствовать при трагических сценах — это мое мнение. Вырастет — поймет, теперь же все равно не поймет, а в памяти что-то тяжелое останется. Вот, следовательно, к Вам вторая просьба: если при Вас зайдет разговор о нашем свидании, — то скажите ему, что оно лишнее — что нервы не выдержат такой пытки и т.п. в этом роде, а на его желание видеть Сашу прямо возмутитесь. Если же разговор при Вас об этом не зайдет и Вы не найдете удобным и возможным навести разговор на него — то и это не беда, авось переживу и будущее свидание. — Я приехала в Петербург лишь третьего дня и вчера ночевала в меблир.<ованных> комнатах близ вокзала. Хозяйка этих комнат рассказала мне, что ее брат — художник после побега жены потерял руку и ногу, потом паралич дошел до мозга. Он пролежал в больнице 2 недели и недавно умер. Значит не на меня одна измена сильно действует. Я еще стараюсь всплыть, а другие прямо тонут. Ко времени приезда W сюда обещала приехать мама, пусть она ведет с ним переговоры⁵.

Устроилась я, по-видимому, удобно, — на частной квартире, взяла напрокат рояль, но еще не разобралась как следует. Петербург как город мне ужасно нравится. Приезжайте поскорее — Вы и Мария Сергеевна, очень хочется с ней лично познакомиться.

До скорого свидания, дорогой Иван Михайлович, благодарю Вас за Ваше дружеское расположение ко мне и желаю Вам всего, всего хорошего.

Крепко целую Марию Сергеевну и детей.

Искренне преданная и уважающая Вас

Дарья Иванова.

Мой адрес:

Галерная 46, кв. 8, у Г-жи Линке.

Р. S. Кажется, в письме много описок — здесь сидит настройщик и отлушает меня диссонансами уже целое утро.

Не нужно ли Вам или Марии Сергеевне чего в Петерб.<урге>, все сделаю, пишете.

Д.И.

Р. P. S. Еще я рада, что Саша в Москве из-за климата. После 3х летн.<его> итальянск.<ого> пребывания и ялтинского лета поселить ее в Петерб.<урге> было бы рискованно.

Скажите, пожалуйста, W между прочим, что получили от меня письмо, в кот.<ром> я прошу Вас помочь мне достать в Петерб.<бурге> уроков.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 6—9.

Ответ на неизвестное письмо Гревса, отвечавшего на также неизвестное письмо Д.М. Ивановой, о котором некоторое представление дает письмо Гревса к жене от 8 июля 1895 г. (см.: Переписка... V. С. 376). Ответ Гревса неизвестен.

¹ Упомянутое письмо Гревса к Дарье Михайловне выявить не удалось.

² А.М. Дмитриевский — см. примеч. 1 к п. 39.

³ Т.е. с Вячеславом.

⁴ Бракоразводный процесс Ивановых закончился только летом 1896 г. См.: Переписка... V. С. 376. примеч. 4.

⁵ В 1916 г. В.И. Грязнову принадлежал дом № 19, через дом от церкви Воскресения Словущего (№ 15).

⁶ М.Н. Крашенинников.

⁷ Планы Дарьи Михайловны вскоре переменялись, она не задержалась в Петербурге. Почти всю оставшуюся жизнь она прожила в Харькове. См. ниже, п. 85—88.

⁸ Упомянутое письмо Крашенинникова к Иванову сохранилось. Оно послано из Петербурга и датировано 12 августа 1895 г. (Крашенинников полагал, что Иванов находится в Париже, однако, как следует из приведенного ниже черновика ивановского ответа, адресат к тому времени переместился на побережье Бретани). Обращение Крашенинникова было в высшей степени лапидарно:

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Так как Д.<арья> М.<ихайловна>, вероятно, уже сообщила Вам, что я желал бы на ней жениться, то прошу Вас — и надеюсь, что Вы не откажете — ускорить совершение delle relative formalità, насколько они зависят от Вашего содействия. В надежде на получение скорого ответа Вашего остаюсь уважающим Вас

М. Крашенинников.

После нескольких лет близкого приятельства мгновенное предложение руки и сердца брошенной жене должно было бы восприниматься как жест агрессии. Во всяком случае, хотя бы солидарность со смертельно оскорбленной Дарьей Михайловной заставляла Крашенинникова выйти из пределов установившихся ранее отношений с Ивановым. Но постскриптум к приведенному письму превращает его в тривиальную дружескую записку, тематически и интонационно выдерживающую стиль римского общения:

бует большого ограничения: при быстром чтении этого впечатления не выносишь. Работа очень хорошо построена и вообще чрезвычайно мне нравится¹.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 54–55.

Ответ на п. 48. К письму прилагались замечания Иванова на полученную им первую часть этюда об Аттике (см. приложение к настоящему письму). Гревс отвечал Иванову 10/22 января 1896 г. (п. 50).

¹ См. общее примеч. к п. 48.

² От лат. *digressio* — отступление.

³ Иванов обыгрывает следующее примечание из очерка Гревса: «В одном письме Цицерон благодарит Аттику за удачное распространение его речи за Лигария (*Ad Att.*, XIII, 12, 2: «*Ligariam praecclare vendidisti: posthac, quidquid scripsero, tibi praeconium deferam*» <Речь о Лигарии ты прекрасно распродал. Впредь, что ни напишу, предоставляю тебе быть глашатаям (пер. В. О. Горенштейна). — *Изд.*...). Издатель хорошо знал различные способы такого распространения в обществе благоприятных сведений о вновь вышедшем литературном произведении и привлечении к нему внимания образованных покупателей. Наиболее обычным из них было чтение за столом Аттика «муссируемой» книги лучшим «лектором» из его рабов перед элегантным и избранным обществом. (См. *Ad Att.*, XVI, 2, 6 и след. письмо). Дело служило к обоюдной пользе, к славе автора и к выгоде издателя, а также к удовольствию любителей литературы» (Очерк второй. Аттик. I. С. 333, примеч. 4; Очерки... С. 280, примеч. 2).

⁴ От лат. *praeconium* — объявление, оглашение; прославление — объявлять, оглашать; проглавлять; ср. приведенную выше строку.

⁵ Ср. ниже, примеч. 7 и примеч. 12 к п. 50.

⁶ К сведению (*лат.*). Указанные четыре главы диссертации Иванова назывались: II. De societatum ad vestigialia conducenda initium memoria antiquissima deque ineundarum necessitate. — de praedibus; III. De multipartitarum societatum generibus rationibusque; IV. De societatis corpore; V. De similitudine quae est inter societatem vestigialium et rem publicam (II. О древнейших упоминаниях обществ, организованных ради взятия на откуп податей и о необходимости их создания. — о поручителях; III. О типах и устройстве сложносоставных обществ откупщиков; IV. О корпоративном характере общества; V. О сходстве, имеющемся между откупным обществом и государственным организмом). Ср. в п. Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 9–10 ноября 1895 г.: «Я решил рискнуть и представить на суд моих критиков самые еретические главы, как наиболее характеристичные для работы, а также и наиболее удобные по внешним причинам для отдельного издания» (цит.: Переписка... IV. С. 353).

Ср. также характеристику диссертации, которую Иванов дал в автобиографии, составленной в конце 1904 г.: «Я [развивал в ней] пытался в этой работе дать [историко-юридическую теорию] как историческое описание, так и юридическую теорию организации акционерных обществ римских податных откупщиков и приходил к основному выводу о необходимости различия между *societas vestigialium* с характером коллегии и юридическ[ой]ого личност[и]ш, в смысле [облеченного административною компетенцией] полуправительств[ного] учреждения, раз навсегда законом конституированного для каждой отдельной провинции, — и промышленной *societas*, заключающейся на срок откупа так, что совокупность обществ этого типа в каждой провинции составляла, в лице своих полноправных членов, наличность законных *socii* общества-коллегии» (Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / Публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник РО Пушкинского дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 83; с учетом рукописного черновика: РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 10. Л. 2).

⁷ Ср. Гревс И.М. Очерк второй. Аттик. I. С. 314, примеч. 3; ср.: *Он же*. Очерки... С. 258 сл., примеч. 4 (здесь и далее в квадратных скобках даны слова, опущенные в книге; полужирным шрифтом выделены внесенные Гревсом дополнения и изменения): «История и организация обществ публиканов преимущественно во времена республики изложена в печатающемся теперь и имеющем выйти в [ближайшем] скором будущем прекрасном исследовании В.И. Иванова, *De societatis vestigialium publicorum populi Romani* (Berolini, [1896] 1899). С работою этою [я] пишущий эти строки познакомился в рукописи, благодаря дружеской любезности автора, и он позволя[ю]ет себе назвать ее, потому что вопрос впервые рассмотрен в ней с надлежащею цельюю [и широтою], разработан полно[], подробно] и основательно, освещен рядом новых [и оригинальных] точек зрения, [ярко,] талантливо и в большинстве случаев убедительно».

⁸⁻⁹ Приписка Иванова на поле первой страницы двойного листа почтовой бумаги (поля третьей и четвертой страницы заняты припиской Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, начинающейся внизу четвертой страницы).

⁸ Ср.: Гревс И.М. Очерк второй. Аттик. I. С. 321, примеч. 1: «Таково же мнение В.И. Иванова (De societatis vestigalium, cap. II, p. 18): "Ac quorsum illa pertineant, quae de T. Pomponio Attico Cornelius Nepos praedicat: *ad hanc publicam numquam accessit, nullius rei neque praes neque mancers factus est*", si perpendimus, ita profecto interpretabimur, quasi dictum esset: *illum se publicanorum in numero haberi noluisse*"» (см. приложение к п. 22 и примеч. 98 к нему).

Приведенная сноска относится у Гревса к следующему тексту: «Так что в результате нет оснований предполагать, что Аттик стоял во главе какого-нибудь крупного откупа в качестве главного предпринимателя (*mancers*) или выставлял себя поручителем своими именами перед государством за обязательства, принимаемые какою-нибудь компание публиканов (*praes*): обратное противоречило бы даже характеру Аттика и выработанным им правилам поведения, так как прямое участие в больших государственных финансовых предприятиях не только подвергало человека серьезному материальному риску, но сопряжено было в смутных обстоятельствах, среди которых жила республика, нередко и с политической опасностью» (С. 320–321).

В «Очерках» Гревс, оставив приведенное рассуждение без изменений (С. 266), ссылку на работу Иванова снял. Впрочем, ключевая цитата из Непота приведена и в статье, и в книге в начале соответствующего параграфа: «Как бы то ни было, но из всего, что мы знаем о жизни Аттика, можно сказать, что он очень рано стал опытным финансовым дельцом. — Корнелий Непот, впрочем, очень категорически утверждает, что он держался в стороне от самого выгодного из существовавших тогда видов денежных предприятий, то есть от откупа полатей» (Очерк второй. Аттик. I. С. 317 сл.; Очерки... С. 263). В сноске даны приведенная Ивановым цитата из Корнелия Непота и ссылка на примечание к этому месту в комментированном издании Nipperdey 1885 г.

⁹ Радоваться (*греч.*).

¹⁰ Александра Васильевна Гольштейн (урожд. Баулер; 1850–1937) — литератор, писала и печаталась на русском, французском и английском языках. В молодости была близка к народникам. С 1876 г. жила за границей, преимущественно в Париже. Была в тесных отношениях со многими выдающимися представителями французской и русской литературы и живописи, ее салон сыграл важную роль в становлении русско-французских культурных связей. Гольштейн дружила с В.И. Вернадским и другими членами «приютинского братства», из которых она особенно выделяла Гревса (см., в частности, свидетельства ее переписки с В.И. Вернадским: История полувековой дружбы / Публ. А.Сергеева и А.Тюрина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.: СПб., 1995. С. 364–365, 374–376). Говоря «Гольштейны», Иванов имеет в виду также мужа А.В. Гольштейн, врача Владимира Августовича Гольштейна (1849–1917), и, возможно, кого-то из ее детей, дружеские отношения с которыми сохранились у Иванова надолго. Иванова с Гольштейнами познакомил Гревс, Л.Д. Зиновьева-Аннибал была дружна с Гольштейн ранее.

Переписка Иванова с Гольштейн опубликована — см.: Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн. С. 335–376; «Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 159–189.

¹¹ Упоминаемое письмо Зиновьевой-Аннибал к Гревсу неизвестно.

<Приложение к п. 49>

«АТТИК»

Р. 2.

«Прим. 1. Мысль Моммзена передана неточно. Он не опровергает слов Плиния¹, но ищет установить их истинный смысл. Срв. S. 416: «Aber der tüchtige Mann hat bei diesen unwilligen Worten — den Gegensatz — im Sinn — der ansässigen Kleinbauern und der eigenthumlosen Kleinpächter, wie viel dabei Realität und wie viel Phrase ist, soll hier nicht untersucht werden u. s.w.» Ограничивая мнение о распространенности крупного хозяйства (*Großwirthschaft*), он допускает, в известных пределах, развитие крупного землевладения (*Großgrundbesitz*); срв. S. 408². —

Р. 11.

⁶Прим. 1. Цитата Val. Max. 1, 1, 12 (NB), представляется мне не идущей к делу. — Исправить: Dion. Hal. II, 58 (не 66!)³.

Р. 7.

⁹Для того, чтобы характеристика второй группы не казалась слишком обшей, желательны были бы примеры. Во всяком случае указаний на то, что эти люди охотнее всего помещали свои капиталы в землю, требует подтверждений⁴.

¹⁻² При начале абзаца на поле Гревсом выставлена горизонтальная черта.

³⁻⁶ Абзац перечеркнут Гревсом.

⁷⁻⁹ Замечание взято Гревсом в круглые скобки.

plebe¹⁴ (см. Cic. de l. agr. II, 31, 84), и доход, с него получаемый, принадлежал к главнейшим *vestigalia* римского народа; о *vestigal* с *ager Campanus* упоминает Цицерон ad Att. II, 16, 1, и ради именно этого *vestigal* Кампанская область исключалась из [публичных] сферы государственных ассигнаций (Cic. de l. II, 29, 81 sqq.; срв. Mommsen CIL. X p. 366). Ясно, что по применению к этой области не могло быть спора об обязанности платить *vestigal*¹⁵. Что касается *lex Cornelia*¹⁶, то известно, что Сулла восстановил *possessio* на землях общественных или сделавшихся вновь общественными путем конфискаций — в интересах *colonius* своих *veterranos*¹⁷ (срв. *libri coloniarum*, passim), и предполагать, что Аттик или Теренция были обязаны возникновением своего права на находившиеся в их владении государственные земли сулланскому перевороту, — более чем рискованно и возможно было бы разве лишь при отсутствии всякого другого исхода. Между тем ничто не принуждает нас ограничивать наши поиски пределами Италии: в провинциях было немало государственных земель, эксплуатировавшихся римскими гражданами на условиях, соответствовавших тем, о которых идет речь в письме Цицерона¹⁸. Что Теренция и Аттик имели этого рода владения в разных местах, я вывожу из различия условий владения (Аттик платил *vestigal*, Теренция же или ее предшественники, которыми была отчуждена в ее пользу *possessio*, вероятно, ничего не платили до *controversia Mulviana*), — а также из того, что Теренция не подзревала, что ее дело затрагивает интересы многочисленных других *possessores*, для которых оно могло создать важный прецедент. Разбирая, какой вид провинциального *ager publicus* подходит наиболее к связи данного места, я охотнее всего останавливаюсь на *ager quaestorius* (*privatus vestigialisque*)¹⁹ (срв. Mommsen CIL. I p. 98; Marquardt Org. <anisation> fin. <ancièr> p. 230; Rudorff Feldmesser II S. 285 ff. 315 ff.)²⁰, именно ввиду того, что он, оставаясь *ager publicus* теоретически, подвергался в силу юридической своей природы обложению легкой, даже номинальной податью—*vestigal*, взыскание которой могло фактически и прекращаться. Ибо относительно *ager publicus a censoribus locari solitus*²¹ контроверса между *possessores* и *publicani*, подобная разбираемой, едва ли мыслима. Если это так, то Цицерон говорит, быть может, не о чем ином, как о хорошо известных нам эпитротских владениях Аттика, которые вы сами причисляете к *ager quaestorius*²². Во всяком случае, на основании Cic. de l. agr. II, 21. 56 s. <ub>f. <ine> 57, можно предполагать, что вне пределов Италии не было недостатка в землях, право владения которыми, в связи с условиями обложения, подлежало спорам и не было регулировано с достаточной определенностью²³.

Такова главная наша контроверса. Далее, я имею выразить некоторый протест против гиперкритического отношения к биографу Аттика. Обещание доказать, что Корнелий Непот «кое-что скрыл, кое-что прямо даже сказал неверно» (стр. 39)²⁴, — едва ли исполняется автором в последующем изложении. Это последнее сводится к развитию тех же установленных Непотом категорий земельного владения Аттика, которые в сумме дают вовсе не «бледное»²⁵ представление о величине этого владения, а представляют собой в своей совокупности весьма большой капиталистический комплекс. Эти категории суть:

- a) *urbanae possessiones*.
- b) *Epiroticae possessiones* — огромная латифундия.
- c) *Arretinum rusticum praedium*.
- d) *Nomentanum rusticum praedium*.
- e) *villae quaedam, quarum nulla sumptuosa*²⁶.

* Кроме того: *multi agri lege Cornelia publicati nec cuiquam assignati neque venditi* — а paucis hominibus impudentissime possidentur «многими землями, конфискованными Суллой и никому не ассигнованными и не проданными, совершенно бесстыдно владеет небольшое число людей. — *Изд.*» (Cic. de l. agr. III, 3, 12), — что очевидно нельзя предполагать об Аттике и Теренции. — срв. AWZumpke к Cic. de l. agr. II, 26, 68 (примеч. Иванова).

Ибо не должно забывать, что Непот перечисляет лишь земельные владения [Аттика в собственном смысле <слова>], и не имеет нужды упоминать в этом перечне, напр. <имер>, о предполагаемом пользовании Аттика общественными пастбищами в Апулии³⁶ или о его — во всяком случае крайне гипотетических — арендах общественных полей в Азии³⁷. Правда, на стр. 45³⁸ высказывается предположение о существовании недвижимой собственности Аттика в окрестностях *mons Lucretilius*³⁹; но оно основывается на крайне сомнительном и оставленном критиками⁴⁰ чтении *Lucretino* в ер. ad Att. VII, 11, 1, каковое прилагательное, должное иметь смысл «*Lucretilianus*», мы, как было замечено давно, не вправе вносить в текст Цицерона³⁹; почему означенное предположение представляется лишенным всякой вероятности и вовсе не заслуживает быть с такою энергией выдвинуто на первый план, а достойно разве лишь попутного и осторожного упоминания в примечаниях⁴⁰. — Что касается вопроса о виллах, то вполне вероятно, что Корнелий Непот, говоря: *habuit — nullam suburbanam aut maritimam sumptuosam villam*, хочет сказать только, что Аттик не был обладателем ни одной виллы *de luxe*, будь то *villa maritima* или *suburbana*: ибо увеселительные роскошные виллы обыкновенно были или *maritimae*, или *suburbanae*. Что Аттик имел другого рода виллы, прямо предполагается, на мой взгляд, разбираемым выражением Непота. Утверждать, что его слова «неверны» (стр. 42), — нет основания⁴¹. — Гипотеза о том, что Аттик пользовался *апулийскими* *pascua publica* (стр. 52³⁸), кажется мне вероятной. Быть может, он имел там и виллу. Но что он оккупировал в Апулии полосы общественной земли под обработку, допустить невозможно, потому что такая оккупация являлась бы, как уже выше было показано, анахронизмом⁴². — Приписывать Аттику эксплуатацию полос *сицилийского* *ager censorius*, единственно в силу того соображения, что этот *ager* существовал, — является, напротив, совершенно неосновательным (стр. 52³⁸, 63)⁴³. В связи с этим находится вопрос о том, как понимать слова Цицерона: *qui a censoribus locari solet*, относительно сицилийского *ager redditus*. Вы, по-видимому, присоединяетесь к объяснению Марквардта (*Org. <anisation> fin. <ancière>* р. 314), говоря об «арендах» этого *ager*, как на означенных страницах, так и на стр. 54 s. <ub>f. <ine>. Мне объяснение это представляется крайне сомнительным. Срв., об *ager censorius*, Mommsen CIL. I p. 100 sqq. (также Cic. de l. agr. II, 21, 57). Можно избежать необходимости защищать ту или другую из [враждующих] спорящих сторон, поставив, вместо «арендовать», нейтральное «пользоваться», «держать», «иметь во владении» и т.п.⁴⁴ — В прим. 4 стр. 44³¹ вы говорите, что Аттик [торговал] искал купить «имение» близ Анцио; между тем, по смыслу цитируемого письма Цицерона, дело идет о намерении приобрести дом или, быть может, небольшую виллу для житья близ Анцио, с целью иметь там *piéd-à-terre*. Цицерон [предлагает] рекомендовать другу дом в самом Анцио⁴⁵. —

Присоединяю еще несколько замечаний об отдельных местах работы.

Прим. 5⁴ стр. 53 о *praedium, fundus* и *saltus* кажется мне в данной связи излишним и тем более заслуживающим опущения, что оно не дает достаточно строгих определений. Так *praedium* дефинировано, по моему мнению, неудовлетворительно. Как *praedes*, или *praevides* (= *prae-vades*, по Corsen⁴⁶), суть «*Bürger*» в публицистическом смысле, так родственное с этим термином этимологически и связанное с ним юридически *praedia* означает, с той же, публицистической точки зрения, — «*Pfänder*» (Mommsen St. <aats>R. <echt> II. 430)⁴⁷; это понятие принадлежит сфере «*des Gemeindevermögensrechts*» (ib. III. 606)⁴⁸. *Praedium*, в первоначальном значении этого слова, есть земельный участок, составляющий квиритарную собственность и, как таковой, могущий быть субсигнированным государству⁴⁹. —

* Какие издания писем к Аттику признаны «главными» в прим. 3 стр. 45³⁸? Baiter, Boet, Turrell, Wesenberg принимают чтение главной рукописи (*Mediceus*): *lucrativo* (примеч. Иванова).

В прим. 1 стр. 45⁴ неправильно говорится о «роде Аттиков». Каким образом Юлий Аттик может претендовать на родство с нашим Цецилием Помпонианом Аттиком? Должно ли предположить adoptio⁵⁰ его потомка родом Юлиев? И считать cognomen Attici наследственным?? Очевидно, мы имеем дело просто с вольноотпущенным Юлиев, сохранившим свое (очень распространенное) рабское имя Atticus в качестве cognomen. Гипотезу о родстве с Т. Помпонием следует устранить⁵¹. —

Прим. 2 стр. 39 — многословно. Что в изображении Аттика-капиталиста и дельца Непот несколько смягчил краски⁵², должно допустить. Верно и то, что сказано о diligentia patris familias⁵³. Но слова: *nemo illo minus fuit emax, minus aedificator*⁵⁴ — цитируются в чуждой им связи. *Emax* и *aedificator* — порицательные эпитеты римских жрецов роскоши, которые скупают земли не для целей хозяйственных, а для удовлетворения своих капризов, которые строят увеселительные дворцы и виллы, — тех богачей, которых бичует Гораций, призывая современников к простоте жизни предков. Умеренность Аттика в употреблении своего богатства, его воздержание от роскоши и непроизводительных в хозяйственном отношении [затрат] приобретений — не подлежит сомнению, а это только и утверждает Непот⁵⁵. Более всего он заслуживает, как биограф, упрека в умолчании о том, что капиталистическая, спекулятивная деятельность Аттика составляла, можно сказать, главное содержание его жизни⁵⁶. При оценке этого отношения биографа к столь важной стороне жизни его героя, должно однако, мне кажется, принять в соображение то обстоятельство, что, как видно из системы римского домашнего счетоводства (*tabulae accepti et expensi*)⁵⁷ и пр., о чем см. Voigt в цитированном томе Abh. <andlugen> d. <er> Sachs. <ichen> Ges. <ellschaft>, где [упоминает <ся>] идет речь и об упоминаемой Непотом *ephemeris* Аттика⁵⁸), — установленный обычай и санкционированный правом круг экономической деятельности patris familiae diligentis не заключал в себе, в противоположность нашей эпохе, никаких признаков, которые бы резко отличали его от круга деятельности профессионального финансиста; так что даже столь широко развитая негоднаторская, землевладельческая, банкирская деятельность, как деятельность Аттика, могла рассматриваться только как расширенное ведение хорошо устроенного частного хозяйства⁵⁹. —

К стр. 41. Говоря, в чем состояла *amoenitas* дома Аттика, Непот⁶⁰, по всей вероятности, имеет в виду и как бы поясняет выражение Цицерона: *tuis aedibus amoenissimis*; ибо письма к Аттику он читал (Vita 16, 3)⁶¹. — «Прекрасным» Цицерон не называет дом Аттика; *amoenus* указывает лишь на его *приятельность*. Это слово очень подходит к дому, который своей привлекательностью обязан был главным образом природе — окружавшему его саду⁶². — На той же стр. речь идет о «корзинках, сплетенных из дорогой проволоки». Я не делал розысков об этой подробности, но ваш перевод мне подозрителен. По Георгецу, Цицерон разумеет «Schalen, an deren Rändern Schnitzwerk oder halberhobene Arbeit in Gestalt der Farmkrautblätter angebracht ist»⁶³. —

К стр. 55. «Зала», или, быть может, *Sacellum* (Boott к ad Att. I, 13, 1), — называлась Ἀμαλθεῖον, не Amalthea. После «зала» можно поставить с скобками: «Ἀμαλθεῖον, Amaltheum»⁶⁴. —

К стр. 56. Откуда известно, что названные в прим. 5 вольноотпущенные и рабы управляли эфиротским имением? Ведь это только предположение? Во всяком случае они принадлежали к эфиротской familia⁶⁵. —

К стр. 59. прим. 1. Следует прибавить, что чтение *Dodona* основывалось просто на конъектуре. Во всяком случае это место очень испорчено. Ссылка на Klotz & Wesenberg — излишняя⁶⁶. — Там же, прим. 3. Текст Варрона говорит о наемных рабочих, а не о фермерах — и потому, как кажется, стоит вне связи данного места⁶⁷. Слова «достойным образом наукою» лучше заменить «достаточно полно обстоятельно» и т.п. «в науке»: ибо сам автор обещает восполнить этот пробел⁶⁸. —

В заключение, дорогой Иван Михайлович, позвольте мне дать вам один совет. Я уже не раз говорил вам, что проектированный вами этюд о Сенеке был бы желателен для полноты плана. Упоминал я и о Колумелле. В последнее время я убедился, что *Петроний* дает очень благодарный и характеристический материал для вашей цели⁶⁹. Вероятно, это от вас и раньше не ускользнуло. Упомянутые три источника очень удобно комбинировать, потому что они современны. Данные всех трех — в связи с указаниями других источников — сложатся в яркую картину *крупного землевладения в эпоху Нерона* — в ту замечательную эпоху, когда борьба империи с землевладельческим капитализмом выразилась в африканской катастрофе⁷⁰. Я решительно советовал бы вам этюд о Плинии⁷¹ предпослать — хотя бы небольшой по объему — этюд на формулируемую мною тему. [Огромное преимущество] Особенный интерес этого этюда будет заключаться в том, что он, сообразно характеру источников, будет содержать *обобщения*, а не частные примеры, как [Гораций] «Аттик» и «Плиний». Если вы согласны написать этот этюд, то поберегите для него общие рассуждения (напр. <имер>, о законе Тюнена?)⁷² и, особенно, тексты из Сенеки⁷³. Примите в соображение, что сам Колумелла — интересный тип землевладельца». —

Ваше теплое и дружеское письмо, дорогой Иван Михайлович, глубоко меня обрадовало и тронуло: мне показалось, будто оно проникнуто прежним единением, будто оно дышит прежним доверием, прежним сочувствием...⁷⁴ Я так дорожу вашей дружбой, что та тень отчуждения, которая ее омрачила, омрачила вместе с тем надолго и мою душу. Дай Бог, чтобы эта тень бесследно исчезла. Я жду этого с надеждой — от времени; ибо Время — «без труда совершающий», верно испытывающий «бог»⁷⁵. Сам же чувствую себя все тем же, каким был я и некогда; и желал бы всегда остаться одним среди внешних перемен и внутренних кризисов жизни. Все, чего [может] вправе требовать от меня дружба, это — чтобы жизнь моя была для нее прозрачна; мне думается, что в этом отношении я не в долгу перед дружбой...

Очень порадовало меня известие о вашем решении приехать на лето за границу для окончания диссертации. Подумайте, не можем ли мы съехаться в Берлине, где я должен буду защищать диссертацию в июне, где вы украсили бы мой диспут и познакомились бы с *maestri*⁷⁶. Лучше ли, физически и нравственно, чувствуете вы себя в настоящее время? В ответ на вопрос ваш о вестях из Берлина рад сообщить вам наконец очень важный для меня факт, — что я получил, в вечер под новый год, следующее извещение Гиршфельда: «*Mommсен hat Ihre Arbeit geprüft und, wenn er auch sich mit einigen Punkten nicht einverstanden erklärt, doch ein sehr günstiges Urtheil über dieselbe abgegeben, dem ich mich nach Lectüre derselben gern anschliesse*». Далее, он пишет, что Моммсен уезжает в Италию в половине января, но намеревается быть снова в Берлине к началу летнего семестра⁷⁷. Если он осуществит это намерение, мне, что всего вероятнее, придется держать экзамен у него.

До свидания, дорогой друг! Поклонитесь от меня Марии Сергеевне. Пишите о себе. Не сердитесь за «ученую полемику». Не очень упрейтесь: боюсь, что вы не приняли защищаемой мною интерпретации Друмана относительно дел Аттика с афинянами⁷⁸. Крепко жму вашу руку.

Ваш В.И.

Дорогой Иван Михайлович, приписываю всего два слова, спасибо за письмо. По отношению к нашей дружбе присоединяюсь ко всему сказанному В.И. Мы здесь целыми днями браним Вас то на Ваграмке, то в Passy, то попар-

⁶⁹ Приписка сбоку ко всему последнему абзацу, содержание которого — совет Гревсу написать дополнительный этюд о землевладении в эпоху Нерона.

⁶⁴ Замечание учтено. В указанном месте очерка Гревса речь идет о вилле Аттিকা возле Буттро-та, о которой несколько раз упоминал Цицерон: «Он называет ее „Amalthium“, вероятно, потому, что в ней находилась одна особенно замечательная зала (‘Αδελφείον), украшенная статуями и картинами, имеющими отношение к мифу об Амальтее, кормилице Зевса, которым интересовался Аттик. Может быть, эта зала была устроена в виде святилища (*sacellum*) в честь нимфы Амальтеи» (Очерк второй. Аттик. II. С. 47; Очерки... С. 343).

⁶⁵ Замечание учтено. Ср. у Гревса: «У Цицерона в письмах упоминаются несколько рабов и вольноотпущенников Аттিকা, принадлежавших к его *familia Epirotica* и занимавших, по-видимому, важное место в хозяйстве. Можно думать, что они служили управляющими (*villici, procuratores*) различных частей эфирской латифундии господина» (Там же. С. 49, примеч. 1 и 344 сл., примеч. 6, соответственно).

⁶⁶ Замечание учтено. Ср. у Гревса: «Старые исследователи выводили из одного места Цицерона (*Ad Att.* III, 12, 3), что у него было еще имение около Долоны; но уже Друманн считает это толкование неверным (*Gesch. <ische> Roms*. V, 63, пр. 72); оно основывается на конъектуре, служившей к объяснению этого во всяком случае испорченного места Цицерона; но новые критические издания отвергают такую поправку» (Там же. С. 53, примеч. 3 и 351, примеч. 2, соответственно).

⁶⁷ Имеется в виду знаменитый текст (*Varr. De re rust.* I, 17, 2): «Все поля возделываются людьми: рабами, свободными или теми и другими; свободные работают или сами на себя, как большинство бедняков, которые трудятся вместе со своим потомством, или нанимаются за плату — большие работы, например, сбор винограда и сенокос, выполняют нанятые свободные рабочие и те, кого у нас называли *obasarii*, их и сейчас очень много в Азии, Египте и Иллирике» (пер. М.Е. Сергеев).

В очерке Гревса этот текст Варрона приводится в подтверждение тезиса о том, что в поместьях Аттিকা «должны были практиковаться обе типичные в римском мире формы эксплуатации латифундий — барская культура руками рабов под руководством виллика и мелкое фермерство свободных крестьян-съемщиков» (Очерк второй. Аттик. II. С. 53; ср.: Очерки... С. 352). Судя по замечанию Иванова, в присланном ему варианте очерка Гревс, возможно, усматривал фермеров в «*mercennarii*», о которых Варрон прямо говорит как о наемной рабочей силе («*conducticii liberorum operis*»). В опубликованном тексте об этом нет и речи: *mercennarii* Варрона упоминаются несколько далее, в ряду свидетельств источников о применении наемного труда, поскольку Гревс вынужден признать: «Хотя последняя форма организации сельскохозяйственных работ на больших поместьях, то есть применение к их культуре свободных вольнонаемных рабочих, и не вполне соответствовала исконным сельскохозяйственным обычаям римлян, но по мере роста крупного земледелия она приживалась, как вспомогательное средство их обработки» (Там же. С. 57 сл., примеч. 3 и 358 сл., примеч. 2, соответственно).

Однако с тем, что текст Варрона «стоит вне связи» вопроса о «фермерстве», Гревс не согласился и оставил примечание на прежнем месте, а впоследствии в книге даже перенес часть этого примечания (а именно, слова: «О сосуществовании обеих форм обработки крупных поместий в эпоху, когда жил Аттик, мы узнаем, прежде всего, из одного текста Варрона, свидетельство которого имеет решающее значение, так как этот автор был современником Аттিকা») в основной текст (см.: Очерки... С. 352; ср.: Очерк второй. Аттик. II. С. 54 сл., примеч. 1, где говорится о «большом», но еще не о «решающем» значении упомянутого текста).

Вобщем эта часть очерка при подготовке диссертации подверглась довольно заметной переработке, в ходе которой Гревс, в частности, постарался уточнить свою интерпретацию слов Варрона: если в журнальной статье, рассматривая категорию «бедняков, которые трудятся вместе со своим потомством», Гревс полагал, что она «по-видимому, обозначает остающихся еще на своих землях мелких крестьян-собственников... хотя можно предполагать, что и эти люди уже являются съемщиками чужих полей (прямо на то, что они возделывают *свои* поля, не указано)» (Очерк второй. Аттик. II. С. 54 сл., примеч. 1), в книге он высказался значительно более решительно: «В словах этих отчетливо рисуется именно фермерская культура. Вряд ли правильно предполагать тут мелких крестьян-собственников, так как, во-первых, ничего не сказано о том, что они возделывают *свои* поля, а во-вторых, из контекста видно, что описывается устройство крупной сельской недвижимости и изображаются ее органы» (Очерки... С. 353, примеч. 2).

⁶⁸ Это стилистическое замечание учтено. Указанное примечание, содержащее разбор текста Варрона о рабской и свободной рабочей силе в сельском хозяйстве, Гревс завершил утверждением, что вопрос о «положении сельскохозяйственных классов в римском обществе в конце республики и в период империи... целью, самостоятельно и систематически... в науке до сих пор не разобран» (хотя отметил, что «некоторые сведения... можно найти в различных сочинениях, посвященных истории происхождения колоната») и пообещал, что «в следующих этюдах автор коснется подробно главных пунктов, которые его освещают» (Очерк второй. Аттик. II. С. 54 сл., примеч. 1; ср.: Очерки... С. 352 сл., примеч. 1: «История сельских классов в Риме до сих пор не изучена и не представлена надлежащим образом, как того требовала бы важность вопроса; однако об обещании «восполнить этот пробел» в книге речи уже нет).

⁶⁹ Этому совету Иванова Гревс тогда не последовал. В заключительной части диссертации он писал: «В известном нравописательном романе Петрония перед историком развертыва-

ется в образе "состояния Трималхиона" великолепная конкретная картина, так сказать, анатомия и физиология большого самодовлеющего дома во времена империи. <...> Здесь не приводится в виде кратких ссылок важный и в высшей степени характерный материал Петрония, который заслуживает отдельной разработки в самостоятельном этюде, а в данной связи затянута бы изложение» (Очерки... С. 589 и примеч. 1). Этот этюд должен был войти во второй том «Очерков» (см.: Переписка... III. С. 337, примеч. 6), но появился в 1905 г. в виде отдельной статьи: Гревс И.М. Очерки по истории римского земледелия: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: (Данные Петрония по аграрной истории I-го века империи) // ЖМНП. 1905. Сентябрь. Отд. 2. С. 42–93.

⁷⁰ Предложенное здесь Ивановым направление дальнейшего исследования лишь пунктирно намечено в заключении диссертации Гревса, написанном уже в духе бюрократической теории (подробнее см.: Переписка... III. С. 336). — Ср., например: «Единообразие между императорами и отдельными видными представителями знати, группировавшейся около сената, как политическое средоточие, наполняет собою весь первый век, начиная с Тиберия и кончая Домицианом после непродолжительной передышки при первых двух Флавиях. <...> В области хозяйственных отношений указываемый политический процесс воплотился именно в факте создания императорского земледельческого ойкаса и поглощения последним через посредство конфискаций многих могущественных частных единиц того же типа. Так порождено было грозное течение, картина которого с беспощадным реализмом отражается в нескольких словах Плиния Старшего о "шестерых господах", владевших "половиною провинции Африки", но павших вместе с их огромными поместьями жертвою алчности Нерона» (Очерки... С. 595–596). Ср. примеч. 11 к п. 53.

⁷¹ Имеется в виду Плиний Младший. Ср.: Переписка... III. С. 324, примеч. 2.

⁷² В очерке Гревса речь шла о том, как немецкий экономист К. Родбертус применил для толкования римского аграрного строя теорию Й. фон Тюнена, которая «покоится на утверждении всеобъемлющего влияния столицы в процессе сложения земледелия и сельского хозяйства не только в ближайших ее окрестностях, но и во всем государстве, которого она является политическою главою» (Очерк второй. Атик. II. С. 20). См. примеч. 1 к п. 53.

⁷³ Как уже сказано, этому совету Гревс не последовал, и ссылки на «тексты из Сенеки» остались в очерке об Атике-землевладельце.

Об исследовании, специально посвященном Сенеке, он также писал в заключении к диссертации как о деле неопределенного будущего: «В этом смысле жизнь Сенеки окажется, может быть, наиболее яркою, потому что личность его была особенно на виду: потому-то авторы говорят о нем много; кроме того, и сам он немало сообщает о себе в своих длинных моральных рассуждениях. <...> Экономическая биография Сенеки явится поэтому любопытною конкретною иллюстрацією отсылаемой фазы в развитии отношений между монархией и знатью в императорском Риме (и одновременно в истории крупных ойкосов в римском мире)» (Очерки... С. 596 и примеч. 2).

⁷⁴ Речь идет, по-видимому, о письме Гревса от 10/22 января 1896 г. (п. 50), впервые в переписке друзей, как показало Иванову, снявшему ту тень, которая легла на их отношения после того, как Иванов оставил свою первую семью (см. п. 40).

⁷⁵ Источник цитаты установить не удалось.

⁷⁶ Учителя (*итал.*). Ни докторский диспут Иванова, ни встреча друзей в Берлине не состоялись (см.: Переписка... IV. С. 355).

⁷⁷ Приводим перевод этого письма полностью:

Шарлоттенбург, 30.XII.95.

Дорогой господин Иванов!

Моммзен Вашу работу проверил, и хотя он заявил о своем несогласии по некоторым пунктам, все же отзыв о ней дал самый благосклонный, к коему я по прочтении работы с удовольствием присоединяюсь. Так что с этой стороны никаких возражений против допуска Вас к экзамену наверняка не возникнет, 14 января Моммзен едет в Италию и вернется сюда, вероятно, к началу летнего семестра.

С наилучшими новгородскими пожеланиями

Ваш О. Гирифельд.

(Wachtel M. Вячеслав Иванов — студент... Р. 372–273.) Ср.: Переписка... IV. С. 355.

⁷⁸ Ср.: Приложение к п. 49, примеч. 7.

⁷⁹ Речь идет о чете Гольштейнов (см. прим. 10 к п. 49) и об авторах комментируемого письма. Гольштейны жили на авеню Вагграм (отсюда употребленное Ивановым наименование их квартиры на дружеском жаргоне; ср.: Переписка... III. С. 330), на ул. Пасси жили Иванов с Зиновьевой.

лы после блестящей карьеры и великих исторических подвигов. Tertium comparationis⁶³ решительно ускользает от меня. Ужели это... видлы? Но кто же из римлян не отдыхал в виллах, по окончании политической карьеры? Почему не сравнить еще Аттика с Суллой?

Пример Саллюстия также, по моему мнению, ненужная амплификация; но приводимые из «Югурт.<инской> войны» слова в данной связи интересны⁶⁴.

р. 58 стр. 1.

«Осведомленного человека» — но и арханзирующего ритор, и имеющего довольно позорительное прошлое [человека] магистрата в отставке⁶⁵. —

р. 62.

«Прим. 2. Слово «Nagt» (здесь скорее «шут», как в трагедиях Шекспира, откуда здесь метафора) относится у Моммзена специально к Катону и не распространяется на Брутов и Цицеронов⁶⁶.

р. 64.

«На основании факта брака между Агриппой и Цецилией Вы говорите о заключении браков с членами императорского дома почти как об изобретенном Аттиком пункте политико-социальной программы рисуемого Вами класса! [Что] quod mihi quidem videtur absurdum⁶⁷ — уже ввиду исключительности подобных связей. — Дочь Цецилии была помолвлена с Тиберием, как дочь Агриппы⁶⁸.

Даже смерть Аттика была делом расчета?! — Говорить, что Аттик умер «стоически», столько же мало точно, как мало последовательно⁶⁹.

В общем я нахожу, что изложение крайне растянуто и что огромное количество тщательно собранного материала не соответствует малой, на мой взгляд, важности выводов, которые изобавок, в своих существенных чертах, уже были намечены в предшествующих частях этюда; характер политико-моральной проповеди (монотонной, как все проповеди) также невыгодно отличается, по моему суждению, настоящий очерк. —

Стиль. Формальное.

р. 2.

⁶³ «Ткань (?) благополучия»⁶³

⁶⁴ «Среднемирывать»⁶⁴

Примечание. Неудачно выражена мысль о зависимости очерка от Друманна и Буассье⁶⁵.

Ив. «бытописатель нравов»⁶⁶.

р. 3.

⁶⁷ «Озарить» — неудачно⁶⁷.

⁶⁸ «Формы напряжения мотивов» (?).

р. 8.

Прим. 2. Опыт не «настроение»⁶⁸.

Прим. 3. Текст Корнелия свидетельствует разве [о склонности к занятиям] об интересе к литератур[ой]е, а не вообще о «склонности к умственным занятиям»⁶⁹.

р. 10.

⁶⁹ Не лучше ли сказать в этом смысле «филэллин», вместо «эллинист»? То же слово лучше, чем «эллинифил» в прим. 1 стр. 10^{69a}.

^{63a} Против этого абзаца на поле Гревсом выставлен крест.

^{64a} Абзац отчеркнут Гревсом на поле.

^{65a} Замечания по одному перечеркнуты Гревсом.

- р. 12. Что значит «практическая этика»?⁶⁹
- р. 19. Что значит: «которое не нарушалось тем, что вокруг него было столько людей»?
- р. 22. «Увлекался в разные стороны...» — ?⁷⁰
— Двадцать лет Аттик все «обдумывал», как ему выгоднее жить и каких убеждений держаться! Едва ли «выгодна» такая обдуманность⁷¹. — Между тем уже при встрече с Суллой он является готовым характером.
- р. 23. Что разумеется под «услугами мыслью»?⁷²
- р. 24. Длинная метафора о «здании благополучия» и его ремонте — мне не по вкусу; тем более, что вскоре же оказывается, что здания еще не было, а только «фундамент»⁷³.
- р. 25. «Не выходя из поприща» — вместо: «не сходя с поприща»⁷⁴.
Прим. 4. «Vere hominum amicis» — очевидно испорченное чтение⁷⁵.
- р. 26. «Принудительного», «объясняемого».
Что значит: «торжество партии у власти»?⁷⁶
- р. 30. Статуя — «сооружение»⁷⁷.
- р. 32. «Искусно разбросанная ветвистая сеть связей» — неудобно, как и «древо жизни»⁷⁸.
Прим. 3. Подобная цитата не совсем уместна в *примечании*.
- р. 33. «С понятием дружбы как предикатом» и пр. — не вполне точно по выражению⁷⁹.
- р. 35. «Эклектизм»? (стр. 11)⁸⁰.
- р. 39. «Теплое место» — имеет иной смысл⁸¹.
- р. 41. «...который одушевляется» и т.д. — не вполне ясно⁸².
- р. 43. «Литературная интеллигенция» — мне не нравится.
Прим. «Коллекция...» друзей?⁸⁴
- р. 44. «Централизуя...» «группировал»... и проч. — неудобно и неточно по выражению.
Метафора о «кузнеце», и «огне<?> дружб», и «шите» — мне кажется неудобной⁸⁵.
«Свела...» — «сблизила»?⁸⁶
- р. 46. «Неизбежность торжества» — чьего?⁸⁷
Там же два раза «так что».
- р. 50. «Честное воздержание от службы (? государственной — как в России — ?)» — едва ли удачный перевод⁸⁸.
- р. 53. «Живое (!) монографическое (?) культурно-историческое изображение»...⁸⁹
- р. 56. Метафора об Аттике, освещающем горизонт, — антиэстетична⁹⁰.

друзей Аттика» и в соответствующем примечании: «Большую коллекцию их собрал Друмиан...» (Там же. С. 115 и примеч. 1 и 410, примеч. 1). Возможно, в рукописи Гревса даже не было слова «имена».

⁸⁵ Эту фразу Гревс значительно переработал. Ср.: «Централизуя свои личные связи около наиболее могущественных индивидуальностей, Аттик располагал вокруг них второстепенных лиц, которые служили в постоянному подогреванию и оживлению дружеского союза с [главарями] *вождями*, а иногда являлись сами предварительными ступенями, поднимавшими Аттিকা до уровня самых сильных людей мира» (Там же. С. 116 и 412, соответственно).

⁸⁶ Ср. у Гревса: «Дружба с Агриппою..., конечно, свела его с Августом» (Очерк второй. Аттик. III. С. 116, примеч. 3). В диссертации несколько иначе: «...помогла прочности обложения его с Августом» (Очерк... С. 412, примеч. 2).

⁸⁷ Гревс вносит необходимое уточнение: «...неизбежность торжества Цезаря» (Там же. С. 118 и 414, соответственно).

⁸⁸ Это замечание Гревс оставил без внимания. Ср.: «Шиперон по дружеской уступчивости называл его политикой "честным воздержанием от службы" (*honestum otium*)...» (Там же. С. 122 и 418, соответственно).

⁸⁹ Ср. у Гревса: «Социально-экономический образ Аттিকা должен при этом слиться с его интеллектуально-политической фигурой, и из такого синтеза может получиться цельное культурно-историческое изображение, способствующее пониманию причин, хода и результатов коллективного исторического процесса, которым осуществлялся переход республики в империю» (Там же. С. 126 и 423, соответственно).

⁹⁰ Имеется в виду рассуждение о риске «исторических деятели падающей республики», в которых отношениях похожих на Аттিকা, но гораздо хуже него известных: «Поставленные около Аттিকা, в полосу света, который бросает крутом его яркая по характерности личность, они выясняются представителями того же социального настроения, к которому принадлежал и он; сами загораются, так сказать, от него и освещают лучше занятый ими всеми горизонт» (Там же. С. 128 и 425, соответственно).

⁹¹ Речь шла о мобилизации: «Заметная часть его сошла со сцены, исчезнув в глубине гражданских войн или загубленная проскрипциями во время триумвиратов» (Там же. С. 135 и 432, соответственно).

⁹² Имеется в виду характеристика Гревсом слов «благонамеренных» представителей знати, к которому принадлежал Аттик: «Они оседают в определенных местностях и стараются пригнать к себе группы населения, которые нуждаются в их покровительстве и в награду за него охотятся их штурм, о который разобьется первый напор возможного нападения *новых государей*, [3а] Под такою крепкою броней они пройдут через роковой кризис. Политически они признают верховную волю самодержавного господина. Когда он станет во главе римского мира, они будут пользоваться даруемыми им милостями и склоняться под [ударами] *воруками* его гнева; долго будут осмысливаться и пристраиваться к новой государственной и общественной обстановке...» (Там же. С. 136 и 433–434, соответственно).

⁹³ Главным в форме будущего времени (*лат.*). Употребление таких форм характерно для французского языка (см. предыдущее примеч.).

⁹⁴ Ср. у Гревса: «На основании богатых данных, извлекаемых из стихотворений Горация, можно было построить довольно полное описание общего состояния земледельца в римском мире в момент утверждения империи. Картины эту всю можно составить из блестящей живописи даровитого художника-поэта...» (Очерк второй. Аттик. III. С. 139; ср. Очерк... С. 437–438, с незначительными изменениями: «обильных данных»; «картина эта целиком составляется...»).

55. Гревс — Иванову

16/28 августа 1896 г. Париж

29, Av. <enue> de Wagram.

28 ав. <густа 18>96.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Что же вы ни словом не обмолвитесь? Обещали ведь сообщить о том, как и где устроитесь и дать известия вообще о себе¹. Хочется знать, как Вы поживаете,

двигается ли дело приготовления к экзамену, когда едете в Берлин, заедете ли в сентябре сюда и т.д.² Пожалуйста, напишите два слова. Через три недели уезжаю. Опять, к сожалению, не кончил всего, что хотел, но надеюсь в теч. <ение> учебного года закончить. Третий этюд оч. <ень> осложнился, но, каж. <ется>, выходит сносно. Если бы мог остаться здесь только до янв. <аря>, кончил бы его наверно³.

На душе как-то тягостно, и уже охватило волнение перед началом лекционной работы⁴. Здесь теперь погода холодная и атмосфера неприятная⁵. Обнимаю вас. Напишите о себе и всех. Привет Л. <идии> Д. <митриеви>.

Ваш Ив. Гревс.

Хотелось бы [повида<ться>] побывать в Boulogne, да вы меня не уполномочили⁶. — Жду также инструкции относительно книг по древней истории; вы хотели написать, нужен ли полн. <ый> обзор или удовлетворитесь Римом⁷.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 29.

Открытка адресована в Швейцарию (Villars sur Aigle), получена 29 августа 1896 г.

¹ В конце июля 1896 г. Иванов уехал из Парижа в Швейцарию, где (в Gruon) с начала июля находилась Лидия Дмитриевна. Последнее его письмо к ней из Парижа датировано 24 июля 1896 г. (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 44).

² Предположения Иванова о защите диссертации летом 1896 г. (см. п. 52) не оправдались. 4/17 июля 1896 г. в письме к Зиновьевой-Аннибал Иванов обсуждал планы их жизни на ближайшие месяцы и, в частности, писал об одном из возможных вариантов: «В Милан я уже в этом случае не поеду, а отправлюсь из Парижа в Берлин, где мне несверно будет сосредоточиться. В половине окт. <ября> я все равно должен быть там» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 39). В июле Иванов и Гревс выехали в Париж практически ежедневно, и Гревс несомненно был осведомлен об осенних визитах друга на Берлин, где тот оказался, однако, только во второй половине декабря того же года.

³ Речь идет о работе Гревса над третьим очерком «Большое сельское поместье», печатавшимся в ЖМНП в сентябре и октябре следующего, 1897 г. Ср. в его письме к жене, М.С. Гревс, от 27 июля / 8 августа 1896 г.: «Последнюю неделю худо занимался; очень много дел и не успеваю все кончить; когда пишешь, всегда все разрастается; это сильно тревожит и утомляет; стал менее вынослив, устаю и голова болит. На днях получил письмо очень милое от Васильевского, вторая часть «Аттিকা» уже напечатана, третья же выйдет в сентябре. Но третий этюд, которым я теперь занят, очень труден и требует сложной работы. Придется опять сильно налечь осенью и зимой, чтобы к весне выскочить и освободиться (шт. по: Человек с открытым сердцем. С. 260).

⁴ Ср. в письмах Гревса к жене от 16/28 августа: «Последние дни меня охватывает опять мучительно-тревожное настроение и беспокойство за вас, беспокойство за свою работу, с которой никак справиться не могу. На днях напишу Раеву <директору Высших женских курсов. — Изд.> о том, когда начинаются лекции на курсах. Если 10, то я, может быть, на 5 дней опоздаю, приеду около 15»; от 22 августа / 3 сентября: «Курсом совсем не занимаюсь, напирало всецело на диссертацию, но думаю, что как-нибудь справлюсь. Первое полугодие в основном готово. Только с практическими занятиями в университете придется поволноваться. Трудно будет, да уж такая судьба» (Там же. С. 261, 262).

⁵ Вскоре Гревс заболел; ср. в его письме к жене от 22 августа / 3 сентября: «На днях в сильно простудился, схватил что-то вроде инфлюэнции, день провалялся, а теперь третий день плохо себя чувствую — это отражается на занятиях и на настроении» (Там же. С. 261). Как видно из письма А.В. Гольштейн к Н.Е. Вернадской от 30 августа / 11 сентября 1896 г. из Парижа, болезнь оказалась тяжелой: «Пишу наскорю, чтобы сказать, что Иван очень болен, у него рожа-стое воспаление лица. Сильный жар, по ночам не спит, почти не ест. Ужасно угнетен духом» и т.д. (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ед. хр. 150. Л. 65).

⁶ Скрываясь от попыток К.С. Шварсалоной выследить порвавшую с ним жену, Лидия Дмитриевна и Иванов должны были не только тайно свое местопребывание, но и жить раздельно (в случае доказательств из совместного проживания Шварсалоной получал возможность настаивать, например, на уличении Лидии Дмитриевны в супружеской неверности, что меняло бы ход бракоразводного процесса, позволяло бы обвинять оставления детей за отцом и т.п.). Летом 1896 г. Иванов и Зиновьева-Аннибал снимали в Париже две квартиры. В Булони некоторое время жили дети Лидии Дмитриевны, а сама она находилась в Швей-

царям. В конце июля переписка Иванова с Зиновьевой прерывается до декабря того же года, что означает, что они снова живут вместе (см. выше, примеч. 1). Будем для Гревса оставаться, по-видимому, ивановским и зиновьевским адресом, заскреченным, по которому он не хотел появляться без специального приглашения. О конспиративном «двухквартирном» быте Иванова и Зиновьевой-Аннибал даст представление письмо Лидии Дмитриевны к А.В. Гольмштейн от 18 октября 1897 г. (когда они с Ивановым поселились в укромной итальянской деревушке — см. п. 56): «Что касается наших парижских квартир, то в будущем они... не пригодятся, так как я более не буду жить на иную фамилию, как Ивановой, и мне не нравится быть слишком отдаленной от детей» («Обнимаю вас и матерински благословляю...». С. 165).

¹ О чем идет речь неясно; возможно, Иванов ждал помощи в связи с подготовкой к докторскому экзамену.

56. Л.Д. Зиновьева-Аннибал — Гревсу

17/29 января 1898 г. Аренцано

29 янв. <яря> 1898.

Дорогой Иван Михайлович.

Нет от Вас приветного слова, ни на письмецо наше¹, ни на глубокую и ярко талантливую критику эпикурейства и несколько им скомпрометированного Аттиса, посланную нами², ни, наконец, на электрическое пожелание счастливого года³. Если Вы еще сердитесь или обижаетесь на мое письмо из Montliès⁴, то считаю это несправедливым с Вашей стороны, так как я предупредила Вас тогда же, что всю ответственность складываю на Вл.<адимира> Авг.<устовича>⁵. Решилась же я тогда поставить Вам упрек, потому что Вл.<адимир> Авг.<устович> говорил мне о Ваших словах при Ал.<ексandre> Вас.<ильевне>⁶, которая не отвергала их, и на мое решение написать Вам о том Вл.<адимир> Авг.<устович> выразил полное одобрение, дав притом слово, что не шутит. Конечно, мне вполне достаточно было услышать от Вас, что Вы никогда не говорили о мне в том смысле, в каком понял Вас Вл.<адимир> Авг.<устович>, чтобы более не иметь на Вас упрека в своей душе, и потому прошу и у Вас о полном забвении этого дела, и примите Вы и Мария Сергеевна наши самые сердечные пожелания всего хорошего во всех Ваших делах и мечтах, радости и душевного удовлетворения. Простите, что беспокоила Вас телеграммой, и очень благодарю за ответ⁷. Я была очень встревожена получением письма от Анюты с новостями о Дуинной болезни. Теперь предлагаю ей, если доктор найдет полезным, приехать поправиться ко мне и пожить опять со мною годика два. Конца Вашей депешки не могла понять, была бы рада получить письменно ее текст, т.е. идиотские итальянцы перевирают бессовестно; вот текст: «Dounia fièvre typhoïde, lettre suit. Griavesbene Ivatos»⁸.

Напишите хотя два слова о себе и Ваших, очень скучно ничего не знать. Что касается нашей жизни, мы очень счастливы и довольны тем, как она сложилась⁹. Местечко наше совсем полуидиотское: никого нет. Тишина и море и вся красота упоительная Генуэзского залива с амфитатром Генуи по холмам адали — лежит перед нами, видимая с нашей горки, где наша вилла, через серую рошу олив¹⁰. Занимаем верхний этаж виллы одинокого офицера, порядочного негодяя, как и большинство здешнего народа, mal fate¹¹, впрочем, издревле. Зато мы одни, в каждое окно глядят оливы, море и небо, и еще на крыше большая итальянская терраса. Часы нашего дня распределены строго. Все утро с 10 ч. В.<ячеслав> посвящает детям, образование которых взял на себя. До 10 ч. и после 2¹ мы имеем оба на наш собственный труд, и ничто внешнее в этом отшельничестве не отрывает нас от него. Прогулка наша всегда к морю, где читаем у самых волн на камнях¹². В ноябре мы делаем взлвем ил

giro¹¹ по верхней Италии с крутовым билетом. Были и в Ассизи, который оставил на меня впечатление, передать которое в рамках письма мне невозможно, скажу только, что границы души моей раздвинулись от синих холмов родины Св. Франциска¹² и кажется мне, что можно сказать чувствующему и мыслящему человеку то же об Ассизи, что говорили греки о Зевсе Фидия: кто видел надежды Ассизи, тот более не может быть несчастным. Вообще из того нашего путешествия мы вернулись сильно обновленными, понимающими бесконечно глубже искусство, т.е. высшую жизнь человечества. Купили во Флоренции несколько антикварных и новых книг по Возрождению и теперь читаем их по-немногу вместе. Здесь в Италии чувствуем себя на родине нашей духовной более, чем когда-либо, и здесь имеем больше сил и жару к работе, чем где-либо. О будущем пока ничего не знаем. Процесс¹³ тянется и не видно конца. Ш. <варсавянин> делает все для замедления: отрицает всякую вину, вызвал госпожу В., которая тоже отрицала, он меня выставляет психически больной, и нет той подлости и гадости, на которую он не пускался¹⁴, но говорить о всем не хочу ради бедных детей... Они, т.е. старшие, учатся по программе парижск. <ого> лицея отлично, т.к. такого учителя, как В. <ячеслав>, я никогда не видала. Сергей по всем предметам очень высоко стоит и начал латынь. Все дети пока растут очень хорошими людьми, а Лидюшка всех радует своим возрастом и веселой мордочкой. Но довольно, ждем от Вас словечко. Целую крепко Марию Сергеевну и благодарю ее за ее и Катюшин поклон. Целую детей.

Вам сердечно преданный друг Лидия Зиновьева.

P. S. Только что получилось Ваше письмо к В. <ячеславу>, видите, как мы встретились мыслями¹⁵. Крепко жму Вашу руку и мечтаю крепко пожать ее летом в действительности. Прошу передать белые письмеца Вашей Анюте¹⁶.

А мой роман из древнегреческой жизни скоро близится к блистательному концу, не могу только вполне еще одолеть мистическое явление Диониса!

В. <ячеслав> пишет¹⁷.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 1–2.

Ответ Гревса неизвестен.

¹ Упомянутое письмо неизвестно.

² Упомянутый отзыв неизвестен — едва ли мог иметься в виду отзыв на заключительную, третью часть этюда об Аттике, данный еще летом 1896 г. (см. Приложение к п. 54).

³ Упомянутая поздравительная телеграмма неизвестна.

⁴ Упомянутое письмо неизвестно, и суть содержащихся в нем претензий Зиновьевой-Аннибал к Гревсу прояснить не удалось. Письмо, о котором идет речь, было написано, по всей вероятности, не ранее августа—сентября 1897 г. — к этому периоду относятся недатированные, как правило, письма Зиновьевой-Аннибал к Иванову, в которых упоминаются ее поездки из Женевы, где она жила при больном отце, к Иванову, находившемуся в Монтре (на юге Швейцарии); см.: РГБ. Ф. 109. К. 22. Ед. хр. 3.

⁵ В.А. Гольштейн.

⁶ А.В. Гольштейн. О резких перепадах в отношениях Зиновьевой-Аннибал и Иванова с четой Гольштейнов см.: Переписка... V. С. 378–380.

⁷ Упомянутая телеграмма Зиновьевой-Аннибал к Гревсу неизвестна; ответ на нее приводится в комментируемом письме ниже.

⁸ Текст приводимой телеграммы Гревса, действительно, только отчасти поддается дешифровке: «У Дуни брюшной тиф, подробности письмом» (франц.), далее текст невразумителен.

⁹ Ср. ниже, примеч. 12, в письме Зиновьевой-Аннибал к А.В. Гольштейн от 18 октября 1897 г. Основной причиной, приведшей Иванова и Зиновьеву в глухую гусицкую деревушку, была необходимость скрываться вплоть до получения официального развода от преследований К.С. Шварсалона, оставшегося законным мужем Зиновьевой. Подробнее см. примеч. 6 к п. 55, а также: Переписка... V. С. 380–381).

праву найдете мое письмо, т.е. простою «чепухой». Ну, теперь, до свидания, и скорее поменяйтесь, благо Вы не согласны с Шопенгауэровским интеллигбельным характером и находите, что в человеке нет неизменного, рокового, — и становитесь... вакхальным, иначе не поймете Св. Франсиска и Ассизи.

Ваш скверный и злоющий и чепушистый друг

Лидия Зиновьева.

РГБ. Ф. 109. К. 23. Ед. хр. 5.

Неотправленное письмо (при очевидной случайности содержания маловероятно предположение, что перед нами черновик перебранного и посланного адресату письма).

В пользу 1898 г. говорит ссылка автора на долгое пребывание в итальянской глуши и упоминание францисканского Ассизи — ср. п. 56. Датировка подтверждается и наблюдением над почтовой бумагой: на той же бумаге (серо-голубое верже с контурным водяным знаком «LJDL & Cie») 27 и 28 июня (ст. ст.) 1898 г. Зиновьева-Аннибал, по дороге в Киев, писала Иванову в Петербург (РГБ. Ф. 109. К. 22. Ед. хр. 5. Л. 33–38). Ср. примеч. 2 к п. 58.

¹ Письмо относится к началу лета 1898 г., когда и Зиновьева-Аннибал, и Иванов находились в Петербурге или поблизости от него; см. их переписку, относящуюся к этому времени: РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 42; К. 22. Ед. хр. 5). Одна из дружеских встреч той поры отмечена в дневнике Иванова: «4 июня. <...> У Гревса. Очаровательная двухчасовая *sauserie*» (Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн. Р. 344). — *sauserie* — непринужденная беседа (франц.).

² Различение номенального (интеллигбельного, умопостижимого) и феноменального (эмпирически данного) фундаментально для всякой метафизики, в т.ч. и для Канта, Шопенгауэра, Соловьева. Несомненно, что спор, продолжаемый комментируемым письмом, касается по преимуществу моральных проблем, свободы воли и свободы личного волеизъявления и поступка. Важно, что именно Соловьев настоятельно утверждает, что представление о личности и ее свободе невозможно без учета ее умопостижимого характера (замысла Творца о ней) и ее эмпирического, детерминированного и опосредованного действительностью осуществления. Соловьев употребляет словосочетание «умопостижимый характер» уже в самых ранних работах (в частности, постоянно критикуя подход Канта к проблеме свободы воли); реплика Зиновьевой-Аннибал могла бы иметь отправной точкой такое, например, утверждение Соловьева в его знаменитой магистерской диссертации: «Всесообщее и неискоренимое сознание нравственной ответственности, предполагающей свободу, противоречит абсолютному детерминизму, для которого это сознание не имеет никакого смысла, тогда как оно есть несомненный и всеобщий факт, который невозможно объяснить из каких-нибудь случайных или внешних причин. Но опять необходимая обусловленность, несвобода эмпирической воли есть точно так же несомненный факт, одинаково признаваемый как обыкновенным сознанием, так и всеми настоящими философами. Такое противоречие может быть разрешено только чрез различение воли в проявлении от воли самой в себе. Это различие, выраженное уже Кантом в учении об эмпирическом и об умопостижимом (intelligible) характере, вполне развито Шопенгауэром» и т.п. (цит. по: Владимир Соловьев. Кризис западной философии. Против позитивистов. М., 1874. С. 48). В споре с Гревсом Зиновьева-Аннибал отстаивала дионисийскую, «вакхальную» «безграничную свободу».

58. Иванов — Гревсу

13/25 октября 1898 г. Аренцано (?)

25/13 окт. <ября 18>98.

Дорогой Иван Михайлович,

Получив Ваше первое письмо, я пожал плечами и подумал: «Зачем это Иван Михайлович так волнуется до времени и наперед предполагает с моей стороны серьезную некорректность? — ведь было же ясно условлено и договорено между нами, что книги из курсовой библиотеки останутся в случае моего отъезда из Петербурга у г. Лаппо-Данилевского¹. Что же касается остальных книг, взятых мною за границу с разрешения Ивана Михайловича, то его молчание о них указывает на то, что они не должны быть возвращены немедленно»².

Ваше второе письмо пришло во время моего десятидневного отсутствия и было прочтено мною вчера вечером; на этот раз я подумал: «Решительно, удобство пользования несколькими книгами Ивана Михайловича не окупает неудобство слышать его "неожиданные реприманды" и нервные вошферации¹. Во всяком случае, хорошо, что письмо попало в мои руки поздно; это избавляет меня от искушения напомянуть ему из Италии телеграммой, которой он требует, о том, что удобнее припомнить, проходя по соседней линии Васильевского острова. Да и наверно теперь все ему разъяснилось».

Перед отъездом я отвез на квартиру г. Л.<аппо>-Данилевского 1) Моммзена Staatsrecht², 2) Марквардта³, 3) Шредера⁴, 4) Шиллер—Фойта⁵, 5) Тейффеля⁶ — с своей карточкой, на которой приписал, что книги эти доставляю ему по указанию Ивана Михайловича⁷.

Сегодня я отправляю под заказной бандеролью на Ваше имя два пакета: 1) Brunner, 2 тома⁸; 2) Моммзен Рим.<ская> Ист.<ория> — 5^я том¹¹, Hirschfeld¹², Lamprecht¹³.

У меня остались 1) Baedeker, Griechenland, 2) Baedeker, Russland, 3) Бублик, Киев¹⁴ (две последние книги взяты после Вашего отъезда¹⁵ без Вашего специального разрешения), далее издавна лежащие у меня 3 тома Röm.<ische> Gesch.<ichte> Моммзена¹⁶ и Richter Topographie der Stadt Rom¹⁷. Путеводители, Вам, как видно ex silentio¹⁸, покамест ненужные, пришлю отдельной бандеролью потом, так как в «Griechenland» мне нужна¹⁹. Впрочем, Вы дадите об этих оставшихся книгах свои инструкции.

Очень Вам благодарен за дружескую услугу²⁰, как и за предоставление мне 13 первых листов Вашей диссертации, мною в Петербурге полученных из типографии. Намереваюсь на днях собрать свои впечатления и пометки при чтении этих листов и этюда о bina iugera²¹ etc., чтобы сообщить Вам их по условию²².

Приношу Вам также выражение моей благодарности за римскую pia fraus²³. Жаль только, что Вы не [указали] напомнили Вашему собеседнику, что, и в случае ложности слухов, самый факт ее существования опасен для преследуемой с детьми женщины и что болтать иногда подло. Что «стоустая Субура»²⁴ говорит, для меня, впрочем, неудивительно. Я угадываю источник римской слухов. Ее орган — римская весталка Срезневская, которой Вы имели некогда честь быть представленным в Анцио²⁵. Она наблюдала первые шаги нашего с Л.<идией> сближения и, прослышав потом — вероятно, через Павловских²⁶ — о моем разводе, безошибочно заключила о его последствиях.

В заключение укажу откровенно на Вашу ошибку против долга дружбы: истретив Ш.<варсалона> в Венеции, Вы не сообщили мне о том немедленно. Даже письмо застало бы меня еще долго спустя в Петербурге; а я давал Вам, кажется, и московский адрес²⁷. Во всяком случае, Вы и не попытались предостеречь нас. Между тем, только по счастливой случайности мы, проезжая из Вены в Милан, не остановились, как хотели, по дороге полюбоваться на площадь св. Марка, где произошла бы встреча, последствия которой могли быть роковыми. Молчать в данном случае было то же, что не выставить красный сигнал, видя поезд летящим на опасность. Простите этот укор, самая откровенность и требовательность которого является однако свидетельством дружбы; но дружба обязывает.

Пока — до свидания, до скорого письма об иных материях — высшего порядка²⁸. Дружески жму вместе с Л.<идией> Вашу руку.

Ваш В.Ив.

Р. S. Прибавлю еще кстати, что и Ваше позднее извещение о молве в Риме указывает на слабую степень участия, принимаемого Вами в судьбе Ваших друзей. Это извещение имело для нас огромную важность, а незнание этого факта подвергало нас столь же огромной опасности. Боясь, что нас наследят à la longue²⁹ в нашем убежище, мы оглядываемся повсюду, ища места безопасного и вместе удовлетворяющего потребностям семьи. До получения Вашего письма мы думали о Флоренции и особенно Риме, где было бы всем так хорошо. Мы собирались даже со дня на день

⁹ Ср. у Гревса: «Из его изложения вполне обнаруживается правильность высказанной только что истины и в общем ее виде, и в детальной разработке отдельных вытекающих из нее заключений, то есть, при помощи формулировки основных начал сложившегося к тому времени права частной собственности и описания различных институтов, в которых оно воплощалось» (Там же. С. 287, примеч. 3).

¹⁰ Ср. у Гревса: «Тут-то и вырабатывались те железные рабочие навыки, которые сделали из римлян замечательных представителей борьбы за существование в формах упорного отстаивания личностью (особью) ее экономических интересов независимо от прямого и постоянного содействия более широкой группы, свободно от опеки ее и от разделения с ее членами плодов напряженной работы» (Там же. С. 298).

¹¹ У Гревса речь идет о «крупных господах», социальное влияние которых «утверждалось на аграрном основании: они широко и плотно усеялись на земле и пускали в ее глубь могучие и крепкие корни, питая их энергичным хозяйствованием и выкармливая на государственных пастищах необходимые живые орудия производства» (Там же. С. 320 сл., примеч. 2).

¹² В разбираемом очерке Гревса глава I (см. выше, примеч. 5) делилась на два параграфа: «Римские авторы о крестьянском характере первоначального земледелия в Риме» (С. 4–12) и «Общие рассуждения и конкретные воспоминания» (С. 13–20). Под последними Гревс разумел «известную сумму индивидуальных исторических примеров», которые можно извлечь из сочинений различных писателей, выводивших «оригинальные фигуры великих древних граждан-крестьян» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 13).

¹³ В целом (фрагм.).

¹⁴ Ср. у Гревса: «Если перечитать всех римских авторов, писавших в период, когда торжество крупного барского земледелия было уже совершившимся фактом в римском мире, то почти у каждого, будь он историк, поэт, моралист, оратор, агроном или натуралист, можно найти более или менее обстоятельные описания первобытной крестьянской жизни, более или менее прямое воспоминание о ней, либо, по крайней мере, более или менее ясный намек на нее. Можно указать здесь еще, например, что *Сенека Старший* (Controv. II, I (9), 8) говорит о "patres nostros, quos apud aratra ipsa minantes pecora sua circumsteterunt fiores" и указывает, что тогда "paupertas virtus fuit" <"наших отцах, которых дикторы заставляли прямо воле плуга, погоняющими скотину"... "бедность была доблестью" (лат.). — *Инд.*>» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 12, примеч. 5).

¹⁵ «Младшая (дурная) аналитика» (нем.). Имеется в виду направление римской историографии первой половины I в. до н.э. Младшие аналитики (Кв. Клавдий Квадригарий, Валерий Анциат, Г. Лициний Макр, Кв. Элий Туберон), придерживавшиеся аналитической формы изложения, не только приукрашивали повествование фантастическими подробностями, но искажали цифры, тенденциозно освещали ход исторических событий с целью оправдания или прославления как отдельных политических деятелей, так родов и даже социальных группировок» (см.: Бокщанин А. Г. Источниковедение древнего Рима. М., 1981. С. 49–50).

¹⁶ *Маний Курий Дентат* — консул 290, 275 и 273 гг. до н.э. Ср. у Гревса переосказ Плутархова сообщения о том, как Катон Старший очень часто посещал находившееся по соседству с его имением в сабинской земле жилище знаменитого героя самнитских войн (Cato Mai. 2):

Он удивлялся как незначительности поля, которое питало полководца, изгнавшего Пирра из Италии и награжденного тремя триумфами, так и простоте жилища, в котором тот проводил жизнь. В воображении поклонника древности живо возник образ Курия, обитающего в бедной хижине, своим трудом возделывавшего прилегающую к ней ничтожную пашню, а по окончании рабочего дня садившегося у домашнего очага и варившего себе скудный ужин из овощей. Конечно, сочинение Плутарха столько же этический трактат, сколько историческое жизнеописание; несомненно автор передает факт, уже украшенный народною фантазиею и дополненный моралистическою мыслью; но и в предании самый сильный научный скептицизм не отказывается находить достоверное зерно; тут же Плутарху приходилось говорить о факте, который всеми признавался за истину, и в других источниках, прежде всего у Цицерона, можно найти подтверждение сообщаемых им сведений о Курии.

(Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 13–14.) Гревс ссылается при этом на *Cic. De senect. 16, 56; Idem. Parad. Stoic. I, 2, 12; V, 2, 38*, а также на *Plin. NH. XIX, 87: «Manium Curius imperatorem, quem... garum torrentem invenit annales nostri prodidere»* <Маний Курий, которого, по сообщению наших анналов, посты застали за тем, что он варил репу (лат.). — *Инд.*>. В упомянутых здесь Плинием *annales nostri* Гревс склонен был видеть надежные документы, а не, как Иванов (ср. предыдущее примеч.), произведения римских историков — младших аналитиков. Ср.: «Все показанные тут портреты написаны, конечно, красками, взятыми не из современных им, а из гораздо позднейших памятников; но в них отражается твердая традиция, которая сохранила без сомнения хоть отчасти верное воспоминание о первоначальном земледельном строе, и которая издана не только из народной памяти и

патриотического предания, но и из государственных и частных архивов и аннал. <...> Плиний в одном месте прямо ссылается на них (XIX, 87)» (Гревс И.М. Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 20 и примеч. 1).

¹⁷ Ср. характеристику Валерия Максима у Гревса: «Нельзя считать этого писателя, современника Тиберия, авторитетным ни по таланту и знаниям, ни по искренности; но он пользовался все-таки хорошими источниками, из которых многие теперь не существуют, и хотя "препарировать" почерпаемые отсюда данные для своих целей, чуждых задачам беспристрастного историка, однако достоверная фактическая основа сохраняется и у него в измененных комбинациях и тенденциозно построенных рассказах» (Там же. С. 14, примеч. 4).

¹⁸ Ср. у Гревса: «Целую галерею таких портретов великих древних граждан-земледельцев группирует Валерий Максим в известном своем сочинении "О знаменитых словах и деяниях", именно в главе "о бедности", которую он выставляет одною из важнейших старинных добродетелей» (Там же. С. 14). Почти весь параграф о «конкретных воспоминаниях» (ср. выше, примеч. 12) занят «рисунками Валерия Максима», от случая к случаю дополняемыми «свидетельствами других писателей» (С. 14–19). Ср., например: «В древнем Риме такая бедность была общим правилом: Валерий Попликола и Менений Агриппа не оставили после себя средств на свои собственные похороны» (Там же. С. 16 и примеч. 6: «Val. Max. IV, 4, 1–2»). Об этих и других героях раннеримской истории см.: Маяк И.Л. Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 24–28.

Отметим, однако, что сообщение о поле за Тибром, которым сенат награждал Гая Муция за доблесть, принадлежит не Валерию Максиму, а Титу Ливию (II, 13, 5). В очерке Гревса это заслуживающее внимания известие приводится не в тексте, а в примечании (С. 16, примеч. 5).

¹⁹ Принципиальная ошибка (греч.) — понятие из логики Аристотеля.

²⁰ Ср.: Гревс И.М. Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 20 (цит. выше, в конце примеч. 16). А также: «Воспоминание о такой исконной "ассигнации" земель при установке аграрных порядков во вновь образовавшемся социально-политическом союзе, из которого вырос Рим, в самом деле сохранилось довольно ясно в римском национальном предании и заметно проследывается у различных писателей» (Там же. С. 21, в связи, в частности, с Val. Max. IV, 4, 11).

²¹ Ср. у Гревса: «Ранке очень остроумно характеризует римское предание, как "eine Mischung alter Erinnerung und politischer Anschauung" <смесь древнего воспоминания и политической позиции>», и говорит, что оно — "keine Geschichte, sondern eine an historische Ereignisse anknüpfende, politisch ausgearbeitete Erinnerung" <не история, а привязанное к историческим событиям, политически оформленное воспоминание (нем.)>". — См. Weltgeschichte (3 Aufl.), II¹, 22; 45. — Такое отсутствие истинно-исторических современных свидетельств для древнейшего прошлого Рима, легендарная форма традиции без всякого сомнения является серьезным препятствием для освещения фактов и явлений исконно-римской старины» (Там же. С. 23, примеч. 4).

²² «До Агамемнона» (лат.) — т.е. незапамятных времен.

²³ Ср. у Гревса: «Плиний поясняет, что этот Атилий был прозван Сераном именно потому, что его застали "сеющим" (serentem) хлеб» (Там же. С. 17 и примеч. 2, со ссылкой на Plin. NH. XVIII, 20, а также Verg. Aen. VI, 844; Cic. Pro Rosc. 18, 50). — хотя и с оговоркой: «Нельзя отстаивать этимологической правильности таких объяснений, но самая мысль характерна, как свидетельство общераспространенности мнения о господстве мелкого земледельческого строя в древнем Риме» (Там же. Примеч. 3).

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Там же. С. 321–322 (цит. выше, в примеч. 5; там же см. и о структуре очерка Гревса).

²⁶ Ср. у Гревса: «Здесь не место было бы пересматривать весь вопрос об исконной аграрной организации римской гражданской общины; но необходимо воспользоваться имеющимися данными, чтобы постараться выработать наиболее вероятное суждение о приблизительных размерах первоначальной единицы сельского имущества, которая составила точку отправления дальнейшей эволюции земельной собственности в римском государстве, и ее равнозначность» (Там же. С. 20–21).

²⁷ «По два югера» (лат.) — норма подушного земельного надела при Ромуле, засвидетельствованная античной традицией (1 югер равнялся примерно ¼ гектара). Ср. у Гревса: «Железя... объяснить, что же должно означать heredium в 2 югера, о котором воспоминание цепко сохранилось в римской исторической традиции, Моммзен выставляет положение, что в нем нельзя видеть пахотного участка, но его следует считать лишь усадьбой оседлости, то есть местом для дома, двора, сада и огорода, причем другие составные части надела, то есть поле, где возделывался хлеб, выгон, где паслись стада, в пределы двух югеров не входили, а располагались отдельно» (Там же. С. 26). О двухюгеровых наделах ср.: Маяк И.Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983. С. 214–216.

²⁸ Наследственные участки (лат.).

²⁹ Передачи по наследству (лат.).

³⁰ Иванов имеет в виду следующее рассуждение Гревса, основанное на толковании сообщения Плиния Старшего о словоупотреблении в Законах XII таблиц (NH. XIX. 50): «Текст этот не может быть правильно понят иначе, как в том смысле, что в языке законов 12 таблиц *hortus=heredium=villa* (усадьба), и он служит хорошим аргументом в пользу Моммзенского объяснения первоначального значения слова *heredium*» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 29, примеч. 1). И далее, в общем выводе о правильности мнения Моммзена: «*Bina iugera* Ромула могли дать место лишь для *усадебной оседлости*, на которой помещалось жилище, двор и огород. Такая гипотеза... получает последнюю санкцию в сохранившемся до нас значении, с которым слово *heredium* употреблялось в древнейшем римском крупном юридическом памятнике, законах 12 таблиц» (Там же. С. 53–54).

³¹ Весь второй параграф II главы своего очерка Гревс посвятил «разбору противоположных взглядов» на то, были ли «*bina iugera*» усадебным или настоящим крестьянским, пахотным наделом (Там же. С. 33–55).

³² Ср. у Гревса: «Моммзен находит в одном тексте Цицерона доказательство того факта, что самая земля в исходный момент существования римского государства не была предметом индивидуальной собственности. См. *De re publ.*, II, 9, 16: “*Tum (во время Ромула) erat res in pecore et locorum possessionibus, ex quo pecuniosi et locupletes vocabantur*”. Автор объясняет эти слова так, будто бы Цицерон хочет сказать, что богатство тогда состояло из скота и *продуктов*, извлеченных от *пользования* или возделывания земли, то есть, он видит тут указание на “*Bodenbenutzung*” (= *locorum possessio*), а не на “*Bodeneigenthum*” (см. *Röm.<ische> Gesch.<ichte>*, I, 184» (Там же. С. 29, примеч. 1). — «*Tum... vocabantur*» — «в те времена имущество состояло из скота и земельных владений, ввиду чего людей называли “богатыми скотом” и “занимающими земли”» (пер. В.О. Горенштейна). — *Bodenbenutzung* — землепользование; *Bodeneigenthum* — землевладение (нем.).

³³ Ср. у Гревса: «Аппий Клавдий был богатый и знатный выходец из сабинского города Регилл, который прибыл в Рим, окруженный многочисленной свитой “родичей”, “клиентов” и “друзей”. Плутарх, рассказывая об этом, сообщает, что он со своими был принят в число римских граждан, сам сделан сенатором, а каждому “дому” (то есть семейной группе — “*Hausstand*”) сопровождавших его людей дано было по два югера земли за рекой Анио» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 44, со ссылками на *Dionys. Hal. V. 40; Plut. Popl. 21*).

³⁴ В указанном месте Моммзен указывает, что соотношение величины наделов, предоставленных при переселении в Рим Клавдиев (по 2 югера каждому и 25 югеров главе рода), совпадает с пропорцией, установленной для имущественного ценза последнего, пятого, и первого классов по Сервиевой конституции (*Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. 1. 3. Aufl. Leipzig, 1887. S. 248. Anm. 2*).

В очерке Гревса это соображение Моммзена приводится ниже, в 4 параграфе III главы, в связи с вопросом о пределах дифференциации размеров крестьянских частновладельческих поместий ко времени реформы Сервия Туллия и законов XII таблиц (см.: Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 311). В письме Иванова ссылка на Моммзена вписана поверх строки: возможно, он ее добавил, дочитав очерк до указанного места.

³⁵ Речь идет о следующем рассуждении Гревса:

...Если мы поставим рядом с рассказом Плутарха подробности показаний других писателей, то <картина события> представится довольно отчетливо. *Аппиан* сообщает, что переселенцам даны были земли двоякого рода — одни для постройки домов, другие для обработки. У *Дионисия Галикарнасского* сказано еще яснее: они могли выбрать какую угодно из незанятых частей *города* для устройства жилищ, а затем Аппию предоставлено было известное пространство земли между Фиденами и Пицетией для раздачи своим в виде пахотных полей. Что же выходит? Плутарх, нужно думать, соединил в одно целое известие об усадебной оседлости Клавдиев (*in urbe*) с свидетельством о сельской территории, присвоенной их роду по ту сторону Анио (*in pago*) в местности, где потом действительно констатируется возникшая там вслед за ассигнацией земель в частную собственность поселенцев — *tribus Claudia*. При этом автор по незнанию дела приписал участкам, возделывавшимся плугом, размеры, гораздо меньшие, чем они должны были иметь, взяв из предания часто громко повторявшуюся цифру «*bina iugera*», несомненно более подходившую к характеристике величины дворовой земли.

(Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 46, со ссылками на: *Appian. De regib. 11; Dionys. Hal. V. 40; Plut. Popl. 21*.)

³⁶ «Впрочем, в эту эпоху общественные земли играли в народном хозяйстве, как кажется, вообще второстепенную роль, так как общественные выгоны сначала были не очень обширны, а завоеванные земли большей частью немедленно делились между родовыми общинами или же в более позднюю пору раздавались отдельным лицам под пашню» (*Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 165*).

³⁷ В указанном месте речь идет о возможности того, что первоначально к имущественным сделкам (купля-продажа, дарение) с общинной землей были допущены только патриции:

«Наше предание... не только ничего не знает о такого рода преимуществе патрициев, но и ищет его скорее и, *наверно, правильно* в том, что земля остается в собственности общины» (*Mommsen Th. Op. cit. Bd. III. I. S. 86*).

³⁸ «Все, кто из-за плебейства выброшены с государственной земли» (*лат.*). Иванов дважды воспроизвел неудовлетворительное чтение *plenitatem* («переполненность») вместо общепринятого *plebitatem* (ср.: *Mommsen Th. Op. cit. Bd. III. I. S. 87. Anm. 1*), однако весь контекст показывает, что его понимание сути высказывания не отличалось от предложенного в переводе.

Кассий Гемина (*L. Cassius Hemina*) римский историк-анналист середины II в. до н.э. Отдельные строки из его «Анналов» сохранились у некоторых латинских авторов, в особенности у антикваров и грамматиков, в том числе у Нония Марцелла, грамматика IV в. н.э. Указанный Ивановым фрагмент (*Hem. Ann. fr. 17*) по сей день вызывает споры при решении вопроса о доступе плебеев к *ager publicus* в древнейшем Риме. Ср.: *Маяк И.Л.* Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 126–127; *Штаерман Е.М.* История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 34–37.

³⁹ См. выше, примеч. 32.

⁴⁰ В указанном месте Гревс приводит пространную цитату из «Истории Римской республики» Нича, в которой, в частности, говорится, что, поскольку в позднейшую эпоху *frumentum* было техническим обозначением «зерна», древнейшие италийские общины возделывали зерновые только на *ager publicus*, а частная собственность ограничивалась 2 югерами усадебной земли.

⁴¹ «Об экономическом значении *ager publicus* ничто не свидетельствует более ясно, чем то, что наименование зерна ведет свое происхождение не от того, что пожинает собственник, а от того, что пожинает съемщик государственной земли, *possessor*» (*Mommsen Th. Op. cit. Bd. II. I. S. 441. Anm. 2*). Имеется в виду этимология: *frumentum* («хлеб, зерно») — от *frui* («пользоваться») и *fructus* («плоды, доходы»).

⁴² Ср. у Гревса: «Торговля и ремесло были у римлян в совершенно зачаточном состоянии. Широкого скотоводства в древнейший период мы у них также не замечаем» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 53, примеч. 1) и: «... в обществе, где не было почти торговли, слабо развито ремесло и сильно стеснено скотоводство» (Там же. С. 285).

⁴³ «Кто знает римлян и их историю, тому известно, что своеобразный характер их общественной и частной деятельности объясняется их городским и торговым бытом и что их противоположность остальным латинам и вообще италийцам была преимущественно противоположностью горожан и крестьян» (*Моммзен Т.* История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 55–56).

⁴⁴ Соответствующие главы первого тома «Римской истории» Моммзена называются «Начало Рима» и «Земледелие, ремесла и торговля».

⁴⁵ Ср.: «Римляне именовали их либо по правоотношению — *publica*, либо по названию древнейшего из таких платежей — *pascua*, «пастбище»» (*Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. I. S. 439*).

⁴⁶ «В древнейшие времена выгон скота на общественные пастбища играл важную экономическую роль» (*Mommsen Th. Op. cit. Bd. III. I. S. 87*).

⁴⁷ Ср. у Гревса: «Правильность взгляда, впервые с блеском выраженного известным немецким ученым *Бёком*, что в традиционных цифрах Сервиевых цензов надо видеть секстантарные ассы, теперь уже сильно поколеблена в науке. <...> Против взгляда Бека—Гушке—Моммзена, нашедшего полное признание в немецкой ученой литературе, возражал особенно обстоятельно, и убедительно, представив целую систему опровержений и противоположных доказательств французский исследователь *E. Belot* в своем, богатом фактами и солидном труде — *Histoire des chevaliers* <...>» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 310 и примеч. 2).

⁴⁸ От нем. *prädestinieren* (ср. лат. *praedestinare*, фр. *prédestiner*) — предопределять.

⁴⁹ Ср. выше, цит. в конце примеч. 16, а также рассуждение Гревса о происхождении традиции о переселении Клавдиев в Рим: «Рассказ этот... можно предполагать, что извлечен из старинных фамильных анналов рода Клавдиев. <...> Нечего и говорить, что ссылка на семейную хронику Клавдиев не может быть принята во внимание, так как такого рода произведения, возникавшие лишь сравнительно поздно, строились не только на легендарной основе, но и из сознательного вымысла» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 44–45).

⁵⁰ «<Как бы уменьшенные> образы и подобию римского народа» (*лат.*).

⁵¹ Разбирая данные античной традиции о наделении двухюгеровыми участками граждан колоний, выведившихся в более позднее время в различные части Италии, Гревс заключает, что сообщение Ливия (VIII. 21. 11) об ассигнации *bina iugera* трем сотням поселенцев при учреждении морской колонии Алхиг (Теграсина) в 329 г. до н.э. — единственное положительное свидетельство, которое отвергнуть прямо нельзя, и продолжает: «Но может ли *единичный* факт служить прочным аргументом для обоснования такого важного исторического вывода, и действи-

тельно ли правильно делать обратное заключение от отдельного колониального закона к древнейшим аграрным порядкам метрополии?» (Там же. С. 42–43). Ответом на этот вопрос и служит вызвавшее критику Иванова рассуждение: «Хотя *Aul. Gellius* (Noct. Ap. XVI, 13, 9) и говорит, что колонии были “quasi effigies parvae simulacraque populi Romani”; но он передает лишь взгляд антиквариев, сложившийся в позднейшее время, и слова его больше относятся, вероятно, к административному устройству таких “филиальных” общин. Что касается до аграрной организации их, то она не являлась чем-то неизменным, а напротив, часто колебалась... под влиянием различных обстоятельств» (Там же. С. 43, примеч. 1).

⁵² Ср., например: «Италийский город есть не что иное, как римское государство в уменьшенном масштабе» (*Mommsen Th. Op. cit. Bd. III. I. S. 802*; там же речь идет и о бесконечном многообразии проявлений этого «простого принципа», и о естественных ограничениях его действия, обусловленных противоположностью интересов городской автономии и государства).

⁵³ См., *Гревс И. М.* Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 316. В очерке немало ссылок на замечания, сделанные известным немецким экономистом *Meitzen* (*August Meitzen*; 1822–1910. *Изд.* в его обширном замечательном сочинении о формах поселения и сельского строя у различных народов Европы» (Там же. С. 47 сл., примеч. 3). Имеется в виду: *Meitzen A. Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven.* Berlin, 1895, особ. Bd. I.

⁵⁴ Здесь и ниже речь идет о счете лет от традиционной даты основания Рима (753 г. до н.э.).

⁵⁵ Ср. у Гревса: «Есть указание у Валерия Максима, что Манию Курию предложено было в награду за победы имение в 50 югеров величиною; Ливий рассказывает, что Горацию Коклему предоставлено было столько земли, сколько можно в один день оплахать плугом. Свидетельства эти, хоть и легендарные (особенно последние), доказывают, что издавна существовали у римлян перед глазами образцы довольно значительных присвоенных частным лицам имений. С другой стороны, данные о колониальных раздачах заключают в себе уже вполне исторические указания на наделы в 100, 140 и 200 югеров. Правда, данные эти относятся к позднему периоду, но нельзя забывать, что аграрные порядки колоний обыкновенно отражали на себе гораздо более древнее прошлое города матери» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 316–317, со ссылками на *Val. Max. IV 3, 5, Liv. II. 10*).

⁵⁶ «Так что вместо Моммзеновой средней пропорции 2 20 лучше будет поставить 2 100 (150, 200)» (Там же. С. 318, примеч. 1). Ср. выше, примеч. 34.

⁵⁷ Ср., «Если принять вопоки Моммзену цифры ценза, сообщаемые Ливием, за суммы, выраженные в *asses librales* и допустить, что цена югера, сообщаемая Колумеллой, может быть применена к далекой римской древности, то как раз получится 100.000 1.000 = 100 югеров, как нормальный надел первого класса» (Там же).

По Ливию (I. 43), ценз первого класса составлял 100 тысяч ассов. «Почти все ученые, принимающие теорию Гукке—Моммзена о земельном принципе классификации общества в конституции царя Сергия, принимают и устанавливаемую ими пятистепенную скалу наделов, соответствующую цензам пяти классов, именно: 20–15–10–5–2 югеров. Между такими пределами, по общераспространенному в науке мнению, колебалось древнейшее римское землевладение, лишь сравнительно редко поднимаясь выше наибольшей нормы. Определение этих чисел основывается прежде всего на предположении, что цифры классовых цензов Сергия Туллия, сообщаемые Ливием и Дионисием, получились путем перевода первоначальных земельных обязательств на денежные суммы, выраженные в позднейших “легких” ассах (*asses sextantarii*); затем, исходя из признания этого положения, первоначально количество югеров, требовавшееся от граждан, как условие приписки их к тому, а не другому классу, восстанавливается вычислением при помощи данных “*scriptores rei rusticae*” о ценности земли. <...> Колумелла, между прочим, говорит, что цена югера удобной земли в его время равнялась средним числом 1000 сестерций (*De re rust. III, 3, 8*), что составит столько же полных или 5000 секстантарных ассов. <...> Если разделить цифру ценза 1-го класса — 100.000 на 5.000, получится 20 (то есть югеров), что и составит земельный ценз его» (*Гревс И. М.* Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 309–310 и 310, примеч. 1).

О теории Бело см. выше, примеч. 47, а также ср., «Новая теория основывается на словах Плиния (Н. п. XXXIII, 43), который, рассказывая о реформе Сергия Туллия, говорит об *asses librales*. Введение их в вычисление составит заметную разницу: нормы цензов окажутся выше в пять слишком раз» (Там же. С. 310, примеч. 3).

Либральный асс от лат. *libra*, фунт древнейшая чеканная римская монета весом около 327 г. С течением времени вес асса уменьшался (секстантарный асс от лат. *sextans*, 1/6), пока он не превратился в мелкую монету номиналом в ¼ сестерция (впрочем, такое соотношение асса и сестерция установилось не сразу: прежде сестерций включал в себя 2 ½ асса).

⁵⁸ Ср., «Стало быть действительно *hortus* (или что то же *heredium*) = *villa* (= усадьба = *Baugut*). Название *Collis Hortorum* (поздн. *Mons Pincius*) произошло, должно быть, первоначально оттого, что холм был занят крестьянским поселением, а не оттого, что впоследствии был занят роскошными садами...» (Там же. С. 54, примеч. 1). Ср. выше, примеч. 30.

⁵⁹ В указанном месте речь идет о понимании слова *locupletes* (ср. выше, примеч. 32): Моммзен считает, что оно обозначало людей, обеспеченных землей, однако, по мнению Гревса, колеблется в определении его этимологии и точного значения: «Таким образом нужно сказать, что оговорками и колебаниями, как кажется, излишними, при объяснении слова *locupletes* Моммзен без нужды ослабляет аргументацию им же поддерживаемой теории» (Там же. С. 281 сл., примеч. 3). Ср.: *Mommсен Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. I. Leipzig, 1887 S. 237 Anm. 4. Bodenfleck* участок земли (нем.), *τόπος* место (греч.). *Grund und Boden* земельное владение (нем.).

⁶⁰ См. выше, примеч. 32 и 40.

⁶¹ Ср. у Гревса: «Слова Феста (р. 265) об "aes rudum"... только объясняют смысл самого термина ("aes infectum rudus appellatur" <"rudus называется медь в слитках" Изд. >» (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 286, примеч. 1). Иванов указывает на ошибку в типе склонения латинского прилагательного «*rudis, e-*» (необработанный), сопоставляемого с существительным «*-(a)udus, eris*» (кусочек меди).

⁶² Указанное, действительно огромное (С. 288–290), примечание Гревса в основном посвящено опровержению точки зрения Э. Кюка, который в рассказе Дионисия Галикарнасского о конфискации имущества граждан, оказавших сопротивление воинскому набору в 483 г. до н.э. (*Diogenes. VIII. 87*) видел доказательство существования в то время родовой, а не индивидуальной собственности.

⁶³ Ср. у Гревса: «Внутри пространств, еще подчиненных общинному праву, уже выделялись крупные наделы разбогатевших членов союза, сильных главарей какой-нибудь многочисленной и многоклиентной группы», и т.д. (Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 300).

⁶⁴ «Ничего слишком» (греч.). Это последнее примечание (на двух с лишним страницах) содержит итоговое обоснование проделанной в очерке «новой комбинации старых фактов» (см. выше, цит. в примеч. 5), а также критику выписанного из книги В.М. Грибовского «Народ и власть в византийском государстве» (СПб., 1897) утверждения о презрении римлянами, поглощенных мыслью о мировом господстве, к торговле, промышленности, земледелию и т.п. творческим началам. Это дает Гревсу повод завершить свой очерк патетической кодой:

...Когда наталкиваешься на такого рода смелые против истины свидетельства в сочинениях с «учеными притязаниями», невольно укрепляешься в убеждении, что полезно и необходимо у нас даже просто знакомить интересующихся наукою в обобщенном виде с тем, что сделано на западе, и приходишь к сознанию неизбежности останавливаться иногда для полноты обзора довольно долго на том, что там так хорошо известно, даже в работе, в которой хочешь сказать свое скромное новое слово.

(Очерк третий. «Большое сельское поместье». С. 322 сл., примеч. 1, ср.: Очерки... С. 45 сл., примеч. 1.)

⁶⁵ «Критиковать легко, творить трудно» (франц.).

⁶⁶ Ср. у Гревса: «Итак "положительные свидетельства источников", на которых прежде всего, как истинный "Altenhumsforscher", хочет опереться Фойгт, слабо вооружают его для защиты выставленного им тезиса от нападения противников» (Там же. С. 47).

⁶⁷ Некоторые изменения и дополнения, внесенные Гревсом в текст этюда о Горации при включении его в диссертацию, отмечены выше, в комментарии к п. 22 (с приложением) и 24. См., например: Приложение к п. 22, примеч. 39.

⁶⁸ Введение к очерку о Горации, не удовлетворявшее Иванова в 1894 г. (см.: Приложение к п. 22. Замеч. к р. 1–3 sq.), в диссертации было расширено, но существенных изменений не претерпело.

⁶⁹ См.: Гревс И.М. Очерки... С. 22–27

⁷⁰ Ср.: «Тому повороту к познанию экономической истории, который совершился в самые последние десятилетия, могущественным образом содействовали блестящие новейшие успехи политической экономии и статистики и, еще шире, то великое значение, которое приобрели в социальной жизни и общественной мысли современности вопросы об экономической организации общества» (Там же. С. 34).

⁷¹ Ср.: Приложение к п. 22. Замеч. р. 1–3 sq. Бартольд Георг *Niebuhr* (Bartold Georg Niebuhr 1776–1831) основоположник историко-критического метода, автор трехтомной «Римской истории» (1811–1832); Август *Boeck* (August Boeck; 1785–1867) — филолог-классик, автор книги «Государственное хозяйство афинян» (1817), которая дала толчок развитию исследований античной экономики. См. также: Переписка... II. С. 299.

⁷² Приложение при письме не сохранилось (нельзя исключить, однако, того, что перед нами только обещание, на деле не осуществленное).

61. Иванов — Гревсу

26 октября / 7 ноября 1898 г. Аренцано (?)

7 ноября <18>98.

Дорогой Иван Михайлович,

К деловому письму хочу прибавить несколько строчек личных¹. Вы спрашиваете о моих планах. Они, конечно, связаны с обстоятельствами семейными. Дело же, благополучно пройдя первую стадию, вступает в следующие две еще более опасные, чем первая, так как даже слухи могут теперь быть приняты в расчет. Я *принужден* буду на критическое время расстаться с семьей². Это снова концентрирует меня на заботе об экзамене. Ваше письмо, переданное адвокату, пока не потребовалось³. Как Вы поживаете и как идет печатание книги? Пожалуй-ста, пришлите мне следующие листы, но *не сгибая* их и обернув в картон, чтобы не портить экземпляра, который я, собрав, переплету⁴. Простите, что не переслал Вам Nitzsch Gesch. <ichte> d. <er> röm. <ischen> Republik и забыл об этой книге в предыдущем письме⁵. Она мне нужна: если Вы можете, без неудобства для себя, представить мне ее на зимние месяцы, то очень одолжите меня.

Доброго успеха! Поклонитесь от меня Марии Сергеевне.

Л. <идия> шлет Вам и Марии Сергеевне сердечный привет.

Ваш В.И.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 90–91.

Не исключено, что л. 61 было всего лишь приложением к л. 60.

¹ Под «деловым письмом» следует понимать замечания Иванова на третий очерк и первые печатные листы диссертации Гревса; см. л. 60.

² Речь идет о бракоразводном процессе Зиновьевой-Аннибал.

³ Вероятно, об этой «дружеской услуге» Иванов просил Гревса при встрече летом 1898 г. в Петербурге; см. л. 58, примеч. 2 и 20.

⁴ Первые 13 печатных листов «Очерков» Гревса (из общего числа 41) Иванов получил в прямом из типографии (см. л. 58).

⁵ Ср. л. 58. Речь идет о книге: Nitzsch K.W. Geschichte der römischen Republik. 2 Bde. Leipzig, 1884–1885. Упомянутый курс лекций К.В. Нича по истории Римской республики пользовался большой популярностью, и в 1908 г. в Москве был издан его русский перевод.

62. Иванов — Гревсу

22 июня / 2 июля 1899 г. Петербург (?)¹

22 июня <18>99.

Дорогой Иван Михайлович,

Глубоко опечалены мы оба постигшим Вас горем². Моя старая мать также умерла вдали от меня: я знаю всю горечь такой утраты³. Не пришлось увидеться с Вами перед отъездом! Уезжаем завтра вечером. «Некоторые книги составляют лишнее бремя в моих переездах: позволю себе оставить их у Вас до моего возвращения; их, конечно, немного⁴. Заочно Вас обнимаю, и Вам соболезную. Сердечно-дружеский поклон Вам от Л. <идии> Д. <митрисвны>

Ваш душевно

Вяч. Иванов.

¹ Фраза внята вероятно, Гревсом в скобки и подчеркнута, построчно, синим карандашом.

P.S. Текст, о котором Вы пишете⁴, конечно, принадлежит к «моим» т.е. разобранному в моей работе текстам⁵. В нем говорится вообще о *средней руки* дельцах и предпринимателях. Их названы три категории. Во-первых, негодяи или купцы, делающие умеренные обороты — достаточно значительные для того, чтобы их торговля рассматривалась как *honestas*⁶ и не клеймилась презрением как *sordida*⁷, и вместе не крупно-капиталистические, что ясно и из контекста, и из особенностей фразеологии. Во-вторых, упоминаются служащие в компаниях публиканов *qui operas dabant*⁸, служащие из-за участия в прибылях, имевшие «partes»⁹ дивидендов, в особенности, «промагистры» и другие, рангом пониже, чиновники акционерных компаний. Что касается третьей категории *qui publica sumebant*¹⁰, она означена менее для нас понятно. Можно, пожалуй, спорить об истолковании этого места. Мое *твердое* мнение, однако, то, что дело идет здесь о сьемщиках частей откупов от публиканов, подоткупщиках¹¹, *Aufträchter*¹², *ὀκιοιστοὶ*¹³. Их положение было именно таково, что они могли быть координированы *iis qui operas dabant*. «Publica sumere» вообще не говорится, в смысле «publica emere (redimere, conducere)»¹⁴, об [аренде] откупе податей у правительства; тем менее мог выразиться так Цицерон. «Sumere»¹⁵ употребляет он для различения частной аренды от [публикан<ов>] государства<енного> откупа *publicorum*¹⁶.

В.И.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 102–103.

¹ Ср. примеч. 3 к п. 63.

² Речь идет о последовавшей 20 июня 1899 г. смерти Анны Ивановны Гревс (урожд. Бекаряковой), матери И.М. Гревса; см.: Человек с открытым сердцем... С. 293, а также С. 11–12. Иван Михайлович посвятил «дорогой памяти своей матери» вышедшие в конце 1899 г. «Очерки». Ср.: «Спустя много десятилетий, когда студенты, часто посещавшие И.М. украдкой, с замесным любопытством поглядывали на стены профессорского кабинета, увешанные картинами и портретами, он, подняв глаза на фотографию красивой женщины в старинной прическе, с задумчивой нежностью произносил странные в устах седовласого старца слова: «Это моя мать» (Скрябинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 224).

³ Александра Дмитриевна Иванова скончалась в 1896 г. (см. Переписка... IV. С. 355).

⁴ Имеются в виду следующие строки из «Парадоксов стоиков» Цицерона: «Ведь если мы понимаем, что те, кто честным путем добывает себе состояние, занимаясь торговлей, предпринимательством, откупам, ищут прибыли...» (пер. Н.А. Фезорова). Гревс ссылался на этот текст в заключительной части «Очерков», в главе III «Теория Бюхера и римская история» в контексте дискуссии о пределах и результатах торжества капиталистических форм хозяйства в римском государстве, отмечая: «Стало быть, широкого и глубокого переворота в «экономической почве» развитие одного «откупного капитализма» произвести не могло. Надобы, правда, указать, что, помимо выполнения по своей инициативе и на свои средства главных отраслей государственного хозяйства, публиканы сообщали также многие члены их компаний отдельно на свой страх и с помощью прямо или косвенно приобретенных и умноженных откупам капиталов устраивали и вели некоторые предприятия и чисто коммерческого характера. Но такая «торговля» их была во всяком случае одностороннею и поверхностною; в этом смысле она не обладала могущественною творческою силою» (С. 525–526).

К этому рассуждению и относится интересующее нас примечание: «Цицерон (*Parad.* VI, 2, 46) указывает источник честного обогащения денежным путем: «Qui honeste rem quaerunt mercatorum faciendis, operis dandis, publicis sumendis». Таким образом, здесь рядом с участием в различного рода предпрятиях откупа ставится торговля *mercatura, negotiatio*» (С. 526, примеч. 2).

⁵ См.: *Ivanov V. De societatis vestigalium...* P. 66, adn. 350.

⁶ Честная, приличная, достойная уважения (*laet*).

⁷ Позорная, презренная (*laet*). Ср. толкование обсуждаемого места из «Парадоксов стоиков» в диссертации Иванова, где сходное соображение о торговле, приносящей не очень большой, но почтенный доход («*quaestus non ita magnus fuerit neque tamen omnino tenuis aut sordidus*» *De societatis vestigalium...* P. 67) сопровождается ссылкой на известное рассуждение Цицерона (в трактате «Об обязанностях») о занятиях и заработках почтенных (*honestae*), достойных свободного человека, и ремеслах презренных: «Но торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом (*sordida*); если же она обширна и прибыльна, когда отовсюду привозится много товаров и многие люди снабжаются ими без обмана, то ее порицать нельзя» (*De off.* I. 42. 151, пер. В.О. Горенштейна).

⁸ Те, кто оказывал услуги (лат.). О таких лицах, работавших на публиканов, но не входивших в состав их товарищества, см.: *Cimma M. Ricerche sulle società di publicani*. Milano, 1981. P. 84–85 (заметьте, что на разбираемую Ивановым фразу из «Парадоксов стоиков» сочинения, не часто используемого не только юристами, но и историками, исследовательница не ссылается). Превосходными находит замечания Иванова о значении выражения «*opercas dare*» встречающегося почти исключительно у Цицерона и только в контексте, связанном с публиканами, К. Николе (*Le gladiateur et le publicain: la prétendue auctoritas de P. Rupilius* (1983) // *Nicolet C. Censeurs et publicains*. P. 329, 445, nt. 36). Он дает также и интерпретацию указанной фразы из шестого «Парадокса», которая в целом близка к изложенной в диссертации Иванова и в комментируемом письме (*Ibid.* P. 330–331, 445, nt. 42). Сложность понимания и перевода нарочито неопределенного словосочетания «*opercas dare*» видна и по приведенному выше в примеч. 4 русскому переводу.

⁹ «Доли» (лат.).

¹⁰ Те, кто брали подати (на откуп) (лат.).

¹¹ Ср.: *Ivanov V De societatibus vectigalium...* P. 67

¹² Субарендаторы, подоткупщики (нем.).

¹³ Подоткупщики (греч.).

¹⁴ Тем, кто оказывал услуги (лат.).

¹⁵ Покупать (подыражаться, брать в аренду) подати (лат.).

¹⁶ «Брать» (лат.). Этот глагол, в отличие от переведенных в предыдущем примечании, технико-юридического значения не имел.

¹⁷ Податей, государственных доходов (лат.). Иначе понимает это выражение Николе (хотя своего несогласия с Ивановым прямо не высказывает): по его мнению, нет оснований сомневаться, что у Цицерона речь идет именно и прямо о государственном откупе. Вообще, Николе связывает три упомянутых способа добыть себе состояние честным путем с более высокими (чем в интерпретации Иванова) этапами социальной лестницы: с его точки зрения, перечислены в восходящем порядке: крупная морская торговля (с той же ссылкой на *Cic. De off.* I. 42, 151, что и у Иванова, см. выше, примеч. 7); услуги, оказываемые публиканам со стороны высокопоставленных лиц (например, всадников); и, наконец, откуп государственных доходов (См.: *Nicolet C. Op. cit.* P. 331, 445, nt. 44, 45).

63. Гревс — Иванову

29 октября / 10 ноября 1900 г. Петербург

Каменноостровский, 24.

29 октября, 1900¹

Дорогой Вячеслав Иванович.

Поиски мои не увенчались успехом воспитателя для А.Д. Зиновьева (т.е. подходящего кандидата) не нашел². Все время стремлюсь увидаться с Вами и Лидией Дмитриевной; но решительно не удается выбраться в Сестрорецк³; допекают ежедневные уроки⁴, корректуры⁵ и в конце концов жестокая усталость. Надеюсь, что не забудете известить меня, когда будете уезжать, и очень бы обрадовали Вы и жену, если бы с Лидией Дмитриевной посетили нас. Я огорчен очень, что Вы до сих пор этого не сделали. Посылаю Вам свой горячий привет

Душевно преданный Вам

Ив. Гревс.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 34.

В письмо согнутый пополам лист почтовой бумаги (Л. 34 и 36) вложен отдельный листок (Л. 35) с письмом Иванова к жене, относящимся, очевидно, к тому же времени:

Φιλῶτῃ καὶ ἐραστῇ Λυδία χαίρειν

Πέμπω σοι Загрѣως ἐπιστολὴν. Ὡς αὐτοῦ τὰς ἐπιμελείας καὶ τὴν φιλίαν ἴδῃς. Οἱ περὶ Διδύμου τεχνίται εὖ πράσσοσι καὶ εὐδαιμονεστάτως. Κωνσταντῖνον φιλῶ Ἀσπάζομαι σε ὡς περὶ ἑρῶ

Ἀπὸ Φινλανδίας, εἰ βούλοιο⁶

Ἀριστοκλῆς

¹ Ср. автобиографическую запись Гревса: «После моего университетского краха и смерти моей горячо любимой матери в 1899 г., мы эмигрировали на Петроградскую сторону с Васильевского острова, где обитали постоянно со времени нашей женитьбы (если не считать заграничного перерыва). Брат Маша, Александр Сергеевич, уступил нам свою квартиру на Каменноостровском проспекте, против лицев в доме Кавосов. То было уютное, маленькое жилище с окнами, выходящими на Монетную улицу и сад» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 254). *Брат Маша* А.С. Зарудный (1863–1934), брат М.С. Гревса. *в доме Кавосов* т.е. сестры М.С. Гревс — Екатерины и ее мужа, Е.Ц. Кавоса.

² Александр Дмитриевич Зиновьев (1854–1931) брат Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

³ Иванов, когда приезжал в Россию одновременно с Зиновьевой-Аннибал, останавливался или в Петербурге или в Сестрорецке, поскольку Лидия Дмитриевна жила сравнительно недалеко у больной матери, ради которой она и наезжала на родину.

⁴ В связи со студенческими беспорядками 1899 г. Гревс распоряжением министра народного просвещения Боголепова был уволен из университета и с Высших женских курсов (см. ниже, примеч. 2 к п. 68). «Началась страда по обеспечению хлеба насущного» (Гревс И.М. К истории моих научных работ. Л. 34 об.). Он остался работать в гимназии Таганцевой, «достав отличные частные уроки», правда, в первые месяцы ему приходилось «много мотаться по городу по урокам» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 254).

⁵ Речь идет о корректурах диссертации Гревса. Определение историко-физиологического факультета Петербургского университета, касающееся печатания «Очерков», датировано 20 ноября 1900 г. (см. соответствующую резолюцию декана, П.В. Никитина, на шумящих кнжиг Гревса).

⁶ Возлюбленной Лидии привет. Шлю тебе Загреево письмо, чтобы ты сама увидела его любовь и заботу. Дионисовы мастера живут хорошо и счастливо. Константина люблю. Приветствую тебя, как люблю. Аристокл. Посылай в Финляндию, если хочешь (греч.). Загрей имя Диониса. *Константины* <Шварсвалон> сын Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. *Аристокл* от греч. *арист* - (лучший) и - *клес* («слава») = Вячеслав (ср. *Гаспаров М.Л.* Занимательная Греция. М., 2000. С. 111). Также ср. подпись при стихотворении на древнегреческом языке, написанном в Риме 2 сентября 1893 г.: Ἀριστοκλῆς Ἰωάννου (РГБ. Ф. 109. К. 4. Ед. хр. 59. Л. 2).

64. Гревс — Иванову

3/16 января 1901 г. Петербург

Каменноостровский, 24.

3 янв<аря> 1900¹

Дорогой Вячеслав Иванович,

Первого письма Вашего я не получал; на второе, простите, не сразу отвечаю, так как приходится переживать очень тяжелое и тревожное время: серьезно больна желтым брюшным тифом наша Шура, болезнь длится уже третью неделю и остается в полном разгаре. Новую корректуру я Вам отправил в Женеву, не прикоснувшись к ней, боялся трогать до Вас. Превжные листы постараюсь прочесть и переслать Вам как можно скорее². Не сердитесь на меня, действительно тревожно живется.

Поздравляю Вас и Лидию Дмитриевну с новым годом и веком, желаю всякого благополучия от всей души. Пожалуйста присылайте дальнейшие распоряжения и не думайте, что это дело меня затрудняет; я только боюсь, что задержка была для Вас досадна.

Душевно пред<анный> Вам

Ив. Гревс.

Больше писать не могу.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 32.

Ответ на два неизвестных письма Иванова. Ответ Иванова неизвестен.

¹ Описка: письмо написано 3 января 1901 г. Вопреки авторской датировке 1900 г. письмо может относиться только к 1901 г. По-видимому, к этому письму должно привязать конверт (в архивохранилище помеченный: VIII) с почт. шт. С. Петербург 4-января 1901 и адресацией: Monsieur Venceslas Ivanov. || 16 Boulevard des grands philosophes || Genève. || Женева. Почтовой службой письмо было переадресовано: Châtelaine || Villa Java. В письме речь могла идти только о корректурах сборника стихов Иванова «Кормчие звезды» (см. ниже, примеч. 2). Поддерживает наше предположение и датировка перемены женеvского адреса Иванова, также относящейся к концу 1900 г. (см. п. 65). Как известно, ошибка выставления минувшего года в начале нового встречается достаточно часто.

² Гревс (ср. п. 68) наблюдал за набором первой книги стихов Иванова «Кормчие звезды», сданной в типографию, когда Иванов был в Петербурге летом 1900 г. («Книга уже с месяц как печатается в типографии Суворина», — писал Иванов А. В. Гольштейн 20 августа 1900 г. из Копорья; см.: Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн. Р. 349).

65. Л. Д. Зиновьева-Аннибал — Гревсу

23 августа / 5 сентября 1901 г. Афины

25, Rue Sina.
Athènes.

23 ст. ст. авг <уста> 1901.

Дорогой Иван Михайлович,

Приходится писать Вам при странных и тяжелых обстоятельствах, в которых мы всего менее ожидали оказаться здесь в возделенном крае старинной <верной?> мечты нашей. Вячеслав лежит в страшном южном тифе уже 45 дней и еще не вне опасности далеко и не вне лихорадки; прошел же и меня провел через столь многие ужасы этой неведомо<й> мне доселе по силе и злобности болезни... что лучше не стану вновь перечислять их, вновь будить в своей душе пережитой муки, пережитой и еще переживаемой, и кто знает будущее... не смею пытаться...

Что Вы, где Вы? Мы ничего не знаем и как горячо желали бы услышать о Вас. Ведь Вы, конечно, знаете, что молчание не есть забвение и что мы, как и Вы, кажется, питаем большую нелюбовь к письмам, этим мертвенным и неполным мгновениям общения, и потому часто вспоминаем и говорим о Вас, но за перо не решаемся взяться. Теперь же уж через меру стосковались, ничего о Вас не зная, и о себе захотелось хоть в общих чертах сообщить, чтобы оживить обстановку, в которой приходится жить и Вам и нам. Что Вы теперь работаете, где провели лето, каковы планы на зиму, как здоровье детей и Марии Сергеевны? Словом, все, Вас близко касающееся, близко и нам. О нас целая эпопея. Сообщу ее в главных чертах. [Осенью] Зимой прошлого года основали очаг и утвердили семейных пенатов на неопределенные года в Женеве возле моего старика¹. Нанили там за городом старый дом со старым садом, где есть и вишни, и сливы, и даже несколько кустов винограда. Там поселили младших 3-х и с ними на время нашего отсутствия осталась Мария Мих. <айловна> Замятнина, наш добрый гений хранительный. Кстати здесь скажу, что она решила всецело отказаться от своего библиотекарства и прирасти к нашей семье любимым ее членом². Сережа не захотел расстаться со своей школой и приезжает домой только на вакации³ (Вакации Пасхи и Рождества длиться также по 4 недели). Он так преуспевает там, что грешно было бы тревожить его: нынче еще раз взял приз и 1^й приз на конкурсном экзамене *всех желающих* ниже 14 лет, т. е. получит в течении 3^х лет сумму в 720 рублей в виде платы за учение и почетный титул scholar'a. Из-за страшной болезни Вячеслава мы задержались в Греции, куда приехали в марте, и нам не довелось попасть домой на Серезины

летние вакации! Но Мария Мих. <айловна> устраивает им уютный радостный дом, и Сережа полон счастья и жизнелюбости.

Здесь все у нас пошло не так, как мы предполагали. С начала нашего пребывания мы все ходили на Акрополь и изучали его часами, не пропуская притом почти ни одного заката солнечного за далекий Парнас. Бродили по музеям и по Афинам. Вячеслав посещал библиотеку по утрам, но больше всего лишь в поисках за разъяснениями для того, что мы имели перед глазами. На giri Dörfeld'a⁵ мы не попали, потому что они были уже давно заняты! Зато прямую линию нашей жизни в Греции внезапно сломило, и потрясло нас до основания нежданное событие. К Пасхе устроилась организованная поездка для греческих паломников в Иерусалим и мы примкнули к ней⁶. И так мы оказались в Палестине. Не стану говорить Вам, что дали великого и до какой достигли глубины впечатления 2^я неделя, проведенных в Иерусалиме (страстная и пасхальная недели)⁷, и пути в Назарет верхом до 9 часов в сутки (4 суток), и самый Назарет светлый и радостный после пустынного мрака Иерусалима, и на горе Кармиле, где отдыхали слишком потрясенные души наши. Здесь были и страшные приключения по дикой горной дороге между Иерусалимом и Назаретом по стране ненавидящих фанатиков в сопровождении всего одного араба, не говорящего ни на одном европейском языке: лошадь Вячеслава оказалась без ног и дважды падала под ним, однажды ушибла колено, второй же раз бросила его головой о камень так, что кровь ручьями текла из висков, люди жали в поле (в апреле), но никто не шелохнулся и еще хорошо, что не напали. Мы были в пустыне в 6 часах езды от ночевки в мусульманском местечке в Эдзелонской прекрасной долине и в 2^е сутках от Назарета и доктора. К счастью, были повязки и вода и я забинтовала голову, и поехали дальше по пыльной дороге. Но все забывалось в красоте и святости места по одинокой, некогда цветущей стране. Вяч.<еслав> переменял лошадей с проводником, кот<орый> тоже упал. Дикие, почти нечеловеческие, злые лица, ущелья и перевалы без тропы часто, и долины внезапно плодородные, покрытые злаками такой тучности и цветами такой силы и яркости, осененные небом такой синевы и солнцем такой огненности, что описать и вообразить того нельзя. В тихом, мирном, <полусонном?> Назарете провели 2 дня, съездили в Тивериаду, проехали по голубому озеру в Капернаум и даже бурю испытали и затем проехали в Кайфу, чтобы сесть на корабль и плыть через Александрию домой в Афины. Но карантин задержал корабль и мы оказались помимо воли, но к счастью нашему на прекрасной неопишимо и великой горе Кармиле, горе великого пророка Илии. Она высится над «неизреченно» синим морем и над неизреченно зеленой прекрасной долиной Эдзелонской⁸. Там после многих ночевков на невообразимо грязных и жестких постелях греческих монастырей и даже арабской локанды⁹ мы оказались в немецкой тихой гостинице и отдохнули телом и душой... Ох, как я расписалась. Ну, наконец дождалась корабля и еще дальше путь не без приключений, потому что пришлось высаживаться в Яффе, где нет пристани, при такой буре, что две других лодки с арабами опрокинулись над грядой подводных скал и арабы доплыли до далекого берега. Мы же с долгими заклинаниями Магомету и другим пророкам в ритм с ударами весел перелетели благополучно через зиявшие камни...¹⁰ Заехали из Порт-Саида в Каир¹¹, где провели, к сожалению, 3 дня только, и не могли больше, оттого что есть мера, когда переполняется душа и дальнейшее восприятие слишком мучительно. Влезли на Хеопсову пирамиду, по разваленным ступеням, некоторые в 1½ метра высоты! и внутрь лезали ползком, без воздуха и по скользкому <проходу?> и с высоты глядели на две пустыни странные и прекрасные с розово-фиолетовыми песками, и на узкую полосу зелено-синего Египта и желтую ленту Нила между ними¹¹. Вернувшись в Афины мы уже сиднем сидели дома, и Вячеслав в библиотеке, где он горячо принимал за материалы для своих новых, определявшихся научных замыслов. Кроме того он с огромной продуктивностью работал над сборником, доканчивал замышленное, [перебирал старое, дополнял] и написал много нового и перебрал весь порядок сборника, выпустив много старого, так что книга стала новой. Она теперь

⁵ Поразительный по красоте и оригинальности, открывающий душе Восток; Восток же вскрыл нам новый мир (примеч. Зиновьевой-Аннибал).

совсем закончена и лежит у нас вся в корректурах¹² Вот вопрос его к Вам: разрешаете ли Вы ему посвятить Вам Парижские эпиграммы, когда-то нравившиеся Вам, — под формулой:

Ивану Михайловичу Гревсу
decimi abhinc anni mnesosynum¹³

Вячеслав Вас нежно обнимает. Если выздоровление пойдет правильно, то μέσα через 1½, даст Бог, удастся выбраться отсюда. А ведь до болезни было решено мне одной возвращаться в Женеву, а он хотел остаться, весь горя своей новой научной работой! Пишите сюда: 25, Rue Sina. Наш сердечный привет Марии Сергеевне и детям.

Ваша Лидия Иванова.

Вячеслав не знает, как благодарить Вас за огромную услугу чтения корректур¹⁴

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 3–8.

Ответ Гревса, от 7 октября 1901 г. (см. ниже, п. 66) неизвестен. Не исключено, однако, что комментируемое письмо Гревс имеет в виду еще и в п. 68.

¹ В архиве Иванова сохранился огромный температурный лист этой болезни, составленный Зиновьевой-Аннибал на немецком языке (по всей вероятности, лечащий врач был немец); в листе нет чисел, обозначены только дни недели и порядковая нумерация дней болезни, так что установить крайние даты невозможно, общая продолжительность наблюдений — почти три месяца, с многократными в продолжении суток замерами температуры; с 9 по 24 день температура держалась выше 39°; последние записи все еще фиксируют субфебрильный температурный «хвост». См.: РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 32.

² Отец Лидии Дмитриевны Дмитрий Васильевич Зиновьев (1822–1904) постоянно жил за границей. Забота об отце в течение нескольких лет удерживала Зиновьеву-Аннибал и всю ее семью в Женеве. 28 сентября 1904 г. Иванов писал В.Я. Брюсову: «Конечно, смерть Дмитрия Васильевича существенно изменяет наши планы: теперь переселение в Россию вопрос решенный» (подробнее см.: Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 461–462; см. также: Иванова Л. Воспоминания. С. 19).

³ Ср. воспоминания Л.В. Ивановой: «Наша маленькая вилла в Женеве, villa Java (Жава), была милая, в 2 этажа, а сверху еще третий, где были чердак и мансарды. Вокруг — очень большой сад. Я представляла себе рай по образу нашего сада весной, когда цвели все фруктовые деревья: яблони, черешни и многие другие. Красота этого сада захватывала дыхание» и т.д. (С. 14–15).

Мария Михайловна Замiatина (1865–1919) — подруга Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, взявшая на себя поечение о доме Ивановых, ставшая в нем полноправным членом семьи. В.К. и К.К. Шварсалоны и Л.В. Иванова жили, в основном под присмотром М.М. Замiatинной, в Женеве до весны 1907 г., а Иванов и Зиновьева-Аннибал поселились с осени 1905 г. в Петербурге. — Гревс, по всей вероятности, был знаком с Замiatинной по петербургским Высшим женским курсам, где он преподавал, а Замiatина, выпускница девятого (1893 г.) выпуска до 1902 г., т.е. до того момента, когда она окончательно решила соединить свою судьбу с домом Иванова и Зиновьевой, была помощницей библиотекарки (см.: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. СПб., 1903. С. 91). Ср. в письме к Замiatинной от С.И. Алымовой, бестужевки, приятельницы также Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, от 1 апреля 1893 г.: «Подражаю Вас, милая Мария Михайловна, и от души желаю, чтобы слова Гревса осуществились в Вашей жизни» (РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 24. Л. 1, к сожалению, за нерысканностью писем Замiatинной к Алымовой невозможно выяснить, о чем именно идет речь).

В общем фонде Российской государственной библиотеки нам попался экземпляр литографированного издания лекций Гревса («История средних веков». Ч. II ср. примеч. 14 к п. 8), принадлежавший Замiatинной, судя по владельческой помете «М.З.» и имени автора книги «И.М. Гревс» на титульном листе, написанном ее характерным почерком. Это — случайная находка, которой мы обязаны естественному при подготовке нашей публикации обращению к печатным работам Гревса. Поскольку и прежде в общем фонде РГБ нам встречались книги, явно входившие некогда в состав личной библиотеки Иванова (книги Замiatинной должны были разделить судьбу библиотеки, оставшейся в Москве), нам кажется необходимым поставить вопрос о попытке целенаправленного выявления в общем фонде РГБ ивановского книжного собрания.

⁴ С.К. Шварсалоны учился в Англии.

⁵ На экскурсии (umaz.) Дерпфельда. Вильгельм Дерпфельд (Wilhelm Dörpfeld; 1853–1940) — архитектор и археолог, в 1887–1912 гг. первый секретарь Германского археологического института

в Афинах. О проводимых им экскурсиях, посвященных архитектуре и топографии древних Афин, см. *Wickert L. Beiträge...* S. 86. Иванов хорошо знал печатные работы этого ученого (в том числе и о театре — ср. примеч. 5 к п. 70), но нельзя исключить и того, что он все же принимал какое-то участие в упомянутых экскурсиях, в этом или следующем шиксе (ср. примеч. 3 к п. 66).

⁶ По всей вероятности, Ивановы, находясь в Афинах, достаточно целенаправленно искали возможности поездки на Восток: в бумагах Иванова сохранилась справка афинского бюро известной фирмы Кука с различными вариантами парочных рейсов в Египет и Святую Землю (РГБ. Ф. 109. К. 50. Ед. хр. 4. Л. 8; как пункты назначения рассматриваются Александрия, Каир, Порт Саид, но один из вариантов предполагает заход в Яффу; документ не датирован и нельзя исключить, что он относится к другим лицам и времени, однако, это представляется маловероятным).

⁷ Пасха в 1901 г. приходилась на 1 апреля, следовательно, Иванов и Зиновьева-Аннибал провели в Иерусалиме последнюю неделю марта и первую неделю апреля.

⁸ Впечатления от Святой Земли легли в основу одного из важнейших стихотворений Иванова «Аттика и Галилея» (вошло в сборник «Cor ardens»). Подробнее см. *Компанеев Н. В.* Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея»: (из материалов к комментарию на корпус лирики) // *Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия акад. Г. М. Бонгард-Левина* / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2003. С. 397–409. Ср. примеч. 5 к п. 66.

⁹ Гостиница (от итал. *locanda* — гостиница, как правило, бедная).

¹⁰ Это происшествие легло в основу стихотворения Иванова «Яффа», датированного 9 марта 1915 г. и вошедшего в последнюю книгу поэта «Свет вечерний».

Распрыгались у пироскафа
Ладьи арабские. Белой
Ревнивая грозила Яффа
За обурующей грядой.

Но не вотще именовала
Гортань гребцов весь райский лик:
За челюсть скал мы с гребнем вала
Перемахнули, выбрав миг

А ближняя челн (пророков души
Не все, зная, кормщик помянул),
Отдав пловцов живыми суше,
С почтовым грузом утонул.

(СС III. 506)

¹¹ Воспоминание о пребывании в Египте отложилось в лирике Иванова поздно; см. стихотворение «Фламинго», помеченное 24 января 1915 г., т.е. практически одновременное «Яффе» и также включенное в посмертную книгу «Свет вечерний» (СС III. С. 507).

¹² Речь идет о работе над книгой «Кормчие звезды», набиравшейся в Петербурге, в типографии А. С. Суворина; ср. п. 64 и 68.

¹³ Ивану Михайловичу Гревсу [подарок в память десятого уже года (лат.)] Свое согласие на посвящение (по старинному благородному обычаю, на публичную дедикацию следовало испрашивать разрешение адресата) Гревс высказал в п. 68, заметив при этом, что предпочел бы увидеть свое имя перед чем-либо «итальянским» (см. далее). Тем не менее, цикл «Парижские эпиграммы» в книге «Кормчие звезды» действительно был посвящен Гревсу, однако без латинской части посвятельной надписи, предлагаемой в комментируемом письме. Кроме того, посвящение Гревсу стоит и при одном из «Итальянских сонетов» — «Speculum Dianae» (Вот зеркало Дианы. Тесно крут...).

¹⁴ См. п. 64.

66. Иванов — Гревсу

19 ноября / 2 декабря 1901 г. Афины

Афины, 2 дек.<абря> / 19 ноября 1901.

Дорогой Иван Михайлович,

Благодарим за дружеские строки! Разумею открытое письмо (от 7 окт.<абря>): увы, единственное полученное!¹ Простите медленность ответа; сознаю, что она

неизвинительна, — и еще благодарю за участие и заботу. Я едва начинал поправляться после тяжелого и необычно долгого тифа, прозванного (как узнаю) действительной опасностью, когда дошел до нас Ваш привет. Выздоровление было тяжело и медленно. К слабости и невралгиям присоединялись неприятности из-за хищных инстинктов наших немецких квартирных хозяев, требовавших от нас судебным порядком за будто бы причиненные им моей болезнью убытки 1400 драхм, но после разных перипетий — прекративших иск по получении 200 драхм. Главною же нотой душевного настроения была горечь сознания, что все мои начинания опять смяты и скошены, что я должен покинуть Грецию, увидев только Афины и едва начав ориентироваться в предмете своих новых изучений. Упадок сил физических и нравственных, как следствие тяжелой болезни, и невозможность работать не позволяли думать о решенной ранее зимовке в Афинах. да и столько времени было потеряно! Мало-помалу однако оказалось возможным опять попробовать свои силы в работе, поднялась и бодрость. «Vernunft fing wieder an zu sprechen, und Hoffnung wieder an zu blühen»¹, и мы снова вернулись к прежнему плану. Кстати и научная жизнь Афин пробудилась; начались лекции Dörpfeld'a об архитектурных памятниках и топографии Афин, Пирея и Элевсина (после Рождества начинается еще его курс о театре)²; я примкнул и к участникам эпиграфических упражнений (в Музее); буду слушать (после Рождества) и объяснения скульптур; записался на весенние поездки Института в Пелопоннес, Дельфы и на острова (между прочим, *Kpum*)...³ Л.<идия> Д.<митрисвна> еще здесь, еще блюдет за выхлоравливающим, да и в самом деле сил для интенсивных занятий все еще недостаточно. Через две недели ровно она выезжает. Она также как будто тяжкую болезнь перенесла: до такой степени она истощила из-за меня свои физические и душевные силы... Мы переселились на южный склон Ликабета; улицы уже нет, и выше нас нет домов, а только пинии да скалы, на которых белеется монастырь св. Георгия. Мы озираем долину Иллиса и Гимет, город с Акрополем, Фалерон, Эгину и берег Пелопоннеса⁴ *Couleur locale*⁵ жизни в полной мере; дешевизна; чистый воздух, расстояние от Германии <ского> Института⁶ и центра Афин — минут 20 ходьбы. Но у нас, на горе, нет ни фонарей, ни регулярных почтальонов; письма лучше адресовать в *κοινοῖον*⁷ домохозяина (по-гречески) на его имя: Angelo Gonimos, 30, rue du Stade⁸ ... О внутреннем содержании жизни скажу только, что мое неосфитство (разумное обращение к эллинской древности и, в частности, к истории религии) дается мне трудно, что передо мной, грозя, открываются дали за далями, что покамест «ничего в волнах не видно», как любит говорить наша милая, верная и самоотверженная Мария Михайловна⁹; но на своем углу члене я написал: *φιλόλογον à outrance*...¹⁰ И невольно вспоминается мне наша *ἡ ἐν Ῥώμῃ συμφιλολογία*¹¹, и как бы хотелось пережить *здесь* ее *παλιγγενεσία*!¹² Как хорошо было бы, если бы Вы собрались сюда при мне! Буду теперь ждать вести от Вас. Последние строки Вашего письма очень грустны. Хотелось бы знать больше и яснее. Обнимаю Вас дружески. Прошу приветствовать Марию Сергеевну. Л.<идия> Д.<митрисвна> шлет сердечный привет и извиняется, что была удержана от своевременного ответа Вам моими сборами писать, которые, прибавляю от себя, оказались столь долгими в силу выше рассказанных неблагоприятных условий моего состояния в первое время после болезни и неизвестности относительно ближайшего будущего.

Ваш сердечно Вяч. Иванов.

ЦФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 104–105.

Возможно, Иванов упоминает это письмо, как оставшееся безответным, в п. 67

¹ Упоминаемое письмо Гревса неизвестно.

² Напомним кстати женеvский адрес: villa Java, Châtelaîne (примеч. Иванова).

³ Предпочтительнее, впрочем, по-гречески: Ἀξιοτίμον Κύριον Ἀγγελον Γόνιμον, ὁδὸς Σταδίου, ἀρ. 30. Αἰθῆραι (примеч. Иванова).

² Строки из первой части «Фауста» Гете: «Я слышу разума внушения. [Я] возрождаюсь и хочу» (пер. Б. Пастернака).

³ См. примеч. 5 к п. 65. Ср. восхищение как бы очевидца, отчетливо звучащее в ивановском описании афинского театра Диониса: «Дальше — остатки последовательно строивших и надстраивавших эпох, хаос фундаментов, по которым Дерпфельд читает всю историю архитектурных форм древней сцены. Между этих камней удалось прозорливому археологу разыскать едва намечающиеся в двух местах следы полигонной кладки, две незначительных дуги, определяющие линии первоначальной совершенно круглой оркестры. Исследования Дерпфельда коренным образом изменили представление об античном театре: историк религии обязан им не менее чем историк литературы» (Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. СПб., 1904. Янв. С. 130; ср. п. 70). Для Иванова особенно важны были те изыскания Дерпфельда, которые позволили реконструировать устройство греческого театра в его самых ранних, первоначальных формах, поскольку к ним апеллировала ивановская теория сакрального действия.

⁴ Имеются в виду занятия в Германском археологическом институте в Афинах (ср. *Wicken L. Beiträge...* S. 89–90; об экскурсиях Дерпфельда в Пелопоннес и на острова: S. 141). Такие же занятия и экскурсии Иванов посещал в 1892–1893 г. в римском отделении Института; см. примеч. 12 к п. 7, а также: Переписка... IV. С. 342–343.

Значительная часть намеченных Ивановым планов осталась нереализованной (см. п. 72). В маршруте весенней поездки Иванов особо выделяет Крит, что объясняется острым интересом в ученом мире к первым открытиям в области крито-микенской культуры.

⁵ Зафиксированный в этом письме аттический пейзаж послужил в стихотворении Иванова «Аттика и Галилея» контрапунктом пейзажу галилейскому, описанному Зиновьевой-Аннибал в п. 65. Подробнее см. в статье Н.В. Котрелева, указанной в примеч. 8 к п. 65.

⁶ Местный колорит (франц.).

⁷ Германский археологический институт в Афинах находился у подножья Ликабета (ул. Фидия, 1).

⁸ Цирюльня (греч.). В древних Афинах цирюльни служили местами сборищ праздных горожан.

⁹ М.М. Замятинна (см. примеч. 3 к п. 65).

¹⁰ Заниматься наукой (греч.) до крайнего предела (франц.). Иванов явно употребляет древнегреческий глагол *φιλολογεῖν* — «любить, или вести ученые беседы» в значении «заниматься филологией», которая, с его точки зрения, «есть именно «наука о классической древности» в ее полном объеме» (см. приложение к п. 22. Замеч. к р. 1).

¹¹ Совместные ученые беседы в Риме (греч.).

¹² Возрождение (греч.).

67. Иванов — Гревсу

24 декабря 1901 г. / 6 января 1902 г. Афины

Афины, 6.I.<19>02 / 24.XII.<19>01.

С Новым годом, с новым счастьем, дорогой друг Иван Михайлович! Передайте мое новогоднее поздравление многоуважаемой Марии Сергеевне и примите сердечные благопожелания Вам и семье. Жду с нетерпением, но тихо строчки от Вас — ответной на мое заказное¹ Я здесь один; работаю.

Ваш В.И.

Адрес: р. в. М. Angelos Gonimos, 30, rue du Stade.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 106.

Открытка получена в Петербурге 31.XII.1901 (почт. шт.).

Гревс отвечал на это письмо и на несколько предыдущих — 1 февраля 1902 г (п. 68).

¹ Возможно, речь идет о п. 66; однако конверт от этого письма обнаружить не удалось, так что судить о том, было ли оно послано заказным, у нас оснований нет.

68. Гревс — Иванову

1/14 февраля 1902 г. Петербург

С<анкт>-Петербург, Каменноостровский, 24.
1/14 февраля 1902.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

В нашей нестройной и прерывчатой переписке всегда, уже много лет, основная вина ее нескладности и непостоянства дожится на меня: я это исповедую открыто и с глубокою скорбью. Вот почему, когда я узнаю ваш почерк на получаемом конверте, вместе с радостью и интересом меня охватывает чувство стыда, и я не без опасения раскрываю письмо, ожидая справедливого гнева или ядовитых упреков. Не могу, впрочем, тут же не признать, что в большинстве случаев неприятные ожидания не сбываются: письма ваши бывают обыкновенно проникнуты мягкостью и добрым отношением. Так и последняя ваша вещь из Эллады искренно тронула меня своею теплотою: спасибо вам большое за ваше истинно дружеское письмо¹. Я постыдно плохо поддерживаю общение с нами; но верьте, что происходит это не от охлаждения к давней духовной связи, всякое воспоминание о которой очень тесно и близко сплелось с многими (вероятно, лучшими) сторонами моей души, а от того состояния усталости, в котором я постоянно нахожусь и которое почти всегда лишает меня сил делать что бы то ни было кроме исполнения текущих часто угнетающих своим количеством обязанностей.

С глубоким интересом читал я и письмо Лилии Дм.<итриевны>, и ваши: с настоящим сочувствием следил за ходом событий вашей жизни, о которых вы рассказывали и которые полны столькими новыми великолепными впечатлениями, но и столькими тревогами. Читая эти письма, я пережил положительно много не только радости и горя за вас (попеременно), но много и иллейного воодушевления. Я счастлив за вас, что вам удалось так надолго утвердиться в стране и городе, куда так давно влекла вас душа. Не сомневаюсь, что вынесете оттуда богатые научные плоды и поэтические вдохновения. Сожалею только, что ни вы, ни Л.<идия> Д.<митриевна>, сообщая о каких-то новых научных замыслах, ни слова не упомянули о их сюжете и содержании. Вы знаете, как я по-настоящему интересуюсь всеми вашими работами...

Не буду распространяться о себе, так как тогда придется бросить письмо, не окончив его за недостатком времени. Скажу в двух словах, что внешнее положение пока не изменилось сравнительно с тем моментом, когда мы виделись; но надежды некоторые раскрываются². Я получил от факультета (филологическ.<ого>) Петерб.<ургского> ун.<иверситета> конфиденциальное предложение занять кафедру средней истории в качестве испр.<авляющего> должн.<ость> профессора³, и дело об этом рассматривается в Министерстве. Как будто идет оно благоприятно, но, должно быть, до весны задержится⁴ ввиду, кажется, опять начинающихся беспорядков (студенческих)⁵. Конечно, меня сильно влечет в Унив.<ерситет> и преподавательская жилка не унимается; да и вижу, что наукою в моем положении иначе заниматься нельзя, как находясь в связи с университетом (и в нравств.<енном>, и в материальн.<ом> отн.<ошении>). Наука же по-прежнему захватывает всю душу, и это страшно мучительно, т.к. приходится только жадать, но не удовлетворяться, т.е. биться в стеснительных рамках средней школы. Скажу даже, что меня больше влекло бы к чистому занятию наукою, чем к преподаванию (наука ведь мало помалу изгоняется из унив.<ерситета> и не только сверху, но и снизу: студенты оч.<ень> мало ее любят и ценят). Такая жизнь, как ваша, рисовалась бы мне и для себя верхом блаженства освободиться от бремени срочного хлебного труда и жить для науки там, где сильнее всего бьется от нее сердце — т.е. в Италии, какое бы это было для меня великое [блаженство] счастье! Но, очевидно, я его буду всегда лишен. Наружно, я сильно, говорят, постарел голова поседела; но в душе, когда ежедневная рабочая страда немного отпустит цепи, я ощущаю в себе то же олу-

шевление и ту же энергию, какие в эпоху нашего первого знакомства наполняли меня почти как юношу, когда им удавалось победить неприятную и вредную неуверенность в себе. В голове много планов, есть сознание, что мог бы сделать кое-что, не совсем бесполезное, и все это остается в проектах, неосуществленное, все это волнует, но не приводит к желанному результату...

Хотелось бы сильно и с вами поговорить об этих планах; но писать трудно, сил нет и времени. Вы зовете меня в Афины. Как дорого было бы встретиться с вами там! Ведь я не могу же забыть, что беседы с вами доставляли мне одни из самых глубоких умств.<енных> наслаждений, какие я испытал в жизни; не могу забыть и того, что вы первый вдохнули в меня некоторую веру в мою научную силу... И знаете, что, Вячеслав Иванович? Встреча наша в Афинах не невозможна, если вы захотите мне сделать еще одну дружескую услугу подождать меня там до июня месяца. Дело в том, что я организую экскурсию в Грецию учеников Тенишевского училища, где я преподаю и где экскурсионный вопрос ставится серьезно. Конечно, самому руководить экскурсией мне будет трудно, т.к. я в Греции не был и могу только теоретически подготовиться к ней, так что на местах мне придется учиться самому вместе с учениками. Если ж будете в Афинах вы, то помимо большой радости вас увидеть там, я надеюсь воспользоваться для учеников своих вашей руководящей помощью. Ответьте мне немедленно, могу ли я надеяться заставить вас в Аф.<инах> в начале лета (мы выедем в конце этого мая, около 20-го)⁶ Буду ждать «трепетно» вашего ответа. Как [бы я был] я буду счастлив, если он окажется утвердительным! Получив ответ, я напишу вам об экскурсии подробно. Теперь же оч.<ень> прошу вас сообщить мне список книг, которые вы считаете особенно важными для подготовки к путешествию в Грецию с целью научно-образовательной. Если я буду знать некоторые из них, не беда, но я уверен, что вы мне назовете ряд новых (по истории, археологии, топографии, ист.<ории> иск.<усства>). Мне интересны также «promenades archéologiques» вроде Diehl⁷ Может быть, вышло новое переработанное издание его книги (Его соч.<инение> «En Méditerranée»⁸ я знаю), каталоги музеев, хорошие новые глidy. Если у вас есть теперь лишние деньги, и вы можете купить мне несколько подобных книг (по топографии и вроде археологич.<еских> прогулок) и прислать, я буду страшно благодарен и немедленно вышлю стоимость: здесь ужасно долго выписывают.

Напишите, пожалуйста, когда выйдет сборник ваших стихов. Что это он застрял? Я очень сильно увлекся им в прошлом году, хотя и не написал вам об этом. Это замечательная книга, хотя и не знаю, много ли найдется у нее читателей в нашем обществе, полном рутины и предрассудков⁹.

Вы спрашивали, хотел ли бы я, чтобы вы посвятили мне свои парижские эпиграммы?¹⁰ Конечно, я буду очень рад, если вы вспомните мое имя в своей книге. Это для меня будет дорого во многих (во всех) отношениях. Но если сказать по правде, я хотел бы, чтобы вы подарили мне что-нибудь «итальянское»¹¹ Те вещи оч.<ень> талантливые и яркие, но я в них со многим не соглашался (помните?), [и мне бы даже очень было приятно (как человеку, сочувствующему сборнику), если бы вы не печатали ту пьесу, где попадают слова: «и фразы, фразы, фразы...»¹² это была слабая и шаблонная вещь, и она портит всю блестящую группу товарищей!]; кроме того, хоть мы познакомились в Париже, но Италия глав.<ым> обр.<азом> сблизила нас. Впрочем, стесняясь ваших предначертаний я не хочу скажу в общем выводе, что просто дорожу тем, чтобы мое имя было в вашем сборнике.

Обнимаю вас, добрый (могу уже сказать и «старый» не по вашим летам, но по летам нашего знакомства) друг! Как теперь ваше здоровье? Как течет ваша жизнь? Пишите обо всем. Буду ждать быстрого ответа, хоть и не имею «формаль-

⁶⁻⁸ Квадратные скобки Гревса.

ного» права на него. Лидии Дмитриевне пошлите мой самый душевный привет. Сомневаюсь, чтобы собрался с духом написать ей.

Искренно любящий вас друг

Ив. Гревс.

Жена шлет вам искренний поклон и добрые пожелания.

Удалось написать вам, воспользовавшись нездоровьем которое задержало дома в будничн<ый> день.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 37–40.

Возможно, ответ на п. 65, 66 и 67 Нельзя, однако, исключить и того, что Иванов писал из Афин не два раза, а более; также следует отметить, что хотя бы формальный ответ на п. 65 содержался в неизвестном письме Гревса от 7 октября 1901 г. (упомянуто в п. 66), следовательно, можно предположить, что существовало еще и неизвестное письмо Зиновьевой-Аннибал к Гревсу, написанное между октябрём 1901 г. и январем 1902 г.

Иванов отвечал на это письмо 13/26 февраля 1902 г. и 15/28 февраля 1902 г. (п. 69, 70).

¹ Скорее всего, речь идет не о новогоднем поздравлении (п. 67), слишком кратком и ритуальном, чтобы отвечать определениям Гревса, а о более раннем п. 66 или о еще одном, нам неизвестном.

² Следует предположить, что в неизвестных нам письмах 1899–1901 гг. неизбежно затрагивалось важнейшее событие в жизни Гревса за это время: отстранение его от преподавания в высшей школе из-за политической неблагонадежности. Отметим, что вопрос о политической неблагонадежности Гревса, кажется, неплохо документированный архивными источниками, заслуживает внимательного исследования.)

В феврале 1899 г. в ответ на запрет празднования 8 февраля — годовщины открытия Петербургского университета — и опубликование «Временных правил» внутреннего распорядка начались массовые волнения: студенческая забастовка, начавшись в Петербурге, постепенно охватила все высшие учебные заведения России. Выдвигавшиеся студентами требования академических свобод и университетской автономии встретили сочувствие у значительной части профессуры, и с первых же дней забастовки многие профессора под различными предлогами не являлись на лекции. И.М. Гревс (как и М.И. Ростовцев и Н.И. Кареев) отказались читать лекции, изложив причины своих действий в особых письмах. Строгое разбирательство в отношении студентов и курсисток не заставило себя долго ждать. А в отношении профессоров, отказавшихся читать лекции по принципиальным соображениям, — Гревса и Кареева — меры были приняты значительно позже, когда волнения были ликвидированы и студенты разехались на каникулы: предложение министра народного просвещения Боголепова об увольнении Гревса из университета и с Высших женских курсов было направлено для исполнения 24 июля 1899 г. (Санкт-Петербургские Высшие... С. 32–35; Человек с открытым сердцем. С. 266).

Эти драматические события происходили вскоре после смерти В.Г. Васильевского, явившего в Гревсе своего преемника по университетской кафедре, хотя тот не защитил еще и магистерской диссертации. В переписке С.Ф. Платонова с киевским профессором-медиевистом Николаем Михайловичем Бубновым (1853–1943), которого он считал достойным кандидатом на петербургскую кафедру, встречаются сообщения, проливающие свет на положение Гревса во всей его сложности, не исчерпывавшейся увольнением по политическим мотивам. 31 августа 1899 г. Платонов писал: «В нашем факультете много пустоты и ординатур, которые неизбежно заполнить поскорее. Выбыли и выбывают Васильевский, Кареев, И.Е. Троицкий, Ламанский... (Причина удаления Кареева не объяснена. Без объяснения причины удалены Гревс, Венгеров, Исаев...)». Днем позже, 1 сентября, он продолжал: «У нас свободны две кафедры истории — Васильевского и Кареева. На одной сидит Форстен, а на второй, может быть, Вы? <...> Преподавание в высших заведениях запрещено и Гревсу. Пропать свободных лекций...» И наконец, 9 сентября, видимо, в ответ на сомнения Н.М. Бубнова в этничности его возможного перехода, Платонов разъяснял: «Дело в том, что министр еще весною высказал официально к сведению нашего декана свое намерение не назначать на столичные кафедры магистров, Гревс уже тогда потерял возможность попасть в «исправляющие должность» по защите диссертации. Теперь же очевидно, его назначение немисливо вообще и кафедры Васильевского ему не выдать, как прошлогоднего снега. Самое большое что он будет возвращен в звание приват-доцента, и то не скоро. Таким образом, в моих глазах Вам путь на кафедру не был загорожен «свежим трупом» и Вы бы искали место не Гревса, а Васильевского» (цит. по: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930. М., 2003. С. 61, 62).

³ С другой стороны, в дневнике одной из бестужевки в связи с отстранением Гревса и Кареева от преподавания в высшей школе были сделаны чрезвычайно интересные записи, рисующие отношение слушательниц к этим профессорам:

Сегодня же узнала ошеломляющее известие: Кареев и Гревс ушли с курсов и из университета. Они в числе тех профессоров и приват-доцентов, которые «увольнены» задно, так сказать, со студентами после второй забастовки.

В Карееве мы теряем «меня», в Гревсе человека. Как человек, и как профессор даже. Кареев для нас был малозначителен: за все четыре года я не припомню ни одного случая, чтобы у нас с ним были оживленные отношения, чтобы ему аллодировали, как Гревсу. <...> Гревс наоборот: большая потеря для курсов, как незаменимо-умелый, одушевленный преподаватель, учитель науки и руководитель семинария. Магистрант, еще без всякого «имени» (да вряд ли он и составит его: он не отличается талантливостью), у нас он был уже значительным лицом: к своим лекциям и занятиям он относился всегда с большою энергиею и любовью; он стремился сблизиться с нами, сплотить нас в кружок, читая ежегодно вступительные речи о значении науки, которые жадно слушали не одни его слушателиныи второго курса, — все это придавало ему большое значение среди наших профессоров.

(Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой: 1886—1902. Литературные этюды. Стихотворения. Письма. Изд. 4, значит. доп. / Под ред. и с вступит. стат. А.А. Дьяконова. М., 1912. С. 468—469; ср.: Там же. С. 477, 485.)

Сам Гревс называл это увольнение «университетским крахом» (К истории моих научных работ. Л. 34 об.): подорвана оказалась главным образом его научная работа, тогда как средства к существованию семьи найти удалось с помощью преподавания в средней школе и особенно «отличных» частных уроков (см. выше, примеч. 4 к п. 63), так что «доход стал получать больше, чем прежде» (Человек с открытым сердцем. С. 254). В 1900 и 1901 гг. Гревсы всей семьей на лето ехали за границу: соответственно, в Италию и Саксонию (Там же. С. 272—273).

⁴ Ср. изложение позиции факультета в письме ректора Петербургского университета А.Х. Голямина (1848—1920) к С.Ф. Платонову, еще от сентября 1900 г..

В собрании историко-филологического факультета 18 сентября, в коем присутствовали все штатные профессора факультета и сверхштатный Ф.Ф. Соколов, происходило частным образом обсуждение вопроса о наиболее желательном и наилучшем замещении кафедр классической филологии и всеобщей истории. <...> Собрание высказалось против конкурсного порядка замещения должностей, так как предыдущие конкурсы не выдавали наиболее достойных, и так как лица, способные и достойные занятия этих кафедр, находятся в университете. В самом С.-Петербургском университете в среде его приват-доцентов давно известны факультету и признаны хорошими преподавателями... И.М. Гревс и Э.Д. Гримм по кафедре всеобщей истории... По кафедре всеобщей истории из двух названных лиц старшинство принадлежит И.М. Гревсу. Окончив курс нашего факультета в 1883 г., он был оставлен при университете покойным В.Г. Васильевским, который неизменно высказывал самое высокое мнение об эрудиции, таланте и нравственных свойствах И.М. Гревса. Он не скрывал, что видит в И.М. Гревсе своего преемника по университетской кафедре и, уступая своей болезни, передал именно Гревсу ведение общего курса средней истории и практических занятий со студентами. <...> Факультет соглашался с отзывами Васильевского о Гревсе, так как видел отличные качества его преподавания. Когда в 1899 г. Гревс был удален из состава приват-доцентов по причинам неизвестным факультету, и очевидно, находившимся вне области доступной наблюдению факультета, то это вызвало со стороны членов факультета серьезное сожаление и несколько попыток ходатайствовать о его возвращении в факультет, как полезного преподавателя. Когда, наконец, такие попытки увенчались успехом, и Гревс в настоящее время снова вошел в состав приват-доцентов, хотя и без жалования и без обязательных курсов занятий, члены факультета по-прежнему смотрят на него, как на заместителя покойного Васильевского, как бы завещанного им факультету в качестве преподавателя именно средней истории. Именно для вселения преподавания средней истории члены факультета и желали бы иметь Гревса в своей среде, считая его большой педагогической силой и широко образованным человеком. Очевидно, утверждение Гревса на кафедре, если оно совершится, может последовать лишь в виде назначения его исполняющим должность экстраординарного профессора, ибо Гревс еще не имеет степени доктора. Именно о таком назначении и ходатайствуют члены факультета. <...> Принимая во внимание заслуги Гревса перед факультетом в 1899 г. и следующих годах, памятуя о его способностях и знаниях, члены факультета находят справедливым ходатайствовать о его назначении на кафедру всеобщей истории.

(Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 276.) Дело, однако, шло медленно. Годом позже Платонов писал Бубнову: «Из новостей могу сообщить Вам, что идет дело о возвращении Гревса в Университет и что Гримм и Васильев печатают докторские работы» (28 октября 1901 г.); «Гримм уже представил докторскую, Туряев и Васильев печатают таковые; хлопочем об амнистии Гревса. Итого четыре лица на одну кафедру! Вот богатство, а кафедра все не занята» (30 ноября 1901 г., цит. по: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова. 1883—1930. С. 76, 78). Как знать, не был ли Гревс, защитивший в мае 1900 г. свою многострадальную магистерскую диссертацию, обязан своим все-таки состоявшимся назначением на кафедру (см. ниже, примеч. 5 к п. 74) в какой-то степени и предшествующему увольнению?

О Н.М. Бубнове ср. Переписка... II. С. 306, примеч. 7

⁵ См. ниже, примеч. 1 к п. 73.

⁶ В конце 1901 г. правительство стало вводить в высшей школе «Временные правила» внутреннего распорядка, что вызвало новые студенческие волнения. В феврале 1902 г. началась забастовка студентов Петербургского университета. 9 февраля собравшиеся в Народном доме учащиеся высшей школы пытались устроить митинг и массовую демонстрацию. Огромная демонстрация, собравшая около 30 тыс. студентов и рабочих под лозунгами требований политических свобод, состоялась 3 марта 1902 г. на Невском проспекте и на площади у Казанского собора. Протесты против введения «Временных правил» продолжались и в следующем, 1902/1903 учебном году (Санкт-Петербургские Высшие... С. 42–43).

⁷ Намечавшаяся экскурсия не состоялась (см. п. 74).

⁸ «Археологические прогулки» (франц.); в качестве образца этого любимого Гревсом, как поклонником Буассье (см. примеч. 25 к п. 5), жанра названа вышедшая в 1890 г. и многократно переиздававшаяся в последующие годы книга французского историка-византиста Шарля Дилиа (1859–1944) «Excursions archéologiques en Grèce» (в 1897 г. появилось четвертое издание).

⁹ «В Средиземноморье» (франц.). Имеется в виду книга: *Diehl Ch. En Méditerranée. Promenades d'Histoire et d'Art. Paris, 1901.*

¹⁰ Речь идет о первой книге стихотворений Вячеслава Иванова «Кормчие звезды». Она была начата набором в Петербурге в 1900 г., но настойчивая работа поэта над текстом в корректурах (ср. п. 65) привела к тому, что сборник увидел свет только в начале 1903 г. Гревс был причастен к ведению корректур сборника (см. п. 64); говоря «в прошлом году», Гревс, по всей вероятности, имеет в виду не реальный прошлый 1901 г., а конец предшествовавшего ему 1900-го.

¹¹ См. п. 65.

¹² Сохранив и первое посвящение (в книге Гревсу надписан цикл «Парижские эпиграммы», составляющий самостоятельный раздел сборника), Иванов исполнил просьбу друга: посвятил ему «древнеримское», что важно при его ассоциации с именем Гревса, стихотворение в цикле «Итальянские сонеты». Приводим его здесь полностью.

Speculum Dianae

Ивану Михайловичу Гревсу

Вот зеркало Дианы. Тесно крут
Магический дубрав и пастбищ горных
Сомкнул свой плен над чащей вод озерных.
Богиня здесь, в нагой толпе подруг,

Купается, иль бегом ног проворных,
Играючи, днесьветный топчет луг,
Иль лань спугнув, меж кипарисов черных,
Лук емлет свой и напрягает тут;

Иль, загрузив над серебром пучины
Глухих морей, придет сюда, клоня
Над влагой лик божественной кручины.

И рано здесь жар остывает дня;
И Рима дщерь смолистые лучины
Сюда несет обетного огня.

(СС I. 619)

В авторском примечании к стихотворению указывается, что *Speculum Dianae* (Зеркало Дианы) — древнее название озера Неми близ Рима (Serv. Aen. VII, 515). Там сосредоточивался культ Дианы Ариинской (*Nemorensis*) и в Августовские Иды совершался обряд, о котором упоминают последние стихи» (СС I. 860).

¹³ «Парижские эпиграммы» написаны в 1891 г. и, вероятно, были первыми поэтическими произведениями Иванова, с которыми познакомился Гревс. Русский либерал-западник не готов был разделить ивановскую насмешку над ценностями европейской демократии. Например:

Iura vivorum

«Братство, Равенство, Свобода»

Гордо блещут с арки входа.

— «Что за мрачные дома?»

«Наша, сударь, здесь тюрьма».

(СС I. 628)

Iura vivogit — права живых (лат.). — «и фразы, фразы, фразы...» стихотворения, которое можно было бы олознять по приводимым Гревсом словам, в сборнике, увидевшем свет, нет.

69. Иванов — Гревсу

13/26 февраля 1902 г. Афины

26/13.II.<1902.>

Дорогой друг Иван Михайлович, два слова в ресторане! Испытал только что огромную радость, получив ваше письмо, дышащее старой дружбой и принесшее мне добрые вести, радостные надежды! Будущее θεὸν ἐν ὑοῦνασι κεῖται¹ но планы наши таковы: к половине мая (нов.<ого> ст.<или>), когда окончатся археологические giti, придет ко мне Л.<идия> Д.<митриевна>, проведя Пасху с семьей, и мы останемся в Греции, где вместе сделаем и экскурсии, приблизительно до половины [или конца] июня. Как видите, эти замыслы превосходно гармонируют с вашими, для меня было бы величайшей радостью увидеться здесь с вами, но т.к. вы хотите видеть во мне и "периегета", то, пожалуйста, скорее сообщите подробности предполагаемой экскурсии, ее программу, приблизительную продолжительность и объем. Скоро напишу много.

Ваш Вяч. Иванов.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 107.

Открытка получена в Петербурге 22.II.1902 (почт. шт.).

Ответ на п. 68 (см. также п. 70). Гревс на это письмо, по-видимому, не отвечал; см. п. 72 и 73, а также п. 74.

¹ Покоится в воле богов (греч.). См. примеч. 1 к п. 15.

² От древнегреч. *περιηγητής* — проводник, гид.

70. Иванов — Гревсу

15/28 февраля 1902 г. Афины

28/15.II.<1902.>

Дорогой друг Иван Михайлович!

Библиографию указать затрудняюсь. Да и нет, насколько мне известно, ничего сводного и «Darstellendes»¹ за последнее десятилетие. Характеристично, что статья «Athen» у Pauly Wissowa (посмотрите Antika, Delphi...) отложена на неопределенное время (в 1896 г., когда еще не был раскопан западный склон Акрополя)² Все здесь еще im Werden!³ Для Афин нерв топографии работы Дерпфельда (преимущественно) в Mittheilungen⁴, книгу о театре его и Reich's'a⁵ вы знаете) и полемика с ним в разных журналах⁶ Зато в 1901 г. вышло переработанное издание *Arch Athenarum a Pausania descripta ediderunt O. Jahn et Michaelis*, с планами и рисунками: но это только свод текстов и материалов, в освещении новейших археологических открытий⁷ Удобной «Stadigeschichte» Куршиуса пользуйтесь осторожно, особенно относительно древнейшей поры и исходных данных топографии⁸ Рекомендую, если не побойтесь с непривычки английского чтения, «J. Harrison Mythology and

¹ Вы знаете, что я мало способен к этому! (примеч. Иванова).

Monuments of ancient Athens, Lond. <on>, 1890» (отчасти, конечно, и эта книжка устареела). Она компилятивна, немного односторонняя, но научна; страдает длиннотами. Прочтите, если не читали, v. *Wilamovitz-Möllendorf Aus Kydathen* (Philol. <ogische> Unters. <uchungen> I Heft) работа 80⁺ годов⁹

Ваш Вяч. Изв.

Надеюсь, что первая картолина¹⁰ получена. Передайте мое почтение и привет уважаемой Марии Сергеевне.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 108.

Открытка получена в Петербурге 22.II.1902 (почт. шт.).

Ответ на п. 68 (см. также п. 69). Гревс на это письмо, по-видимому, не отвечал; см. п. 73 и 74.

¹ «Давущее представление» (нем.).

² Раздел, посвященный топографии Афин в фундаментальной энциклопедии классических древностей Паули—Виссоны (RE. Bd. II B. Stuttgart, 1896. Sp. 2021), носил предварительный характер. Развернутые статьи на эту тему были опубликованы в последующие годы в дополнительных томах: *Wachsmuth C. Athenai* // RE. Supplbd. I. Stuttgart, 1903. Sp. 159–219; *Papastavrou J. Athenai: A. Geschichte* // RE. Supplbd. X. Stuttgart, 1965. Sp. 48–89; *Zschietzmann W. Athenai: B. Topographie* // RE. Supplbd. XIII. München, 1973. Sp. 56–140. Похожей была и ситуация с топографией Дельфы: первоначальная статья (*Hiller von Gaertringen F. Delphoi* // RE. Bd. IV Stuttgart, 1901. Sp. 2700 ff.) и позднейшие дополнения к ней (*Pomtow H. Delphoi: Die Topographie (erste Hälfte)* // RE. Supplbd. IV Stuttgart, 1924. Sp. 1189–1432; *Schober F. Delphoi: Die Topographie (2. Hälfte)* // RE. Supplbd. V Stuttgart, 1931. Sp. 61–152).

³ В становлении (нем.).

⁴ Речь идет о следующих статьях и заметках В. Дёрпфельда (см. примеч. 5 к п. 65), опубликованных в «Сообщениях» афинского отделения Германского археологического института: *Dörpfeld W. Die Propyläen der Akropolis von Athen. I–II* // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Athenische Abteilung); далее MDAI(A). Bd. X. 1885. S. 38–56; 131–144; *Idem. Das choragische Monument des Nikias* // Ibid. S. 219–230; *Idem. Der alte Athena-Tempel auf der Akropolis zu Athen* // Ibid. S. 275–277; *Idem. Der alte Athenatempel auf der Akropolis* // MDAI(A). Bd. XI. 1886. S. 337–351; *Idem. Ueber die Ausgrabungen auf der Akropolis* // Ibid. S. 162–169; *Idem. Der alte Athenatempel auf der Akropolis. II, III* // MDAI(A). Bd. XII. 1887. S. 25–61, 190–211, 276; *Idem. Die Stoa des Eumenes in Athen* // MDAI(A). Bd. XIII. 1888. S. 100–102; *Idem. Der Eridanos* // Ibid. S. 211–220; *Idem. Zum choregischen Monumente des Nikias* // MDAI(A). Bd. XIV. 1889. S. 63–66; *Idem. Chalkothek und Ergane-Tempel* // Ibid. S. 305–313; *Idem. Der alte Athena-Tempel auf der Akropolis. IV* // MDAI(A). Bd. XV. 1890. S. 420–439; *Idem. Der ältere Parthenon* // MDAI(A). Bd. XVII. 1892. S. 158–189; *Idem. Die verschiedenen Odeien in Athen* // Ibid. S. 252–260; *Idem. Die Ausgrabungen an der Enneakrunos* // Ibid. S. 439–445; *Idem. Die Ausgrabungen an der Enneakrunos. II* // MDAI(A). Bd. XIX. 1894. S. 143–151; *Idem. Die Ausgrabungen am Westabhang der Akropolis. I* // Ibid. S. 496–509; *Idem. Die Ausgrabungen am Westabhang der Akropolis. II. Das Lenaion oder Dionysion in den Limnai* // MDAI(A). Bd. XX. 1895. S. 161–206; *Idem. Lenaion* // Ibid. S. 368–370; *Idem. Der Athena-Tempel auf der Akropolis. V* // MDAI(A). Bd. XXII. 1897. S. 159–178.

Кроме того, в этом же издании печатались и многочисленные хроникальные заметки с отчетами о находках, сделанных в ходе раскопок, проводившихся Германским археологическим институтом как в Афинах, так и в других греческих центрах.

⁵ *Dörpfeld W., Reisch E. Das griechische Theater: Beiträge zur Geschichte des Dionysos-Theaters in Athen und anderer Theater / Mit XII Tafeln und 99 Abbildungen im Text. Athen, 1896.*

⁶ Например, см.: *Petersen E. Der alte Athenatempel auf der Akropolis* // MDAI(A). Bd. XII. 1887. S. 62–72; *Frazer J.G. The Pre-Persian Temple on the Acropolis* // Journal of Hellenic Studies; далее — JHS. Vol. XIII. 1892/93. P. 153–187; *Fowler H.N. The temple on the Acropolis burnt by the Persians* // American Journal of Archaeology; далее — AJA. Vol. VIII. 1893. Fasc. 1. P. 1–17; *Miller W. A History of the Akropolis of Athens* // AJA. Vol. VIII. 1893. Fasc. 4. P. 473–556; *Penrose F.C. On the Ancient Hecatompedon which occupied the site of the Parthenon* // JHS. Vol. XII. 1891. P. 275–297; Vol. XIII. 1892/93. P. 32–47; *White J.W. The Opisthodomus on the Acropolis at Athens* // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. VI. 1895. P. 1–53; *Koepf F. Die Herstellung der Tempel nach den Perserkriegen* // Jahrbuch des (Kaiserlich) Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. V. 1890. S. 268–278; *Milchhöfer A. Ὀπισθοδόμος* // Philologus. 1894. S. 352–361; *Dümmler F. Athena* // RE. Bd. II. Stuttgart, 1896. Sp. 1952; *Furtwängler A. Meisterwerke der griechischen Plastik. Leipzig; Berlin, 1893. S. 155 f., 743; idem. Masterpieces of Greek Sculpture / Ed. by Eugénie Sellers. London, 1895.*

⁷ [Jahn O., Michaelis A.] *Arx Athenarum a Pausania descripta / In usum scholarum ediderunt Otto Jahn et Adolfus Michaelis. Editio tertia actis artis et fasciculo tabularum aucta. Bonnac, 1901.*

⁸ Речь идет о книге: *Curtius E. Stadtgeschichte von Athen. Berlin, 1891.*

⁹ Имеется в виду сборник очерков, посвященных истории Афин: *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Aus Kydaten. Berlin, 1880 (Philologische Untersuchungen / Hrsg. von A. Kiessling und U. v. Wilamowitz-Moellendorf. Bd. I).*

¹⁰ От итал. *carolina* <почтовая> карточка. Речь идет о п. 69.

71. Иванов — Гревсу

24 марта / 6 апреля 1902. Афины

6 апр.<еля> / 24 марта <19>02.

Дорогой друг Иван Михайлович,

Прошу вас убедительно: немедленно сообщить мне, приедете ли вы или нет, когда, на сколько времени, по адресу Германική 'Αρχαιολογική Σχολή, 1, δδός Φειδίου*. Боюсь, что обстоятельства могут так сложиться, что мне трудно будет остаться так долго в Греции. Ваше извещение мне необходимо теперь же для соображений.

Ваш В.И.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 109.

Открытка получена в Петербурге 3.IV 1902 (почт. шт.).

Гревс на это письмо, по-видимому, не отвечал; см. п. 73 и 74.

72. Иванов — Гревсу

16/29 апреля 1902 г. Шатлен

Villa Java, Châtelaine,
près Genève.

29/16 апр.<еля> 1902.

Дорогой друг Иван Михайлович,

Иначе распорядилась судьба, чем мы предполагали, и нашему свиданию в Афинах не дано осуществиться. Поедете ли вы в Грецию? Ответа от вас на свои запросы (два откр.<ытых> письма) из Афин не имею! Если да, боюсь, что огорчил вас своим непредвиденным возвращением в Женеву. Уверен, конечно, что моя помощь была бы вам вовсе несущественной и сводилась бы, главным образом, на облегчение чисто внешней ориентировки на новых местах; тем не менее, мне грустно не только, что не увижу вас, но и что не смогу, как мечталось было, служить вам по мере сил в таком дорогом и милым мне деле. Что делать? Так сложились внешние обстоятельства и, в особенности, мое внутреннее настроение. Ведь посудите сами я отказался от археологических *girl*, в последнюю минуту!! Заболел одиночеством, не смог дольше ломать себя отложил выезд милой страны на неопределенное будущее, довольствуясь скромными результатами сделанного и радуясь, что Греция стала мне отныне доступнее, благодаря ознакомлению с жизнью, людьми и языком (я занимался новогреческим и с учителем). Проект же приезда Лидии Дмитриевны в Грецию оказался неудобным для исполнения по разным соображениям. Так, дорогой друг, не удалось мне дожидаться вас. Если будете в Афинах, можете обратиться к

* Для телеграмм адрес: *Ivanov Institut Allemand Athènes (примеч. Иванова).*

Р.Х. Леперу¹ (δδος Σχοιφά, 34 или 38? адрес в Институте). Я знаком *через участие в практич.<еских> занятиях* по эпиграфике с секрет.<арем> австр.<ийского> Инст.<итута> Dr. Wilhelm¹, а Лепер и близко с ним знаком молодой и поздравляющий человек (говорит и по-французски); но невозможно просить его *показать* Афины! Если хотите, познакомлю вас с Dr. Kolbe¹ молодой стипендиат Герм.<анского> Инст.<итута>, историк-эпиграфист; по-франц.<узски>, думаю, не говорит. До свидания пока, дорогой друг. Напишите, прошу вас, сразу. Приветствую и поздравляю с праздником вас, вашу супругу и семью. Лидия Дм.<итриевна> присоединяется ко мне в горячем приветстве. Все вести газетные имеют-таки тревожный характер! Как идут ваши дела. Боюсь, что новые перемены для вас неблагоприятны¹

Обнимаю.

Вяч. Иванов.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 110–111.

Гревс на это письмо, по-видимому, не отвечал; ср. п. 74.

¹ Речь идет, по-видимому, не о двух, а о трех письмах (п. 69–71): открытках от 13/26 и 15/28 февраля (возможно, мыслившихся как единое письмо) и от 24 марта / 6 апреля 1902 г.

² Роберт Христофорович Лепер (1865–1918) — ученый секретарь Русского Археологического института в Константинополе в 1901–1908 гг. С 1890 г. около четырех лет Лепер находился в заграничной командировке: прежде всего, в Греции, где занимался эпиграфикой, топографией и историей Афин (см.: Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт... С. 97–101). В 1893 г. он изучал топографию Италии, стремясь по архаическим пластам Лациума и Рима выявить аналогии к древнейшим греческим поселениям (Кукина И.В. В.К. Эрнштедт: Обзор переписки с учеными и современниками // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 397). Тогда он и познакомился с Ивановым; ср. в письме последнего к Сперанскому от 13/25 апреля 1893 г.: «Вчера были у нас в первый раз Леперы муж, жена и сын — езжие из Греции. Лепер университетский товарищ Крашенинникова, который прощается и Вам кланяется» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 15 об.). 15/27 марта 1895 г. Крашенинников писал Иванову из Петербурга: «Не помню, писал ли и Вам в предыдущем письме, что побывал у Леперов: они Вам кланяются и с удовольствием вспоминают римские вечера, которые проводили у Вас» (РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 103. Л. 12; см. также Л. 35 об.).

Для реконструкции атмосферы, в которой оказался Иванов в Афинах, интересно письмо Лепера к В.К. Эрнштедту, написанное 3 апреля 1901 г..

Радостно было побывать опять в Афинах. Как мало за 9 лет изменились люди: Дерпфельд, Дефнер, Кавпадия, другие эфры несколько не постарели, М^т Дерпф.<ельд> даже помолодел; Дефнер очень о вас осведомлялся. Город сильно украшается и прогрессирует больше нашего Петербурга, разводят сады и бульвары, выпрямляют настойчиво улицы в окраинных частях, провели новые линии конок. Пальмы в садах значительно выросли, так что теперь много видно больших прекрасных пальм. Никакой ни бедности, ни упадка или застоя вследствие войны не заметно. Музеи у них чудно устроятся; подправляют и древние здания: Парфенон, стены акрополя, перибол Олимпийского Зенса. <...> Освежает окупаться в волны деятельной научной работы и интереса, которые здесь в Афинах сразу захватывают. Тут я живо понял и почувствовал, как может быть полезна археолог.<ическая> школа здесь особенно для молодых людей. Это живое общение с людьми науки, деятельное соревнование нескольких школ, единственное, я думаю, в мире место, где и постоянно бывает, и надеждет столько ученых нашей специальности, не теряясь среди публики разнохарактерной, а, напротив, стоя на виду, на первом плане. Кроме немцев, теперь и австрийцы посылают своих Gymnasiallehrer на I семестр в Ит.<алию> и Грец.<ию> и для них специально сущ.<ествует> отделение австр.<ийского> Инст.<итута> с библиот.<екой>, секретарем. <...> В поездках Дерпф.<ельда> принимает участие много ученых.

(ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ед. хр. 124. Л. 74 об.—75 об.) Дефнер в архиве Эрнштедта хранится рукопись его рецензии на первый выпуск подготовленного Дефнером издания Archiv für mittel- und neugriechische Philologie, herausgegeben von Dr. Michael Defner, Bibliothekar und Dozent der Linguistik. Band I. Heft 1–2. Athens, 1880 (см.: Кукина И.В. В.К. Эрнштедт: обзор научного рукописного наследия // РИВВ. С. 104). эфры в древней Спарте коллегия из пяти должностных лиц, наделенных судебными и постепенно расширявшимися контрольными полномочиями: в Афинах такая должность была введена после 405 г. до н.э. Gymnasiallehrer — гимназические учителя (нем.).

³ Адольф Вильгельм (Adolf Wilhelm; 1864–1950) — эпиграфист, с 1898 г. секретарь Австрийского археологического института в Афинах, в 1905–1933 гг. профессор классической филологии в университете Вены. Ср. в автобиографической справке Иванова: «С весны 1902 до весны

1903 г. я жил в Афинах, изучал топографию, музеи, надписи по камням (под руководством Дерпфельда и Вильгельма)» (*Иванов Вяч. Cuticulum vitae*. С. 190; в датировке ошибка памяти).

⁴ Скорее всего, имеется в виду эпиграфист, в будущем издатель одного из выпусков свода греческих надписей; ср.: *Inscriptiones Graecae. Vol. V Fasc. 1. Inscriptiones Laconiae et Messeniae* / Ed. W. Kolbe. Berlin, 1913.

⁵ Ср. примеч. 5 к п. 68.

73. Иванов — Гревсу

14/27 октября 1902 г. Шатлен

Villa Java, Châtelaine,
près Genève.

14/27 окт <ября> 1902.

Дорогой друг Иван Михайлович!

Вести о Вас доносятся до меня, обходом, — добрые и радостные. Итак, Вы получили профессию в Политехникуме и опять читаете на Курсах и в Университете?¹ Положение Ваше консолидировалось, и силы Ваши снова нашли нормальный простор для плодотворной деятельности? Поздравляю, дорогой друг, и радуюсь всем личным пристрастием дружбы и всею приверженностью интересам общего дела.

Сердитесь ли Вы на меня, или мне упрекать Вас за то, что Вы ко мне «kühl bis ans Herz hinan!»² На мои извещения о невозможности дожидаться Вас в Греции Вы не отвечали. Невозможность же эта была действительно *une force majeure*³ — недаром же я отступил от *giro*!⁴ Нигде за границей не напомнили Вам обо мне Ваши вожатые Музы, были ли Вы в Греции?⁵ И проезжали ли через классический *Mâcon*?⁶ И тогда.....

С нетерпением жду близкого дня, когда пошлю Вам

lepidum novum libellum,
arido modo pumice expolitum⁷

свою, ныне уже отпечатанную, книжку, которая с Вами, кажется, *заговорила*...⁸

Покровительство, которое Вы ей оказывали и еще, во имя дружбы и общих Муз, окажете, да выразится в настоящий момент исполнением следующей моей просьбы.

Вл.С. Соловьев убеждал меня представить сборник в Академию на соискание Пушкинской премии. Я бы решился на это, если бы присуждение премии предстояло этой зимой и если бы знал срок и формальности представления книги, как и общие условия соискания. Вы бы очень одолжили меня, осведомив об этом *теперь же*⁹ Разумеется *une certaine discrétion est indiquée*...¹⁰

Обнимаю Вас, дорогой Иван Михайлович! Очень хочу иметь Ваши строчки. Быть может, еще буду *ὁπ' ἀνάγκης*¹¹ беспокоить Вас какими-нибудь просьбами, касающимися издания. Л.<идия> Д.<митриевна> горячо приветствует Вас, и мы оба Вашу супругу Оба мы полны планов и оба захвачены делом. Сидим смирно дома все лето, но недавно сделали поездку в бернский оберланд¹² с Верой¹³ на 10 дней. Будьте здоровы с семьей.

Ваш Вяч. Иванов.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 112–113.

Гревс отвечал на это письмо 21–27 октября 1902 г. (п. 74).

¹ 6 июля 1902 г. Гревс был назначен экстраординарным профессором С.-Петербургского Политехнического института по кафедре истории. 8 июля того же года вновь зачислен с осени приват-доцентом университета (соответствующие документы см.: Человек с открытым сердцем. С. 270, 277).

Источник сведений Иванова нам неизвестен. Еще 16 сентября 1901 г. Гревс, остро переживавший изгнание из университета, писал своему доброму знакомому, историку М.А. Дьяконову: «Университетского своего вопроса как-то не хочется поднимать, когда все так неопределенно. Есть слух, что меня пригласят в Политехникум, читать историю на “экономическом” факультете, но еще не знаю, обратятся ли они в факт. Теперь же опять втянулся в преподавание, нахожусь в нем известное удовольствие, но постоянно сердце болит по науке» (Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Ед. хр. 278–283. Л. 7 об.).

² «До глубины души холодны» (нем.). Строка из баллады Гете «Рыбак» (1779): «душа полна [Прохладной тишиной]» (пер. В.А. Жуковского).

³ Непреодолимая сила (франц.).

⁴ Поездка, экскурсия (итал.). См. п. 69 и примеч. 4 к п. 66.

⁵ Экскурсия в Грецию под руководством Гревса не состоялась; см. п. 74.

⁶ *Маком* — город во Франции на юге Бургундии, на берегу Соны, расположенный на пути в Швейцарию и Италию — примерно на широте Женевы.

⁷ Начальные строки посвященного стихотворения Гая Валерия Катутла к прижизненному сборнику его стихов, с опущением двух первых слов (*Cui dono...*): «<Для кого> мой нарядный новый сборник, [Пемзой жесткою только что оттертый?]>» (пер. С.В. Шервинского).

⁸ Речь идет о книге Иванова «Кормчие звезды»; см. примеч. 9 к п. 68.

⁹ Здесь мы должны коснуться неизвестного факта из литературной биографии Иванова. Долгое затворничество в Европе, изоляция от русской культурной жизни привели к тому, что Иванов оказался не вполне осведомленным в групповых размежеваниях русских литераторов и нечувствительным к вкусовым и поведенческим последствиям этих размежеваний. Академическая Пушкинская премия для модернистов представлялась атрибутом рутинной культуры именно в силу глубокого раскола литературно-художественного мира. Еще в 1890-е гг. это был общепризнанный институт, откуда сотрудничество в конкурсных жюри Вл. Соловьева и его советы Иванову при первом знакомстве. Ср. в письме Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 9/21 октября 1895 г., из Петербурга: «Сегодня жена представила меня Вл. Соловьеву. <...> Расспрашивал о моих карьерных делах. Надежду на академическую премию (выдают целую в 1000 р. и, чаще, половинную в 500 р.) можно иметь потому, что, “почти поэтического таланта”, при рассмотрении моего сборника оценят то, что я человек “очень образованный”; за почетный отзыв он во всяком случае ручается, а если бы “per impossible” остался и без отзыва — то все равно ничего бы не потерял, так как не удостоенные отзывы книги остаются неназванными публично» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 9 об.—10).

Иванов в январе 1904 г. подал «Кормчие звезды» на Пушкинскую премию 1905 г. и оказался соперником Вл. Гиляровского (Забывая тетрадь. М., 1901), И. Гриневской (Стихотворения. СПб., 1904; Баб. СПб., 1903), В.В. Уманова-Кашуновского (Славянская муза. СПб., 1904), О.Н. Чюмина (перевод «Божественной комедии» Данте) и других писателей, бесконечно чуждых пафосу модернизма и несопоставимых с Ивановым по глубине и силе дарования. Лауреатами конкурса стали в 1905 г. М.А. Лохницкая (рецензентом ее сочинений был К.Р.), О.Н. Чюмина (рец. Д.К. Петров); В.С. Лихачев (перевод шекспировского «Эдуарда III», рец. А.Н. Гиляров) и Е. Милицын (рец. Н.П. Кондаков). Ивановская книга получила уничижительный отзыв П.И. Вейнберга. См. дело Отделения русского языка и словесности ИАН «О шестнадцатом присуждении премии имени А.С. Пушкина в 1905 году» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 17). Подробнее см. в специальной публикации Н.В. Котрелова (готовится к печати).

¹⁰ Рекомендуются известная скрытность (франц.).

¹¹ По необходимости (греч.).

¹² Бернские Альпы, горная часть кантона Берн.

¹³ В.К. Шварсалам, дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

74. Гревс — Иванову

21 27 октября / 3–9 ноября 1902 г. Петербург

СПБ. 21 окт. <ября> 1902.
Каменноостровск. <ий> пр. 24.

Дорогой друг мой Вячеслав Иванович,

Припишите долгое молчание мое не каким-нибудь худым чувствам, а худым свойствам характера, которые вместе с хлопотливою жизнью и некоторою те-

перь уже хроническое нервное утомлением, которые все вместе часто мешают мне делать то, что нужно и что хочется сделать, но на выполнение чего не давит строгое требование настоящего дня. Не писал я Вам и поступал, разумеется, нехорошо; но дружба моя к Вам и сознание многих духовных нитей, которые нас связывают, несмотря на различие многих основ мировоззрения и душевного склада, живут во мне с неослабевающей силой. Посылаю же Вам одушевленный привет старой симпатии, скрепленной столькими и радостными, и тяжелыми жизненными встречами, столькими вместе пережитыми важными впечатлениями. Я не поэт, но любовь к поэзии живет в моем сердце, и эта-то любовь, признающая в вас поэта, направляет к Вам горячее поздравление и пожелание доброго пути первой вестнице вашего таланта — вашей родившейся книжке. Я с радостью выполняю все касающиеся ее Ваши поручения. Об условиях и сроках конкурса на пушк. <инскую> премию спрошу сегодня же у Лаппо-Данилевского, сохраняя требуемую Вами discrétion, и немедленно сообщу вам результаты!

В Греции я не был (экскурсия расстроилась), но какое же я имел бы право и основание на Вас сердиться? Я только жалею за Вас, что Вы сами отказались от такого интересного года². Летом за границу никуда не попал: должен был остаться здесь и следить за довершением своего «благополучия», т.е. за последними (не беспрепятственными) перипетиями своего возвращения в высшие учебные заведения. Чувствую подъем духа, который однако задерживается созерцанием не особенно светлых горизонтов унив. <ерситетской> жизни³. В Политехникуме (вы сами поймете) чувствую себя не особенно хорошо: ведь студенты нашего экономического отделения там не будут выходить историками, а работа с «учениками» — самая ценная сторона профессорской деятельности. С радостью заменил бы этот технический университет университетом научным⁴. Надежды на это есть: факультет (ист. <орико>-фил. <ологический> С <анкт>-П <етер>Б <ургского> ун. <иверситета>) выбрал меня в профессора среди <ей> истории дело за утверждением Министра⁵. — Надеюсь теперь возвратиться к своим трудам по землевладению. Думаю теперь организовать свой следующий труд как аграрную историю *Италии* во время империи. Что вы на это скажете? Это «сосредоточеннее», чем обозрение всего римского мира, достижимее, и все же можно сказать не мало интересного, а для последнего периода, думаю, и нового⁶. Злокозненный Гиршфельд подсек целую массу моего труда, напечатав (в «Beiträge zur alten Geschichte») обзор императорского землевладения в Италии и провинциях⁷. Многого, тогда мною впервые собранное, перешло теперь в его собственность (ius primi publicantis!⁸) — не уверен, впрочем, что так можно сказать на хорошей латыни. Говорю конфиденциально по пришедшей фантазии вам, знающему о том, какой я плохой филолог).

27 окт. <ября>

Письмо не окончил в тот день, когда присел за него. Теперь могу сказать, что сроки конкурса на Пушкинскую премию для Вас неблагоприятны. Первый срок для подачи сочинений наступит лишь в январе 1904 года, как мне сообщили⁹.

До свидания, Вяч. <слав> Иванович! Какие Ваши дальнейшие планы передвижений? Или Вы намерены и в наступающую зиму остаться около Женевы? Что нового в Вашей работе научной и поэтической? Все это мне чрезвычайно интересно знать. Будете ли вы в России? Сам я твердо надеюсь попасть на Запад летом; не знаю еще только, куда. Хорошо бы повидаться. Обнимаю Вас и посылаю Лидии Дмитриевне и всей семье Вашей привет от всех нас. Пожираем мы в общем благополучно: дети растут, мы стареемся, хотя, признаться, чувствую я себя, по-прежнему, молодым и, если бы попал на год в Рим или во Флоренцию, которую теперь особ. <енно> полюбил и узнал¹⁰, то ощущал бы себя совсем <енно> как 11 лет тому назад с добавлением в свою пользу, что понимал бы многое лучше и чувствовал бы глубже. — Напишите побольше о себе.

Ваш друг *Ив. Гревс*.